

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ по ВОЛГѢ

1898 г.

(отъ Твери до Астрахани)

Г. П. Демьянова.
Г. Р. Демьянов.

ИЗДАНИЕ 4-ое М. В. КЛЮКИНА,

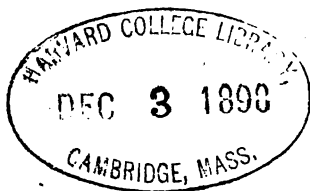
комиссіонера Императорской Академіи Наукъ.

Нижній-Новгородъ.
Типографія Губернскаго Правленія.

1898.

Star 5070.3
Star 73.98.2

Dr. A. G. Cortledge

Дозволено цензурою. Москва, 14 января 1898 года.

НА ВОЛГѢ.

Ты удивленъ, что я приросъ
На Волгѣ: цѣлый часъ стою...
Я вспомнилъ молодость мою....

.....
Я росъ, какъ многіе, въ глуши,
У береговъ большой рѣки....

.....
О, Волга! послѣ многихъ лѣтъ
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Ужъ я не тотъ, но ты свѣтла
И величава, какъ была....

О, Волга!.... колыбель моя!
Любилъ-ли кто тебя, какъ я?
Одинъ по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мѣрѣ спитъ
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ....

.....
Тогда я думать былъ готовъ,
Что не уйду я никогда
Съ песчаныхъ этихъ береговъ,
И не ушелъ бы никуда,
Когда бъ

.....
Нигдѣ не дышется вольный,
Родныхъ луговъ, родныхъ полей,
И той же пѣсенкою волнъ,
Былъ говоръ этихъ милыхъ поплъ.

* * *

Выйдешь на берегъ покатый,
Къ русской великой рѣкѣ—
Свищетъ куликъ вороватый,
Тысячи лапъ на песокъ
Барку ведутъ бичевою....
Чу, бурлаковъ голоса!
Ровная гладь за рѣкою—
Нивы, покосы, лѣса,
Двѣ-три усадьбы дворянскихъ,
Двадцать Господнихъ церквей,
Сто деревенекъ крестьянскихъ,
Какъ на ладони, на ней!

Некрасовъ.

ОПЯТЬ НА ВОЛГѢ!...

Вома!... родная! красавица! мать!...
Кончились годы печальной разлуки:
Волны твои я увидѣлъ опять,
Страстно къ тебѣ простираю я руки.
Смѣлю вступаю на берегъ родной.
Вома, прими ты усталаго сына,
Раны мои ты, родная, омой,—
Раны и скорби дала мнѣ чужбина,—
Ты—дай больному желанный покой!

.

.

Вома родная ключемъ животворнымъ
Скорбь и недуги мои исцѣлитъ,
Твердою волею грудь укрѣпитъ.
Здѣсь моя жгучая боль утихаетъ,
Легче на сердце и силы бодрѣй;
Грудь утомленная жадно вдыхаетъ
Сладостный воздухъ родимыхъ полей,
Вижу картины родимой природы,
Слышу волны я знакомой прибой...

Нужнаго дѣтства счастливые годы
Въ памяти вдругъ пронеслись чередой.

.....
Вспомнилось мнѣ, какъ ребенкомъ, бывало,
Здѣсь, подъ юрой, у рѣки я игралъ,
Няня мнѣ волжскія пѣсни пѣвала,
Вторилъ ворчливо ей пѣнистый валъ....
Пѣснямъ отвати и удали страстной
Чутко внималъ мой младенческій умъ,—
Мною тревоги пустой и напрасной,
Мною юрющихъ, ребяческихъ думъ
Вызвали пѣсни тѣ—бредилъ я домо
Разинымъ Стенькой, персидской княжной...
Чудилось мнѣ на яву: вверхъ по Волгѣ
Шайка „удалыхъ“ на лодкѣ косной,
Крытой сукномъ дорожмъ и парчюю,
Съ громкими пѣснями быстро плыветъ:
Вмѣстѣ съ добычей, съ казною златою,
Разинъ красавицу въ жены везетъ.
Броситься былъ я готовъ на злодѣя...
Плѣнницу вырвать.... и съ нею бѣжать
Въ степь далеко-далеко, идъ, синья,
Скрылась въ туманъ просторная гладь.

.....
Вома! я здѣсь предъ тобой, съ покаяньемъ,
Исповѣдь сердца тебѣ приношу....

А. Луговой.

Изъ „Картинъ Поволжья“.

I.

Какая ширь, какая даль!...
Не потому-ль, не оттого-ли
Такъ жадно проситъ сердце воли
И такъ томитъ его печаль?!

Вотъ такъ и кинулся бы птицей
Туда—за дальній круизоръ,
Гдѣ въ безднахъ неба тонетъ взоръ—
Надъ Волюй, русскихъ рѣкъ царицей.

Нѣтъ! это чувство—не печаль:
Съ нимъ повстрѣчался я впервые....
Привѣтъ тебѣ, родная даль!
Тебѣ—могучая стихія!...

II.

Котловины между горъ—что чаши,
Зеленымъ-виномъ налитыя съ краями....
Гдѣ мѣста привольнѣе и краше!
Что красой сравнится съ Желудями!

Высоко взобрались на шиханы
Темныхъ сосенъ траурныя гривы;
Низко-низко на берегу песчаный
Плещутъ волнъ, тѣвучихъ волнъ приливы.

По буирамъ разросся мѣсъ дремучий,
По-надъ лѣсомъ—гребни да утесы,—
Каждый разъ, надъ ними встрѣтятся съ тучей,
Вѣтеръ ей объ нихъ расчесетъ косы:

Словно хмѣльный—ходитъ Желудями;
А онъ—все выше да все краше!
Ходитъ вѣтеръ валкими шагами,—
Ходитъ онъ отъ чаши къ новой чашѣ,
Зеленымъ-виномъ напоенной съ краями....

III.

Цѣлый городъ—надъ рѣкою:
Стѣнъ зубчатые вѣнцы,
Башенъ грозныя твердыни,
Колокольни и дворцы.

Луннымъ свѣтомъ залитъ берегъ;
Все безмолвствуетъ кругомъ.
Только Воля катитъ волны,
Отливая серебромъ!

Чудо-городъ, городъ-призракъ,
Тѣнь временъ пережитыхъ,—
Онъ повисъ надъ самымъ яромъ—
Полонъ думъ о дняхъ былыхъ....

Ближе, ближе, по затону
Проплываетъ пароходъ....
Что за диво? Предо мною—
Тотъ-же городъ, да не тотъ!...

Нѣтъ ни башенъ надъ водою,
Нѣтъ ни каменныхъ палатъ;
Только стѣныхъ скалъ громады
Въ Волну съ берега глядятъ....

Друзъ на друга наступаютъ;
Льетъ луна на нихъ лучи!...
Чу, матросъ матросу крикнулъ:
„Пропъщаемъ Столбищи!“

IV.

Какъ-будто славянскою вязью
Расписаны бѣлыя юры;
Но только прочесть не берусь я
Письменъ непонятныхъ узоры.

Вѣками начертанный свитокъ—
Раскрытъ откровенной природой;
Ею лѣтописцами были
Дождь-ливень съ грозой-непогодой!

Снѣга имъ писать помогали,
На Волну сбѣгая „къ Егору“,
Съ весеннею полной водою,
Ручьями, вразбродъ, по уюрю.

Былая-ль записана слава,
Одно-ли безславые бывое?
Записано-ль кладовъ заволжскихъ
Заклятье, для нихъ роковое?

Аполлонъ Коринфскій.

ПОЛОНЯНКИНА КОСА.

(Волжское сказанье).

Справа—выступъ зеленой юры,
Слѣва—отмель желтѣетъ косою;
Посрединѣ—синѣетъ рѣка,
Въ оба берега плещетъ волною.
И одинъ къ одному берегу—
Все тѣсней, да тѣсней съ каждымъ тѣтомъ...
Бродитъ Волюю, въ народѣ, разсказъ,—
Ходитъ въщее слово слово объ этомъ.
Молвитъ сказъ:

1.

...Въ стародавніе дни,
Въ позабытые дѣдами юды
Вола-матушка глубже была,
Вдвое шире синѣли здѣсь воды.

2.

На нагорномъ крутомъ берегу
Темень боръ поднимался до неба;
Въ немъ, отъ устья Оки до Суры,
Ни души не нашлося ни дѣ-бы....

3.

А на той, луговой сторонѣ—
На широкомъ зеленомъ привольѣ—
Кочевала орда: было тамъ
Некрещеному люду раздолье!

4.

Завезли въ ту орду какъ-то разъ
Полонянку изъ Руси родимой.
Прилянулася хану краса,—
Взялъ въ шатерь свой рабыней любимой.

5.

Да, собака, ей нелюбъ онъ былъ....
Какъ орда залежала на стоянки
По заволжскимъ лукамъ, не нашель
Ворогъ-лютъ молодой полонянки.

6.

Черной тучки черныя сидитъ
Въ опустѣломъ шатрѣ полотняномъ,—
Гнѣвъ ея нехристь; опали ея
Громогъ-громъ разразилась надъ станомъ....

7.

Не нашли и юнцы, не нашли,—
А ужъ какъ, а ужъ идъ ни искали!
„Обернулася птицей, на Русь
Улетѣла!..“—владыкъ сказали....

8.

Ханъ не вѣритъ. Грозенъ ханскій гнѣвъ.
Только гнѣвъ-отъ не вѣсьмъ этотъ страшенъ,
Хоть тряслось отъ него на Руси
Многю стѣнъ многобитныхъ и башенъ.

9.

Упорхнула изъ клѣтки, ушла,
Хоть не птицей, краса улетѣла,
Да ужъ больше поганой рукъ
Не ласкать бѣлюшняго тѣла!

10.

Да ужъ больше-то волчьимъ глазамъ
Не смотрѣть бѣлой лебеди въ очи,
Что синѣе, чѣмъ неба лазурь,
Глубже Воли, темный полуночи....

11.

*Нѣтъ, не будетъ насильникъ лихой
Расплетать косу русую эту!
Ускользнула краса въ вечеру,
Не хватились до бѣлаго свѣту....*

12.

*Шла муями, оврами шла,
Шла болотомъ—въ водѣ по колына....
Ночь ее прикрывала собой,
Звѣзды путь ей казали изъ плыни....*

13.

*Зорька къ Волгѣ ее привела.
Ноги—въ кровь, ноетъ бѣлое тѣло;
Растрепалась коса, сонъ долитъ:
На лужайку бѣлянка пристѣла....*

14.

*Притаилась въ высокой травѣ
(А трава-то ей по поясъ всюду!).
Поднялася краса, отдохнувъ;
Ждетъ и молитъ спасенія—чуда...*

15.

*Хоть-бы кто-нибудь съ той стороны
На ладью къ ней подплылъ ненарокомъ.
Ждетъ и молитъ, и плачетъ она,
Вдаль впиваясь тоскующимъ окомъ.*

16.

*Никою... Вдругъ, всмотрѣлась—глядитъ,
И себѣ не повѣрила сразу:
За рѣкою стоитъ человекъ
И съ нея не спускаетъ онъ глазу.*

17.

*Какъ могла распознать въ немъ того,
Съ кѣмъ неволя ее разлучила,
Съ кѣмъ лишь за день до плыни она
Вкругъ наложъ во храмъ ходила!*

18.

Разлядѣла ... „Желанный! Иду!...“
И—стремлавъ прямо въ Волю съ откосу....
Волны обняли жарко ее,
Вътеръ треплетъ ей косыньку-косу.

19.

Силъ не стало ей плыть, а назадъ
Возвращаться—и этого хуже...
„Соколъ ясный, тону! Помоги!“!...
Крикомъ кличетъ любимую мужа.

20.

И, въ послѣдній разъ очи открывъ,
Увидѣла, что вмѣстѣ съ юрою
Къ ней на встрѣчу идетъ онъ, спышитъ;
И ее захлестнуло волною....

21.

Скоро свидѣлась съ милымъ она,
Въ тотъ-же часъ, да не тамъ, идѣ молила.
Спать ея каленая стрѣла
Въ чистомъ полѣ давно уложила!

22.

Утонула... Песокъ затянулъ...
Только сладить не могъ онъ съ косою:
Стала кверху всплывать—поднимать
И ея изъ воды надъ собою..

23.

Съ каждымъ лѣтомъ коса—все длиннѣй;
Что ни годъ—Воля мельче здѣсь, уже;
Все тѣснѣе, тѣснѣй берега,—
И никто не пойметъ—почему-же....

24.

Только старый таинственный сказъ,
Словно странникъ съ клюкою, въ народѣ
Ходитъ-бродитъ, пророка порой,
Что въ грядущемъ незнаемъ годъ

Перекинется отмель—коса
 Прямо къ выступу, встрѣтится съ кручей
 И обнимется съ нею навѣкъ:
 Вспять бѣжать съ тѣхъ поръ Воли могучей!...

..Словно сдавлена Вола-ръка,
 Въ оба берега бьется волною.
 Справа—выступъ мѣсистой юры,
 Слева—стелется отмель косою....
 И невольно, при взглядѣ на нихъ,
 Вспоминаешь судьбу полонянки,
 Убѣжавшей къ милому на Русь
 Изъ-за Воли съ орынской стоянки....

А. Луговой.

*
 * *

Примите насъ подъ свой покровъ,
 Питомцы волжскихъ береговъ!
 Примите насъ, мы всѣ родные,
 Мы дѣти матушки-Москвы!

.....
 Примите насъ подъ свой покровъ,
 Питомцы волжскихъ береговъ!

(Къ жителямъ Нижняго-Н.).

В. Л. Пушкинъ.

ЖИВАЯ ВОДА.

Снова къ тебѣ прихожу я,
 Вола—родная рѣка!
 Съ новою радостью чую
 Свѣжій порывъ вѣтерка...
 Вотъ онъ пронесся... Взырала
 Свѣтлая, мощная гладь,
 Вмигъ ожила она, стала
 Пламенемъ солнца сверкать...
 Пльнью прибоа внимая.

Понялз я сердцемз тогда,
Что предо мною, сверкая,
Плещетз живая вода....
Ужз не она-ль воскрешала
Каплей одной мертвецовз,
Раны собой заживляла
Раненыхз на-смерть бойцовз?
Силы душевной не стало,
Грустенз я нынз и хилз:
Сердце любовь истерзала,
Вз думахз я мозгз изсушилз....
Счастье разбито земное,
Сердца печаль глубока!
Выльчи сердце больное,
Воля—родная рька!...
Выльчи свътлымз просторомз,
Пъснею вѣтра живой,
Волнз, набѣгающихз хоромз,
Свътлою живою водой!

Б. Никоновъ.

.
Есть за Волгой село
На крутомз берегу:
Тамз отецз мой живетз,
Тамз родимая мать
Сына въ гости зоветз.
.

Нольцовъ.

*
* *

Ахз, оставь.... замолчи! Этой пъсни не пой,
Безз того сердце все надрывается!
Этой ночью безсонной, ночью нъмой
Струны сердца сильнѣй отзываются!

Лучше спой мнѣ про то, какъ душистой весной
Разливается Воля безбрежная,
Какъ надъ нею въ тиши, полуночной порой,
Соловья пѣсня слышится нѣжная,
Про задумчивый лѣсъ, про раздолье степей,
Про жемчужныя тучки свободныя....

.....

М. М.

*
* *

И снова я на твоихъ берегахъ,
Дорогая, родимая Воля!
О, какъ томительно долю
Тамъ, далеко на чужбинѣ,
Тянулись безпросвѣтные годы
Подъ иномъ тяжелой невзгоды!..
И снова я вижу заглохнувшій садъ,
Бѣлѣющій домикъ подъ тѣнью березъ—
Свидѣтелей дѣтскихъ и пѣсенъ и слезъ....
А дальше за садомъ страшный обрывъ...

.....

Г. Демь — въ.

*
* *

Гой, ты, Воля-матушка,
Русская рѣка,
Пожалѣй, кормилица,
Силу бурлака!
Много лѣтъ по берегу
Съ лямкой я ходилъ,
Силу богатырскую
Въ хомутъ сибилъ.
Ой, устали ноженьки,
Давитъ лямка грудь....

Ты вели, красавица,
Вътерку подуть!
Разогнемъ мы спинушку,
Бичеву свернемъ,
Парусами барочку
Уберемъ кругомъ.
Какъ тогда на солнышкѣ
Лягу да вздохну,
Про свою зазнобушку
Пѣсней вспомяну.

Вл. Ю.

*
* *

„Эй, ребята, вверхъ по утру
„Двѣ посудыны прошли,—
„Что здѣсь даромъ заживаться,
„Перекинемъ въ Желуди!...“
Вотъ смолою потянуло,
Показались Желуди,
Сосенъ темныя вершины
Обозначились вдали....
Атаманъ тряхнулъ кудрями,
Самъ ногою всталъ на край:
„Намъ безъ пѣсенъ не повадно....
„Эй ты, Оедька, начинай!...“
Мѣсяцъ всплылъ красенъ и свѣтелъ,
Вътеръ съ Воли потянулъ,
Пѣсню темный боръ отвѣтилъ,
Разнося далеко гулъ. ..
Да и идѣ родиться пѣснямъ,
Какъ не здѣсь, у этихъ горъ,
Подъ удары дружныхъ веселъ
Выбиваясь на просторъ!...

*
* *

Какъ на матушкѣ-Волгѣ, великой рѣкѣ,
Мы ломаемъ и ноги и спину,
И намъ легче тогда, утопая въ песокъ,
Какъ затянемъ родную дубину....
Эхъ, дубинушка, у-у-х-не-е-мъ!

.....
Анличанинъ хитрецъ,
Чтобъ работъ помочь,
За машиной придумалъ машину....
А нашъ русскій мужикъ,
Коль работать не въ мочь,
Такъ затянетъ родную дубину!
Э-э-э-хъ, эхъ, дубинушка, у-у-у-хне-е-е-мъ!
(Изъ волжскихъ пѣсенъ о бурлакахъ).

*
* *

Гдѣ прежде беремъ рѣки
Тянули барку бурлаки
И проливали тяжкій потъ,
Теперь громадный пароходъ
Ихъ мною тащитъ за собой,
Изяя пѣнистой волной....

(„Привалъ на Волгѣ“). Дрожжинъ.

Н А В О Л Г Ъ.

Е. О. Б—ъ.

Волюю-матушкой, быстрою, длинною,
Пароходъ нашъ стрѣлою летитъ,
И картина идетъ за картиною,
И за видомъ смѣняется видъ:
То лѣса вѣковые, дремучіе,
Словно грозные стражи стоятъ,
То пески по побережью сыпучіе
Полосою, желтѣя, лежатъ.

Надъ рѣкою туманъ разстилается,
А за нимъ то луна, то поля
Съ юризонтомъ далекимъ сливаются....
Хороша ты, родная земля!
Хороша эта даль необъятная,
Этотъ вольный, широкій просторъ....
Обаянья власть непонятная
И чаруетъ, и нѣжитъ мой взоръ.

Вл. Гуляровскій.

* *
*

Внизъ по Волѣ-рѣкѣ,
Изъ Нижня-юрода,
Снаряженъ стружокъ,
Какъ стрѣла летитъ.
Какъ на томъ-ли стружкѣ,
На снаряженномъ,
Удалыхъ гребцовъ
Сорокъ два сидятъ.
Какъ одинъ-то изъ нихъ,
Добрый молодецъ,
Приорюнился,
Приздумался:
„Ужъ вы, братцы мои,
Вы товарищи,
Бросьте, киньте меня
Въ Волу-матушку,
Утопите вы въ ней
Грусть-тоску мою....

.....
Приздумался я,
Приорюнился
О бѣломъ лицѣ,
Объ ясныхъ очахъ....
.....

(Воскресная народная пѣсня)

* *
* *

Э-э-ей,
Матушка-Вола,
Широка и дола,
Укачала,
Уваляла—
У насъ силушки не стало!
Э-э-эй!...

* *
* *

Э-э-хъ, дубинушка, у-у-у-хнемъ,
У-у-х-н-е-я-я-мъ!
Э-э-э-хъ, зеленая; сама пойдетъ,
Сама пойдетъ,
У-у-х-н-е-я-я-я-мъ!
(Бурлацкія пѣсни).

* *
* *

У жъ народецъ
У насъ на Волѣ, нечего сказать.
Новгородскимъ духомъ такъ и пахнетъ.
Островскій.

Ж Е Г У Л И.

.....
Обожженные солнцемъ холмы,
За холмами—равнины.
Вотъ послѣдній буѣрь изъ-подъ темно-зеленой чалмы
Досказалъ Желудей мнѣ былины....

Бальзамическій воздухъ степной
Вьетъ тихую далью
Надъ моей непокорной тяжелою думой больной,
Надъ моею урюмой печалью....

Здравствуй степь! Здравствуй ширь безъ границъ!
Здравствуй—съ Волгой рѣкою.

Со стадами кочевьевъ своихъ, да съ ватагами птицъ,
Съ ковылемъ—блорунной травой!...

Разступись-раскачайся, ковыль,—
Разбушуйся, какъ море!

Разскажи мнѣ степной цѣлины въковѣчную былъ
На широкомъ привольѣ-просторъ!...

Аполлонъ Коринфскій.

*
* *

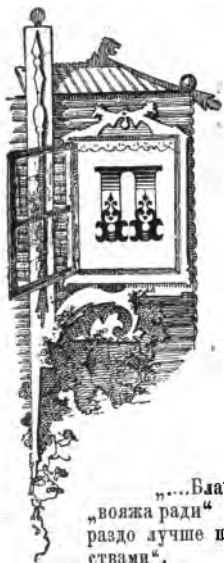
Ты скажи, сирота, кто тебя въспродилъ?
Вспродила меня родна матушка,
Воспоила, вскормила Вола-матушка,
Воспитала меня легка лодочка ветляночка,
Возлелѣяли меня няньки, мамки—волны быстрыя,
Возростила меня чужа-дальня сторона астраханская,
Я со этой со сторонушки на разбой пошелъ....

.....
И вотъ повели, затянули,
Поютъ заливаясь они
Про Воли широкой раздолье,
Про даромъ минувшіе дни....

*
* *

Вола-ръченька бурлива, говорятъ;
Подъ Самарою разбойнички шалятъ.

(Изъ разбойническихъ пѣсень).

ри нынѣшнихъ дешевыхъ и удобныхъ способахъ сообщенія по Волгѣ всѣ сколько-нибудь состоятельныя русскіе почти обязательно должны были бы отправлять своихъ дѣтей, для завершенія ихъ общаго образованія, въ путешествіе по Волгѣ: Волга оказала бы въ этомъ случаѣ немалую услугу въ воспитательно-образовательномъ отношеніи для подрастающаго русскаго молодого поколѣнія.“

В. Рагозинъ. „Волга“, т. I, с. 238.

„...Благодаря всѣмъ этимъ удобствамъ, поѣздки на Волгѣ „воляжа ради“ понемногу развиваются, во всякомъ случаѣ гораздо лучше петербургскихъ дачъ съ ихъ сомнительными качествами“.

А. Субботинъ.

„... А вы поѣзжайте на Волгу.... она укрѣпитъ ваши нервы. Воздухъ, новыя мѣста, лица, впечатлѣнія, наконецъ, даже сильныя ощущенія,—все это оживитъ волжская жизнь“.

Г. Гроновъ.

Волжскія пословицы и поговорки.

(„Волга-матушка“ Н. Бл—ва).

Тверь.

Тверитяне въ-приглядку съ сахаромъ чай пьютъ.

Ржевъ.

Ржевцы козу черезъ заборъ праникомъ кормятъ.

Кимры.

Кимряки лѣтомъ штукатуры, зимой чеботари. Кимряки—сапожники, требузу въ кувшинъ варятъ, шильце въ рукахъ, а щетинка въ зубахъ, и живутъ отъ субботы до субботы.

Ярославъ.

Ярославъ городъ Москвы уголокъ. Ярославцы—красавцы, бѣлотѣльцы, пѣсенники, запѣвалы, чистоплюи, конфетчики, кокушкины дѣтки (потому что мушки дома не сидятъ).

Романовъ.

Романовцы—схорони концы: барана въ зыбѣ закачали (укравъ спеленали и положили въ зыбку, чтобы спрятать).

Уличъ.

Угличане — толокняники; толокномъ Волгу замѣсили; они же колбасники и копильщики.

„Не бось, не бось, батька: вѣдь это не наше“ — ободряетъ угличанинъ сына отца, когда этотъ заробѣетъ въ воровствѣ.

Рыбинскъ.

Рыбинцы съ дѣвушки родимое пятнышко смывали и нарочно для этого баню топтали.

Молога.

Моложскій сидцарь (съ р. Сити, притока Мологи) съ топоромъ, что казакъ съ конемъ,—топоръ одѣваетъ, топоръ обуваетъ, соха кормить.

Кострома.

Костромичи—тамошники (за слово „тамошко“ вмѣсто „тамъ“).

Кинешма и Рѣшма.

Кинешемцы да Рѣшемцы—суконники. Кинешма да Рѣшма кутишь да мутить, Солдога убытки платить (въ 1608 году слобода Солдога была разорена за то, что не хотѣла участвовать въ битвѣ).

„Ни кола ни двора“ (въ сѣверныхъ частяхъ губерніи „колошь“ называютъ земельную полосу).

Нижній-Новгородъ.

Нижній—сосѣдъ Москвы ближній: дома каменные, люди желѣзные. Воды много, а почерпнуть нечего (Нижній нуждается въ водѣ, хотя лежитъ на двухъ большихъ рѣкахъ).

Балахна.

Городъ Балахна стоитъ полы распажня (растянулся по Волгѣ версты на три).

Балаханцы—гагары, на печи рожь молотятъ. (Городъ буквально плаваетъ въ непрорыхляющей грязи). Кутузъ да коклюшки—балахонскія игрушки. Кутузъ—катушка, а коклюшка—палочки, употребляемыя для плетенія кружевъ; балахнинскія кружева славятся.

Чебоксары.

Чебоксары—городъ, Нижній—городъ, а Казань—всѣмъ городамъ городъ.

Чебоксарцы—свиносуды: поймали свинью на улицѣ, предали суду и засудили такъ, что не оставалось и щетины.

Свияжскъ.

Свияжцы—лещевники.

Симбирскъ.

„Симбирскъ видимъ, да семь день до него идемъ“—говорятъ бурлаки (онъ стоитъ на горѣ и виденъ издалека).

Саратовъ.

Въ Саратовѣ чехонь (рыба) чрезъ соборъ перепрыгнула, а мѣщане

Царицынъ.

Царицынцы — козья спесь, купоросные затылки (отъ привычки натирать купоросомъ затылки въ предохраненіе отъ наѣдомыхъ).

Дубовка.

Дубовцы — хамы и бороноволоки (за то, что произошли отъ крестьянъ-землевладѣльцевъ).

Астрахань.

Астрахань — разбалуи городъ (такъ называли Астрахань бурлаки, проматывавшіе тамъ всѣ заработанныя за „путину“ деньги).

Татары.

Татаринъ либо насквозъ хорошъ, либо насквозъ мошенникъ.

„Гдѣ былъ, князь? — Волгамъ шаталъ, базарамъ гулялъ.“ Касимовскій бухарецъ. Казанскій сирота; казанскій нищій. — „Князь, а князь, возьми-ка тройчатки (вилы), пособи навозъ валить.“

Нынѣ про татарское счастье только въ сказкахъ слыхать.

Отошла татарамъ пора на Русь ходить.

Мордва.

У мордвы двѣ морды (то есть два языка), а шкура одна. Мордвинъ въ коробѣ ѣздитъ. Уписываетъ, какъ мордвинъ (мордвинны много ѣдятъ). Разѣзжился, какъ мордвинъ на Богоявленіе (у мордвы обычай въ крещенскій сочельникъ скакать на лошади съ тикомъ и выгонять шайтана, всѣхъ дворовъ и изъ всѣхъ угловъ).

Мордва съ трубой — два (мордвинъ не разстается никогда съ трубкой).

Чуваши.

Чувашинъ — Василій Ивановичъ „Попъ Васька дома? — А кто тамъ? — Я, Василій Ивановичъ“.... Чувашка — черноногая барыня. „Чувашская лопатка“. Отвѣтъ чувашина: „А ты — русскій скребокъ“. Чуваши, хоть сто человекъ, — всѣ вмѣстѣ говорятъ. Чувашинъ — куроводъ.

Черемисы.

Черемиса, что миса: чистое и нечистое пожираетъ (черемисы не разборчивы въ пищѣ). Перваго черемиса лѣшій родилъ, оттого они всѣ въ лѣсу сидятъ.

Калмыки.

Калмыкъ подъ собой кобылу съѣлъ.

Ай да молодца: широка лица, глаза узенька.

Матеріалы, служившіе пособіемъ при составленіи „Путеводителя по Волгѣ“.

Свѣдѣнія, собранныя на описываемыхъ мѣстахъ: *Костомаровъ Н.* Историческія монографіи и изслѣдованія. *Перетятковичъ Г.* „Поволжье въ XV, XVI, XVII и въ началѣ XVIII в.“ *Докучаевъ В.* Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегород. губ. *Раюзинъ В.* „Волга“. Матеріалы къ изученію кустарной промышленности волжскаго бассейна. *Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго. *Югель Н.* Изслѣдованіе Волги. Историч. матеріалы, *Попова.* Рефератъ *П. И. Мельникова* о старомъ и новомъ городѣ въ Н.-Новгородѣ, соч. *С. В. Ешевскаго.* „Личности смутнаго времени“, *Костомарова.* „Мининъ и Пожарскій“, *Забѣлина.* „Борьба не на животъ, а на смерть съ новыми историческими ересями“, *Поюдина.* „Тверь въ XVII в.“, изслѣдованія *Н. Н. Овсянникова.* Историко-статистическое описаніе Тверской губ., сост. *В. Покровскимъ.* Лѣтописи и разные архивные документы. Путешествіе Голштинскаго посольства въ Московію и Персію 1633, 36 и 39 гг., сост. *Олеаріемъ,* перев. *Барсова.* *Мельниковъ.* О Нижегородской ярмаркѣ. *Стефани.* „Нижегородская ярмарка“. *Небольсинъ.* Прогулки по Н.-Н. и др. Этнографическій сборникъ, „Мѣстныя побоища на Сити“, *Льствицына.* Исторія города Углича, сост. *Ө. Я. Кисель.* Историко-этнографическій очеркъ (по Ярославск. губ.) *А. А. Титова.* *Храмцовскій Н.* Краткій очеркъ исторіи и описаніе Нижняго-Новгорода. Нижегородскій сборникъ, изданный Ниж. губ. комитетомъ подъ редакц. *А. С. Гацискаго.* *Овсянниковъ А.* Географическіе очерки и картины Поволжья. „Нижегородка“, *А. С. Гацискаго.* „Нижегородскій Лѣтописецъ“, *его-же.* Историческій очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда, Нижегородск. губерніи. Матеріалы для исторіи Поволжья („Казанск. Губ. Вѣд.“ 1884 г.). Записки объ Астрахани, *М. Рыбушкина.* Описаніе Колы и Астрахани, *Озеровскаго.* Очерки по исторіи г. Саратова и Саратовск. губ., *Н. Ф. Хованскаго.* „Саратовецъ“, указатель и путеводитель по Саратову, *С. Гусева и Хованскаго.* Трехвѣковая головшина города

Самары, *П. Алабына*. Двадцатипятилѣтіе Самары, какъ губернскаго города, *ею-же*. „Астрахань и ея окрестности“, изд. Астрахан. губ. типографіи. „Казань прежде и теперь“, изд. Казанской ремесленной и сельско-хозяйственной выставки 1886 г. „Волга отъ Твери до Астрахани“, изд. общ. „Самолетъ“. „Путеводитель по Ярославской губ.“, *Н. М. Журавлева*. „Волгарь“, губ. вѣдомости и газеты поволжскихъ губ. Журнальныя статьи и замѣтки. Истор. Р. Ц. митр. *Макарія*, т. III, а также памятныя книжки и календари разныхъ годовъ поволжскихъ губерній Памятники церк. древн. арх. *Макарія*. Русская Историч. Библ. 1875 г. и др. Рыбинскіе соборныя храмы и ихъ святыни, *Солнцева*. Описаніе города Рыбинска, сост. *Тюменевымъ*. „Верховья р. Волги въ ихъ прошломъ и настоящемъ“, *В. Колосова*, 1893 г. „Труды члена Тверской уч. ар. к.“, протоіерея *В. П. Успенскаго*. Очерки Саратовскаго края, *Леопольдова*. Іерарх. рос. ц., *Амвросія*. Древніе города и булгаро-татарскіе памятники, проф. *Шпилевскаго*. Лѣтописи и писцовыя книги. Очерки Саратовскаго края *Леопольдова*. „Инородческое населеніе до 1762 г.“, *Фирсова*. „Волга и Кіевъ“, *Пыпина*. Очерки проф. *Н. Заюскина*. Очеркъ *А. А. Ярцева*: „На родинѣ русскаго театра“. Труды ученыхъ комиссій. Статистическіе сборники поволжскихъ губ. Извѣстія арх., исторіи и этнографіи. Лѣтописцы. Энц. словари 47—92 гг.

О Ч Е Р К Ъ р. В О Л Г И

(въ древности—РА).

Въ Осташевскомъ уѣздѣ, Тверской губ., среди болотъ и трясинъ, стоитъ ветхая деревянная часовня.

„Въ часовнѣ пусто. Только въ лѣвомъ углу стоитъ единственный и безъ всякихъ украшеній образъ Спасителя, даже скамейки нѣтъ. Мало того, нѣтъ ни лѣсенки ко входу, ничего-либо похожаго на мостики чрезъ болото, если не считать за таковыя двѣ-три толстыя полусгнившія коряги. Посрединѣ часовни небольшой срубъ, уходящій подъ полъ, въ болото. Теченія никакого незамѣтно“.

„Для того, чтобы попасть въ эту мѣстность, гдѣ стоитъ часовня, надо остановиться на станціи Вышній-Волочекъ, Николаевской желѣзной дороги, и отсюда направиться въ Осташково, лежащее на озерѣ Селигерѣ. Отсюда на пароходѣ по озеру можно добраться до деревни Подгорья, лежащей въ западной вѣтви Селигера, въ 25 в. отъ Осташкова. Изъ Подгорья на лошадяхъ слѣдуетъ направиться въ маленькую деревеньку, которой самое названіе „Волгино-Верховье“ указываетъ на ея мѣстоположеніе. Эта деревенька находится по прямому направленію верстъ въ 10, а съ объѣздами—въ 15—18 в. отъ Подгорья“.

Въ 1894 году, по инициативѣ Тверской ученой архивной комиссіи, имѣлось въ виду приступить къ сооруженію каменной часовни, на землѣ, подаренной съ этой цѣлью крестьянами с. Волгино-Верховье.

Затѣмъ на устройство часовни послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на сборъ добровольныхъ пожертвованій въ 18 губерніяхъ волжскаго бассейна.

Въ 1133 г. на верховьяхъ Волги былъ поставленъ стерженскій крестъ Иванко Павловичемъ, новгородскимъ

посадникомъ. Надпись, сдѣланная на крестѣ, говорить, что въ этомъ году онъ началъ „рыти рѣку сю“. Постановка креста и рытье проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на то обстоятельство, что новгородцамъ была извѣстна мѣстность верховья рѣки Волги, и они даже, видимо, имѣли намѣреніе проложить новый водяной путь. Очевидно, что битва, происходившая на Ждановой горѣ между новгородцами и Суздалемъ, гдѣ первые потерпѣли полное пораженіе, при чемъ былъ убитъ и Иванко, помѣшала новгородцамъ продолжать какія-либо, въ этомъ смыслѣ, дальнѣйшія сооруженія. Но въ то же время въ лѣтописяхъ остается неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли русскіе знали о томъ, что истокъ Волги находится именно на томъ мѣстѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Такъ напримѣръ, въ древнихъ лѣтописяхъ, относящихся до X—XI вѣковъ, ничего не говорится о деревнѣ Волгино-Верховье, и первый разъ она упоминается въ началѣ 2-й половины XVIII вѣка какъ поселеніе, образовавшееся изъ „церковниковъ“ Селижаровскаго монастыря (вѣроятно, что она существовала ранѣе подъ другимъ названіемъ). Первый разъ мы встрѣчаемъ ясное указаніе на то, что въ описываемой мѣстности находится истокъ рѣки Волги, въ описи Ниловской пустыни, составленной игуменомъ Селижарова монастыря Нифонтомъ. Въ этой описи между прочимъ сказано: „Приписной монастырь Волги-Верховье отъ Ржева во 180, а отъ Ниловой Пустыни въ 40 верстахъ, строительскій, построенъ по указу царя Алексѣя Михайловича въ 1649 году и въ томъ же году присовокупленъ къ Ниловой Пустыни“. Впослѣдствіи монастырь этотъ пришелъ въ ветхость и разрушился; земля же перешла во владѣніе Селижаровскаго монастыря, а затѣмъ—жителей деревни Волгино-Верховья, которые и построили часовню.

Стерженскій крестъ въ настоящее время находится въ Тверской ученой архивной комиссіи.

Изъ описанныхъ выше „болотъ и трясинъ“ беретъ начало величайшая рѣка Европы, наша кормилица—Волга.

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ (около 8) Вол-

га представляется ручейкомъ, который такъ малъ, что его легко перешагнуть, особенно въ началѣ, т. е. первыя 3—4 версты его теченія. По выходѣ изъ озера Б. Верхита, Волга становится нѣсколько больше, но все же „не похожа ни на рѣку, ни на ручей“. Далѣе Волга встрѣчаетъ на своемъ пути нѣсколько болотъ и озеръ, какъ напр., Волго, Пено и др., и принимаетъ нѣсколько ручьевъ, изъ которыхъ Руна большій.

На этомъ пути, посрединѣ одного озера, на островѣ, окруженная сосновой рощей, стоитъ Новосоловецкая пустынь.

Около семидесяти девяти верстъ ниже истока на Волгѣ мы встрѣчаемъ *бейшлотъ*, это извѣстнаго устройства шлюзы, или, говоря проще, щиты, задерживающіе воду. Такимъ образомъ, все пространство, начиная отъ истока и кончая бейшлотомъ, представляетъ съ весны громадный резервуаръ воды (сверхъ уровня 28 м. куб. саж.), которую, по мѣрѣ надобности, употребляютъ лѣтомъ во время навигаціи, а затѣмъ спускаютъ, т. е. доводятъ до обыкновеннаго уровня, послѣ окончанія навигаціи.

Очень естественно, что помощь искусственнаго водоснабженія чувствительна только сравнительно на маломъ протяженіи, и чѣмъ дальше отъ бейшлота, тѣмъ эта помощь менѣе чувствительна. Такъ напримѣръ, при выпускѣ изъ резервуара извѣстнаго количества запасной воды, уровень Волги въ 15 верст. отъ бейшлота поднимается на 23 верш., въ Твери (разстояніе отъ бейшлота 280 в.) на 7—9 верш., у Рыбинска, который отстоитъ отъ бейшлота на 615 в., уровень поднимается на $\frac{3}{4}$ и до $1\frac{1}{4}$ в. и, наконецъ, далѣе вліяніе выпущенной воды совсѣмъ исчезаетъ.

Если принять во вниманіе вообще судоходство въ верховьяхъ Волги, сопряженное съ разными препятствіями, исключительно зависящими отъ мелководья, и въ частности, то обстоятельство, что въ иныхъ случаяхъ для подъема груза требуется всего 1—2 вершка, тогда легко судить о томъ, какое имѣетъ значеніе это грандіозное сооруженіе, называемое бейшлотомъ.

Отъ бейшлота Волга дѣлается судоходной.

Версть 11 ниже бейшлота, при устьѣ р. Селижаровки, расположенъ Селижаровскій посадъ. Противъ посада, на холмѣ, окруженный столѣтними соснами, стоитъ Троицкій монастырь, о которомъ первый разъ упоминается въ грамотѣ 1504 г. Монастырскій соборъ построенъ въ 1675 г. Другая, болѣе древняя церковь, во имя свв. Петра и Павла, съ придѣлами свв. Гурія, Варсонофія и Германа, построена при сліяніи р. Селижаровки съ Волгой (р. Селижаровку, притокъ р. Волги, берущую свое начало изъ озера Селигера, нѣкоторые географы считали истокомъ р. Волги).

Близъ г. Зубцова въ Волгу впадаетъ р. Вазуза. Это обстоятельство служило предметомъ легенды, сложившейся въ мѣстномъ краѣ.

Случилось, говорить преданіе, что обѣ рѣки, т. е. Вазуза и Волга, заспорили о томъ, которую изъ нихъ слѣдуетъ признать старшею. Никакая изъ этихъ рѣкъ не уступала въ первенствѣ. Наконецъ, онѣ порѣшили между собой лечь спать, и та изъ рѣкъ, которая встанетъ раньше и побѣжитъ къ морю, будетъ называться старшей. Проснулась Вазуза раньше и побѣжала по своему намѣченному пути. Волга, хотя проснулась и позднѣе, но догнала Вазузу около Зубцова, откуда онѣ побѣжали вмѣстѣ. Послѣдняя, увидѣвъ на пути, что Волга шире и многоводнѣе, признала ее за старшую сестру. Словомъ, смыслъ этой легенды заключается въ томъ, что нѣкоторые совершенно неосновательно допускали мысль, что Вазуза и есть настоящее начало Волги.

Отъ Твери начинается пароходство.

На пространствѣ отъ Твери до Нижняго (827 в.) Волга, кромѣ мелкихъ притоковъ, принимаетъ слѣдующіе значительные притоки: *Тверцу, Мологу, Шексну* (у Рыбинска), р. Кострому (версты 2 выше г. Костромы). Тверца судоходна только въ половодье при устьѣ. По Мологѣ и Шекснѣ существуетъ пароходство. Всѣ названные притоки—съ правой стороны. По Унжѣ, на разстояніи 105 в. отъ Юрьевца (на правомъ б. Волги) до

г. Макарьева (на Унжѣ), ходять пароходы. Унжа—лѣвый притокъ.

Ока (правый притокъ); устье ея у Нижняго-Новгорода. Во все время навигаціи на Окѣ существуетъ правильное пароходство.

Сура (правый притокъ Волги); устье ея у г. Василь-Сурска, Нижегородской губ. Сура протекаетъ болѣею своей частію по Симбирской губ. (беретъ начало въ Пензенской губ.) Для судоходства она представляется крайне опасною вслѣдствіе каршей и подводныхъ камней.

Въ 8 в. выше Козмодемьянска Волга принимаетъ съ лѣвой стороны р. *Ветлугу* замѣчательную тѣмъ, что по ней сплавляется масса лѣса. Только въ половодье Ветлуга судоходна. Въ это время по ней даже ходять маленькіе пароходики отъ г. Козмодемьянска до с. Воскресенскаго.

Стоя на рубежѣ Нижегородской и Казанской губ., Ветлужскій край, поистинѣ, можетъ назваться лѣснымъ царствомъ, которое теперь замѣтно порѣдѣло.

Р. *Казанка*, съ лѣв. ст., судоходна только весной, что и даетъ въ это время возможность пароходамъ подходить въ Казани къ крѣпости, т. е. къ центру самаго города. Когда вода пойдетъ на убыль, всѣ пристани переводятся въ такъ называемую Адмиралтейскую слободу, которая соединяется съ городомъ каменной дамбой. Затѣмъ, по спадѣ водъ, приблизительно въ серединѣ или въ концѣ мая, пристани уже на всю навигацію переводятся на Волгу, верстъ 6 отъ города. Мѣстность, занимаемая пароходными пристанями, т. е. берегъ Волги, называется Устьемъ, вѣроятно, потому, что тутъ-же находится устье р. Казанки.

Кама сама по себѣ одна изъ величайшихъ рѣкъ Россіи, притокъ Волги съ лѣвой стороны.

Другихъ притоковъ Волги отъ Казани до Астрахани болѣе или менѣе значительныхъ нѣтъ. Такіе притоки, какъ напримѣръ, *Свѣяна* (устье около г. Свѣяска, Казанской губерніи), *Сама́ра* (устье у Самары) и др. вообще очень незначительны, судоходны только во время коренного разлива, что на небольшое пространство

пароходы могутъ съ трудомъ войти въ ихъ устье лишь въ полную воду.

„Въ Симбирскѣ Свіяга до такой степени близко подошла къ Волгѣ,—говоритъ Рагозинъ,—а еще лучше сказать, обѣ рѣки взаимно приблизились одна къ другой настолько, что гребень Свіяжскаго праваго берега отъ гребня праваго берега Волги отстоитъ въ одномъ мѣстѣ всего на 700 саж., но затѣмъ Свіяга удаляется отъ Волги, хотя до самаго впаденія не отходитъ далѣе, какъ на 30 в. Фактъ теченія двухъ рѣкъ въ діаметрально-противоположныя стороны на столь близкомъ разстояніи между собою бьетъ въ глаза своей оригинальностью, на него указываютъ какъ на обстоятельство, составляющее особенную замѣчательность Свіяги“.

Изъ протоковъ Волги обращаетъ на себя вниманіе *Ахтуба* (лѣв. ст.). Начало протока верстъ 10 выше Царицына.

На всемъ своемъ протяженіи, отъ бейшлота до 9 фут. (1-я морская станція въ устьѣ Волги), Волга простирается на 3390 в.

Волга безспорно самый грандіозный и важнѣйшій путь сообщенія въ Россіи. Захватывая своимъ теченіемъ девять губерній, Волга, взятая вмѣстѣ съ своими притоками (количеств. около 100), занимаетъ пространство до 1 мил. 200 т. квадр. верстъ *).

Волга раздѣляется на плесы: 1) отъ Твери до Рыбинска, 2) отъ Рыбинска до Нижняго, 3) отъ Нижняго до устья Камы и 4) отъ устья Камы до Астрахани.

Разсматривая Волгу, какъ путь сообщенія, по плесамъ, мы видимъ, что лучшими плесами въ этомъ смыслѣ

*) Кромѣ притоковъ, Волга соединена съ внутренними губерніями слѣдующими рельсовыми путями: 1) черезъ Тверь проходитъ Николаевская желѣз. д., 2) Рыбинскъ—Бологое, 3) Ярославль—Москва, 4) Ярославль—Вологда, 5) Кострома—Нерехта—Ярославль, 6) Кинешма—Иваново-Вознесенскъ, 7) Нижний—Москва, 8) Вязовыя (въ 7 в. отъ Свіяжска, Казанской губ. Эта желѣзн. дорога открыта 22 декабря 93 г.)—Рязань, 9) Самара—Сызрань—Пенза, 10) Самара—Уфа, 11) Самара—Оренбургъ, 12) Саратовъ—Тамбовъ, 13) Саратовъ—Уральскъ, 14) Камышинъ—Тамбовъ, 15) Царицынъ—Калачъ и 16) Владиміровка—Баскунчакское озеро.

служать плесы отъ Нижняго до устья Камы и отъ устья Камы до Астрахани.

На послѣднемъ плесѣ во все время навигаціи движеніе пароходовъ всѣхъ типовъ производится безпрепятственно.

Бываютъ „несчастливыя“ навигаціи,—для тѣхъ, конечно, чьи интересы тѣсно связаны съ Волгой. Къ такимъ „несчастливымъ“ навигаціямъ слѣдуетъ отнести навигацію 97 г., которая открыла много скорбныхъ страницъ въ исторіи волжскаго судоходства... Волга на всемъ своемъ громадномъ пространствѣ представляла почти сплошной рядъ мелей и перекатовъ. Большіе пароходы американскаго типа, идущіе изъ Астрахани, не доходили до Нижняго, а въ Казани передавали пассажировъ и грузъ на маленькіе, сравнительно, пароходы.

На второмъ плесѣ, отъ Рыбинска до Нижняго Новгорода, рѣдко нарушается правильное пароходство, хотя этотъ плесъ, такъ же, какъ и верхній, изобилуетъ мелями и подводными камнями. Пароходы, совершающіе рейсы на этомъ плесѣ, сравнительно меньше настоящихъ волжскихъ пароходовъ и не глубоко сидятъ. Въ навигацію 97 г. многіе изъ нихъ прекратили рейсы до Рыбинска.

На верхнемъ плесѣ отъ Твери до Рыбинска пароходство совершается въ половодье, а въ другое время навигаціи—когда позволить уровень воды, возвышенію которой иногда способствуетъ такъ называемая почвенная вода,—вода, выпущенная изъ бейшлота, и сильнѣйшіе дожди. Пароходство на этомъ плесѣ крайне неправильно и нерѣдко прекращается на цѣлые мѣсяцы.

НАРОДЫ, НАСЕЛЯЮЩІЕ ВОЛГУ.

Многіе изъ народовъ, населявшихъ Волгу въ древности, остались неизвѣстными исторіи. Вообще исторія, касающаяся первыхъ вѣковъ, не представляетъ той ясности и послѣдовательности въ изложеніи событій, фактовъ и т. п., какъ представляетъ это исторія послѣ-

дующихъ вѣковъ. Этотъ замѣтный пробѣлъ главнымъ образомъ объясняется низкой степенью развитія народовъ, жившихъ въ первыхъ вѣкахъ, и отсутствіемъ памятниковъ. Извѣстно, напримѣръ, что древними обитателями Волги были сарматы и скифы, хотя древняя исторія и не опредѣляетъ съ точностью ни времени, ни мѣста, которое населяли эти народности, исчезнувшія съ лица земли и не оставившія послѣ себя никакихъ памятниковъ. Затѣмъ, въ послѣдующіе вѣка, именно въ VIII и IX, играло выдающуюся роль царство Болгарское. Остатки этого царства въ видѣ развалинъ города Болгаръ и теперь существуютъ въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губ. Народности, населявшія въ то время среднее Поволжье, принадлежавшія къ финскому племени, были въ зависимости отъ болгаръ. Остатки этихъ народностей въ образѣ черемисъ, чувашъ и мордвы существуютъ и теперь въ губерніяхъ, занимающихъ среднее Поволжье.

Наконецъ, въ позднѣйшіе вѣка, приблизительно съ конца IX в., начинается движеніе славянъ, основаніе Руси, возникновеніе на Волгѣ татарскихъ царствъ, вѣковая борьба русскихъ съ татарами, постепенное уничтоженіе этихъ царствъ и колонизація волжскаго края русскими *).

Отрывочныя сказанія арабовъ убѣждаютъ насъ въ одномъ, что русское славянство было извѣстно Азіатскому Востоку гораздо ранѣе, чѣмъ начинается, такъ сказать, официальная исторія русскаго народа.

Интересенъ разсказъ арабскихъ писателей о старинныхъ походахъ руссовъ въ Каспійское море. Имамъ Абдуль-Хасанъ-Али, извѣстный подъ именемъ Ибнъ-Мусаді, въ своихъ „Золотыхъ Лучахъ“ такъ передаетъ случившееся въ его время (около 912 г.) это событіе:

„Прибывъ на судахъ своихъ къ хозарскимъ карауламъ, разставленнымъ при устьѣ пролива, руссы

*) Подробности отдѣла, заключающаго въ себѣ историческій очеркъ Поволжья, точно такъ же, какъ и послѣдующіе важные историческіе моменты приволжскихъ городовъ, мы нашли удобнѣе изложить при описаніи cadaго города, почему и не представляемъ тутъ общаго историческаго очерка Поволжья.

Русские.

Мордва.

Чуваш и.

Черемисы.

послали къ царю хозарскому просить позволенія пройти черезъ его владѣнія и рѣкой Волгой спуститься въ море Хозарское (Каспійское), обѣщая ему за это половину добычи, которую возьмутъ отъ народовъ, обитающихъ у сего моря.

Вѣхавъ изъ Дона въ Волгу, они проѣхали ею до Итиля (рядомъ съ мѣстомъ, гдѣ теперь стоитъ Астрахань). Отъ него по теченію этой рѣки достигли до самаго устья, гдѣ она впадаетъ въ море Хозарское. Отъ устья своего до города Итиля рѣка очень велика и полноводна. Отсюда руссы разсыпались по морю въ разныя стороны, выходя на берегъ толпами въ Джилѣ (т. е. Гилянѣ), Дейлемѣ, Табаристанѣ, Абискунѣ и Нефтяной Землѣ, до самой области Азербайджанской.

Руссы вездѣ проливали кровь, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, расхищали богатство, производили набѣги и предавали все огню и опустошенію.

Всѣ народы, обитавшіе около сего моря, возопили о помощи, ибо съ незапамятныхъ временъ не видывали никакого врага, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцовъ и рыболововъ. Доходили до нефтяного берега, находящагося въ области Ширванской и извѣстной подъ именемъ Баку. Удаляясь отъ береговъ послѣ набѣговъ своихъ, руссы обыкновенно искали убѣжища на островахъ, отстоявшихъ на нѣсколько миль отъ Нефтяной Земли.

Въ *** году Геджры (по-нашему 843) одно изъ поколѣній руссовъ, приплывъ на корабляхъ изъ страны своей по морю Каспійскому и рѣкѣ Курѣ, проникло до самаго города Бердаи. Овладевъ имъ, руссы предались убійству, и, наконецъ, прежнимъ путемъ возвратились во-свои.

Но другой арабскій писатель того времени, Иднъ-эль-Эмръ, уважаемый на Востокѣ наравнѣ съ Масуди, сохранилъ подробное описаніе этого пребыванія древнихъ руссовъ въ теперешнемъ Закавказьи.

„Въ 943 году, — говоритъ онъ, — снова увидѣли руссовъ въ Хозарскомъ морѣ. Они поднялись вверхъ по рѣкѣ Курѣ и внезапно появились предъ Бердаю.

Нѣмцы колонисты.

Калмыки.

Татары.

Киргизы

столицей Аррана, отстоящую около трехъ фарсанговъ къ югу отъ сей рѣки. Сокрушивъ все, руссы долго оставались въ забранномъ городѣ, знаменитомъ тогда богатствомъ и торговлей (теперь маленькая деревня Берде), и всѣ усилія выбить ихъ оттуда были напрасны. Страхъ туземцевъ предъ руссами былъ такъ великъ, что войска отказывались сражаться противъ нихъ. Когда, наконецъ, среди руссовъ развилась зараза, можетъ быть, отъ излишняго употребленія южныхъ плодовъ, и они добровольно покинули городъ, унося лучшую добычу, то опять-таки никто не осмѣливался преслѣдовать ихъ, и они спокойно сѣли на свои суда“.

На протяженіи всей Волги отъ Твери до Астрахани, или, вѣрнѣе, отъ истоковъ до впаденія ея въ Каспійское море, самой распространенной народностью въ настоящее время являются *русскіе*; исключеніе составляетъ ничтожное меньшинство.

Татары—самая распространенная народность послѣ русскихъ. Такое сравнительно большое количество татаръ станетъ понятнымъ при знакомствѣ съ исторіей Поволжья. Татары могутъ быть раздѣлены на казанскихъ и астраханскихъ татаръ. Послѣдніе считаются древнѣе первыхъ: ихъ происхожденіе нѣкоторые ученые относятъ къ Іафету.

Татаръ, населяющихъ Поволжье, насчитывается до 1½ мил. Они населяютъ главнымъ образомъ Казанскую и Астраханскую губерніи, а затѣмъ Нижегородскую, Симбирскую и Самарскую, въ Саратовской если и встрѣчаются, то въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Татары по своимъ наклонностямъ менѣе всего земледѣльцы; торговля—это ихъ идеалъ; трудолюбіе—ихъ врожденная черта, почему они считаются хорошими работниками. Нравственность ихъ много пострадала отъ разныхъ цивилизующихъ вліяній. Въ послѣднее время они, вопреки правиламъ Корана, питаютъ нѣжную страсть къ браку и къ произведеніямъ ректификаціи.

ныхъ заводовъ. Вообще же можно сказать, что въ этой націи замѣтно развивается страсть къ легкой наживѣ.

Нѣмцы пришли въ Россію изъ разныхъ уголковъ Европы въ силу извѣстнаго указа императрицы Екатерины II, которая разрѣшила иностранцамъ жить во вновь приобрѣтенныхъ земляхъ. Въмѣстѣ со всевозможными льготами, иностранцы получили въ вѣчное владѣніе болѣе чѣмъ достаточное количество земли.

Нѣмцы преимущественно поселились въ Самарской и Саратовской губ., гдѣ ихъ насчитывается до 150 т.

Персы.

Армянинъ.

Они занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, разведеніемъ табачныхъ и горчичныхъ плантацій, многіе—торговлей.

Чуваши—народъ, по своему происхожденію, сродный монголамъ, хотя на этой народности отразились вліянія разныхъ націй. Чуваши, въ количествѣ $\frac{1}{2}$ мил., обитаютъ преимущественно въ Казанской губ., а частію въ Симбирской; они живутъ въ обыкновенныхъ крестьянскихъ избахъ, грязныхъ до отвращенія. Уровень ихъ

умственного развитія стоитъ очень низко, едва-ли не наравнѣ съ дикими кочевыми народами. Чуваша исповѣдуютъ православную религію, но многіе остаются по-прежнему грубыми язычниками; въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и вообще въ образѣ жизни можно встрѣтить немало языческихъ обрядовъ; главный предметъ занятій—хлѣбопашество.

Черемисы принадлежатъ къ финскому племени и населяютъ, въ количествѣ 250 т., губернію Казанскую и Васильскій уѣздъ, Нижегородской губ.; они исповѣдуютъ православную религію; главными предметами занятій ихъ служатъ: хлѣбопашество, пчеловодство, огородничество и т. п.

Мордва, по своему происхожденію, финскаго племени. Въ количествѣ болѣе чѣмъ полмилліона мордва населяетъ главнымъ образомъ Симбирскую, а частью Самарскую и Саратовскую губерніи. Занятія мордвы тѣ-же, что и у черемисъ; религію исповѣдуютъ православную, но сохранили много языческихъ религіозныхъ обрядовъ.

Калмыки населяютъ степи Астраханской губерніи и нѣкоторыя мѣстности южной части Саратовской губ.; они монгольскаго племени, идолопоклонники, послѣдователи Ламы. Калмыки—совершенно дикій народъ, ведутъ кочевую жизнь, зиму и лѣто проводятъ въ кошомныхъ кибиткахъ; главное ихъ занятіе—скотоводство. Какъ рабочая сила, свыкшаяся съ климатомъ, калмыкъ незамѣнимъ, особенно въ Астраханскомъ краѣ. Масса калмыковъ служитъ пастухами, на разныхъ сельскихъ работахъ, на рыбныхъ ватагахъ и т. д. Калмыки находятся въ вѣдѣніи управленія калмыцкаго народа (въ Астрахани). Начальникъ управленія—главный попечитель калмыцкаго народа. Въ административномъ отношеніи они раздѣлены на *улусы*, которые управляются отдѣльными попечителями. Калмыцкіе *нойоны* (нѣчто въ родѣ князя-помѣщика) въ большинствѣ случаевъ служатъ или числятся на службѣ въ русскихъ войскахъ; послѣдніе вѣдаютъ болѣе финансовое дѣло своего народа.

Въ силу Высочайшаго указа, послѣдовавшаго въ 1892 г. калмыкамъ дарована полная свобода. Такимъ

образомъ прежней ихъ зависимости отъ *нойоновъ* и *засанюговъ* болѣе не существуетъ.

Въ настоящее время, преимущественно въ Астраханской губерніи, можно встрѣтить, хотя и рѣдко, калмыкъ съ высшимъ образованіемъ.

Калмыки, по своему характеру, скорѣе добродушный народъ, но въ то же время мстительный и злой къ тѣмъ, кто его сильно обижаетъ. Въ послѣднее время они пристрастились къ „ракѣ“ (водкѣ); конокрадство возведено въ идеалъ молодчества, почему сильно развито и до настоящаго времени.

Армяне и персы населяютъ исключительно Астрахань, сравнительно, въ ограниченномъ числѣ. Характеръ и національныя черты этихъ народовъ слишкомъ популярны, чтобы о нихъ говорить.

Остались еще *евреи*; но что о нихъ говорить?...

Стоить только заглянуть въ любой приволжскій городъ, который заявилъ своей возрастающей промышленностью, своими экономическими условіями, общающимися прекрасное будущее, словомъ, заявилъ о настоящемъ или будущемъ богатствѣ, — еврейство уже покрываетъ этотъ уголокъ *своей* сѣтью. А сколько этихъ пауковъ, ткущихъ паутину съ поразительнымъ искусствомъ и быстротой, снуютъ по всѣмъ направленіямъ Волги, это тѣ, которымъ абсолютно нельзя остановиться на одномъ мѣстѣ, и которые, „ничтоже сумняшеса“, исполняютъ роли коммисіонеровъ, агентовъ, комивояжеровъ и т. д., до саранчи включительно. Дальше Царицына жидовство не идетъ, если не считать конечнаго пункта Астрахани, гдѣ ихъ также немало. Въ Сарептѣ — ни одного: изгоняются немедленно при первомъ появленіи.

„Разумѣется, подъ вывѣской мелкой торговли, — говоритъ одна петерб. газета, — евреи давно уже вторгнулись въ экономическую (да и общественную) область Прикаспійскаго края; завели собственную биржу и задаютъ тонъ на нашихъ рыбныхъ и нефтяныхъ рынкахъ. Начиная съ царицынскаго желѣзнодорожнаго вокзала, гдѣ вы съ трудомъ (буквально) протискиваетесь сквозь огромнѣйшую толпу курляндскихъ, польскихъ и иныхъ

евресвъ; слѣдую далѣе по астраханско-царицынскому тракту (до открытія навигаціи), опять-таки неизбѣжная встрѣча съ ними—вплоть до самой Астрахани, гдѣ въ послѣдніе годы замѣчается наплывъ израильтянъ изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ. Быстро ориентированъ еврей среди, казалось бы, новыхъ для него условій, и, смотришь, онъ успѣлъ уже опутать задатками сотни ловцовъ, контрактами, съ круговою другъ за друга порукою, съ неизбѣжными неустойками и проч. Все по закону. Извѣстно, что никто такъ лучше не пользуется закономъ, какъ еврей, съ которымъ могутъ сравняться развѣ тифлисскіе и шушинскіе армяне, занимающіеся фабрикаціею и сбытомъ фальшивыхъ денегъ, да контрабандою“.

Очеркъ каспійско-волжскаго судоходства.

Геродотъ, жившій около 425 л. до Р. Х., приводитъ между прочимъ свѣдѣніе, что греческія весельныя суда, во время своихъ экскурсій по Каспійскому морю, совершали плаваніе въ длину въ теченіе пятнадцати дней. Далѣе арабскій писатель Массуди говоритъ, что во время владычества на Волгѣ хозаръ руссы, производившіе нападенія на прибрежныя мѣстности Каспійскаго края, въ 913 г. явились въ море на 500 *корабляхъ*; но по возвращеніи были перебиты хозарами въ устьяхъ Волги самымъ измѣнническимъ образомъ. Это обстоятельство имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что руссы совершенно покорили хозаръ, а ихъ главный городъ Итиль былъ разоренъ, о чемъ мы уже сказали въ предыдущемъ очеркѣ.

Судоходство увеличилось и до нѣкоторой степени улучшилось въ періодъ извѣстнаго „укшуйничества“.

Первое большое судно, извѣстное подъ именемъ *корабля*, „Фредерикъ“, было построено въ Нижнемъ-Новгородѣ строителемъ М. Кордесомъ по порученію герцога шлезвигъ-голштинскаго Фридриха, съ разрѣшенія царя Михаила Ѳеодоровича. Это событіе произошло въ 1636 г. Въ этомъ-же году, 15 сентября, „Фредерикъ“

вышелъ изъ Нижняго вмѣстѣ съ знаменитымъ ученымъ Адамомъ Олеаріемъ. Цѣль голштинской экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы завести сношенія съ Персіей и др. странами, прилегающими къ Каспійскому морю. Но эта экспедиція окончилась неблагополучно: 15 ноября, застигнутый бурей, „Фредерикъ“ у западныхъ береговъ Каспія потерпѣлъ аварію.

Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, именно 12 іюня 1667 г. послѣдовалъ указъ о постройкѣ кораблей въ с. Дѣдновѣ, Коломенскаго уѣзда, что вызывалось поддержкой торговыхъ сношеній съ Персіей вообще, и въ частности—необходимостью борьбы съ „понизовой вольницей“, во главѣ Стеньки Разина. Главными строителями кораблей были: состоящій на русской службѣ, голландецъ, полковникъ Корнеліусъ фонъ-Буковенъ и иноземецъ, купецъ фонъ-Сведенъ, который привезъ изъ Голландіи мастеровъ, инструменты и экипажъ; ф.-Сведенъ завѣдывалъ собственно экономической частью.

1 мая 1669 г. корабль „Орель“, яхта, двѣ шняки и боть „со всѣми снастями“ были отправлены изъ с. Дѣднова въ Нижній-Новгородъ, а спустя нѣсколько недѣль „Орель“ направился по Волгѣ къ Астрахани.

Но печальна была судьба, постигшая первый русскій корабль. Въ 1670 г., въ началѣ іюня, когда Астрахань была окружена ордой Разина, экипажъ „Орла“, стоявшаго возлѣ города, частью бѣжалъ въ море, а частью разбрелся въ городъ. Самый корабль былъ сожженъ разбойниками.

Благодаря постепенно увеличивавшемуся въ Поволжѣ населенію, водворенію спокойствія и порядка и, самое главное, благодаря развитію рыбнаго, соляного и др. промысловъ, общему расширенію торговыхъ операцій по всему Поволжью,—волжское судоходство, съ началомъ нынѣшняго столѣтія, принимаетъ уже внушительные размѣры, а типы судовъ становятся разнообразны; при этомъ, со стороны правительства уже не вызывается необходимости принуждать судовладельцевъ къ улучшенію конструкціи судовъ. Само дѣло, ходъ его застав-

лялъ судовладельцевъ отрѣшаться отъ неудобныхъ къ передвиженію и невыгодныхъ судовъ. Уже одно только увеличеніе количества грузовъ вынудило судовладельцевъ отказаться отъ преимущественнаго употребленія, для передвиженія послѣднихъ, разноименныхъ, простой конструкціи судовъ, въ родѣ клядныхъ, дошаниковъ, расшивъ, межеумокъ, бархотовъ, асламакъ, шитиковъ, сурыakovъ и проч., плававшихъ въ первой четверти нынѣшняго вѣка на Волгѣ въ особенномъ изобиліи, и начать устройство машинныхъ судовъ, способныхъ передвигать разомъ сотни тыс. пудовъ „Машинное судно,—говорить г. Штилько въ „Р. Суд.“,—передвигающееся съ помощью лошадиной силы, изобрѣтено въ 1814 г., когда Пуа-де-Бердъ получилъ на нее привиллегію. Но коноводки стали употребляться на Волгѣ съ 1820 г., послѣ того какъ крестьянинъ Сутыринъ получилъ 23 мая 1819 г. привиллегію на судно, болѣе усовершенствованное имъ, чѣмъ пуа-де-бердовское, къ тому же оно и стоило въ-десятеро дешевле: машина Пуа-де-Бердъ стоила 5 тысячъ, а сутыринская только 500 руб. Почти одновременно съ Сутыринымъ, именно въ іюнь 1818 г., корабельный мастеръ Томасъ Реби взялъ привиллегію тоже на конно-машинное судно, а въ 1828 г. выдана привиллегія на подобное же судно англичанину В. Фокъ.

Коноводныя машины ходили только вверхъ и передвигались при помощи завезенныхъ якорей, которые и выбирались лошадьми, съ помощью машинныхъ воротовъ и приводовъ, устроенныхъ на самомъ суднѣ. Такихъ машинъ въ 1836 г. было въ дѣйствиіи на Волгѣ 35, а черезъ десять лѣтъ число ихъ увеличилось до двухсотъ. Конноводныя машины употреблялись только отъ Царицына, а отъ Астрахани ходили пока не ввелось пароходство на парусахъ. Грузъ съ подчалками доходилъ до 150 т. пудовъ. Были попытки замѣнить силу лошадей теченіемъ рѣки, для чего впереди судна ставили подливное колесо, валъ котораго, зубчатой системы, соединялся со шпилемъ, на который и наматывался кабельтовъ отъ завезеннаго якоря. Но способъ

этотъ не привился, за недостаточностью силы теченія. Коноводныя машины строились преимущественно на Камѣ. Съ развитіемъ буксирнаго пароходства коноводныя машины быстро стали исчезать. Къ 1856 г. число ихъ уменьшилось на половину, а къ навигаціи 1871 года осталось только три. Что касается обыкновенныхъ судовъ, то въ 30 годахъ только на Волгѣ считалось ихъ до 15 тыс. (включая, конечно, и мелкія лодки). Только въ одномъ Рыбинскѣ грузилось въ 1835 г. 7500 судовъ. Съ такою быстротою росло число плававшихъ на Волгѣ свыше 15 тысячъ судовъ, а въ 1857 г. грузившихся было 24 тысячи, разной конструкціи (изъ нихъ до 3 т. выше Рыбинска). Во всемъ же волжскомъ бассейнѣ грузилось въ 1857 г. 31047 судовъ, 2386 плотовъ и 2767 лѣсныхъ гонокъ. Построено на Волгѣ и притокахъ въ 1854 г. 8723 судна, изъ коихъ 1420 маломѣрныхъ лодокъ.

Суда, отправлявшіяся съ низовыхъ пристаней, не ходили до Рыбинска, а только шли до Нижняго. Противъ теченія шли приблизительно: отъ Астрахани до Нижняго 2 и 3 мѣсяца, отъ Нижняго до Рыбинска 3 и 3½ недѣли, а отсюда до Твери, бечевою, въ 20 дней. Всего Волгу проходили, вверхъ, отъ 3 до 4 мѣсяцевъ. Внизъ по Волгѣ плыли: отъ Твери до Рыбинска 3 дня, отъ Рыбинска до Нижняго—10 дней, отсюда до Астрахани—30 дней; слѣдовательно, 3000 верстъ совершали въ 43 дня. Расшивы и кладныя суда спускались на парусахъ, при попутномъ вѣтрѣ, а другія на веслахъ; шестахъ или на рысковыхъ якоряхъ. Рысковой якорь съ канатомъ вывозили ближе къ берегу, подъ которымъ шли, и здѣсь бросали его, а канатъ укрѣпляли на суднѣ; послѣднее силою теченія отрыскивало внизъ, направляемое рулемъ; затѣмъ якорь выхаживали и снова начинали ту-же процедуру. Легко представить себѣ, какъ медленно подвигалось судно. При употребленіи заводныхъ якорей, на которыхъ шли противъ теченія, требовалось большое число людей; на крупныхъ судахъ двѣ-три сотни бурлаковъ, а на мелкихъ отъ 20 до 100. До введенія паровыхъ буксировъ, законъ обязывалъ

имѣть на каждыя 900 пудовъ кладь по три работника. Безъ попутнаго вѣтра, лучшею тягою была бечевая. Сотни тысячъ людей питались на Волгѣ бурлацкою лямкою. Судовладельцы брали съ кладчиковъ въ 1857 г. отъ Самары до Костромы, на протяжныхъ (т. е. съ одной артелью, только дневной ходъ, а ночью отдыхъ на якорѣ), съ пуда 55 к., со смѣнной же артелью почти вдвое дороже.

До сихъ поръ мы касались исключительно грузового движенія. Какъ же удовлетворялись потребности пассажировъ? О нихъ совсѣмъ не беспокоились, пока не появились пароходы, сносно устроенные, а это произошло, сравнительно, еще недавно, такъ какъ даже въ теченіе многихъ лѣтъ волжскаго пароходства оно не было приспособлено для пассажировъ.

Чтобы имѣть представленіе о путешествіи по Волгѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, мы приведемъ извлеченіе изъ дневника протоіерея Скопина, ѣздившаго изъ Астрахани въ Саратовъ въ 1797 г. по дѣламъ службы.

10-го іюля о. Скопинъ выѣхалъ на (дошаникѣ) лодкѣ и только на другой день проѣхалъ Дурновскую и Лебяженскую станицы. Близъ послѣдней долго простояли за вѣтромъ. Лебяжью проѣхали вечеромъ. Встрѣтили дорогою двѣ сплавыя съ хлѣбомъ изъ Вятки и двѣ съ лѣсомъ и дровами. 12-го, т. е. на третій день, прошли мимо Замьяна: сильный вѣтеръ едва не погубилъ путниковъ, спаслись въ ерикъ. Прошла буря, и на дошаникѣ подняли парусъ, которымъ и доплыли до Енотаевска, но оставили его влѣво, остановившись на нѣскольکو верстъ выше „на быстротѣ воды“ въ Яру, ночевать. „Здѣсь стоявъ, вдругъ услышали, — пишетъ о. Скопинъ, — пальбу и внизъ спускающіяся двѣ лодки“. Однако, благодаря спокойствію, съ которымъ стояли спутники о. Скопина, лодки, очевидно, разбойничьи, не тронули ихъ, или не замѣтили.

На разсвѣтѣ 13 числа побѣжали къ Копановской станціи; шли часть пути бечевой. Едва только вечеромъ этого дня прошли Ветлянку. 14 утромъ были у с. Никольскаго. „Вечеромъ въ день сей, — пишетъ о. Ско-

нинъ,—у хозяина (дощаника) была ссора о многомъ. Почти всѣ отправляющіеся были изъ простонародія*.

15 іюля выѣхали изъ Чернаго-Яра и бѣжали парусомъ „полторы перемѣны“; но вѣтеръ перемѣнился, задулъ на встрѣчу, пошелъ дождь. Пришлось ночевать на якорѣ. Дождь всѣхъ перемочилъ, „страху претерпѣли много, ибо были въ яристыхъ мѣстахъ“.

16-го пробѣжали с. Каменное, шли бечевою.

17-го пробѣжали Сарпу.

Только 18 числа, т. е. на восьмой день по выѣздѣ изъ Астрахани, были въ Царицынѣ. 19-го въ Дубовкѣ. 20-го пробѣжали Балыклейское и Антиповское. Къ Камышину пристали въ ночь съ 20 на 21 число. 22, 23 пробѣжали разные села и прибыли въ Саратовъ 24-го, т. е. черезъ четырнадцать дней по выѣздѣ. Это путь, который теперь дѣлаютъ на пароходахъ въ трое сутокъ.

Обратный путь совершенъ такъ: 19-го августа отвалили изъ Саратова въ 8 час. утра, 21 были въ Царицынѣ, 22 пришли въ Сарпу, 23 и 24 плыли до Чернаго-Яра. Противный вѣтеръ задержалъ до 25 числа, когда приставали къ Черному-Яру. 1-го сентября прибыли въ Астрахань.

Такимъ образомъ, Скопинъ ѣхалъ отъ Саратова до Астрахани почти двѣ недѣли. Но какой тяжелый и опасный путь! Даже до половины нынѣшняго столѣтія, когда на Волгѣ былъ уже пароходно-водный путь, сдѣлавшись болѣе выгоднымъ и удобнымъ для передвиженія грузовъ, не былъ заманчивымъ для пассажировъ и послѣдніе не всегда могли имъ воспользоваться.

Саратовскій губернаторъ Оаддѣвъ, отправляясь въ 1846 г. внизъ по Волгѣ изъ Сарепты до Астрахани, вынужденъ былъ ѣхать на асламкѣ, вслѣдствіе того, что правильнаго пассажирскаго пароходства еще не существовало. Постоянный вѣтеръ и непогода такъ задержали губернатора въ пути и такъ измучили, что онъ приказалъ у с. Петропавловскаго выкатить съ асламки эки-

пажъ и доѣхалъ въ немъ остальные 47 верстъ до Астрахани на почтовыхъ, и восхваляя, какъ онъ пишетъ въ своихъ запискахъ, судьбу за избавленіе отъ асламки.

Въ 1818 году на заводѣ Берда въ Петербургѣ, по заказу астраханскаго жителя, тит. сов. Д. П. Евреинова, человѣка предприимчиваго и богатаго, сдѣланъ былъ паровикъ, а изъ-за границы выписаны другія части паровой машины и сложенъ пароводъ, неуклюжій, малосильный, глубоко сидѣвшій въ водѣ. Пароводъ медленно двинулся сверху къ Астрахани.

Толпы народа сбѣгались къ берегу и дивились чудному судну,—съ трубой и печкой, которое само ходитъ и вверхъ и внизъ, безъ парусовъ, безъ ямки, только печку топи.

— Ишь, чертова расшива! говорили люди.

Темный людъ отнесся къ пароводу съ боязнью, какъ дьявольскому навожденію:

„Грѣшно товаръ везти на этой посудѣ съ печкой!“ говорилъ онъ.

Къ несчастью, долгое время пароводы на Волгѣ терпѣли неудачу, оттого, что ихъ не умѣли дѣлать. Сидя глубоко въ водѣ (не плоскодонные, какъ нынѣ), они не могли поднимать большого груза и садились на мель; въ случаѣ малѣйшей порчи въ машинѣ, бросали якорь, хотя-бы въ полую воду, и для исправленія порчи посылали за мастеромъ въ Петербургъ. Такъ какъ груза брали они немного и путь совершали медленно (3—4 недѣли отъ Астрахани до Нижняго), то предпринимателю не изъ чего было заводить пристани и склады дровъ на Волгѣ. Каждый разъ съ мѣста отправленія пароводы должны были брать запасъ дровъ на все время плаванія.

Вотъ почему Евреиновъ, пустившій по Волгѣ сразу четыре паровода, не выдержалъ и разорился.

Этому разоренію особенно помогло появленіе на

Волгѣ коноводокъ, слѣданныхъ однимъ французомъ, который въ этомъ случаѣ самымъ безцеремоннымъ образомъ воспользовался изобрѣтеніемъ русскаго самоучки Кулибина. Предъ коноводками пароходы Евреинова окончательно сконфузились.

Разореніе Евреинова нанесло тяжелый ударъ пароходному дѣлу на Волгѣ. Народъ говорилъ, что это нечистая сила наказала Евреинова. Противъ пароходовъ стали говорить и то, что они уничтожаютъ много дровъ, пугаютъ рыбу, отнимаютъ хлѣбъ у бурлаковъ и проч.

Однако владѣтель пароходостроительнаго завода Бердъ надолго остается монополистомъ пароходнаго дѣла на Волгѣ. На заводѣ Берда строились еще нѣсколько пароходовъ, принадлежавшихъ первому пароходному обществу: „Компанія парового судоходства по р.р. Волгѣ, Камѣ и Каспійскому морю“, утвержденному 17 октября 1823 г. Во главѣ этого общества стояли Евреиновъ и др.

Это общество очень скоро рушилось, не успѣвши заявить о своемъ существованіи. Въ слѣдующемъ году на Волгѣ также не было пароходства. Александръ Благословенный, совершавшій путешествіе по Волгѣ (отъ Симбирска до Самары), ѣхалъ на казенномъ „гардкоутѣ“, на которомъ въ то время правительство содержало караулы по Волгѣ.

Гардкоутный „экипажъ“ отличался, впрочемъ, отъ волжскихъ разбойниковъ тѣмъ только, что онъ грабилъ „идеальнѣе“, на законномъ основаніи, при чемъ еще соблюдалъ и необходимыя формальности.

Помѣщикъ Сомовъ построилъ въ 1834 г. въ Нижнемъ новый пароходъ „Выкса“, первый всецѣло русскій пароходъ. Въ 1836 году явился еще пароходъ астраханскаго армянина Хромова.

Но и тотъ и другой пароходы были не лучше еврейновскихъ.

Первый пароходъ, появившійся на Волгѣ въ 1842 году, именовался „Соколъ“.

Этотъ пароходъ принадлежалъ полковнику Соколовскому. Пароходъ былъ прекрасно отдѣланъ, безъ всякихъ препятствій совершилъ рейсъ отъ Н.-Новгорода до Астрахани въ продолженіе десяти дней. О дальнѣйшей судьбѣ „Сокола“ ничего неизвѣстно.

Пароходное общество „по Волгѣ“ было учреждено въ 1843 г. Основателемъ этого общества считается иностранецъ Кайли. Первый пароходъ общества „Волга“ появился на Волгѣ въ 1846 г. и былъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, прекрасно устроенъ во всѣхъ отношеніяхъ. „Волга“ былъ выстроенъ въ Голландіи на заводѣ Индерландскаго парох. общ. Затѣмъ, черезъ два года это общество выстроило еще два парохода: „Геркулесъ“ и „Самсонъ“, долгое время считавшіеся самыми сильными пароходами на Волгѣ.

Пароходное общество „по Волгѣ“—самое старѣйшее пароходство, зарекомендовавшее себя за время долготѣяго существованія съ самой прекрасной стороны. Новѣйшіе пароходы этого общества „Николай II-й“, „Бояринъ“ и „Боярыня“ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Другіе пароходы: „Императрица“, „Государыня“ и т. д. также устроены по американскому типу. Чтобы убѣдиться, что общество при устройствѣ своихъ пароходовъ дѣйствительно заботилось объ удобствахъ и возможномъ покоѣ пассажировъ, стоитъ лишь проѣхать на одномъ изъ этихъ пароходовъ нѣсколько часовъ. Словомъ, мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что описываемое пароходное общество остается передовымъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Характеристической особенностью описываемаго общества могутъ служить тѣ заботы и вниманіе, которыми пользуются пассажиры на пароходахъ. Образцовый порядокъ и чистота, царствующіе на пароходахъ этого общества, производятъ самое прекрасное впечатлѣніе.

Общество „по Волгѣ“ содержитъ также между Астраханью и Нижнимъ-Новгородомъ, кромѣ пассажирской, и товарную линію (срочную), которую поддерживаютъ нѣсколько товарныхъ пароходовъ. За послѣднее

время свою дѣятельность, по части передвиженія грузовъ, общество перенесло и на Каспійское море.

Пароходное общество „Меркурій“, которое теперь называется „Кавказъ и Меркурій“, основано въ 1849 г.

Общество „Кавказъ и Меркурій“ въ 1876 году выпустило первый большой пароходъ американскаго типа „Александръ II“, а въ послѣдующихъ годахъ— „Суворова“ и нѣсколько большихъ товаро-пассажирскихъ пароходовъ, съ помѣщеніями для пассажировъ на верхней палубѣ.

„Кавказъ и Меркурій“, нужно отдать справедливость, одно изъ солидныхъ обществъ на Волгѣ. Шесть пароходовъ легкихъ, изъ нихъ лучшіе— „Александръ II“ и „Суворовъ“. Затѣмъ пароходы „Петръ Великій“, „Екатерина II“, „І. Грозный“, „Владиміръ Мономахъ“ и др. называются товаро-пассажирскими. Всѣ эти пароходы совершаютъ правильные рейсы между Нижнимъ-Новгородомъ и Астраханью. Затѣмъ это-же общество содержитъ срочную линію между Астраханью и портами Каспійскаго моря. Разница въ движеніи между легкими и товаро-пассажирскими пароходами самая незначительная, приблизительно 1 1/2 сут. отъ Нижняго до Астрахани.

Пароходное общество „Самолетъ“, основателемъ котораго считается капитанъ Глазенапъ, возникло въ 1853 г.

Появленіе въ концѣ 80-хъ годовъ новыхъ пароходовъ: „Лермонтова“, „Пушкина“. а затѣмъ „Некрасова“ и др., можно сказать, служило началомъ новой эры пароходнаго общества „Самолетъ“.

Это общество, такъ-же, какъ и „К. и М.“, тоже можетъ назваться солиднымъ и весьма популярнымъ на Волгѣ, занимающимъ, кромѣ того, одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду лучшихъ пароходныхъ обществъ на Волгѣ. Самолетскіе пароходы могутъ похвастаться роскошной отдѣлкой, комфортомъ и т. п. Всѣхъ пароходовъ,

совершающихъ рейсы до Астрахани, 12; всѣ они новые, американскаго типа. Точно также на линіи Нижній—Рыбинскъ всѣ пароходы: „Кн. Андрей Боголюбскій“, „Кн. Юрій Суздальскій“ и др.—вновь построенные пароходы, американскаго типа.

Въ общемъ, Самолѣтское общество содержитъ на Волгѣ и ея притокахъ болѣе 30 пароходовъ. Вверхъ и внизъ по Волгѣ самолетскіе пароходы отправляются ежедневно. Кромѣ того совершаютъ рейсы между Тверью и Рыбинскомъ—4 раза въ недѣлю; изъ Нижняго-Новгорода вверхъ до Рыбинска два раза и внизъ до Царицына и Астрахани—ежедневно. Кромѣ того Самолѣтское общество съ навигаціи 98 г. будетъ держать между Тверью и Самарой срочные буксирные рейсы.

Въ 1872 г. на Волгѣ появился пассажирскій пароходъ американскаго типа „Переворотъ“, впоследствии переименованный въ „Колорадо“. Затѣмъ, въ послѣдующихъ годахъ Зевеке (покойный) было построено нѣсколько пароходовъ американскаго типа—большихъ, для нижнихъ плесовъ—отъ Нижняго до Астрахани и малыхъ, съ однимъ колесомъ назадъ, для верхняго плеса—отъ Нижняго до Рыбинска *).

Теперь это пароходство носитъ слѣдующее названіе: „Высочайше утвержденное общество пароходства и торговли подъ фирмою А. А. Зевеке“.

Изъ низовыхъ пароходовъ Зевеке—„Миссисипи“, „Ниагара“, „Миссури“, и др.; лучшій—„Ориноко“, отличающійся комфортомъ и удобствами **).

*) Вообще, приблизительно, съ этого года пароходство, какъ на Волгѣ, такъ и на ея притокахъ, начало быстро развиваться и совершенствоваться; появилось много пароходовъ, которые другъ передъ другомъ щеголяли удобствами, скоростью хода, комфортомъ и даже роскошью.

**) Пароходы Зевеке и товаро-пассажирскіе пароходы „Кавказъ и Меркурій“ хотя и ходятъ нѣсколько медленнѣе др. волжскихъ пароходовъ и у пристаней стоятъ выѣсто 5—10 минутъ полчаса, часъ, два и болѣе, но въ силу этого обстоятельства нѣкоторые туристы предпочитаютъ именно эти пароходы. Необходимо замѣтить, что послѣдніе у многихъ мелкихъ пристаней совсѣмъ не останавливаются.

На верхнемъ плесѣ отъ Нижняго до Рыбинска, кромѣ пароходовъ Самолетской компаніи и Зевеке, существуетъ пароходство „Товарищество“ и др. Пароходство „Товарищество“ за послѣдніе два года приобрѣло довольно солидную репутацію 3 парохода этого общества: „Наслѣдники“, „Зарубинъ“ и „Дмитрій“ американскаго типа, освѣщаются электричествомъ. Эти пароходы отправляются изъ Нижняго-Новгорода до Рыбинска ежедневно.

Самые лучшіе пароходы, совершающіе рейсы отъ Нижняго до Рыбинска, принадлежатъ „Т-ву“ (М. П. Зарубину).

Изъ пароходовъ, совершающихъ рейсы по Камѣ между Нижнимъ и Пермью, лучшими слѣдуетъ признать пароходы Курбатова, Любимова,—„Кама“, „Екатеринбургъ“ и „Березники“ лучшіе любимовскіе пароходы американскаго типа,—и пароходы бр. Каменскихъ.

Пароходство Курбатова (наслѣдницы О. П. Карповой).

Всѣхъ пароходовъ Курбатова 9 (кромѣ буксирныхъ); изъ нихъ „Фортуна“, „Добрый“ и „Бѣлевецъ“ съ каютами на верхней палубѣ и освѣщаются электричествомъ. Пароходы совершаютъ правильные рейсы отъ Нижняго до Перми въ продолженіи 4 сут. и 14 ч., отъ Перми до Нижняго-Новгорода въ 5 сут.

Всѣ эти пароходы построены на заводѣ Курбатова подъ наблюденіемъ извѣстнаго механика Калашникова. Прочность и, такъ сказать, основательность съ которыми они сдѣланы, поразительны; опытный глазъ, вѣроятно, не найдетъ бы въ нихъ и тѣни живыхъ нитокъ, которыми наши современные дѣльцы нерѣдко дѣлаютъ разныя дѣла, а въ томъ числѣ и пароходы. Спокойствіе во время плаванія, полнѣйшая аккуратность рейсовъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, при условіи сильнаго обмелѣнія Волги и Камы, необыкновенная дешевизна таксы,—вотъ отличительныя черты Курбатовскихъ пароходовъ. Стоитъ прослѣдить исторію пароходныхъ катастрофъ на Волгѣ и Камѣ, связанныхъ съ гибелью пароходовъ и сопровождавшихся десятками человѣческихъ

жертвъ, чтобы убѣдиться, что эта скорбная лѣтопись не коснулась именно только Курбатовскихъ пароходовъ. Последнее обстоятельство, конечно, много зависитъ вообще отъ того режима, который создали десятками лѣтъ владѣтели этихъ пароходовъ, и, въ частности, отъ состава администраціи.

На каждомъ пароходѣ Курбатова есть библіотека; 1-й и 2-й классы не щеголяютъ *излишней* роскошью, но зато отличаются просторомъ и чистотой; въ 1-мъ классѣ есть рубка, откуда отдѣльный ходъ ведетъ на верхъ; буфеты очень порядочные; дешевизна таксы доведена до *minimum'a*. Словомъ, кто предпочитаетъ, по русской пословицѣ, *проѣхать тихо и скорѣе* достигнуть цѣли, тѣмъ рекомендуемъ пароходы Курбатова.

Какъ на Волгѣ, такъ и на Камѣ существуетъ немало пароходовъ мелкихъ обществъ или принадлежащихъ разнымъ частнымъ владѣльцамъ. Изъ такихъ пароходовъ лучший и, пожалуй, единственный — „Кашинъ“, затѣмъ „Надежда“ и „Анна“, пароходовладѣльца Кашина, который содержитъ ежедневную линію между Нижнимъ-Новгородомъ и Казанью.

Отъ Нижняго до *Вятки* содержитъ срочное пароходство Булычевъ. Отъ Нижняго до *Уфы* — пароходство Якимова, 3 раза въ недѣлю.

По р. Окѣ существуетъ нѣсколько пароходныхъ обществъ и пароходовъ частныхъ владѣтелей. Лучшими изъ нихъ считается „Товарищество по р. Окѣ“. Изъ Нижняго вверхъ по Окѣ пароходы ходятъ ежедневно. Вообще же пароходы по Окѣ далеко уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ волжскимъ и камскимъ пароходамъ.

По *Шекснѣ* между Рыбинскомъ и Череповцемъ пароходство Милютина держитъ срочные рейсы.

Впродолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ на *Суру* являлось немало пароходовладѣльцевъ съ своими пароходами, чтобы установить правильное движеніе между Василь-Сурскомъ и Алатыремъ, Симбирской губ. (выше

Алатыря пароходство стало совершенно невозможным; но каждый раз навигація для такихъ предпринимателей оканчивалась очень печально: пароходъ обыкновенно разбивался, ломался, и тѣмъ оканчивалось предпріятіе. Недавно тамъ ходилъ пароходъ, принадлежащій товариществу паровыхъ мельницъ въ Алатырѣ. Несмотря на разныя невзгоды и крушенія, пароходъ этотъ исполнялъ кое-какъ свою миссію, конечно, не общественную, а миссію своего хозяина; росписаніе для этого парохода хотя и существуетъ, но полагаться на него крайне рискованно.

Съ 86 г. по *Ахтубѣ* открылось пароходство (отъ Царицына до с. Пришиба, Царевского у., Астраханск. губ.) на пространствѣ 55 в.; пароходовъ 2; они принадлежатъ товариществу служащихъ у бр. Нобель. Пассажиры предпочитаютъ совершать путь до Пришиба и попутныхъ станцій на большихъ дощаникахъ, которые буксируются этими пароходиками. Рейсы совершаются 3 раза въ недѣлю.

Для отправленія исключительно грузовъ, кромѣ пароходовъ общества „по Волгѣ“, „Кавказъ и Меркурій“ и др., существуетъ пароходство „Дружина“. Это пароходство (пароходы съ однимъ колесомъ позади) держитъ *срочные* рейсы, исключительно грузовые, какъ на Волгѣ, такъ и по Каспійскому морю.

Кромѣ описанныхъ выше пароходствъ на верхнемъ плесѣ существуетъ такъ называемое *тузрное* пароходство. Идея этого пар-ва заключается въ слѣдующемъ: судно движется по цѣпи, проложенной отъ Рыбинска до Твери, по фарватеру цѣпь, приводимая въ движеніе паромъ, наворачивается на валъ (какъ по безконечной лентѣ). Это пар-во за послѣднее время совсѣмъ падаетъ

По послѣднимъ офіціальнымъ свѣдѣніямъ, паровой флотъ волжскаго бассейна состоитъ изъ 864 пароходовъ различныхъ назначеній. Первое мѣсто, по количеству, занимаютъ пароходы буксирные, которыхъ въ настоящее время на Волгѣ и притокахъ насчитывается 592. Затѣмъ слѣдуютъ: пароходы товаро-пассажирскіе

въ числѣ 103, буксиро-пассажирыскіе—51, служебныя—41, товарныя—9 и, наконецъ, 5 пароходовъ съ неопредѣленными назначеніями. Значительное большинство этихъ пароходовъ приводится въ движеніе колесами (708); винтовыхъ насчитывается 88.

Судостроительные заводы на Волгѣ.

Никольско-абакумовскій механическій, литейный и судостроительный заводъ торговаго дома „Николая Журавлева Сыновья“ въ Абакумовѣ, близъ города Рыбинска, существующій съ 1865 г. Главнѣйшая дѣятельность завода—постройка рѣчныхъ пароходовъ колесныхъ и винтовыхъ, шхунъ для Каспійскаго моря и туэровъ и проч. Въ 1867 году заводъ изготовилъ первый изъ большихъ буксирныхъ пароходовъ, предназначенный для плаванія по Волгѣ. Пароходъ этотъ, названный „Первенецъ“, вмѣстимостью въ 510 тоннъ, былъ весь желѣзный и развивалъ 200 номинальныхъ и 500 индикаторныхъ силъ (строившіеся до этого пароходы развивали отъ 24 до 80 номин. силъ). Въ 1868 г. были спущены еще два точно такихъ же буксирныхъ парохода: „Родоначалникъ“ и „Близнецъ“, и каждый изъ нихъ стоилъ по 140,000 р. Въ 1869 г. заводъ изготовилъ два, сравнительно, небольшихъ (по 50 номин. силъ) парохода—„Ржевъ“ и „Юноша“, а въ слѣдующемъ году появились два новыхъ огромныхъ парохода типа „Первенца“—„Полятаевъ“ и „Праотецъ“. Всѣ эти пароходы, по назначенію своему, буксирные, строились для плаванія по Волгѣ. Въ теченіе времени съ 1871 по 1873 годъ заводъ построилъ 4 парохода новаго типа: „Ока“, „Левъ“, „Гавріиль“ и „Александръ“. Первый—пассажирыскій предназначенъ для плаванія по Окѣ, а остальные три—туэры—по Шекснѣ.

Съ 1874 по 1875 г. заводъ впервые изготовилъ для плаванія по Волгѣ два огромныхъ товаро-пассажирыскихъ парохода американскаго типа. Это были весьма изящно построенныя суда, которыхъ ранѣе въ Россіи

не имѣлось. „Ниагара“ и „Миклашевскій“, какъ они были названы, построены изъ желѣза, вмѣстимостью по 1,340 тоннъ, и каждый изъ нихъ развивалъ 250 номинальных и 660 индик. силъ; сооруженіе ихъ стоило по 250,000 рублей. Огромное большинство построенныхъ заводомъ судовъ—изъ желѣза, но были также деревянные, стальные и изъ смѣшанныхъ матеріаловъ. Въ дальнѣйшей своей дѣятельности заводъ снабжалъ Каспійское море и судоходные притоки Волги шхунами, пассажирскими, буксирными и пожарными пароходами, туэрами и лодками разнаго типа. Впрочемъ, дѣятельность завода не ограничивалась указаннымъ райономъ. Такъ, въ 1887 г. былъ изготовленъ и отправленъ въ Сибирь туэръ „Святой Иннокентій“, предназначенный для плаванія по р. Ангарѣ.

Заводы общества пароходства и торговли, подъ фирмою „Кавказъ и Меркурій“, въ Спасекомъ затонѣ ограничивались до 1881 года постройкою однихъ только корпусовъ; машины же выписывались изъ-за границы. Къ крупнѣйшимъ и лучшимъ судамъ, построеннымъ этими заводами въ Россіи, принадлежатъ: „Святославъ“, „Великій Князь Владиміръ“ и „Владиміръ Мономахъ“. Всѣ эти пароходы желѣзные, американскаго типа, развиваютъ по 760 индик. силъ, поднимаютъ по 39,700 пуд. груза и стоили свыше 200,000 руб. каждый. На Каспійскомъ морѣ лучшій изъ пароходовъ, построенныхъ самимъ обществомъ,—колесный пароходъ „Императоръ Александръ III“. Онъ развиваетъ 900 индик. силъ, поднимаетъ 27,856 пуд. груза, построенъ въ 1884 г. и обошелся въ 361,383 р. Заводы строятъ пароходы и парусныя суда разныхъ типовъ и плавучіе маяки.

Механическій заводъ коммерціи совѣтника П. М. Журавлева въ гор. Самарѣ, судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, возникъ сравнительно недавно. Первый пароходъ изготовленъ этимъ заводомъ въ 1885 г. Онъ колесный, развиваетъ 70 номин. и 310 индик. силъ и названъ „Первый“. Постепенно расширяя свою дѣятельность, заводъ приступилъ въ 1889 г. къ постройкѣ большого колеснаго парохода въ 160 номин. и 760 индик. силъ.

Сормовскіе заводы названы по мѣсту нахождения ихъ—въ с. Сормовѣ, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губ. Въ 1849 г. возникъ судостроительный и механическій заводъ, въ которому въ 1857 году былъ присоединенъ желѣзодѣлательный, а въ 1870 г.—вагонный заводъ. Съ тѣхъ поръ заводы соединены съ Нижнимъ желѣзной дорогой и телеграфомъ. Сормовскіе заводы строили въ началѣ преимущественно кабестаны и забѣжки, а позднѣе буксирные и пассажирскіе пароходы, а также туэры, шхуны, баркасы и паровыя лодки. Самыя крупныя суда, построенныя заводомъ—буксирные пароходы „Сѣверъ“ и „Графъ Игнатьевъ“, вѣсъ корпуса которыхъ около 8,000 пуд., и товаро-пассажирскіе пароходы „Переворотъ“ и „Миссисипи“, вѣсъ корпуса до 12,000 пуд. каждый. Всѣ эти суда развиваютъ 240 лошадиныхъ силъ каждая.

Судостроительный и желѣзодѣлательный заводъ Курбатова (основанный въ 1856 г. извѣстнымъ піонеромъ волжскаго пароходства Колчинымъ).

Въ настоящее время судостроительныя верфи собственно на Волгѣ находятся въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Твери—общества „Самолетъ“, въ Сормовѣ (Балахнинскаго уѣзда, Нижегород. губ.),—наслѣдниковъ Бенардаки, въ Нижнемъ—наслѣдницы Курбатова, въ Звенитскомъ затонѣ (въ 75 верстахъ выше Казани)—общества „Дружина“, въ Спасскомъ затонѣ (въ 90 верстахъ ниже Казани)—общества „Кавказъ и Меркурій“, въ Самарѣ—бр. Журавлевыхъ, при с. Терсѣ (близъ Вольска)—князя Ливенъ, въ Вольскѣ, въ Царицынѣ—бр. Нобель и въ Астрахани.

Плесъ Тверь—Рыбинскъ.

ТВЕРЬ, съ 53 т. ж., на обѣихъ сторонахъ Волги.

Историческій очеркъ. Города, расположенные на Волгѣ, вообще имѣли при своемъ основаніи видъ малыхъ или большихъ крѣпостей, которыя строились съ цѣлью защиты отъ разбойническихъ набѣговъ. Точно также и Тверь сначала служила укрѣпленіемъ, имѣвшимъ своей задачей защищать жителей отъ набѣговъ татаръ, новгородской вольницы и пр.

Основаніе города Твери относится къ 1181 г. (одна изъ лѣтописей указываетъ на 1209 г., какъ годъ основанія города). Сначала Тверь была построена на лѣвой сторонѣ и затоплялась водой, почему жители перешли на нагорную сторону, а впослѣдствіи, будтобы по приказанію в. кн. Ярослава Всеволодовича, туда была переведена и крѣпость. Судя же по нѣкоторымъ историческимъ источникамъ, крѣпость была первоначально построена тоже на правой сторонѣ Волги, на углу, образуемомъ лѣвымъ берегомъ р. Тьмаки и Волги, но, вслѣдствіе разлива Тьмаки, была переведена ниже, т. е. на правый берегъ Тьмаки.

Первые годы своего существованія Тверь была въ зависимости отъ княжества Суздальскаго, но въ началѣ 2-й половины XIII стол. является

самостоятельнымъ княжествомъ, и первымъ княземъ былъ Ярославъ Ярославовичъ (братъ Александра Невского). При сынѣ послѣдняго, в. кн. Михаилѣ Ярославовичѣ, въ 1276, 1281 и 1282 гг. Тверь подвергалась опустошительнымъ пожарамъ, а затѣмъ была разорена татарами. Вообще все княженіе в. кн. Михаила Ярославовича прошло въ томъ, что ему приходилось защищаться, частью, отъ нападеній татаръ, а частью, отъ нападеній возмущившихся новгородцевъ (въ 1293 г. онъ получилъ новгородскій престолъ) и, наконецъ, отъ нападеній в. кн. московскаго, которымъ въ то время былъ Георгій Даниловичъ.

В. кн. тверской Михаилъ Ярославовичъ окончилъ печально: вызванный ханомъ въ орду, по проискамъ того же князя Георгія Даниловича, онъ былъ тамъ предательски убитъ (въ 1319 г.). Впослѣдствіи Михаилъ Ярославовичъ былъ причисленъ къ лику святыхъ; его мощи почиваютъ въ тверскомъ соборѣ. В. кн. Георгій Даниловичъ также умеръ насильственной смертью: онъ былъ убитъ в. кн. Дмитріемъ Михайловичемъ (прозваннымъ „Грозныя Очи“), сыномъ Михаила Ярославовича, за что, впрочемъ, и самъ убійца заплатилъ смертію. На тверской престолъ вступаетъ его братъ, Александръ Михайловичъ. Его княженіе ознаменовалось тѣмъ, что тверитяне избили татаръ, уничтоживъ все, что напоминало о татарской власти. Войска, посланныя ханомъ изъ орды, въ свою очередь разграбили Тверь. В. кн. Александръ, бѣжавшій искать спасенія въ Литвѣ, былъ сначала прощенъ ханомъ, а затѣмъ вызванъ въ орду, и умеръ смертью мученика вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Феодоромъ въ 1339 г. Съ этого времени Тверь теряетъ свою самостоятельность, и тверской престолъ сталъ предметомъ спора между братьями и дѣтьми в. кн. Александра, при чемъ первые часто обращались за помощью въ Литву. Княженіе Михаила Александровича ознаменовалось войнами, которыя онъ велъ съ московскимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ; послѣдній въ 1375 г. нанесъ жестокий ударъ, разоривъ почти все Тверское княжество. Передъ смертью за нѣсколько дней тверской

кн. Михаилъ Александровичъ принялъ иночество подъ именемъ Матвѣя.

Послѣ смерти Михаила Александровича осталось нѣсколько сыновей и внуковъ, между которыми шли постоянные раздоры изъ-за Тверского княжества. Эти раздоры продолжались десятки лѣтъ; вызывая участіе московскихъ князей, которые при каждомъ удобномъ случаѣ старались распространить свои права на Тверское княжество. Спокойствіемъ (относительно) отличалось княженіе в. кн. Бориса, правнука Михаила. Это княженіе продолжалось 36 лѣтъ. Тверской князь Михаилъ Борисовичъ, за свои сношенія съ Литвой, преслѣдуемый московскимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, бѣжалъ къ литовскому князю. Съ этого времени Тверское княжество навсегда потеряло свою самостоятельность. Тверитяне, измученные междуусобицами, охотно присягнули московскому князю (1484 г.) Тверское княжество окончательно было присоединено къ Москвѣ въ 1490 г., когда умеръ послѣдній тверской князь Іоаннъ (сынъ Іоанна Васильевича). Послѣ смерти послѣдняго Тверь управлялась намѣстниками, назначаемыми московскими князьями.

Въ послѣдующіе годы Тверь перенесла много самыхъ тяжелыхъ невзгодъ. Въ 1570 г., въ „голодный“ годъ, Іоаннъ Грозный разорилъ Тверь, при чемъ были убиты половина жителей. Немало Тверь терпѣла отъ нападеній поляковъ за время самозванцевъ—1606 и 1609 гг., отъ моровой язвы 1644 и 1655 гг. и отъ пожара 1763 г.

Въ 1775 г. по указу Екатерины II Тверь получила названіе губернскаго города.

Святыни, историческіе памятники и др. достопримѣчательности города. Каѳедральный соборъ во имя Преображенія Господня воздвигнутъ на мѣстѣ древней церкви, въ которой вѣнчался в. кн. Михаилъ Ярославовичъ. Постройка новаго собора относится къ 1682 г. Въ соборѣ, въ правомъ придѣлѣ, на амвонѣ въ серебряной ракѣ почиваютъ мощи св. в. кн. Михаила Ярославовича, умершаго смертью мученика въ ордѣ 1318 г. 22 ноября.

Сначала тѣло его было погребено въ Москвѣ, а затѣмъ, по просьбѣ жены его, княгини Анны Дмитриевны, и тверитянъ, перенесено въ Тверь. Въ соборѣ погребены также, кромѣ многихъ великихъ князей тверскихъ и в. княгинь, князь Александръ Михайловичъ, замученный въ ордѣ, первый тверской кн. Ярославъ Ярославовичъ и др. Кромѣ того тутъ обращаютъ вниманіе фрески и иконы превосходной живописи, какъ напр., изображеніе кн. Михаила Тверского въ разные моменты его подвижнической жизни.

Въ церкви св. Екатерины устроены покойной Государыней престолъ. Эта церковь находится рядомъ съ соборомъ и называется „дворцовой“.

Въ такъ называемой Затьмакской части города, блестя своими семью серебряными куполами, стоитъ церковь Св. Троицы, воздвигнутая въ 1684 г. Г. Т. Тушинскимъ; въ ней обращаютъ на себя вниманіе царскія двери работы XIV вѣка. Г. Боголюбовъ между прочимъ говоритъ, что при церкви устроены подземные ходы и потайныя комнаты, въ которыхъ прежде, во время непріятельскихъ набѣговъ, тверитяне хоронили свои сокровища. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что въ настоящее время подъ храмомъ Св. Троицы никакихъ подземныхъ ходовъ нѣтъ, хотя нѣчто подобное существуетъ подъ сводами.

За Тьмакой ц. Николы въ Звѣринцѣ; такое названіе ц. приобрѣла отъ мѣстности, гдѣ прежде былъ великокняжескій звѣринецъ; тутъ же неподалеку стоялъ и в.-к. дворецъ.

Отрочъ-Успенскій монастырь (мужской), построенный при впаденіи р. Тверцы въ р. Волгу, находится среди живописной мѣстности. Время основанія этого монастыря нѣкоторые относятъ къ 1182 г., а нѣкоторые къ 1215 г., полагая, что первымъ основателемъ былъ „отрокъ“ (должность, соответствующая адъютанту) тверского князя Ярослава, постригшійся въ монахи.

Въ Отрочѣ монастырѣ и до сего времени можно видѣть келью, гдѣ страдалъ и умеръ великій поборникъ правды, св. митрополитъ Флиппъ (изъ дома бояръ Ко-

лычевыхъ), задушенный Малютою Скуратовымъ по приказанію І. Грознаго. Сначала Святитель былъ погребенъ въ монастырѣ, а затѣмъ его мощи были перенесены въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ 18 л. былъ игуменомъ (1548—66 гг.), и, наконецъ,—въ Москву (въ 1651 г.), гдѣ и теперь почиваютъ въ Успенскомъ соборѣ. Надъ кельей, гдѣ жилъ Филиппъ, построена церковь.

Тяжело и тоскливо чувствуется въ полутемной кельѣ, подъ низкими сводами.... Въ этой кельѣ прошли послѣдніе, страдальческіе годы опального митрополита Филиппа, человѣка, который душу свою положилъ за правду и любовь къ людямъ. Тутъ онъ умеръ мученической смертью.

Въ нишѣ стѣны изображена рѣшетка, за которой видна скорбная фигура молящагося Филиппа. Въ этой же нишѣ находится замурованная дверь, куда вошелъ Малюта Скуратовъ, который, совершивъ убійство, съ наглостью укорялъ иноковъ въ томъ, что они плохо смотрѣли за владыкой, уморивъ его угаромъ. Фреска, которую можно видѣть въ кельѣ, изображаетъ Филиппа, совершающаго богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ 8 ноября 1568 г. и открыто порицающаго І. Грознаго.

Преданіе говоритъ, что князь Ярославъ былъ прекрасный красавецъ. Однажды онъ охотился близъ с. Едимонова. Случилось, что въ чащѣ лѣса онъ незамѣтно поотсталъ отъ свиты и направился по извѣстной ему тропинкѣ къ ключу. Тутъ онъ совершенно неожиданно встрѣтилъ дѣвушку необыкновенной красоты. Впослѣдствіи оказалось, что Ксенія, такъ звали красавицу, дочь едимоновскаго причетника, была уже невѣста Григорія, „отрока“, состоявшаго въ свитѣ князя. Ярославъ очень любилъ Григорія, какъ своего неразлучнаго друга дѣтства, но при первой-же встрѣчѣ съ Ксеніей далъ вѣтву, что она будетъ его женой. Спустя немного послѣ этой встрѣчи, князь отправился въ с. Едимоново на свадьбу Григорія, и, войдя въ церковь передъ самымъ моментомъ вѣнчанія, увидѣлъ, что невѣста Григорія та самая красавица, которую онъ встрѣтилъ въ едимонов-

скомъ лѣсу и на которой онъ далъ клятву жениться. Кончилось тѣмъ, что князь сталъ на мѣсто оторопѣвшаго жениха, обезумѣвшаго отъ горя, когда послѣдній понялъ что вокругъ него происходитъ, и обрядъ вѣнчанія прошелъ обычнымъ порядкомъ.

„Подъ вечеръ, на другой день свадьбы князя Ярослава Ярославовича,—разсказываетъ П. Н. Полевой,—когда еще его княжія хоромы были полны веселыхъ пѣсень и кликовъ дружины, величавшей за пиршествомъ „молодого князя съ княгиней“, къ владычнымъ палатамъ подѣхалъ на конѣ юноша въ богатой одеждѣ, соскочилъ съ коня у воротъ и знакомъ руки остановилъ своихъ слугъ, которые вели за нимъ коней, нагруженныхъ богатою казною, доспѣхами воинскими, одеждами, мѣхами и оружіемъ.

Когда служба владыки ввелъ юношу въ сѣни, гдѣ владыка отдыхалъ, сидя на лавочкѣ и наслаждаясь тихимъ и теплымъ осеннимъ вечеромъ, юноша палъ передъ владыкою на колѣни и зарыдалъ.

— Что съ тобою, Григорій? О чемъ ты?... Что привело тебя ко мнѣ въ такую пору?

— Владыко, спаси отъ міра!

Владыко, почтенный старецъ, поднялся со своего мѣста, опираясь на посохъ, и подошелъ къ Григорію.

— Я къ твоимъ ногамъ сложу и всю суету мірскую, и всю казну мою и все имѣніе....

И онъ скинулъ съ плечъ богатое корзно, отстегнулъ съ бедра мечъ булатный и сложилъ къ ногамъ владыки. Потомъ указалъ на слугъ, вѣзжавшихъ во дворъ, и добавилъ:

— Все это приношу тебѣ, владыко, и Отроче село, что далъ мнѣ князь, и слезно тебя молю: построй обитель на приношеніе мое, и дозвожь мнѣ въ ней постричься инокомъ.

— Младъ ты, Григорій, для иноческаго сана.... Міръ будетъ тебя смущать.... Не дасть тебѣ покоя и въ кельѣ....

— Владыко, я ужъ далъ обѣтъ, и если ты не исполнишь моего желанія, я нынѣ-же далѣе пушусь въ дорогу и поищу себѣ другой обители....

— Будь по твоему! сказалъ владыко. Принимаю твой даръ въ церковную казну и благословляю тебя на иноческій подвигъ....

И старецъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ Григорія, укрывавшагося навсегда отъ міра и мірскихъ соблазновъ подъ кровлей обители, которую онъ самъ основалъ“.

Между набережной Волги и Милліонной ул. находится дворецъ, къ которому примыкаетъ большой прекрасный садъ. Въ этомъ дворцѣ извѣстный исторіографъ Карамзинъ читалъ исторію Россіи Императору Александру I.

На Милліонной ул., въ зданіи гимназіи, съ 1866 г. помѣщается довольно богатый музей.

9 августа 1866 года, во время пребыванія въ Твери Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича, нынѣ въ Божѣ почившаго Государя Императора, и Великаго Князя Владимира Александровича, тверской музей открытъ въ присутствіи Ихъ Высочествъ. Музей этотъ обязанъ своимъ учрежденіемъ бывшему начальнику Тверской губерніи, князю Петру Романовичу Багратиону.

Съ 1872 года тверской музей получилъ историко-археологическій характеръ. Въ музей находится до 13750 предметовъ, въ томъ числѣ древнихъ рукописей 5775, археологическихъ предметовъ 6462, предметовъ естествознанія и промышленности 2411, старопечатныхъ книгъ 102. Тверской музей пользуется широкою извѣстностью, чѣмъ онъ обязанъ г. Жизневскому. Тверской губернаторъ П. Д. Ахлестышевъ, относящійся къ музею съ большимъ вниманіемъ, предпринялъ ходатайство передъ министерствомъ Двора объ отведеніи подъ музей части здѣшняго дворца, такъ какъ теперешнее помѣщеніе тѣсно и неудобно.

Обращаютъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, предметы, которые имѣются только въ тверскомъ музеѣ и которыхъ, слѣдовательно, больше нигдѣ нельзя видѣть. Таковы каменные кресты и надгробные памятники XII в., распятіе XVI вѣка изъ Старицкаго собора, печать

новоторжскаго намѣстника и новгородскаго архіепископа Давида—XIV в., громадныя коллекціи крестовъ и монетъ, на первыхъ изображенія Спасителя и святыхъ или одинъ орнаментъ, образъ змѣи, съ изображеніемъ херувима и на оборотѣ—дракона, богатое собраніе тканей, иконъ деревянныхъ и шитыхъ и многое другое. Изъ рукописей представляютъ особенный интересъ письма Императора Александра Благословеннаго и Великой Княгини Екатерины Павловны къ знаменитому историку Николаю Михайловичу Карамзину.

Описаніе города. Городъ раскинулся на обѣихъ сторонахъ р. Волги. Та часть, которая расположена на правой сторонѣ, дѣлится р. Тьмакой, а заводская часть р. Твердой, каждая на 2 части. Такимъ образомъ весь городъ самой природой раздѣленъ на четыре части. Самый городъ представляетъ очень живописный видъ, съ древними церквами, широкими улицами, садами и проч. Въ саду губернатора (доступномъ для публики) обращаетъ на себя вниманіе павильонъ съ шатровой крышей, поддерживаемой 8 колоннами; отсюда открывается чудный видъ на Волгу. Правая часть города больше и во всѣхъ отношеніяхъ лучше лѣвой. На правой сторонѣ находятся главныя улицы: Милліонная, Набережная, Трехсвятская и др. Милліонная у. (параллельно Набережной), на которой сгруппированы лучшіе магазины и дома, начинается отъ больницы и кончается у кафедральнаго собора. На Милліонную у. выходятъ дворецъ съ садомъ и скверъ около нѣмецкой церкви; въ концѣ—красивое зданіе гимназіи, реальное училище и др. Милліонная и Трехсвятская улицы выходятъ на „восьмиугольную“ площадь, на которой расположены зданія окружнаго суда, губернскаго правленія и проч.

За дѣвичьимъ монастыремъ, находящимся близъ церкви св. Троицы, начинается Рождественская слободка, къ которой примыкаетъ извѣстная „Тверская Мануфактура“, представляющая отдѣльный фабричный городокъ. Жизнь этого городка представляетъ большой интересъ и во всякомъ случаѣ достойна вниманія туриста.

Всѣ присутственныя мѣста находятся на Осми-

угольной площади. Вокзалъ желѣзной дороги (Николаевская ж. д.) находится версты 1½ отъ города.

Театра въ Твери нѣтъ. Мѣстомъ гулянья служитъ садъ, выходящій на Набережную и Милліонную, съ рестораномъ, извѣстнымъ въ городѣ подъ именемъ „Кукушки“.

При устьѣ Тьмаки находятся самолетскіе доки.

Сообщенія частей города поддерживаются разводными мостами (черезъ Волгу и Тверцу). Постоянный мостъ существуетъ черезъ Тьмаку.

Недалеко отъ Твери, въ с. Берновѣ, въ 1827 г. проживалъ Пушкинъ.

По словамъ одного изъ старожиловъ, А. С. Пушкинъ писалъ свои стихотворенія обыкновенно утромъ, лежа на постели, положивъ бумагу на подогнутыя колѣна. Въ постели же онъ пилъ и кофе. Не одинъ разъ писалъ такъ А. С. въ селѣ Берновѣ свои произведенія, но никогда не любилъ читать ихъ вслухъ для другихъ. Однажды мать Н. И. Вульфа долго и сильно упрашивала А. С. прочесть вслухъ что-нибудь изъ его стиховъ. Постѣ долгихъ отказовъ А. С., повидимому, согласился и пошелъ за книгою. Придя съ книгою, онъ усѣлся и началъ, къ ея удивленію, читать по стихамъ псалтырь.

„Общеизвѣстный фактъ, что пребываніе въ деревнѣ имѣло на Пушкина самое плодотворное вліяніе. Здѣсь онъ, утомленный душною атмосферою большого свѣта, отдыхалъ душою. Здѣсь онъ, какъ Антей, прикасаясь къ нашей общей матери русской землѣ, получалъ новыя силы для своего вдохновеннаго творчества. Окруженный полнымъ и искреннимъ вниманіемъ со стороны всѣхъ, соприкасавшихся съ нимъ, вниманіемъ, доходившимъ иногда до благоговѣнія передъ его личностью, онъ всегда находился въ самомъ лучшемъ и добромъ настроеніи духа, что ясно видно изъ его писемъ, писанныхъ изъ Тверской губ. Въ нихъ онъ всегда велъ, остроумнѣе, игривѣе“.

Въ Тверской губ. прожилъ 24 года извѣстный писатель Ив. Ив. Лажечниковъ. Тутъ онъ написалъ свои лучшіе романы: „Ледяной Домъ“, „Послѣдній Новикъ“ и „Басурманъ“.

Около Твери находится Рождественскій женскій монастырь, основаніе котораго относится къ XVI в. Въ соборной церкви обрѣтается чудотворная икона Тихвинской Божіей Матери, принесенная въ монастырь монахиней Ростопчиной въ 1703 г. Соборная церковь построена въ 1820 г.

Среди живописной мѣстности, окруженной сосновымъ лѣсомъ, на берегу р. Тьмаки, верстахъ въ 4 отъ Твери стоитъ Желтиковъ Успенскій (мужской) монастырь, основанный въ 1394—1400 г. св. Арсеніемъ, епископомъ тверскимъ, мощи котораго почиваютъ въ соборной монастырской церкви. Здѣсь погребенъ знаменитый проповѣдникъ Амвросій Протасовъ, тверской архіепископъ, умершій въ 1831 г. Каменная церковь въ этомъ монастырѣ, во имя св. Алексѣя, построена Петромъ Великимъ. На воротахъ, въ стѣнѣ, и до настоящаго времени существуетъ камера, гдѣ былъ заключенъ царевичъ Алексѣй.

Въ 7 в. отъ Твери, близъ берега Волги (на лѣвомъ бер.), окруженный сосновымъ лѣсомъ, стоитъ Николаевскій Малицкій монастырь, построенный въ 1676 г.

сокольникомъ царя Ѳеодора Алексѣевича Овцинымъ. Въ этомъ монастырѣ, кромѣ древнихъ иконъ, пожертвованныхъ граф. Шуваловыми (которые тутъ и погребены), хранится образъ Спасителя мозаичной работы, собственноручно сдѣланный Ломоносовымъ.

Версть 20 ниже Твери, гдѣ р. Орша (съ лѣвой стороны) впадаетъ въ Волгу, стоитъ Оршинскій запшт. монастырь, замѣчательный тѣмъ, что тутъ архимандритъ Іосифъ, выборный отъ г. Твери, подписалъ грамоту объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Версть на 16 ниже О. з. м. встрѣчается с. Городище, на правомъ берегу Волги (въ древности Городня), которое прежде составляло удѣльное княжество тверскихъ князей. Тутъ находится церковь Рождества Христова. Въ церкви сохранились древнія живопись и фрески.

Въ названныхъ трехъ монастыряхъ, къ сожалѣнію, пароходы не останавливаются.

Вблизи Твери, въ д. Низовкѣ живетъ крестьянинъ самоучка-поэтъ С. Д. Дрожжінъ, горькая и страдальческая жизнь котораго описана поэтомъ Кругловымъ („Ист. В.“ 95 г.).

Начиная отъ Твери, тянутся невысокіе берега Волги съ чисто русскими картинами: селами, деревушками, слободками, усадьбами, перелѣсками и рощами. На этомъ пространствѣ мы встрѣчаемъ еще мало признаковъ цивилизаторскихъ факторовъ: заводовъ и т. п. Словомъ. отъ этихъ картинъ еще вѣетъ русской сельской идилліей.

Едимово, село, на лѣвомъ б. Волги.
Въ с. Едимовѣ около 20 лѣтъ тому назадъ Н. В.

Верещагинымъ основана первая русская школа сыроваренія и молочнаго хозяйства. Въ настоящее время нѣкогда эта процвѣтаетъ, и въ ней нерѣдко работаютъ женщины съ высшимъ образованіемъ.

Начиная отъ Едимонова, правый берегъ Волги, на пространствѣ около 20 в., принадлежитъ Московской губ.

Новое, село, на правомъ б. В.

Корчева, уѣздн. городъ, на прав. б. В., съ 4 т. ж., славился производствомъ обуви.

Въ Тверской губ., Корчевскаго уѣзда, на берегу Волги, расположено *образцовое имѣніе* (Пекуново), пользующееся широкой извѣстностью. Имѣніе это принадлежитъ И. Н. Мамонтову.

Кимры, с., съ 6 т. ж., Корчевскаго у., на лѣв. б. В.

Первый разъ Кимры, какъ дворцовое село, упоминается въ 1677 г. Затѣмъ оно принадлежало гр. Салтыкову (тестю царя Іоанна Алексѣевича). Послѣ него перешло канцлеру Головинну. Послѣдній былъ сосланъ, а имѣніе перешло въ родъ Скавронскихъ; въ концѣ же 2 полов. настоящаго столѣтія выкупилось на волю.

Кимры замѣчательны производствомъ обуви, которая имѣетъ распространеніе въ большей половинѣ Россіи. Всѣхъ занимающихся сапожнымъ промысломъ до 35 волостей. Общее производство промысла достигаетъ до 5 мил. руб; главный сбытъ—нижегородская ярмарка. Производство кожевенныхъ заводовъ достигаетъ до 500 т. руб. въ годъ.

Отъ Кимры начинаются такъ называемые „валуны“—камни породы гранита. Особенно много этихъ камней на пути отъ Углича до Рыбинска.

Медвѣдица, село, на лѣв. б. В., при впаденіи р. Медвѣдицы въ Волгу. Верстахъ въ 2 отъ села стоитъ запущенная барская усадьба, гдѣ, по преданію, родился Борисъ Годуновъ. Теперь эта усадьба принадлежитъ купцу Лепешкину.

Сергіевское, село, на лѣв. б. В.

Близъ с. Сергіевского, въ усадьбѣ села Спасъ-Уголь, Калязинскаго у., родился въ 1826 г. извѣстный писатель М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).

Недалеко отъ того-же с., при впаденіи р. Кашинки въ Волгу, стоитъ весьма популярный уѣздный городъ Кашинъ (который не разъ упоминается въ сочиненіяхъ Щедрина), извѣстный своимъ производствомъ „заграничныхъ винъ“ въ видѣ „размадеренныхъ хересовъ“ и т. п. Теперь, впрочемъ, всѣ эти производители съ сокрушеннымъ сердцемъ вздыхаютъ о минувшихъ „лучшихъ годахъ“, канувшихъ въ Лету....

Калязинъ, уѣздн. г., при впаденіи въ Волгу р. Жабни, на прав. б., съ 8 т. ж. Калязинъ получилъ свое названіе отъ имени боярина Калязы, который далъ часть своей земли подъ монастырь (мужск.), основанный св. Макаріемъ. Памятники древности этого города исключительно сосредоточиваются на святыняхъ. Такъ, въ Троицкомъ монастырѣ, красиво раскинувшемся на лѣв. б. В. противъ Калязина, въ церкви Св. Троицы почитаютъ мощи св. Макарія, открытыя въ 1521 г.; въ этой же церкви хранятся потиръ и дискось, съ которыми Святитель совершалъ литургію. Въ этомъ-же монастырѣ показываютъ въ прежнемъ своемъ видѣ кельи, гдѣ жилъ Никонъ. Каменная гробница (кашинскаго уроженца) митрополита Серапіона.

Въ Калязинѣ началъ свое служебное поприще подканцеляристомъ дѣдушка И. А. Крыловъ.

Калязинъ замѣчателенъ какъ хлѣбная пристань.

Между Калязиномъ и Угличемъ, около 220 в. отъ Твери, въ Волгу съ лѣвой стороны впадаетъ р. Зарубежка, которая и служитъ границей между Тверской и Ярославской губерніями.

народный поэтъ *И. З. Суриковъ*. Его задушевные стихи по своему содержанію и сложенію, много напоминаютъ Некрасова; его горькая, страдальческая жизнь была полна тяжелыхъ испытаній. Семья Суриковыхъ жила въ Москвѣ, въ сыромъ и темномъ подвѣлѣ и терпѣла страшную нужду; въ это время *И. Сурикову*, будущему поэту, было лѣтъ 12—13. Счастливая случайность помогла ему выучиться читать и писать. Въ это время онъ встрѣтился съ однимъ чиновникомъ, искуснымъ гитаристомъ, который имѣлъ сильное вліяніе на развитіе въ мальчикѣ способности къ писательству. Спустя 6—7 лѣтъ умерла горячо любимая его мать. Отецъ затосковалъ, запилъ и снова женился. Случилось то, что часто случается въ простонародной семьѣ: мачиха не взлюбила своего пасынка. Поэтъ ушелъ изъ родительскаго дома, и вотъ какими словами выражаетъ свое скорбное чувство, прощаясь съ могилой матери:

„Спишь ты, спишь, моя родная,
„Спишь въ землѣ сырой.
„Я пришелъ къ твоей могилѣ
„Съ горемъ и тоской.

.
.

„Пріюти теперь меня ты
 „Тутъ въ землѣ сырой;
 „Буду спать я, спать спокойно
 „Рядышкомъ съ тобой.

.

„Будетъ вьюга надо мною
 „Плакать, голосить....
 „Но напрасно—сонъ погибшихъ
 „Ей не разбудить.

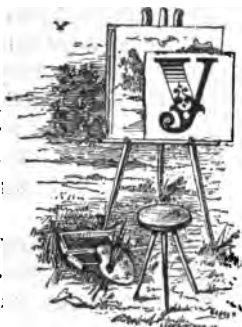
Тяжелыя разочарованія и страдальческая жизнь однажды заставила поэта рѣшиться на самоубійство. Онъ пришелъ на мостъ Москвы-рѣки съ твердой рѣшимостью броситься въ мутныя волны. Но въ эту минуту явственно услышалъ голосъ своей матери: „сынъ мой, остановись!“ Онъ дѣйствительно остановился, и все, что пережилъ и перечувствовалъ въ эту роковую ночь, онъ описалъ въ стихъ. „На мосту“. Онъ умеръ отъ чахотки въ 1880 г.

Въ 1897 г. въ Угличѣ былъ сооруженъ Сурикову памятникъ, изображающій поэта, опершагося на плугъ и лиру, окруженнаго дѣтьми. Памятникъ сооруженъ на средства земляковъ поэта.

Ярославская губернія.

„О, Граде, ты, Граде, богоспасаемый Граде
Угличъ! Горькую чашу испилъ ты за
русскую землю“.

Лѣт.

ГЛИЧЪ, уѣздн. г., съ 13000 ж.,
на прав. б. В.

Угличъ—одинъ изъ древнихъ
приволжскихъ городовъ съ обшир-
нымъ историческимъ прошлымъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что
Угличъ произошелъ отъ слова „уголъ“, который обра-
зуетъ подъ городомъ Волга.

Въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается объ
Угличѣ въ 950 г., годъ, къ которому относится осно-
ваніе города. Родственникъ св. Ольги, Янъ, положилъ
основаніе городу. Торговая часть города находится на
Яновомъ полѣ, именно, на томъ мѣстѣ, гдѣ первоначаль-
но былъ построенъ городъ. Впослѣдствіи городъ до-
стался ростовскому князю Борису, сыну св. Владиміра,
а затѣмъ переходитъ въ удѣлъ кн. Константину Всево-
лодовичу (1216—1223), который въ исторіи приобрѣлъ
извѣстность тихимъ и добрымъ характеромъ и своей лю-
бовью къ наукамъ. Дальнѣйшая историческая судьба
Углича тѣсно связана съ исторіей борьбы удѣльныхъ
князей. Въ 1237 г. городъ, брошенный в. кн. Влади-

міромъ Константиновичемъ, признавъ власть хана. Въ 1285 г. умеръ и сынъ В. К.—а Романъ, княжившій въ Угличѣ; за годъ до его смерти городъ подвергнулся страшному разоренію отъ татаръ, съ которыми явился городецкій кн. Андрей Александровичъ. Немного спустя, именно, въ 1288 г., самъ городъ избралъ князя Константина Борисовича, который владѣлъ въ то время Устюгомъ. Этотъ князь былъ замѣчателенъ какъ энергичный и дѣятельный правитель, сумѣвшій водворить порядокъ; онъ княжилъ до 1294 г. Княженіе кн. Дмитрія Юрьевича Шемяки, ознаменовавшееся борьбою съ братомъ, а затѣмъ княженіе его дѣтей и внуковъ, обнимающее собою долгій періодъ, до конца 1-й пол. XV-го стол., прошло въ борьбѣ и враждѣ другъ съ другомъ за удѣлы. Княженіе Андрея III Васильевича Большого хотя и отличалось внутреннимъ спокойствіемъ, но личная жизнь князя, полная страданій и тяжелыхъ испытаній, дала основаніе лѣтописцамъ назвать его „Горюемъ“; при немъ былъ выстроенъ угличскій дворецъ (1481—1483). Въ 1491 г., въ тотъ годъ, когда почти весь Угличъ былъ истребленъ пожаромъ, кн. Андрей по повелѣнію велик. кн. Іоанна III Васильевича былъ заточенъ. Два малолѣтнихъ сына князя были заточены въ г. Пер. Залѣсскій, на Бѣло-Озеро и, наконецъ, въ вологодскій монастырь, откуда они не выходили 32 года. Здѣсь кн. Іоаннъ принялъ иночество, и подъ именемъ Игнатія умеръ въ оковахъ въ 1522 г.; его мощи почиваютъ въ Спасе-Прилуцкомъ монастырѣ; кн. Дмитрій, умершій ранѣе за годъ, погребенъ у ногъ своего брата. До 1521 г. въ Угличѣ княжилъ кн. Дмитрій, сынъ Іоанна III-го. Дмитрій Іоанновичъ приобрѣлъ славу воинственнаго и храбраго князя; онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ татарами и литовцами. Послѣ смерти послѣдняго до 1550 г. управлялъ Угличемъ бояринъ Ѳома Колычевъ (посланный Василіемъ IV Іоанновичемъ). Съ этого времени исторія Углича становится тѣсно связанной съ исторіей Москвы. Послѣ него управлялъ Угличемъ кн. Георгій Васильевичъ, братъ І. Грознаго, успѣвшій за короткое время управленія приобрести народную любовь; онъ умеръ въ 1563 г.;

его жена была утоплена по приказанію І. Грознаго въ Шекснѣ. Послѣ смерти Іоанна Грознаго, Дума, правившая государствомъ, распорядилась отослать царевича Дмитрія вмѣстѣ съ матерью царицею Марією Ѳеодоровной, изъ рода Нагихъ, въ Угличъ.

Угличскій историкъ Ѳ. Киссель такъ описываетъ пребываніе царицы и царевича въ угличскомъ дворцѣ. „Царица, прибывши въ Угличъ, молилась въ соборѣ у гроба св. кн. Романа, потомъ отправилась во дворецъ, который былъ тогда обширный; она избрала для себя самыя уединенныя комнаты и возлѣ нихъ спальню для себя и для своего единственнаго сына, царевича Дмитрія. И время снисходительное, и поляки истребительныя, и угличане благодѣтельные оставили сію спальню для благоговѣйнаго потомства *). Водворившись въ Угличѣ, царица, потерявшая царя супруга, царство, удаленная отъ двора, сосланная почти въ ссылку, предалась единственному въ такихъ случаяхъ утѣшителю—Милосердому Богу. Въ тишинѣ, въ угличскомъ дворцѣ, какъ въ монастырѣ, она молилась Всевѣдущему Творцу **). Въ глубинѣ своего дворца она утѣшала себя ангельскимъ взоромъ сына своего младенца“...

Замѣчательно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь разбитъ общественный садъ, стоялъ ж. Богоявленскій монастырь, гдѣ приняла монашество мать несчастнаго Дмитрія, послѣ чего она была отправлена въ отдаленную пустынь.

Угличъ богатъ историческими памятниками, между которыми первое мѣсто занимаютъ святыни.

*) Старожилы-угличане мѣстомъ спальни указываютъ сѣверо-западный уголъ верхняго помѣщенія дворца, съ однимъ окномъ, устроеннымъ выше опредѣленнаго ряда оконъ, такъ что отъ полу оно отстоитъ на 2 аршина слѣшкомъ.

**) Изъ оконъ угличскаго дворца извѣстны: альфресковое изображеніе Нерукотвореннаго Образа, написанное на серединѣ внутренней южной стѣны дворца, икона Тихвинской Богоматери, принадлежащая царицѣ Маріи Нагой, и икона Гребневской Богоматери—благословеніе царя Іоанна IV Грознаго сыну-царевичу Дмитрію. Обѣ послѣднія иконы находятся нынѣ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Въ церкви царевича Дмитрія на крови, нетлѣныя мощи котораго были открыты 3 іюня 1606 г., хранятся слѣдующіе священные замѣчательные предметы: крестъ, который снялъ съ себя царь Алексѣй Михайловичъ во время посѣщенія церкви въ 1654 г., въ серебрянѣ хранится плащаница, съ изображеніемъ угодника во весь ростъ, сдѣланная руками матери царевича инокини Марфы, и складная икона, пожертвованная царемъ Михайломъ Ѳеодоровичемъ (по повелѣнію котораго былъ воздвигнутъ каменный храмъ на мѣстѣ деревяннаго ветхаго); въ иконѣ по угламъ вѣданы 4 орѣха („лученные“—вѣроятно скорлупа), найденные въ рукѣ царевича нѣсколько минутъ спустя послѣ смерти, а посрединѣ—ковчегъ съ окровавленной землей, взятой съ мѣста его убіенія; жизнеописаніе царевича Дмитрія, принадлежащее перу св. Дмитрія, митрополита ростовскаго; это жизнеописаніе доведено до времени перенесенія мощей царевича Дмитрія въ Москву.

Въ Москвѣ св. мощи царевича почиваютъ въ кремлѣ, въ Архангельскомъ соборѣ, усыпальницѣ всѣхъ великихъ князей и царей московскихъ. Серебряная, великолѣпной отдѣлки рака св. царевича стоитъ посреди церкви, подъ богатымъ покровомъ. На крышкѣ раки находится живописное изображеніе св. угодника и слѣдующая надпись: „Въ лѣто 7099, мѣсяца мая въ 15 день, убіенъ бысть благовѣрный царевичъ князь Дмитрій Іоанновичъ Углицкій, государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Россіи, сынъ, повелѣніемъ Бориса Годунова, отъ Никитки Качалова да отъ Данилки Битяговскаго съ товарищи, и принесены его св. мощи изъ Углича въ царствующій градъ Москву, въ 7114 году“. Православная церковь празднуетъ память св. царевича Дмитрія 15-го мая—день мученической кончины, 16-го мая—празднество плащаницы св. царевича и 3-го іюня—день перенесенія св. мощей.

Хотя прошло уже триста лѣтъ со времени убіенія царевича Дмитрія, убіеніе, которое имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, но до сихъ поръ оно является всетаки большой загадкой. Немногочисленные, дошедшія до насъ отъ XVI и XVII вѣковъ, документальныя данныя объ этомъ трагическомъ событіи настолько противорѣчивы, что, несмотря на большой промежутокъ времени, не даютъ возможности сдѣлать окончательный выводъ. Одни изъ представителей русской исторической науки (Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ, Щербатовъ, Иловайскій) склоняются къ мнѣнію, что виновникомъ насильственной смерти царевича былъ Борисъ Годуновъ, другіе (Погодинъ, К. Аксаковъ, Арцыбашевъ, Платоновъ), наоборотъ, защищаютъ послѣдняго, стараясь оправдать его отъ страшныхъ обвиненій.

Извѣстный русскій путешественникъ по святымъ мѣстамъ Муравьевъ въ своемъ описаніи Троице-Сергіевской лавры, гдѣ находится заброшенная усыпальница Годуновыхъ, говоритъ о ней слѣдующія, полныя глубокаго смысла, слова: „Временщикъ, царубійца, царь, благодѣтель церкви и народа, гонитель всѣхъ близкихъ къ престолу, пораженный со всѣмъ родомъ призракомъ пораженнаго имъ отрока, дважды вырытый изъ могилы и трижды погребенный, какъ бы для страшной памяти одного убійства! Сколько ужаса подъ сводами сей малой палатки вмѣстѣ съ невинностію Феодора и Ксеніи и бѣдствіями ихъ кроткой матери! Сколько собственной крови за кровь отрока! О, да приметъ ея ангелъ суда на свои страшные вѣсы, да свѣситъ съ Димитріевою и скажетъ разъ рѣшительно довольно“!

Соборная церковь Преображенія Господня воздвигнута царемъ Петромъ В. Въ церкви стоятъ двѣ гробницы: въ 1-й сохраняются остатки мощей св. кн. Романа Угличскаго,—мощи были сожжены поляками; на мѣстѣ 2-й гробницы былъ схороненъ царевичъ Дмитрій; въ гробницѣ хранится покровъ, найденный нетлѣннымъ,

когда открыли гробъ царевича. Въ этомъ же храмѣ хранятся и мощи, на которыхъ перенесены св. мощи,

Въ др. соборѣ, построенномъ при Александрѣ Благословенномъ, находятся двѣ замѣчательныя своей живописью иконы: св. царевича Дмитрія, этой иконою благословлялъ угличанъ московскій митрополитъ Филаретъ, и даръ купца Пушникова—икона Спасителя, несущаго крестъ.

Церковь царевича Дмитрія на Полѣ воздвигнута на томъ мѣстѣ, гдѣ находится ростовская дорога и гдѣ происходило трогательное прощаніе угличанъ съ св. мощами. И до сихъ поръ хранится преданіе, что во время прощанія на мощахъ было много крови.

Церковь Іоанна Предтечи въ городѣ называютъ ц. Іоанна убіеннаго; въ гробницѣ этого храма почиваютъ мощи (подъ спудомъ) Іоанна, убіеннаго 1663 г. Церковь первоначально была построена отцомъ убіеннаго—угличскимъ посадскимъ Чеполосовымъ.

Угличскіе монастыри—*Алексѣевскій*, какъ древнѣйшій, основанный инокомъ Адрианомъ, въ 1371 г., по благословенію митр. моск. св. Алексѣя; мощи послѣдняя были обрѣтены тутъ нетлѣнными, и *Покровскій*, который былъ обычнымъ мѣстомъ поклоненія угличскихъ князей,—сохранившіеся почти въ прежнемъ видѣ отъ польскаго погрома. Всѣхъ церквей въ Угличѣ 24, два собора и два монастыря.

Дворецъ царевича Дмитрія въ Угличѣ.

Послѣ смерти царевича дворецъ и самый Угличъ запустили. Царица подъ именемъ инокини Марѣи была сослана въ монастырь. Нагіе, ихъ приближенные и слуги послѣ пытокъ были также сосланы на самыя

отдаленныя окраины; нѣкоторыхъ изъ нихъ по повелѣнію царя Бориса казнили. Въ смутное время Угличемъ и дворцомъ завладѣли польскія шайки, отъ которыхъ освободилъ Скопинъ-Шуйскій. 27 января 1611 г. городъ снова былъ осажденъ поляками, и на страстной недѣлѣ съ помощью подкупленнаго стрѣлцаго сотника Пашина ворвались въ городъ, при чемъ всѣ жители, искавшія спасенія во дворцѣ царевича Дмитрія, сдѣлались жертвами звѣрскихъ насилій. Древній лѣтописецъ говоритъ, что во дворцѣ погибло столько народу, что погреба были полны крови. Послѣ этого событія дворецъ, какъ и самый Угличъ нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Наконецъ, только въ 1618 г. кн. Ив. Бор. Черкасскій и бояринъ Григ. Вас. Тюфякинъ навсегда освободили многострадальный городъ отъ разбойническихъ шаекъ поляковъ.

Въ это время дворецъ представлялъ изъ себя голыя каменныя стѣны; терема, службы и т. п. были разрушены или сдѣлались жертвою пожаровъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича дворецъ былъ исправленъ, но къ концу XVI ст. пришелъ въ ветхость.

Дворецъ, въ которомъ жилъ царевичъ, съ 1584 по 1591, построенъ, какъ мы сказали выше, въ 1481—83 г., княземъ Андреемъ Васильевичемъ, извѣстнымъ въ исторіи подъ именемъ Горюя. Узкій въ основаніи домъ построенъ изъ кирпича, въ два этажа, въ каждомъ изъ которыхъ по одной комнатѣ. Крытая галлерей ведетъ въ верхній этажъ, въ комнату, гдѣ жилъ царевичъ. Лѣтъ 60 назадъ въ этой комнатѣ устроена кѣмъ-то церковь, при чемъ стѣны комнаты разрисованы очень грубою живописью. Въ XVI вѣкѣ къ этому дому примыкали разныя постройки княжескаго дворца, а вокругъ высились церкви и часовни, лѣпились хозяйственныя строенія и дома для тогдашнихъ административныхъ учреждений. Домъ стоялъ тогда въ кремлѣ, окруженный двумя стѣнами изъ тесанаго соснового лѣса. Наружную стѣну охватывалъ ровъ, глубиною и шириною около 8 сажень, наполненный водою. Наружная стѣна опиралась на земляной валъ и украшалась башнями и бойницами. За

валомъ начинался такъ называемый „земляной городъ“, который вмѣщалъ въ себѣ частные обывательскіе дома посадскихъ, разбросанные по сторонамъ кривыхъ и узкихъ улицъ. За „землянымъ городомъ“ располагались стрѣleckія слободы, выступавшія въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка далеко за черту нынѣшняго города и находившіяся преимущественно по сторонамъ главнѣйшихъ дорогъ, ведущихъ въ Угличъ. Тогдашній Угличъ съ его слободами имѣлъ до 24 веретъ въ окружности.

Изъ мѣстныхъ лѣтописей видно, что въ 1709 г. угличскій воевода Аѳанасій Колударовъ представилъ Петру I челобитную священника церкви Дмитрія на „крови“ Алексѣя о дозволеніи произвести поправку дворца на счетъ усердствующихъ, которое и было дано, но жертвователи отклонились и не дали попу Алексѣю ни гроша. Мало того, въ это же самое время строилась Преображенская соборная церковь и на докладку ея не хватало кирпича; угличане, съ дозволенія Сената, стали разламывать дворецъ и снесли почти всю верхнюю часть западной стѣны. Домъ уцѣлѣлъ благодаря лишь тому, что кирпича съ этой западной стѣны вполне достало на постройку собора. Въ 1753 г. дворецъ пришелъ въ такую ветхость, что пріѣхавшій въ Угличъ архитекторъ кн. Ухтомскій не признавалъ даже возможности его возобновить и въ донесеніи своемъ Сенату высказывалъ мысль о сломкѣ этого дома и о возведеніи на его мѣстѣ новаго. Члены Сената были, однако, въ то время относительно охраненія отечественныхъ памятниковъ гораздо просвѣщеннѣе многихъ современныхъ дѣятелей, и не только не разрѣшили сломки, но велѣли немедленно сдѣлать на дворцѣ деревянную кровлю, употребивъ нужныя на то деньги изъ доходовъ статсъ-канцеляріи, что и было тогда же исполнено. Въ 1802 г. поправка дома была произведена уже болѣе тщательно. Угличскій купецъ Александръ Кожевниковъ покрылъ домъ желѣзомъ и съ сѣверной стороны придѣлалъ каменное крыльцо, украсивъ внутри живописью, очень, впрочемъ, неважною, съ изображеніями, служившими предметомъ насмѣшекъ почитателей, что произошло отъ неумѣлости живописца,

Нѣсколько позже дворецъ былъ обнесенъ каменной оградой съ желѣзными рѣшетками и обставленъ деревянными пушками, служившими въ XVI вѣкѣ угличанамъ защитой отъ непріятеля.

Только въ 1891—92 г. дворецъ былъ реставрированъ, о чемъ гласить слѣдующая надпись, находящаяся по обѣимъ сторонамъ выходной двери, обращенной на сѣверную сторону: „Сии княжескіе чертоги, бывше въ градѣ Угличѣ мѣстомъ пребыванія Благоувернаго Царевича Димитрія, дивнымъ непостижимымъ Промысломъ Божиимъ, возстановлены при Державѣ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича и при Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, по благословенію высокопреосвященнѣйшаго Іонафана, Архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго, и преосвященнѣйшаго Амфилохія, епископа Угличскаго, попеченіемъ и заботливостью господина начальника Ярославской губерніи, Алексѣя Яковлевича Фриде, боярина Угличскаго уѣзда Якова Степановича Колмогорова и другихъ сотрудниковъ ихъ, на средства и приношенія отъ добродѣтельныхъ жертвователей, усердствующихъ во славу Божию и чтущихъ святую память Страстотерпца Христова Димитрія въ лѣто отъ сотворенія міра (7400), а отъ Воплощенія Бога Слова (1892) года. Освятишася сїи палаты того же года въ (3) день Іюня“.

Въ настоящее время въ дворцѣ устраиваются библіотека и музей. Уже и теперь составляется коллекція, частію приобретаемая на пожертвованія для покупки этихъ вещей суммы, а частію приносимая въ даръ мѣстными гражданами. Какъ прежде, такъ и теперь главнымъ предметомъ этой коллекціи будутъ носилки, на которыхъ были несены мощи царевича въ Москву, о которыхъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ и иностранецъ Масса, бывшій въ Москвѣ въ смутное время: „На носилкахъ принесли тѣло царевича изъ Углича и на нихъ же оно было положено въ Архангельскомъ соборѣ.... Я не думаю, чтобы въ это время въ Москвѣ былъ хотя одинъ колоколъ, который бы не гудѣлъ. Люди были оглушены звономъ въ колокола, а какъ только мощи на но-

сѣнках поставили въ соборѣ, такъ и стали происходить надъ нѣкоторыми чудесныя исцѣленія“.

*
* *

Интересна исторія колокола, о которомъ лѣтописи и преданія говорятъ, что это тотъ самый колоколъ, которымъ въ 1591 году, въ роковой день, 15-го мая, въ часъ послѣбѣденнаго сна, соборный сторожъ Максимъ Кузнецовъ и вдовый священникъ Ѳедотъ, прозваніемъ „Огурецъ“, встревожили мирный Угличъ. По приказанію Бориса Г. было произведено слѣдствіе, которое яко-бы установило, что Качаловъ и др. *), которыхъ подозрѣвалъ народъ въ убійствѣ царевича, не виновны въ этомъ преступленіи, почему Борисъ Годуновъ неодушевленнаго обличителя (колоколъ) кроваваго преступленія сослалъ, съ отсѣченіемъ уха, въ Тобольскъ въ 1595 году, а одушевленныхъ—въ гор. Целымъ. Сосланныхъ было такъ много, что они и образовали цѣлый городъ. Вѣсу въ колоколѣ 19 пудовъ 26 фунтовъ; онъ корноухій, звукъ у него рѣзкій и громкій, надпись на немъ по краямъ вырѣзана, а не вылита, она гласитъ: „Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Дмитрія, въ 1593 году присланъ изъ города Углича въ Сибіръ въ ссылку въ градъ Тобольскъ, къ церкви Всемиловитаго Спаса, что на Торгу, а потомъ на Софійской колокольні былъ часобитной“. Какъ складъ надписи, такъ и форма буквъ—новѣйшаго времени; несомнѣнно, что колоколъ настоящій, но только перелитый. Въ декабрѣ 1849 года у угличанъ возникла первая мысль о возвращеніи ихъ ссыльнаго колокола, и мѣстные граждане, въ числѣ сорока человекъ, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому съ просьбой объ исходатайствованіи имъ Высочайшаго разрѣшенія для возвращенія изъ Тобольска на ихъ счетъ колокола, но это ходатайство не увѣнчалось успѣхомъ вслѣдствіе не-

*) Витяговскій и его племянникъ Никита Качаловъ были посланы въ Угличъ Борисомъ Годуновымъ управлять земскими дѣлами и живнѣмъ царевича; третій убійца—Осипъ Волоховъ, сынъ наики Василіа.

достатковъ документовъ въ ярославскомъ епархіальномъ архивѣ: что сосланный колоколъ въ Тобольскъ—дѣйствительно угличскій. Новое дѣло о колоколѣ возникло въ средѣ угличскихъ гражданъ въ 1888 году, которое теперь и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

1892 г. 20 мая, вечеромъ, сосланный триста лѣтъ тому назадъ въ Тобольскъ, угличскій колоколъ прибылъ снова въ Угличъ и былъ встрѣченъ представителями всѣхъ сословій города и массой народа.

Къ 9 часамъ утра 21-го мая колоколъ былъ уже помѣщенъ на временную звонницу, устроенную противъ собора, на площади. Въ 9 час. началась Божественная литургія, на которой присутствовали представители города и большое стеченіе народа. Послѣ литургіи мѣстный протоіерей А. Субботинъ сказалъ приличествующую случаю рѣчь, въ которой привѣтствовалъ гражданъ г. Углича съ возвращеніемъ въ стогны града ссыльнаго колокола, возвѣстившаго 15 мая 1591 г. о кровавомъ событіи—мученической кончинѣ царевича Дмитрія.

Затѣмъ совершенно былъ послѣ литургіи крестный ходъ изъ собора на площадь, гдѣ помѣщенъ колоколъ. Здѣсь, при участіи всего городского духовенства, при громадномъ стеченіи народа совершенно было благодарственное молебствіе.

По окончаніи молебна мѣстный протоіерей, окропивъ святой водой крестообразно колоколъ, позвонилъ въ него....

И раздался по Угличу заунывный звонъ, который три вѣка тому назадъ печально пронесся здѣсь, извѣщая жителей о мученической кончинѣ любимаго народомъ царевича Дмитрія. Предъ умственнымъ взоромъ присутствующихъ представилась мрачная страница исторіи того печальнаго времени.

Что каждый чувствовалъ въ это время—трудно описать; замѣтно было, что многіе плакали и долго не отрывали глазъ отъ безмолвнаго свидѣтеля отдаленнаго, но незабытаго прошлаго, на мгновеніе перенесаясь къ этому прошлому и какъ бы переживая трудную годину своихъ предковъ....

*
* *

Угличское городское общество ознаменовало исполнившееся трехсотлѣтіе со дня кончины св. Дмитрія, царевича угличскаго, открытіемъ церковно-приходской школы 13 сентября 1893 г. Эта школа помѣщается въ нижнемъ этажѣ Царевского, что на крови, храма.

Въ Угличѣ недавно открылся музей древностей, принятый подъ покровительство великаго князя Сергія Александровича.

*
* *

Недалеко отъ Углича, среди живописной мѣстности, находится небольшая возвышенность, откуда открывается прекрасный видъ на Волгу и на окрестности. Съ возвышенности, какъ на ладони, видны городъ и дороги, ведущія на Ярославль и Рыбинскъ; дороги представляются аллеями, теперь замѣтно порѣдѣлыми; видно Царское озеро, гдѣ держали рыбъ для княжескаго стола; недалеко находится тотъ ручей, скрывающійся въ зелени, гдѣ, по преданію, ослѣпли Волоховъ и Качаловъ, убійцы царевича Дмитрія, послѣ совершенія преступленія.

Сохранилось преданіе, что городской садъ, существующій нынѣ, разбитъ на мѣстѣ древняго монастыря, гдѣ была насильно пострижена царица Марія Нагая подъ именемъ инокини Марфы.

*
* *

Близъ Іерусалимской слободы надъ самой Волгой находится Кувалдинъ камень, съ именемъ котораго связана страшная легенда. Тамъ, говорить суевѣрный народъ, въ свѣтлыя, лунныя ночи появляются русалки; ихъ пѣсни далеко разносятся по Волгѣ.... Простой людъ боится этого „нечистаго“ мѣста.

*
* *

Близъ города находится извѣстная писчебумажная фабрика Варгуниныхъ.

Мышкинъ, уѣздн. городъ, на лѣв. б. Волги, съ 3 т. жит.

Глѣбово, с., на прав. б. В. Въ этомъ селѣ находится древняя церковь во имя свв. Бориса и Глѣба.

Мышкинъ, переименованный въ городъ въ 1777 г., судя по сохранившемуся преданію, получилъ свое названіе отъ глѣбого Мышкина, который принималъ участіе въ постройкѣ Успенскаго храма въ Москвѣ.

Близъ Глѣбова паромъ проходитъ подъ мостомъ Рыбинско-Бологовской ж. д. На лѣв. б., противъ Глѣбова, находится и станція этой дороги „Волга“.

Молога, незначительный уѣзд. г., на лѣв. б. В., съ 7 т. жит.

Въ Мологскомъ уѣздѣ сохранились историческіе памятники въ видѣ кургановъ. Тутъ въ 1238 г. 4 марта происходила извѣстная историческая битва русскихъ съ татарами на берегахъ р. Сити, гдѣ и погибъ смертью героя-мученика князь Георгій Всеволодовичъ.

Близъ Мологи, около д. Бабино, существуетъ небольшая рѣчка Пушма, замѣчательная своимъ оригинальнымъ устьемъ, разд. на два рукава; одинъ впадаетъ въ Волгу, а др. въ Шексну.

С. *Колычево* (на р. Сити)—родина извѣстнаго казанскаго профессора Е. Н. Аристова. Въ с. *Новомъ*, бывшее имѣніе Сухово-Кобылина, находится учительская семинарія. Въ Мологскомъ же уѣздѣ, въ с. В. Никульскомъ родился извѣстный академикъ живописи Ѳ. Г. Солнцевъ († 1892 г.).

РЫБИНСКЪ, уѣздн. гор., съ 29 т. ж., на прав. б. Волги.

Городъ находится при впаденіи р. Черемхи въ Волгу.

Рыбинскъ также можно причислить къ древнимъ городамъ Поволжья. На мѣстѣ настоящаго города стояла слобода, носившая названіе Рыбанска, или Рыбной слободы, о которой еще въ 1137 г. упоминается въ лѣтописяхъ. Спустя много лѣтъ, именно уже въ началѣ XVII стол., Рыбанскъ называется Ловецкой слободой, жители которой платили подать рыбою; въ уѣзд. городъ переименованъ въ 1777 г.

Изъ свитынь Рыбинска обращаетъ на себя вниманіе своей прекрасной архитектурой Преображенскій соборъ, основанный въ 1838 г. Тутъ хранится кресло, поднесенное жителями Рыбной слободы Императрицѣ Екатеринѣ II во время посѣщенія ея, въ 1767 г. Въ годъ празднованія столѣтняго юбилея, въ 1877 г., жители Рыбинска сдѣлали надъ кресломъ baldахинъ. Никольскій соборъ (старый) основанъ въ 1720 г.; въ немъ находится рыбинская святица—образъ Божіей Матери „Радости Всѣхъ Скорбящихъ“; подъ напертью этого храма погребенъ священникъ о. Родіонъ Путятинъ, извѣстный проповѣдникъ. Этотъ соборъ, какъ и большая часть города, сгорѣлъ въ 1635 г. и возобновленъ 10 л. спустя. Древнѣйшая церковь въ Рыбинскѣ—Казанская, построена въ 1697 г.

*
* *

Рыбинскъ, какъ хлѣбная пристань, не имѣетъ себѣ соперника на Волгѣ. Своему процвѣтанію городъ обя-

занъ исключительно путямъ сообщенія: Волга, Шексна, Молога и желѣзн. д. (Рыбинскъ—Бологое).

*

Въ Рыбинскѣ существуютъ, кромѣ городскихъ и др. школъ, мужская (классическая) и женская гимназін и мореходные классы.

*

Въ Рыбинскѣ бываетъ съ 26 іюня по 8 іюля *Петровская* ярмарка.

*
* *

Съ вѣшной стороны Рыбинскъ походить на большой губернскій городъ. Пристань, растянувшаяся на двѣнадцать верстъ, съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, прекрасная набережная, шоссеиныя улицы съ большими каменными постройками,—все это придаетъ ему видъ большого промышленнаго города, хотя за послѣдніе годы со стороны вѣшности онъ много потерялъ. Съ открытіемъ навигаціи всѣ части города, прилежающія къ Волгѣ, представляютъ такое оживленіе, какимъ могутъ только похвастаться большіе торговые губернскіе города.

Почти на самомъ берегу возвышается соборъ. Главная улица Крестовая тянется версты на двѣ параллельно берегу р. Волги. Къ этой улицѣ примыкаетъ бульваръ, обнесенный желѣзной рѣшеткой, расположенный по берегу р. Черемхи, въ концѣ котораго находится каменный театръ.

За Волгой, противъ Рыбинска, позади складовъ и амбаровъ, зеленѣется роща, куда горожане совершаютъ свои загородныя прогулки.

Изъ Рыбинска, въ *Мологу*, до Весъегонска, пароходы отходятъ ежедневно, по *Шекснѣ*—шесть разъ въ недѣлю, вверхъ по Волгѣ—четыре раза въ недѣлю, внизъ по Волгѣ—ежедневно.

Вокзалъ желѣзной дороги (*Рыбинскъ—Бологое*) находится около 2 в. отъ центра города.

Красное.

Шашково, село, на лѣв. б. В., расположено среди живописной мѣстности, служащей для многихъ дачами.

Романовъ, уѣзди. г., на лѣв. б. В., съ 8 т. жит., прежде назывался Борисоглѣбскомъ; собственно послѣднимъ именемъ называется и теперь часть города на лѣвомъ б., а на правомъ—Романовымъ.

Романовъ—одинъ изъ древнихъ городовъ; основанъ угличскимъ княземъ Романомъ Владиміровичемъ въ 1345 г. Изъ древнихъ церквей замѣчательны: Воздвиженскій соборъ и Троицкая церковь. Въ Борисоглѣбскѣ—грандіозный Воскресенскій соборъ, основанный въ 1652 г.

На сторонѣ, обращенной къ Волгѣ, особенно рельефно выступаетъ Николаевская часовня съ своими 13 золоченными главами.

Памятникомъ древности служить крѣпостной валъ. Романовъ въ фабрично-промышленномъ отношеніи замѣчателенъ производствомъ льно-прядильныхъ товаровъ; изъ 12 фабрикъ одна льно-прядильная фабрика „Романовская льняная мануфактура“, производ. на сумму до 1 мил. руб. Кромѣ того въ Романовѣ существуетъ полотняная фабрика.

Промыслы, которыми когда-то славился Романовъ,—производство кружевъ, въ послѣднее время замѣтно упали; теперь жители въ большомъ количествѣ разводятъ лукъ и готовятъ на продажу уксусъ.]

Ярославская губернія если и уступаетъ Вятской по количеству выдѣляемыхъ овчинъ, то качествомъ послѣднихъ далеко оставляетъ ее за собой. Особенно славится этимъ производствомъ городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ, знаменитые романовскіе полшубки котораго извѣстны по всей Россіи. Сюда ежегодно собирается до 10000 штукъ мѣстныхъ овчинъ и кромѣ того привозятся овчины изъ соседнихъ уѣздовъ Ярославской и смежныхъ съ нею Тверской, Костромской и Вологодской губерній. Такимъ образомъ въ Романовѣ стекается ежегодно до 300000 овчинъ, которыя, смотря по времени года и качеству товара, продаются по цѣнамъ отъ 1 руб. 50 коп. до 2 руб. за штуку, или на кругъ до 175 руб. сотня. Торговля овчинами производится съ августа по январь. Больше всего овчинъ въ Романовѣ закупается романовскими же публиками, такъ какъ Романовъ

скій уѣздъ издавна славится отличною выдѣлкою своихъ овчинъ. Кромѣ романовскихъ овчинъ, на мѣстный рынокъ привозятъ въ большомъ количествѣ овчины изъ Вятской, Костромской и Вологодской губерній; продаются эти послѣднія дешевле романовскихъ—отъ 70 коп. до 1 рубля за штуку. Большія партіи овчинъ привозятся въ Романовъ съ низоваго Волги. Эти овчины носятъ названіе сибирскихъ и ордынскихъ, изъ нихъ первыя—бѣлаго, а вторыя—бураго или рыжаго цвѣта. Овчины этихъ двухъ сортовъ величиною больше романовскихъ, но шерсть у нихъ грубая и жесткая, а мехъ толстый и тяжелый. Сибирскія и ордынскія овчины закупаются, главнымъ образомъ, на нижегородской и ростовской-на-Дону ярмаркахъ, по 60—70 руб. за сотню.

Въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ насчитывается болѣе 500 овчинниковъ, выдѣлывающихъ на сумму свыше полутора милліона рублей. Значительно менѣе распространены выдѣлка овчинъ и шитье полушубковъ и тулуповъ въ другихъ уѣздахъ Ярославской губерніи. Выдѣлка овчинъ у романовскихъ овчинниковъ производится крайне тщательно, и на заводахъ нѣются усовершенствованныя приспособленія, благодаря чему, сбытъ романовскихъ овчинъ происходитъ не только на крупныхъ русскихъ рынкахъ, но и на иностранныхъ.

Въ Романовскомъ уѣздѣ, въ с. Малой-Мочинѣ родился извѣстный крестьянинъ-поэтъ Ф. Н. Слѣпушкинъ.

*
* *

Отъ Романова-Борисоглѣбска вглубь Ярославской губ. начинается весьма популярный край, извѣстный подъ именемъ „Пошехонья“ (Пошехонскій уѣздъ Ярославской губ.), о жителяхъ котораго писали, что они „въ трехъ соснахъ заблудились, ходили комара ловить за семь верстъ, когда тотъ на носу сидѣлъ, и т. д.“. Словомъ, Пошехонье, какъ символъ русскаго захолустья, служить въ этомъ смыслѣ и до настоящихъ дней предметомъ выраженія жизни, быта и нравовъ самыхъ отдаленныхъ глухихъ уголковъ русскаго государства.

Въ этомъ-же уѣздѣ, въ с. Козьмодемьянскомъ живеть, пользующійся извѣстностью, крестьянинъ-писатель С. Я. Деруновъ.

*

Недалеко, около с. Дѣва Городища, расположеннаго на лѣв. б. В., находилась усадьба, гдѣ жилъ бо-

ярънъ Колычевъ, въ послѣдствіи московскій митрополитъ Филиппъ.

*

Между Романовымъ и слѣд. станціей Константиновкой есть небольшое село (на лѣв. б. В.) Соньки, известное тѣмъ, что отсюда распространялась секта *блжновъ*.

*

Константиновка, село, на прав. б. В.

Вольшой заводъ Рагозина—*производство минеральныхъ маселъ*.

Норская фабрика, на прав. б. В. Тутъ находится „Норская мануфактура“ наслѣд. бр. Хлудовыхъ, славящаяся производствомъ льняной и бумажной пряжи.

Толгскій монастырь, на лѣв. б. В.

Толгскій монастырь (мужской) основанъ въ 1314 г. епископомъ Прохоромъ на мѣстѣ явленія иконы Божіей Матери святителю Трифону. Въ монастырѣ находится очень чтимый образъ Толгской Божіей Матери. Мѣстность, среди которой находится монастырь, очень живописна. Памятниками старины служатъ земляные валы—прежняя крѣпость.

На пароход. конторкѣ совершаются молебны.

Ярославль, губ. гор., съ 70 т. ж., на прав. б. В.

Историческій очеркъ. Годъ основанія Ярославля съ точностью не опредѣляютъ. Говорятъ, что однажды кн. Ярославъ Владиміровичъ охотился, и то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ городъ, ему особенно понравилось; тутъ-же князь положилъ основаніе городу, который и назвалъ своимъ именемъ. Это событіе произошло между 1020 и 1035 гг. Первое время городъ Ярославль былъ въ зависимости отъ Ростова; этотъ періодъ зависимости продолжался около 200 л. Рядъ князей, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, ничѣмъ не ознаменовали своего княженія.

Лѣтописцы останавливаются болѣе на княженіи Константина Всеволодовича († въ 1218 г.), который много заботился о городѣ, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны; онъ первый построилъ въ городѣ училище.

За время княженія его сына Всеволода Константиновича Ярославль сгорѣлъ почти до тла, при чемъ было уничтожено и 17 церквей. Это событіе произошло въ 1221 г.

Княженіе дѣтей и, наконецъ, внуковъ Всеволода Константиновича ознаменовалось исторической враждой удѣльных князей. Вражда часто переходила въ открытую войну, которую нерѣдко раздували татары, преслѣдуя свои интересы. Въ 1238 г. близъ Ярославля произошла знаменитая сѣча на р. Сити (нашествіе Батые). Отсутствіе общности и разладъ были ближайшей причиной неудачи, которую потерпѣли ярославцы, задумавъ свергнуть татарское иго въ 1256 г., во время управленія Ярославлемъ княжной Ксеніей. Ярославцы были разбиты татарами подъ самымъ городомъ. При князѣ Василіи Давидовичѣ, извѣстномъ въ исторіи подъ именемъ „Грозныя Очи“, въ 1332 г. татары вновь разграбили и сожгли Ярославль. Спустя ровно десять лѣтъ Ярославль снова подвергся печальной участи разоренія; на этотъ разъ городъ разграбили во время междоусобной войны за удѣлы Шемяка и его братъ Василій Косой. Въ это время въ Ярославлѣ княжилъ Александръ Ѳеодоровичъ, прозванный лѣтописцами „Великимъ“; онъ былъ послѣднимъ ярославскимъ княземъ *). Съ его смертію въ 1471 г. Ярославль теряетъ самостоятельность и управляется намѣстниками, посылаемыми московскими князьями. Словомъ, съ этого времени исторія Ярославля тѣсно связана съ исторіей Москвы.

Въ періодъ княженія Іоанна III-го и царствованія І. Грознаго историческая жизнь Ярославля никакими особенными событіями не ознаменовалась, за исключеніемъ большихъ пожаровъ. Во время одного изъ нихъ

*) Отъ удѣльных ярославскихъ князей образовались извѣстные рода князей: Курбскихъ, Вѣльскихъ, Прохоровскихъ, Львовыхъ и др.

въ 1501 г. были обрѣтены нетлѣнными мощи ярославскихъ князей Константина и Василія. Страшное бѣдствіе, разразившееся надъ большею частію русской земли, голодъ и моръ, захватило собою и Ярославль (въ царствованіе Бориса Годунова). 23 мая 1609 г. Ярославль былъ сожженъ поляками, но сами они потерпѣли въ этотъ день жестокое пораженіе отъ ярославцевъ. Въ періодъ „смутнаго“ времени Ярославль былъ сборнымъ пунктомъ для войскъ, собравшихся на освобожденіе Москвы отъ поляковъ; собственно ярославскія войска были подъ начальствомъ воеводы Волынскаго. Въ 1613 г. избранный на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ, проѣздомъ чрезъ Ярославль, прожилъ тутъ 25 дней; въ Ярославлѣ же былъ митрополитомъ Филаретъ, отецъ вновь избраннаго царя.

Отмѣтимъ въ короткихъ словахъ, въ хронологическомъ порядкѣ, послѣдующія событія, имѣющія то или другое значеніе въ дальнѣйшей исторической судьбѣ Ярославля.

Въ 1615 г. бояриномъ Иваномъ Черкасскимъ были отбиты шайки, обступившія городъ. Эти шайки, какъ извѣстно, состояли изъ разнаго сброда, но преимущественно изъ поляковъ, къ которымъ присоединились и казаки.

Въ 1626 и 58 гг. надъ Ярославлемъ снова разразились страшныя бѣдствія; въ первомъ случаѣ—моровое повѣтріе, во второмъ—пожаръ, истребившій двѣ трети города и 29 церквей.

Въ 1681 г. въ Ярославлѣ умеръ Никонтъ.

Петръ В. посѣтилъ Ярославль 4 раза: въ 1693, 94, 1702 и 23 гг.

Въ 1708 г. Ярославль причисленъ къ Ингерманландской губ., а черезъ годъ онъ становится провинціальнымъ городомъ Московской губ.

Въ 1747 г. въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ открывается славяно-латинская семинарія, а черезъ 30 л. открылись училище для дворянскихъ дѣтей и городская школа.

Екатерина II-я посетила Ярославль въ 1751 и 67 гг.

Въ 1777 г. въ Ярославль открылось намѣстничество; первымъ намѣстникомъ былъ А. П. Мельгуновъ.

Въ 1786—88 гг. въ Ярославль издавалась первая газета „Уединенный Пошехонецъ“.

Въ 1788 г. учреждается архіерейская каеэдра.

Въ 1803 г. было основано Демидовское училище, которое, около 2 лѣтъ спустя, переименовано въ лицей.

Въ 1811—12 гг. ярославскимъ генералъ-губернаторомъ былъ принцъ Голштейнъ Ольденбургскій. Послѣдующими начальниками города были губернаторы; изъ нихъ Безобразовъ оставилъ послѣ себя добрую память, посвятивъ особенныя заботы на благоустройство города, при немъ были сооружены лучшія постройки, а также и губернаторскій домъ, набережная, бульваръ, ведущій отъ Волги къ Власьевской площади, поставленъ памятникъ Демидову и т. д.

Святыни, историческіе памятники и др. достопримѣчательности города. Каеэдральный соборъ во имя Успенія Божіей Матери, основанный в. кн. Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1215 г., возобновленъ Іоанномъ III послѣ пожара, бывшаго въ 1501 г.; и заново отстроенъ въ 1646 г., а затѣмъ снова пострадалъ отъ пожара въ 1744 г.

Послѣ пожара въ 1744 г. оставшіяся мощи св. князей ярославскихъ Константина и Василии Всеволодовичей хранятся въ серебряной рактъ; ихъ изображенія, вышитыя золотомъ и серебромъ (пожертв. княз. Головинымъ), хранятся въ главномъ придѣлѣ. Чудотворная икона Ярославской Божіей Матери очень древняго письма. Въ числѣ достопримѣчательностей, хранящихся въ соборѣ, слѣдуетъ указать на церковные предметы: крестъ, дискось, звѣздицу и др., пожертвованные царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Иконостасъ собора украшенъ древней живописью, а стѣны—фресками.

Архангельская церковь Арх. Михаила, основанная в. кн. Всеволодомъ Константиновичемъ въ 1213 г. Спустя около 90 л., жена ярославскаго князя Теодора

Ростиславовича Анна, дочь татарскаго хана Ногая, построила на этомъ мѣстѣ соборную церковь и принесла въ даръ богатую икону Божіей Матери. Настоящая (каменная) церковь построена въ 1657 г. Образа, хранящіяся тутъ—Владимірской Божіей Матери, Смоленской Божіей Матери и образъ Архистратига Михаила,—очень древніе.

Въ церкви Ильи Пророка, построенной въ 1617 г. на иждивеніе ярославскихъ купцовъ Скрипиныхъ, находится часть ризы Спасителя; эту святыню прислалъ московскій патріархъ Іосифъ въ 1650 г.

Церковь типичной архитектуры, съ шатровыми куполами.

Въ Петропавловской церкви, на берегу Волги, построенной на мѣстѣ древняго монастыря, котораго теперь не существуетъ, хранятся древнія иконы: св. Михаила Маленна, свв. Ксеніи и Анастасіи; здѣсь же погребенъ прахъ ярославскаго князя Михаила Ѳеодоровича, сына св. князя Ѳеодора Ростиславовича, ум. въ 1290 г.; въ ризницѣ хранятся царскія грамоты Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича.

Всеградская церковь Спасителя построена въ 1696 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла такая-же церковь деревянная, извѣстная подъ именемъ „Обыденной“ (построенной въ одинъ день). Основаніе церкви вызвано слѣдующимъ событіемъ. Ярославль, какъ извѣстно, служилъ сборнымъ пунктомъ для войскъ, готовящихся идти въ борьбу съ поляками; тутъ-же долго стояли войска Пожарскаго и Минина. Вслѣдствіе необыкновеннаго скопленія народа въ городѣ открылся моръ. Народъ былъ объятъ паническимъ страхомъ. Въ это время соборный священникъ объявилъ народу, собравшемуся для крестнаго хода, что ему въ сонномъ видѣніи повелѣно взять образъ Спасителя, находящійся въ Аеанасьевской часовнѣ. Народъ такъ и сдѣлалъ. Во время процессіи многіе больные получали исцѣленіе. Моръ скоро прекратился.

Церковь Воскресенія Христова, воздвигнутая въ 1660 г., замѣчательна своей красивой и изящной архитектурой.

Николо-Надеинская церковь, построенная въ 1621 г., основаніе ея относится къ XII в., хранить въ себѣ слѣд. достопримѣчательности: богатая ризы и воздухъ, пожертвованные царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, иконостасъ вырѣзанъ на деревѣ собственноручно Волковымъ, основателемъ перваго театра въ Россіи, колокола привезены изъ Голландіи.

Туговская церковь во имя св. Параскевы построена въ 1692 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, происходила битва между русскими и татарами въ 1255—58 гг. Въ этомъ храмѣ находится древняя святыня — икона Эдесскаго Образа Христа Спасителя, писанная греками и присланная въ Россію константинопольскимъ патриархомъ Тимофеемъ.

Спасо-Преображенскій монастырь (архіерейскій домъ), гдѣ стоитъ самая древнѣйшая въ Ярославлѣ церковь Преображенія Господня, воздвигнутая въ 1216 г. в. кн. Константиномъ Всеволодовичемъ и возобновленная послѣ пожара въ 1516 г. Церковь во имя князей Ѳеодора, Давида и Константина, мощи которыхъ обрѣтаются въ кипарисной ракѣ, а самый гробъ хранится въ церкви Происхожденія Честныхъ Древъ; рядомъ съ гробницей находится чудотворная икона Печерской Божіей Матери и образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, вытѣпленный изъ воска. Въ монастырской библіотекѣ хранится много древнихъ рукописей и книгъ, между которыми обращаетъ на себя вниманіе евангеліе, писанное на пергаментѣ; въ этой библіотекѣ найдено было извѣстное „Слово о полку Игоревѣ“.

Ильинская церковь, съ двумя колокольнями по сторонамъ,—одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ въ городѣ, сохранившій древнюю живопись.

Въ слободѣ (за Которостью, в. около 3-хъ отъ главной площади) обращаетъ на себя вниманіе своей древней архитектурой храмъ Іоанна Предтечи на Толчкѣ; по внѣшности онъ нѣсколько напоминаетъ храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ; въ этой церкви сохранились царскія врата художественной работы XVII в.

Церковъ св. Іоанна Предтечи въ Ярославль.

Аеанасьевскій (мужской) монастырь построенъ въ 1664 г.; къ нему причислена часовня, находящаяся во Власьевской городской башнѣ, гдѣ обрѣтается чудотворная икона Знаменія Пресвятой Богородицы, особенно чтимая мѣстными жителями.

Казанскій (женскій) монастырь, гдѣ воздвигнута церковь во имя Казанской Божіей Матери; образъ этотъ былъ похищенъ однимъ польскимъ офицеромъ изъ Романова, а затѣмъ былъ переданъ ярославскому жителю Лыткину, который отдалъ его въ церковь Похвалы Богородицы; затѣмъ была построена и церковь, куда перенесли образъ.

Мѣстность, находящаяся между оврагомъ, Медвѣдицей, Волгой и Которостью, называется Рубленнымъ городомъ, отъ слова—срубы; тутъ, какъ мы сказали въ историч. очеркѣ, Ярославъ Владиміровичъ положилъ основаніе города; эта мѣстность была окружена валомъ и крѣпостью, отъ которой остались только башни: Волгская и Власьевская. Отъ земляного вала, которымъ была окружена мѣстность, находящаяся рядомъ съ Рубленнымъ городомъ и называвшаяся Землянымъ городомъ, не осталось никакихъ слѣдовъ.

Нѣкоторыя мѣстности и улицы сохранили имена, которыя связаны съ историческими воспоминаніями, такъ напр., Стрѣлецкая улица названа такъ потому, что здѣсь жили стрѣльцы; высланные послѣ стрѣleckаго бунта. „Таборами“ называется мѣстность, гдѣ, по преданію, стоялъ лагерь поляковъ.

Домъ Н. Н. Соболева—одно изъ большихъ красивыхъ зданій съ обширнымъ садомъ; онъ находится близъ Семеновскаго спуска къ Волгѣ, у пересѣченія стариннаго Стрѣleckаго бульвара Пробойной у. Этотъ домъ замѣчателенъ тѣмъ, что тутъ 14 августа въ 1812 г. родился е. в. принцъ П. Г. Ольденбургскій, о чемъ свидѣтельствуеъ надпись.

На Ильинской площади, самой большой и парадной въ городѣ, возвышается колонна, вылитая изъ бронзы, это памятникъ основателю лицея—П. Г. Демидову.

На этой площади стоятъ старыя орудія, взятыя съ прежнихъ укрѣпленій.

На Ростовской у. помѣщается музей.

Въ Ярославлѣ существуетъ высшее учебное заведеніе—Демидовскій юридическій лицей; учащихъ около 150 ч. Демидовскій лицей былъ открытъ 29 апрѣля 1805 г. подъ именемъ высшаго училища, которое затѣмъ было преобразовано въ лицей въ 1834 г.

„О Демидовѣ, внукѣ извѣстнаго тульского кузнеца Павла Григорьевича Демидова, говорятъ, что онъ пожертвовалъ не одинъ миллионъ наукѣ и народному просвѣщенію, отличаясь большою скромностію. Нравственная сторона его жизни достойна подражанія. Онъ былъ всегда тихъ, кротокъ, прямодушенъ, честенъ, справедливъ и во всемъ чрезвычайно умѣренъ.

Его строгая жизнь и умѣренность были изумительны. При своихъ несмѣтныхъ богатствахъ онъ тратилъ на столъ шесть, семь рублей въ мѣсяцъ.... Утромъ, обыкновенно, онъ пилъ чашку кофе или шоколада; обѣдь его состояла изъ самаго слабаго бульона и одной котлетки, изъ которой онъ сосалъ только сокъ. Послѣ обѣда пилъ чай съ молокомъ, не болѣе одной чашки, а зимой ѣлъ пять, шесть ложекъ кислаго молока: хлѣба употреблялъ не болѣе четверти фунта. Будучи врагомъ всякой роскоши, носилъ нѣсколько лѣтъ одинъ кафтанъ.

Онъ цѣлый день проводилъ въ письменныхъ учебныхъ занятіяхъ, музыку любилъ страстно и самъ игралъ на скрипкѣ и фортепіано. Никогда никакихъ праздниковъ и обѣдовъ у себя не давалъ и его называли скупымъ за то, что онъ не давалъ никому взаймы денегъ.

— Всякій долженъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ его благословилъ Богъ, говорилъ онъ.

Со своихъ многочисленныхъ крестьянъ онъ бралъ въ годъ оброкъ съ семейства только пять рублей“.

*
* *

На правомъ б. Которости, въ верстѣ отъ города, видны колоссальныя постройки съ высокими трубами, это бумаго-прядильная и ткацкая фабрики „Товарищества большой ярославской мануфактуры“, принадлежащая Корзинкину. Начало этой фабрики относится къ 1722 г., основана купцомъ Затрапезновымъ. Населеніе фабрики—около 10 т. человѣкъ. Фабрика производитъ въ годъ болѣе, чѣмъ на 10 мил. руб.

*
* *

Описаніе города. Городъ, или вѣрнѣе—центральная часть его, расположенъ между угломъ, образуемымъ рр. Волгою и Которостью, и представляетъ довольно красивый видъ, который много выигрываетъ вслѣдствіе обилія зелени. Лучшими улицами считаются: Стрѣлецкая, Духовская, Дворянская и проч. Вообще Ярославль одинъ изъ красивыхъ и чистыхъ городовъ по Волгѣ.

Волжская Набережная улица имѣетъ три спуска къ Волгѣ; на верху ея тянется аллея и терраса, откуда открывается прекрасный видъ на Волгу. Волжская Набережная доходитъ до набережной р. Которости; по этому направленію въ концѣ Н. ул., рядомъ съ Волгской башней, встрѣтится небольшой садикъ, а далѣе, близъ Успенскаго собора, Демидовскій лицей, находящійся на углу, образуемомъ набережными рр. Волги и Которости, устье которой представляетъ одну изъ оживленныхъ частей города, такъ какъ тутъ находится пристань. Лицей окруженъ густой зеленью.

На Ильинской площади сосредоточены всѣ казенныя учрежденія; тутъ-же въ недавно разбитомъ садикѣ стоитъ памятникъ Демидову.

Населенная лѣвая сторона р. Волги, противъ города, извѣстна подъ именемъ Тверицкой слободы, названа такъ потому, что сюда, по приказу І. Грознаго, были переселены „ловцы“ изъ Твери.

Въ Тверицкой слободѣ находится вокзалъ вологодской ж. д.

Въ Ярославлѣ бываетъ разъ въ годъ *ярмарка*, продолжается съ 5 по 26 марта.

Вокзалъ московско-ярославской ж. д. находится за рѣкою Которостью, въ которостьской слободѣ.

* * *

Жители Ярославской губ. извѣстны всей Россіи своею предприимчивостію, необыкновеннымъ трудолюбіемъ и способностію въ сферѣ самыхъ разнообразныхъ промысловъ. Ни одна губернія такъ не богата отхожими промыслами, какъ Ярославская. Тутъ, напр., нерѣдко можно встрѣтить крестьянина, который, отправившись на отхожій промыселъ, черезъ нѣсколько лѣтъ возвращается богатымъ человѣкомъ, записавшись въ гильдію.

Но бываютъ случаи, что отхожій промыселъ является обоюдо-острымъ орудіемъ, которое вліяетъ растлѣвающимъ образомъ на нравственность и нерѣдко губить цѣлыя семьи, разоряя и доводя до положенія, граничащаго съ нищетою.

Собственно изъ Ярославля и его уѣзда уходятъ на заработки въ качествѣ торговцевъ, маляровъ, огородниковъ, штукатуровъ, кровельщиковъ, шубниковъ, скорняковъ, булочниковъ и т. д.

Около Ярославля, при впаденіи р. Учмы въ Волгу, на прав. б. послѣдней, среди живописной мѣстности, на мѣстѣ упраздненнаго монастыря стоитъ Кассіанова пустынь, привлекающая немало паломниковъ. Основаніе Учемской пустыни св. Кассіаномъ относится къ 1490 г.

* * *

На пути къ Костромѣ, въ сторону отъ Волги, находится с. Грѣшнево—родовое имѣніе Некрасовыхъ, гдѣ провелъ дѣтство знаменитый поэтъ Некрасовъ; онъ учился въ ярославской гимназіи съ 32 по 38 г.

Костромская губернія.

Николаевскій Бабаевскій монастырь находится на прав. б. В., при устьѣ р. Солоницы. Первоначально монастырь былъ (собственно церковь) выстроенъ на *бабайкахъ*—деревяшки въ видѣ небольшихъ тумбочекъ, употребляемыхъ при сплавѣ лѣса, отсюда и самый монастырь получилъ свое названіе. Основаніе монастыря относится къ XVI в.

Въ монастырской церкви св. Николая Чудотворца находится почитаемая икона Иверской Божіей Матери и часть мощей св. Николая Чудотворца. Въ день этого Св. стекаются въ монастырь массы богомольцевъ.

На лѣвомъ б. Волги, на пути къ Костромѣ, верстахъ въ 20, возвышается большое зданіе химическаго завода Понизовкина, тутъ останавливаются пароходы Зарубина.

КОСТРОМА, губ. гор., съ 40 т. ж., на лѣв. б. В.

Историческій очеркъ. Основаніе Костромы относится къ 1152 г.—Основателемъ города былъ Юрій Долгорукій, сынъ Владиміра Мономаха *). Исторія княжества первыхъ годовъ своего существованія не ознаменовалась никакими событіями, исключая обычной борьбы удѣльныхъ князей между собою. Въ 1237 г. городъ подвергся нападению и разорению Батыя, а затѣмъ, спустя два года, татары снова напали, но были отбиты, съ большимъ урономъ для нихъ, княземъ Василіемъ Георгіевичемъ, который вышелъ на встрѣчу непріятелямъ съ иконой Θεодоровской Божіей Матери.

*) Одинъ историческій источникъ указываетъ, что Кострома основана въ 1213 г. ростовскимъ княземъ Константиномъ.

Вообще исторія Костромы, какъ исторія всѣхъ верховыхъ приволжскихъ городовъ, изобилуетъ разными бѣдствіями.

Въ 1380—90 годахъ Кострома была разграблена новгородскими разбойниками; въ 1420 году въ Костромѣ свирѣпствовала страшная моровая язва, а два года спустя въ городѣ былъ голодъ. Въ 1429 г. татарскій царевичъ Махмудъ-Хази разорилъ городъ почти до основанія. Въ тяжелый періодъ самозванцевъ, когда по всей Россіи бродили шайки поляковъ, городъ неоднократно подвергался ихъ нападенію.

Въ 1608 г., послѣ битвы между поляками и монахами Богоявленскаго монастыря, при чемъ послѣдніе бились съ непріятелемъ, какъ истинные герои, и пали всѣ до послѣдняго,—поляки заняли городъ, гдѣ держались до тѣхъ поръ, пока подошли на помощь русскіе. Поляки заперлись въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ были частью избиты, а частью взяты въ плѣнъ воеводой Жеребцовымъ.

Въ 1613 г. 14 марта костромской бояринъ Михаилъ Феодоровичъ Романовъ былъ избранъ на царство.

Въ 1719 г. по указу Царя Петра Великаго Кострома сдѣлана была провинціальнымъ городомъ Московской губ., а въ 1778 г. по повелѣнію Екатерины II—намістничествомъ. Ровно черезъ 20 лѣтъ по повелѣнію Императора Павла Кострома была переименована въ губернскій городъ.

Святыни, историческіе памятники и др. достопримѣчательности города. Соборъ Успенія Божіей Матери построенъ на мѣстѣ бывшаго кремля въ 1239 г. по повелѣнію в. кн. Василя; въ послѣдующихъ годахъ къ собору были сдѣланы пристройки. Послѣдній разъ соборъ сгорѣлъ въ 1773 г. и былъ возобновленъ по повелѣнію Екатерины II; строился подъ наблюденіемъ архитектора-самоучки Воротилова. Самый типъ постройки обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что алтари собора обращены не на востокъ, а на сѣверъ, гдѣ найдена чудотворная икона. Внутри храмъ украшенъ древней живописью, недавно реставрированной. Какъ на драгоценную святыню

храма слѣдуетъ указать на икону Ѣеодоровской Божіей Матери, явившуюся в. кн. Василю Ярославовичу, празднованіе 16 августа, въ память явленія иконы (къ этому дню стекается въ Кострому масса поклонниковъ; въ это же время, въ продолженіи 3-хъ дней, происходитъ народная ярмарка), и 14 марта—въ память избранія Михаила Ѣеодоровича на царство. Прежде икона находилась въ Ѣеодоровскомъ Городецкомъ монастырѣ до разоренія и пожара города и монастыря Батыемъ; послѣ пожара икона осталась невредимою. Рясна и богатая жемчужная ряса были пожертвованы Михаиломъ Ѣеодоровичемъ и его матерью, инокинею Мареою.

Соборъ и депутація земскихъ людей, явившись въ Ипатьевскій монастырь съ иконою Ѣеодоровской Божіей Матери и умоляя юнаго Михаила, говорили: „Не противься волѣ Божіей, не мы избрали сей подвигъ, но Пречистая Матерь Божія возлюбила тебя“. Мать боярина Михаила Ѣеодоровича, инокиня Марea, поручая сына покровительству Ѣеодоровской Божіей Матери, сказала: „Въ Твои Пречистыя руки, Владычице, предаю чадо мое, наставь его на путь истинный, устрой полезное ему и всему православному христіанству“.

Евангеліе въ богатой серебряной оправѣ, вѣсомъ 2 п. 2 ф.

Въ придѣлѣ св. Ѣеодора Стратилата покоится прахъ в. кн. Василя Ярославовича (ум. въ 1277 г.).

Богоявленскій соборъ построенъ въ 1776 г., обращаетъ на себя вниманіе изящной архитектурой.

Самой древней церковью считается церковь Воскресенія на Дебряхъ, съ замѣчательнымъ рѣзнымъ алтаремъ, и кладбищенская церковь Спасская Запрудненская, построенная на мѣстѣ упраздненнаго мужского монастыря.

Въ церкви Козьмы и Даміана (близъ рѣки Костромы) любопытный туристъ неожиданно встрѣтитъ замѣчательное произведеніе искусства—картину, принадлежащую кисти извѣстныхъ художниковъ Сѣрова и Коровина, „Хожденіе Христа по водамъ“. Передъ зрителемъ, на громадномъ полотнѣ, занимающемъ почти всю запад-

ную сторону лѣтней церкви, необъятная ширь Галилейскаго озера въ бурную ночь; небо покрыто темно-свинцовыми, почти черными тучами, которыя, разорвавшись въ одномъ мѣстѣ, позволяютъ видѣть его южную синеву, усыпанную звѣздами. Среди бушующаго моря медленно движется лучезарная фигура Христа къ рисуемойся невдалекѣ темнымъ силуэтомъ лодкѣ апостоловъ. Композиція не сложна, но въ этой-то простотѣ и заключается все обаяніе картины: отъ нея вѣетъ именно той безыскусственностью и величіемъ, которымъ проникнуть евангельскій разсказъ, послужившій сюжетомъ. Не говоря уже о центрѣ картины—Христѣ, всѣ фигуры апостоловъ, выражающихъ чувство страха, смѣшаннаго съ любопытствомъ, написаны превосходно; то же можно сказать о водѣ и воздухѣ, исполненныхъ съ замѣчательнымъ техническимъ совершенствомъ. Къ сожалѣнію, картина помѣщена на не совсѣмъ удобномъ мѣстѣ и при невыгодномъ освѣщеніи, такъ что для большей иллюзіи въ нее необходимо всматриваться долго и напряженно.

Ипатіевскій мужской монастырь, что возвышается бѣлыми зубчатыми стѣнами за р. Костромой, на правомъ берегу, близъ того мѣста, гдѣ она впадаетъ въ Волгу, основанъ въ 1330 г. татарскимъ княземъ Четой (фамилія, отъ которой произошелъ Борисъ Годуновъ), бѣжавшимъ изъ Золотой орды. На томъ мѣстѣ, гдѣ построены монастырь, какъ говоритъ преданіе, Четъ проѣздомъ тяжело заболѣлъ. Видѣнная имъ икона Богородицы на озерѣ Мерѣ, которое теперь называется Святымъ, вмѣстѣ съ помощью, поданной св. Ипатіемъ, испѣлили больного, послѣ чего онъ принялъ св. крещеніе съ именемъ Захарія отъ св. митрополита Петра и построилъ монастырь во имя св. Ипатія.

Годъ основанія Ипатьевского монастыря съ точностью не извѣстенъ; всего вѣроятнѣе, что основаніе относится къ концу I-й половины XIV-го ст. Лѣтописи, между прочимъ, указываютъ, что Ипатьевскую обитель въ 1382 г. посѣтилъ Дмитрій Донской съ сыномъ Василіемъ.

Больше всѣхъ заботились и помогали монастырю

Годуновы; они же построили и крѣпостную стѣну (1586 г.). Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ также заботился и нерѣдко оказывалъ помощь обители. При Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1652 г., монастырь былъ возобновленъ.

Въ монастырскомъ храмѣ Св. Троицы Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ призваніе на царство. Храмъ этотъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде существовалъ храмъ, воздвигнутый Четой и впослѣдствіи (въ 1649 г.) разрушенный бурей, и вновь сооруженъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1652 г. Старинная живопись уцѣлѣла до настоящаго времени. Священные предметы въ церкви Св. Троицы почти всѣ безъ исключенія пожертвованы Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и Годуновымъ; тутъ же хранится образъ, которымъ инокиня Марѳа благословила своего сына на царство (1613 г.). Кромѣ того обитель хранитъ много священныхъ предметовъ. Тутъ хранится часть ризы Господней, присланной въ 1626 г. патріархомъ Филаретомъ, древнія книги и рукописи. При этомъ же храмѣ погребены основатель монастыря, Захарій Четъ, отецъ и мать Бориса и Іоаннъ Сусанинъ, принявшій за царя смерть мученика. Какъ извѣстно, поляки, слышавшіе объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, искали царя, чтобы убить его. Одна шайка направилась въ имѣніе, гдѣ проживалъ въ то время Михаилъ Ѳеодоровичъ, близъ Костромы. Крестьянинъ с. Домнина, Сусанинъ, вызвавшись быть проводникомъ, завелъ поляковъ въ лѣсъ, гдѣ они и погибли, изрубивъ Сусанина. Это историческое событіе и послужило, какъ извѣстно, для созданія безсмертнаго музыкальнаго произведенія: „Жизнь за Царя“. Вступая въ монастырскія ворота, просвѣщенный туристъ, вѣроятно, вспомнитъ, что это тѣ самыя ворота, куда стучался Ваня, пріемный сынъ Ивана Сусанина, съ цѣлью разбудить спящую обитель и предупредить о грозящей бѣдѣ.

Покои, гдѣ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ до избранія на царство, съ своей матерью, инокиней Марѳой, хранятся и до сего времени со всей обстановкой. Эти покои, построенныя въ 1588 г., реставрированы въ 60-хъ годахъ архитекторомъ Рихтеромъ.

Покои представляютъ небольшія сводчатыя комнаты, гдѣ рѣзко бросаются въ глаза изразцовыя печи съ рисунками и надписями, вродѣ слѣдующихъ. Подъ деревомъ, съ висящимъ на немъ змѣемъ, написано: „Съ тобою засыхаю“, подъ изображеніемъ бочки: „Былъ бы ромъ, ато, что толку въ немъ“, возлѣ ласточки: „Весну вѣщаетъ“ и т. д.

Палаты Романовыхъ въ Костромѣ.

Съ монастырскихъ стѣнъ, особенно съ Зеленой башни, открываются такіе виды, которые безъ преувеличенія можно назвать очаровательными.

Посреди монастырскаго двора воздвигнуть памятникъ (4-хъ-угольный каменный столбъ), на которомъ хранятся надписи о всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ исторической жизни монастыря.

Много интереснаго представляетъ для путешественника костромской монастырь Богоявленскій, лежащій въ центрѣ города; основаніе его относятъ къ княженію Василія Темнаго. Въ шестидесятыхъ годахъ этотъ монастырь изъ мужского переименованъ въ женскій, при чемъ сюда была назначена игуменіей одна изъ высокопоставленныхъ особъ—княгиня Давыдова, въ монахиняхъ Марія. Усиліями этой энергичной женщины разросся богатый монастырь, а число монашествующихъ дошло до 300; монастырю дарованы были доходныя угодья и т. п. Монастырскіе храмы теперь поражаютъ изяществомъ и все увеличиваются числомъ. Монастырь окруженъ высокими стѣнами и башнями, постройка которыхъ относится къ 1663 г.

*
* *

Церковь „Воскресенія на Дебряхъ“ можетъ служить образцомъ старинной и притомъ же въ высшей степени красивой архитектуры, которая ежегодно привлекаетъ вниманіе просвѣщенныхъ туристовъ.

При входѣ въ церковныя ворота нельзя не замѣтить изображеніе англійскаго герба: лебедя и носорога. Вообще ворота украшены изображеніемъ птицъ и звѣрей. Сохранилось преданіе, что московскій купецъ Исаковъ, торговецъ красками, возвращаясь изъ Англіи, едва не погибъ въ морѣ. Вотъ по этому поводу онъ и далъ обѣтъ построить церковь. Когда краска была привезена въ Кострому, то въ одномъ изъ боченковъ нашли червонцы, на которые, вмѣстѣ съ пожертвованіями самого Исакова и костромичей, и былъ построенъ описываемый храмъ, на мѣстѣ деревяннаго, существовавшаго въ концѣ XIV и въ началѣ XV в. и основаннаго, по преданію, кн. Василиемъ Ярославичемъ.

*
* *

На Сусанинской площади воздвигнуть памятникъ кр. Ивану Сусанину. На гранитномъ пьедесталѣ изображена бронзовая статуя молящагося Сусанина. На одной сторонѣ пьедестала надпись: „Ивану Сусанину, за царя,

спасителю вѣры и царства, животь свой положившему, благодарное потомство 1851" (древн. слав. букв.); съ противоположной стороны барельефъ, изображающій смерть Ивана Сусанина, окруженнаго поляками въ лѣсу. На верху колонны стоитъ поясной бюстъ царя Михаила Ѳеодоровича.

* * *

Костромская семинарія, открытая въ 1747 г. епископомъ Силвестромъ въ кельяхъ Ипатьевского монастыря, праздновала въ прошломъ году 150-л. юбилей.

* * *

Великое историческое событіе, съ которымъ связаны памятники, описанные выше, обязываетъ насъ остановиться на этомъ событіи на столько подробно, на сколько позволяютъ это сдѣлать рамки такого изданія, какъ „Путеводитель“.

Какъ старое дерево съ каждымъ годомъ даетъ новые побѣги, развѣтвляясь во всѣ стороны, такъ первый родоначальникъ дома Романовыхъ, появившійся на страницахъ исторіи въ концѣ XIV в., съ теченіемъ времени далъ нѣсколько новыхъ родовъ: княжескихъ, дворянскихъ и боярскихъ. Въ исторіи, обнимающей собою эпоху Іоанна III, мы встрѣчаемъ одного изъ выдающихся потомковъ, дѣти котораго приняли фамилію Захарьиныхъ-Юрьевыхъ; внуки Захарія Романъ и Михайлъ Юрьевичи Захарьины-Юрьины играли выдающуюся роль въ княженіе Василя III; изъ нихъ первый—Романъ, выдавъ дочь свою Анастасію Романовну за Іоанна Васильевича, сдѣлался тестемъ русскаго царя. Родъ, собственно, Романа Юрьевича по прямой линіи носилъ фамилію Романова-Захарьина-Юрьева, а затѣмъ, только Романова. Сынъ Романа Юрьевича, Никита Романовичъ, пользовался обширнымъ вліяніемъ при дворѣ І.

Грозного, а когда умеръ послѣдній и вмѣсто него на престолъ вступилъ слабодушный Ѳеодоръ, Никита Романовичъ сдѣлался правителемъ государства. Однако такое видное положеніе послѣдняго продолжалось недолго; вліяніе Бориса Годунова на государственныя дѣла замѣтно росло, а послѣ смерти Никиты Романовича, послѣдовавшей въ 1586 г., Годуновъ занялъ его мѣсто. Правда, дѣти Никиты Романовича: Ѳеодоръ, Александръ, Михаилъ, Іоаннъ и Василиій Никитичи, какъ родственники царя, пользовались большимъ значеніемъ при дворѣ, правда, что царь Ѳеодоръ очень любилъ Романовыхъ, но это обстоятельство только увеличивало противъ нихъ непріязненное чувство Годунова. Послѣдній съ особенной ненавистью относился къ Ѳеодору Никитичу, который, какъ человѣкъ и государственный дѣятель, обладалъ высокими качествами. Онъ считался очень образованнымъ человѣкомъ для того времени, умнымъ, начитаннымъ, въ высшей степени краснорѣчивымъ; кромѣ того онъ обладалъ красивой и представительной внѣшностью. Если ко всему этому прибавить, что Романовы нерѣдко не соглашались въ своихъ взглядахъ на дѣла государственнаго правленія, не сходились въ убѣжденіяхъ,—о какихъ-либо пріязненныхъ чувствахъ не могло быть и рѣчи, ибо Годуновъ обладалъ подозрительнымъ и мстительнымъ характеромъ, который съ теченіемъ времени принималъ все болѣе и болѣе отталкивающія и рѣзкія формы,—то не трудно представить ту бездну, которая выросла въ отношеніяхъ Годунова и Романовыхъ. Считая послѣднихъ своими личными врагами, Борисъ Годуновъ дожидался удобнаго случая нанести имъ рѣшительный ударъ. Такой случай скоро представился: умеръ царь Ѳеодоръ, и это обстоятельство дало возможность дѣйствовать Борису свободно.... Преслѣдуя свои личные интересы, онъ видѣлъ въ лицѣ Романовыхъ людей, которые могутъ служить серьезнымъ препятствіемъ на пути осуществленія извѣстныхъ плановъ, почему первымъ дѣломъ Бориса послѣ смерти царя было удаленіе Романовыхъ отъ двора, отъ управленія, словомъ, отъ всего, что напоминало государственную

власть. Но этого было очень мало для цѣлей Годунова. Немного спустя, съ помощью людей, преданныхъ Борису, Романовыхъ обвинили въ государственной измѣнѣ и въ злоумышленіи на жизнь Годунова. Въ то время не трудно было установить фактъ самаго злодѣйскаго преступленія. Подкупленный клеветами Годунова, правитель Александра Никитича Романова принесъ въ кладовую какіе-то корни, которые собирались яко бы для отравы, и.... преступленіе было готово. Совершился судъ скорый, но никакъ уже не правый. Нелѣпная клевета имѣла блистательный успѣхъ, и никакая защита не могла, несмотря на то, что на сторонѣ послѣдней были такіе сильные люди, какъ князья Черкасскіе, Рѣпины и др. Романовыхъ заключили въ тюрьму, пытали.... Необходимо отмѣтить слѣдующій фактъ: никто изъ слугъ Романовыхъ, несмотря на страшныя пытки, не дѣлалъ ложныхъ показаній противъ своихъ господъ....

Въ 1601 г., въ силу боярскаго суда, Ѳеодора Никитича Романова, разлучивъ съ женою и дѣтьми, постригли въ монахи подъ именемъ Филарета и сослали въ Антоніево-Сійскій монастырь (Архангельской губерніи, недалеко отъ Холмогоръ). Жена послѣдняго Ксенія Ивановна, у которой отняли дѣтей—пятилѣтняго Михаила и трехлѣтнюю Ксенію, сосланныхъ съ тетками на Бѣлоозеро, была также сослана въ монастырь подъ именемъ инокини Марфы. Затѣмъ всѣ братья Ѳеодора Романовича были сосланы въ ссылку по разнымъ окраинамъ Россіи: Василій Никитичъ—въ Яранскъ, Иванъ Никитичъ—въ Пелымъ, Михаилъ Никитичъ—въ Пермскій край, Александръ Никитичъ—въ Усолъе.

Никакое перо не въ силахъ описать тѣ физическія и нравственныя страданія, которыя перенесли въ ссылкѣ Романовы.... Не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ три брата Романовыхъ, не перенеся тяжелыхъ испытаній, умерли; остались въ живыхъ Филаретъ и Иванъ Никитичи.

Вотъ что, между прочимъ, мы встрѣчаемъ въ описаніи пристава, который по дѣлу своей службы, надзора и караула надъ заключеннымъ Филаретомъ, доносилъ своему начальству о страдальческой жизни послѣдняго:

„Со мной ничего не разговариваетъ (Филаретъ), только когда воспоминаетъ жену и дѣтей, то говорить: малыя мои дѣтки! маленьки, бѣдныя остались! Кому ихъ кормить и поить? Такъ-ли имъ будетъ теперь, какъ имъ при мнѣ было? А жена моя, бѣдная? Жива-ли уже? Чай, она туда завезена, куда слухъ никакой не зайдетъ!... Бѣда на меня жена и дѣти: какъ ихъ вспомнишь, такъ точно рогатиной въ сердце толкнетъ!“

И долго еще пришлось томиться въ ссылкѣ бѣдному, невольному иноку!...

Иванъ Романовичъ съ разрѣшенія царя Бориса возвратился изъ ссылки, сначала въ Нижній, а затѣмъ — въ Москву, это былъ теперь уже совсѣмъ больной и разбитый человѣкъ. Вскорѣ было разрѣшено возвратиться изъ ссылки и дѣтямъ Филарета. Послѣ смерти Бориса и его сына на престолъ вступаетъ Лжедмитрій; при немъ былъ возвращенъ изъ ссылки Филаретъ и возведенъ въ санъ митрополита ростовскаго; вскорѣ была возвращена изъ ссылки и жена его, инокиня Марфа. Вотъ при какихъ печальныхъ обстоятельствахъ, послѣ долгихъ лѣтъ заточенія, встрѣтились члены семьи боярина Ѳеодора Никитича Романова! Затѣмъ наступаетъ такъ называемое „смутное время“ или „безначаліе“. Какъ при Дмитріи Самозванцѣ, такъ и послѣ его смерти, Россія была запружена всякимъ иноземнымъ сбродомъ, между которыми поляки играли первенствующую роль. Польскому королю во что бы то ни стало хотѣлось посадить на русскій престолъ своего сына Владислава. Вотъ въ это „смутное“ тяжелое время, которое переживала Православная Русь, самыми дѣятельными и мужественными защитниками послѣдней является Филаретъ вмѣстѣ съ патріархомъ Гермогеномъ. Сознавая это обстоятельство, всѣ истинно русскіе люди, стремящіеся къ защитѣ интересовъ своего многострадальнаго отечества, видѣли въ лицѣ Филарета своего защитника и спасителя. Когда къ польскому королю Сигизмунду было послано подѣ Смоленскъ, который онъ осаждалъ съ своими войсками, русское посольство, то во главѣ этого посольства стоялъ Филаретъ. Но и эта миссія кончилась для

него печально: несчастный Филаретъ былъ ограбленъ поляками, заключенъ подъ стражу и томился въ польскомъ плѣну до 1618 г.

Чтобы описать многострадальную жизнь юнаго Михаила Ѳеодоровича, будущаго русскаго царя, нужно писать длинную скорбную лѣтопись, цѣлую исторію, могущую занять собою сотни страницъ....

Отторгнутый съ пятилѣтняго возраста отъ родной семьи, отъ всего, что дорого ребенку—материнской ласки, теплой молитвы, которая, проникая въ душу ребенка, имѣетъ съ первыхъ шаговъ доброе и благодѣтельное вліяніе, онъ провелъ ранніе годы своего дѣтства въ ссылкѣ среди лишеній и тяжелыхъ испытаній. Получивъ свободу, онъ уже увидѣлъ въ лицѣ своей матери инокиню, отецъ, попрежнему, былъ въ ссылкѣ, затѣмъ послѣдній попадаетъ въ польскій плѣнъ, да, наконецъ, его духовный санъ невольно отдалилъ сына отъ отца. Юный Михаилъ Ѳеодоровичъ, заключенный въ Кремль среди враговъ Россіи, былъ свидѣтелемъ тѣхъ ужасовъ, которые переживали поляки, окруженные со всѣхъ сторонъ русскими ополченіями.

Есть основаніе думать, что Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ обществѣ своего дяди Ивана Никитича Романова, попалъ въ Кремль случайно, пріѣхавъ въ Москву съ цѣлью повидаться съ отцомъ.

Трудно описать тѣ физическія и нравственныя страданія, которыя перенесъ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ во время осады Кремля, когда сами поляки принуждены были питаться трупами людей.

Въ 1612 г., въ ноябрѣ мѣсяцѣ, поляки, доведенные до полнаго изнеможенія, сдались на милость Русскихъ и выпустили русскихъ плѣнныхъ на свободу. Послѣ польскаго плѣна Михаилъ Ѳеодоровичъ поселился съ матерью въ своемъ имѣніи Костромской губ., а затѣмъ переѣхалъ въ Кострому, въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ въ 1613 г. 14 марта и совершилось величайшее историческое событіе—избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство.

Изъ всѣхъ Романовыхъ пользовался большой популярностью Никита Романовъ. На сестрѣ послѣдняго, Анастасіи Романовнѣ, былъ женатъ Іоаннъ Грозный, о которомъ исторія и до настоящихъ дней не сказала своего послѣдняго, рѣшительнаго слова. Несомнѣнно только то, что приближенные къ царю никогда не чувствовали себя такъ непрочно, какъ въ царствованіе Іоанна Грознаго. Одинъ только Никита Романовъ не испыталъ на себѣ превратностей судьбы, пользуясь все время уваженіемъ Грознаго царя. Въ народной поэзіи—пѣсняхъ, былинахъ, преданіяхъ, разсказахъ и т. п. имя Никиты Романова встрѣчается часто, что доказываетъ, что этотъ бояринъ пользовался глубокимъ уваженіемъ народа, который несомнѣнно сохранилъ о Никитѣ Романовѣ дорогую память. Не менѣе дорогая память кроется и въ тѣхъ поэтическихъ сказаніяхъ, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ состраданія и затаенной скорби, которыя повѣствуютъ о страданіяхъ, перенесенныхъ дѣтьми Никиты Романова въ ссылки и заточеніи.

Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе весьма популярной былины: „Никитѣ Романовичу дано село Преображенское“. Эта былина между прочимъ прекрасно рисуетъ намъ нравственный и прямой характеръ Романова, его горячую любовь къ правдѣ и къ людямъ.

Царь Іоаннъ Грозный пируетъ „въ каменной Москвѣ“; „бесѣдушка была на-веселѣ, а лѣтній день въ половинѣ дня“; участвовавшіе въ „бесѣдѣ“ стали другъ передъ другомъ хвалиться, кто силой, кто родомъ, кто своимъ богатствомъ. Во время этого разговора Іоаннъ Грозный сказалъ: „глупые вы бояре, неразумные! Всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь“ и при этомъ добавилъ, что онъ, царь, только можетъ говорить о своихъ великихъ подвигахъ—взятіи Казани, Астрахани, наконецъ, о томъ, что онъ вывелъ крамолу изъ Новгорода и т. д. Никто ничего не возразилъ на это царю, только одинъ царевичъ Θεодоръ осмѣлился произнести, что „отовсюду ты вывелъ измѣну на Руси, не вывелъ ее только въ каменной Москвѣ“ и при этомъ юный царевичъ прямо ука-

залъ какъ на измѣнниковъ—на Годуновыхъ. Царь съ гнѣвомъ требуетъ объясненія отъ сына. Тотъ отвѣчаетъ:

„Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ,
Ты пьешь съ ними, ѣшь съ одного блюда,
Единую чару съ ними требуешь“.

Совершенно разгнѣванный царь приказываетъ созвать „палачей не милостивыхъ“ для того, чтобы отвезти виновника царскаго гнѣва царевича на Москву-рѣку— „къ тому болоту поганому, ко той ко лужѣ кровавой, ко той плахѣ бѣлодубовой“. Однако никто не нашелся исполнить такое страшное порученіе. „Всѣ палачи испугались, со Москвы разбѣжались“, говоритъ былина, и только одинъ „Малюта-палачъ, сынъ Скуратовичъ“ изъявилъ готовность исполнить царскій приказъ. Царевичъ былъ отведенъ на мѣсто казни. Когда вѣсть объ этомъ событіи доносится до с. Романовскаго, гдѣ жилъ Никита Романовичъ, послѣдній бросается на неосѣдланнаго коня и скачетъ къ мѣсту казни. На дорогѣ онъ догоняетъ и Малюту, направляющагося тоже туда, къ „поганому болоту“. Никита Романовичъ кричитъ:

„Малюта палачъ. сынъ Скуратовичъ!
Не за свой ты кусъ хватаешься,
А этимъ кусомъ ты подавишься“.

Малюта отвѣчаетъ, что онъ не можетъ послушаться царя....

Никита Романовичъ рѣшается принести въ жертву своего любимца-конюха и отвѣчаетъ Малютѣ:

„Сказни ты любимаго конюха моего,
Окровени саблю острую,
Замарай въ крови руки бѣлыя
И съ тѣмъ поди къ царю передъ очи“.

И, вырвавъ изъ рукъ Малюты царевича, увозить его къ себѣ въ Романовское. Немного спустя, въ то время какъ Іоаннъ Грозный сокрушается о несчастной судьбѣ, постигшей его сына, раскаиваясь въ страшномъ

дѣяніи, которое онъ совершилъ, Борисъ доносить царю, что Никита Романовъ пируетъ въ своемъ селѣ. Разгнѣванный царь призываетъ къ себѣ Романова и съ страшными угрозами спрашиваетъ, чему бояринъ радуется, пируя въ то время, какъ царя постигла такая печаль.

Никита Романовъ отвѣчаетъ:

„А для того у меня пиръ на-веселѣ,
Въ трубочки играютъ по ратному,
Въ барабаны бьютъ по военному,—
Утѣшаютъ млада царевича“....

Никита Романовъ открываетъ царю всю правду. Обрадованный царь спѣшитъ въ Романовское, чтобы скорѣе увидѣть царевича, спасеннаго преданнымъ и вѣрнымъ бояриномъ, котораго жалуетъ „златомъ и серебромъ“ и грамотой „на село Преображенское“.

Больше всего сохранилось самыхъ трогательныхъ сказаній, связанныхъ съ именемъ Михаила Никитича Романова, который провелъ въ ссылкѣ нѣсколько лѣтъ въ Чердынѣ и Ныробѣ. Сказанія передаютъ, съ какимъ стойческимъ мужествомъ этотъ кроткій, безгранично добрый и сердечный бояринъ, обладавшій необыкновенно красивой и мужественной наружностью и богатырской силой, переносилъ всевозможныя физическія и нравственныя мученія своихъ жестокихъ приставниковъ—приставовъ. Неподвижное сидѣнье въ сырой ямѣ, лишенной свѣта и тепла, желѣзныя цѣпи, никогда не скидавшіяся, полное разобщеніе съ живымъ міромъ и со всѣми близкими людьми, словомъ, со всѣмъ, что было ему дорого,—вотъ какими тяжелыми условіями была обставлена жизнь этого страдальца. Но и этого было мало для мучителей-приставовъ. Поселяне мѣстнаго края, зная, что пристава морятъ голодомъ Михаила Никитича, посылали тайно своихъ маленькихъ дѣтей съ хлѣбомъ къ несчастному узнику, но и эти маленькіе „посланники Божьи“ жестоко пострадали, когда открылась ихъ святая миссія.

Михаилъ Никитичъ, какъ мы сказали выше, умеръ въ ссылкѣ и погребенъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ братьями

Александромъ и Василиемъ, а надъ мѣстомъ, гдѣ онъ томился въ тюрьмѣ, и до настоящаго времени хранится гробница съ цѣпами, въ которыя былъ закованъ несчастный страдалецъ.

Не мало также преданій сохранилось о печальной судьбѣ, постигшей Александра Никитича. Такъ, одно изъ преданій рассказываетъ, что послѣ его смерти ненавистники хотѣли умышленно уничтожить слѣды могилы, но надъ ней выросли могучія сосны....

Въ Костромѣ родился поэтъ А. Н. Плещеевъ. Извѣстный путешественникъ-этнографъ, авторъ „Годъ на Сѣверѣ“, С. В. Максимовъ родился въ посадѣ Парфентьевѣ кологривскаго у. Драматургъ А. А. Потѣхинъ родился въ Кинешмѣ и воспитывался въ костромской гимназіи; публицистъ и общественный дѣятель, предводитель дворянства Нилъ Петровичъ Коллюпановъ (ум. 10 іюня 1894 г.).

Затѣмъ и донинѣ здравствуютъ костромичи: секретарь статистическаго комитета Василій Геннадіевичъ Пироговъ; скромный труженикъ, собиратель древнихъ рукописей и составитель „Галичскаго Лѣтописца“ И. И. Тычинкинъ; экономистъ А. П. Шиповъ, выдающійся благотворитель Чижовъ, на пожертвованныя деньги котораго устроено нѣсколько училищъ. Между послѣдними обращаютъ особенное вниманіе сельско-хозяйственная школа въ Кологривѣ, механическое училище въ Макарьевѣ, электро-механико-техническое и химико-техническое училища въ Костромѣ и др.; механико-техническое среднее учеб. заведеніе открыто въ Костромѣ 21 августа 97 года.

Коммисаровъ-Костромской родился въ буйскомъ уѣздѣ.

Извѣстный В. А. Кокоревъ (ум. 94 г.), авторъ грандіозныхъ предпріятій, основатель волжско-камскаго банка, родился въ гор. Солигаличѣ.

*
* *

Въ костромской губ., въ чухломскомъ у., родился А. О. Писемскій; дѣтство провелъ въ Ветлугѣ, воспитывался въ костромской гимназій. Преступленія, совершенныя дворовыми людьми помѣщика Ермолаева въ с. Селивановѣ чухломскаго у., служили для Писемскаго матеріаломъ „Горькой Судьбины“.

**„Клыновское дѣло“ въ Костромѣ—сюжетъ „Грозы“
А. Н. Островскаго.**

Извѣстное Клыковское дѣло, какъ повѣствуетъ „Костромская Старина“, послужило темой для „Грозы“ Островскаго. Въ основу ея А. Н. Островскій положилъ дѣйствительный фактъ, бывшій въ Костромѣ въ 60-хъ годахъ, такъ называемое „Клыковское дѣло“, оставившее слѣды, какъ въ памяти мѣстныхъ жителей, такъ и въ архивѣ костромскаго окружнаго суда, откуда и извлекъ его г. Коробицинъ. Насколько можно судить по пересказу и извлеченіямъ, сдѣланнымъ очень подробно авторомъ, дѣло происходило такимъ образомъ.

„Въ концѣ пятидесятихъ годовъ проживала въ Костромѣ полумѣщанская, полукупеческая семья Клыковыхъ, состоявшая изъ стариковъ—мужа Ивана Иванова и жены Ирины Егоровой, сына Алексѣя и дочери Ирины. Жили они очень замкнуто, почти нелюдимо. Сами никуда не ходили и у нихъ никто не бывалъ. Отецъ съ сыномъ съ утра до вечера сидѣли въ лавкѣ. Сынъ иногда по разнымъ торговымъ дѣламъ уѣзжалъ изъ Костромы. Мать съ дочерью сидѣли поцѣлымъ днямъ дома, изрѣдка выходили только въ церковь. Хозяйствомъ и домомъ управляла главнымъ образомъ мать, которая вообще, какъ это видно изъ слѣдственного дѣла, занимала въ домѣ господствующее положеніе. Мужъ и сынъ, не отличавшіеся самостоятельностью, люди безхарактерные, были въ совершенномъ у ней подчиненіи. Всѣми она ворочала, все ей подчинялось. Но вотъ сынъ Алексѣй женился, и въ семью вошло новое лицо—его жена Александра. Вырос-

шая въ зажиточной семьѣ, живая, веселая, нѣсколько избалованная любимыми ее бабушкой и отцомъ. Она 16 лѣтъ попала въ эту душную купеческую атмосферу, семью Клыковыхъ. Свекровь сразу становится къ ней во враждебныя отношенія, начинается цѣлый рядъ мелкихъ придировокъ, вызванныхъ живой свободолюбивой натурой невестки и какимъ-то недоразумѣніемъ съ приданнымъ, которое, по мнѣнію свекрови, было выдано не сполна (невеста принесла съ собой приданого 1000 р.) Алексѣй, повидимому, сильно любившій свою молодую жену, по своей безхарактерности не могъ защитить ее отъ нападковъ матери и, кажется, самъ еще съ своей стороны дѣлалъ ей непріятности, причиной которыхъ была ревность, начавшаяся еще до женитьбы. Когда онъ былъ еще холостымъ, говорилъ онъ слѣдовательно, подозрѣвалъ ее, потому, что кто-то проходилъ мимо ея дома и дѣлалъ разные неприличные виды къ любви. Потомъ, когда она стала его женой, тотъ-же самый прохаживался мимо ихъ дома и дѣлалъ то-же самое. Человѣкъ этотъ служилъ въ почтовой конторѣ, принималъ тамъ письма, потомъ былъ писаремъ, онъ бѣлокурый, средняго роста, у него спускные волосы заческой. Потомъ во время сговора замѣтилъ онъ кое-что подозрительное, равно какъ и во время самой свадьбы. Поэтому онъ въ домъ его, П. А. Марьина, не принималъ. Вскорѣ послѣ женитьбы его къ нему на квартиру пріѣхала тетка Марьина, не одинъ разъ приглашала его жену къ себѣ, но онъ послѣднюю не отпускалъ туда. Еще замѣтилъ онъ Марьина вмѣстѣ съ женой своей въ полѣ, во время смотра прусскаго полка, кромѣ того Марьинъ часто ѣздилъ мимо ихъ квартиры; разъ въ церкви Іоанна Предтечи онъ замѣтилъ, что противъ жены его стоитъ бѣлокурый мужчина. Тяжело жилось молодой женщинѣ въ такой обстановкѣ. Свекровь, что называется, поѣдомъ ѣла: заставляла сидѣть дома, не пускала къ отцу, заваливала тяжелой, совершенно непривычной работой, а мужъ не только не рѣшался заступиться, но еще самъ училъ. Черезъ годъ трудно было узнать прежнюю Александру. Живая, здоровая, она раньше времени родила

мертвого ребенка, начала жаловаться на болѣзнь, задумывалась о смерти.

10 ноября 1859 года унтеръ-офицеръ костромской пожарной команды, стоявшій около перевоза на Волгѣ, заявилъ, что неподалеку отъ перевоза имъ замѣчено мертвое тѣло въ женскомъ платьѣ, всплывшее наверхъ, внизъ лицомъ. Вытащили, и оказалось, что это тѣло Клыковой.

Было ли здѣсь убійство или же самоубійство, изъ дѣла не видно. Слѣдствіе, произведенное первый разъ, признало самоубійство, и тѣло предали землѣ. Спустя нѣкоторое время, назначено было второе слѣдствіе, которое заставило усомниться въ справедливости первоначальнаго рѣшенія, но никакихъ точныхъ результатовъ не дало, и подсудимые (вся семья Клыковыхъ) были оставлены лишь въ большомъ подозрѣніи.

Какъ видно даже изъ этого бѣглого пересказа дѣла, между основной фабулой „Грозы“ и Клыковскимъ дѣломъ дѣйствительно есть много общаго, начиная съ количества, а, отчасти, даже и характера дѣйствующихъ лицъ. Очень можетъ быть, что Островскій, часто бывшій въ Костромѣ, имѣвшій неподалеку имѣніе, въ которомъ часто подолгу живалъ, слышалъ объ этомъ дѣлѣ и такимъ образомъ въ основу своей „Грозы“ положилъ бывшую въ дѣйствительности драму.

Любопытно какое впечатлѣніе произвела на костромичей „Гроза“ А. Н. Островскаго, напечатанная чрезъ годъ послѣ Клыковскаго дѣла, которымъ въ городѣ все-таки еще интересовались. По отзывамъ современниковъ, говоритъ авторъ, и до нынѣ еще живущихъ въ Костромѣ, несмотря на прекращеніе дѣла о Клыковой, толки о ея несчастной судьбѣ долго еще продолжались въ городѣ, а вскорѣ появилась драма Островскаго „Гроза“. Костромичи были убѣждены почему-то что сюжетъ драмы взять изъ дѣла о Клыковой. Актеры, можетъ быть, въ угоду общественному мнѣнію, а, можетъ, и по убѣжденію, когда „Гроза“ въ первый разъ шла на сценѣ костромскаго театра, гримировались Клыковыми“.

Далеко не безынтересно слѣдующее свѣдѣніе: на Волгѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ и до настоящаго времени обрядъ поклоненія Веснѣ-Костромѣ. Описаніе такого обряда мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ Самарскомъ уѣздѣ.

Цитируемъ это описаніе изъ „Извѣстій археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Императорскомъ Университетѣ“: „У роши, почти рядомъ съ хуторами, расположилось кладбище. Черные кресты, бѣлыя надписи скрывались за мелкими кустами березокъ, а могильная насыпь сравнялась съ высокой травой. Здѣсь, на кладбищѣ, остановился хороводъ и затянулъ протяжную, тоскливую пѣсню. Позади хоровода двигалась цѣлая толпа изъ мужиковъ, бабъ, стариковъ и старухъ. За ними, подпрыгивая, бѣжали ребята. Пѣсня стихла. Тихо, медленно двигался хороводъ. Странную, пеструю цѣпь представлялъ онъ. Большинство дѣвушекъ одѣты были не въ сарафаны, а въ городскія платья, сидѣвшія неуклюже и некрасиво. Пѣсня, которая пѣлась молодежью, приблизительно была такого содержанія: „Кострома, Кострома, зачѣмъ ты насъ покидаешь, зачѣмъ оставляешь? Конецъ нашему бездѣлю, хороводному веселью“ и т. д. „Кострома, Кострома....“—пѣли парни и дѣвушки, обращаясь къ медленно движущейся фигурѣ, изображающей Кострому (Кострома—языческая богиня весны и собственно у хуторянъ отождествилась со словомъ весна). Высокая, закутанная съ головы до ногъ въ бѣлыя простыни, перевязанная гирляндами цвѣтовъ и зелени, съ кудрявою дубовою вѣткой въ рукахъ, Кострома кланялась во всѣ стороны. „Недолго, недолго осталось“—таинственно шептали бабы и съ боязливымъ испугомъ оглядывались на темнѣющую дубовую рошу. Со стороны казалось, что здѣсь совершается что-то загадочное, вроде какого-то таинства.

„Смерть, смерть“—раздался вдругъ крикъ: изъ роши на пирующихъ двигалась все ближе и ближе бѣлая тѣнь.

Вотъ она подошла къ толпѣ, которая какъ-бы въ испугѣ отскочила прочь отъ нея и бросилась къ хоро-

воду. Умоляла пѣсня. Сомкнулись плотнѣе парни и дѣвушки.

Глянула Кострома на смерть, ринулась въ сторону и съ крикомъ упала на землю.

Словно растерявшаяся отъ неожиданности, разступилась молодежь, и смерть безпрепятственно вторглась въ самый центръ хоровода къ лежащей веснѣ.

Съ радостнымъ крикомъ (начала она хлестать сухой вѣткой (изображающей смертельную косу) зеленую, цвѣтущую богиню.

Завязалась борьба. Вступаютъ въ бой и парни и дѣвушки, стоя за Кострому, но побѣда остается за всемогущей смертью. Весна умираетъ. Раздается грустная, похоронная пѣсня.

„Умерла уже, братцы, умерла Кострома наша“, раздается чей-то голосъ. Снова смолкаетъ пѣсня.

Моментально появляется откуда-то огромная кадка воды, и тихо, какъ-бы это совершался обрядъ отпѣванія надъ покойникомъ, выливается на умершую Кострому.

Старые и малые наперерывъ тѣсняются къ центру.

„Теперь хоронить!“ раздаются кругомъ голоса. Кострома кладется на носилки, а смерть, съ видомъ побѣдителя, сразившаго божество, помышляетъ на груди ея.

Сильныя руки мужиковъ взваливаютъ носилки на плечи, и мѣрно торжественное шествіе двигается вдоль улицы, спускается подъ гору, гдѣ раскинулся прудъ, и съ-размаху и весна и смерть бросаются въ воду.

Кончилась игра въ Кострому. Раздается дружный смѣхъ, визгъ и пѣсни. Грязные, мокрые выползаютъ похороненные изъ воды. Ихъ дѣло кончено. Они теперь не смерть, не весна, а такіе же удалые, веселые парни, какъ и всѣ остальные. На дѣвушекъ лѣтять комки грязи, товарищамъ сыплются удары за ударомъ. Крикъ, шумъ не смолкаютъ на хуторахъ до утренней зари“.

Интересно знать, не имѣетъ-ли названіе Весна-Кострома какую-нибудь связь съ именемъ описываемаго города.

Описаніе города. Кострома лежитъ на лѣвомъ берегу Волги, на правомъ находится с. Никольское, составляющее какъ-бы часть города. Кострома своимъ „миромъ и тишиной“ и по своей внѣшности представляетъ видъ „патріархальнаго“, тихаго города, который хотя и не щеголяетъ ровными улицами, скверами и т. п., но лѣтомъ утопаетъ въ зелени; тутъ почти каждый домикъ своими тѣнистыми садами, полисадниками и внѣшней опрятностью напоминаетъ большую или малую барскую усадьбу. Самая высокая точка города представляетъ ту мѣстность, гдѣ прежде была крѣпость, снесенная лѣтъ 60 тому назадъ, и гдѣ теперь сохранились слѣды ея въ видѣ вала, который частью обсаженъ деревьями, и откуда открывается прекрасный видъ на Волгу.

Центральной площадью можетъ считаться Сусанинская, откуда радіусами расходятся девять улицъ. По одной изъ улицъ Костромы—Русиной, идущей параллельно Волгѣ, а затѣмъ, по Мшанской, служащей какъ-бы продолженіемъ первой, идетъ чрезъ досчатый мостъ р. Костромы путь къ Ипатьевскому монастырю. Лучшая улица—Муравьевская, названная такъ въ память Муравьева, по приказанію котораго былъ сдѣланъ бульваръ. Самая оживленная улица Набережная, идущая параллельно Волгѣ. Набережная вообще имѣетъ неопрятный и неприглядный видъ. Противъ города очень живописный видъ представляетъ „Татарская роща“ и слобода, куда лѣтомъ съѣзжаются дачники.

Въ зданіи земской управы помѣщается историческій-естественный музей.

Вокзалъ желѣзн. д. (Кострома—Ярославль) расположенъ за Волгой, на правомъ б.; переѣздъ—на паромѣ и лодкахъ.

Красное, с., на лѣв. б. Волги.

Населеніе нѣкоторыхъ волостей костромскаго и нерехтскаго уѣздовъ занимается ювелирно-металлическимъ промысломъ, средоточіемъ котораго служитъ село Красное (костромскаго уѣзда).

Промыселъ состоитъ въ выдѣлкѣ изъ золота, серебра и мѣди разнаго рода мелкихъ издѣлій, какъ-то: крестиковъ, колецъ, перстней, серегъ, цѣпочекъ, запонокъ, булавокъ, браслетовъ, брошекъ, медальоновъ и т. п. Этой работой занято почти все населеніе с. Краснаго, при чемъ ювелирное дѣло составляетъ главное и постоянное занятіе жителей, не оставляющихъ въ то-же время и сельскаго хозяйства. Въ другихъ селеніяхъ промыселъ этотъ распространенъ слабѣе. Производство ювелирныхъ издѣлій идетъ круглый годъ, безъ перерывовъ, нѣсколько ослабѣвая только во время лѣтнихъ полевыхъ работъ. Кустари ведутъ свое дѣло или самостоятельно, покупая матеріалъ и торгуя издѣліями, или выполняютъ заказы другихъ лицъ, изъ готоваго матеріала заказчиковъ, за условленную плату, или же, наконецъ, работаютъ по найму въ чужихъ мастерскихъ.

Около 25 лѣтъ тому назадъ кустарное ювелирное производство главнымъ образомъ сосредоточивалось въ с. Сидоровскомъ, нерехтскаго уѣзда, въ 7-ми верстахъ отъ Краснаго, за Волгой. Самыя издѣлія тогда назывались „сидоровскими“, тогда какъ теперь носятъ названіе „красносельскихъ“, въ отличіе отъ „петербургскихъ“ и „московскихъ“.

Трудно сказать, когда именно получилъ свое начало ювелирно-металлическій промыселъ въ с. Красномъ, и чѣмъ было вызвано его первоначальное развитіе въ этой именно мѣстности. Имѣются, однако, свѣдѣнія, что послѣ войны 1812 г. нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей стали заниматься отливкою разныхъ металлическихъ вещей и „басебнымъ“ производствомъ, состоящимъ въ выдѣлкѣ мелкихъ вещей изъ тонкаго, битаго серебра. Эти издѣлія сбывались въ Москву, Петербургъ, Новгородъ и другіе населенные пункты.

Плесь, зашт. г., на правомъ б. Волги, съ 3 т. жит., основ. въ 1409 г. Версть 15 ниже Плеса, съ сторону отъ Волги, раскинулось обширное с. *Яковлевское* съ 3-мя льняными фабриками.

(Семигорье) *).

Наволоки, с. на прав. б. Волги.

Неподалеку отъ Наволокъ, на прав. б. В., находится с. Богородское, гдѣ похороненъ генераль Биби-ковъ, извѣстный по усмирению Пугачевского бунта. Въ этомъ селѣ Екатерина II, проѣздомъ по Волгѣ, слушала объдню.

Кинешма, уѣздн. г., на прав. б. В., съ 5 т. жит. До XVI в. Кинешма была дворцовой рыбной слободой. Въ 1778 г. переименована въ уѣздный городъ.

Изъ 8 храмовъ слѣдуетъ указать, какъ на историческую святыню, на церковь Воскресенія Господня, построенную въ память избавленія отъ нашествія поляковъ; въ старой часовнѣ ежегодно 26 мая совершается молебствіе. Въ часовнѣ можно прочесть надпись слѣдующаго содержанія: „Въ 1609 г. при воеводѣ Ѳеодорѣ Боборыкинѣ Кинешма была разорена поляками подъ предводительствомъ Лисовскаго. Часовня воздвигнута надъ костями убитыхъ гражданъ и поселянъ“.

Въ 20 в. отъ Кинешмы находится бывшая усадьба извѣстнаго драматурга Островскаго, который и похороненъ тутъ.

Недалеко отъ Кинешмы находится имѣніе А. Н. Куломзина, получившее большую извѣстность производствомъ фосфоритной муки.

*) Въ „П. по В.“ встрѣчаются нѣсколько пристаней, названіе которыхъ въ текстъ заключено въ скобкахъ. У этихъ пристаней останавливаются, во-первыхъ, пароходы далеко не всѣхъ волжскихъ п. обществъ, а во-вторыхъ, не всегда.

Кинешма и уѣздъ за послѣдніе годы все болѣе и болѣе приобрѣтають извѣстность полотняно-ткацкимъ производствомъ.

Съ 15 сентября по 1 октября въ Кинешмѣ ежегодно происходитъ такъ называемая грибная ярмарка.

Рѣшма, с., на правомъ б. В.,—имѣніе, принадлежавшее князю Голицыну, подаренное послѣднему правительницей Софьей. Это село памятно битвой, происходившей въ 1608 г. между русскими и поляками. Въ Рѣшмѣ находится Макарьевская пустынь, основанная св. Макаріемъ Желтоводскимъ, съ древней ц. Св. Троицы.

Въ Рѣшмѣ занимаются производствомъ (въ незначительномъ количествѣ) сукна.

Немного не доѣзжая до Юрьевца-П., на возвышенномъ берегу, нагорномъ, Волги построена часовня въ память посѣщенія въ 1881 г. Государыней Императрицей съ Августѣйшими Дѣтьми; стоящая тутъ д. Мальгино удостоилась также посѣщенія Высочайшихъ Особъ.

Юрьевецъ-Поволжскій, уѣздн. г., на прав. б. В., съ 9 т. жит. Противъ Юрьевца—устье р. Унжи.

Объ основаніи города существуетъ слѣдующее преданіе. Князь Юрій Всеволодовичъ увидѣлъ образъ св. Георгія, и на этомъ мѣстѣ основалъ городъ. Это событіе произошло въ 1225 г.

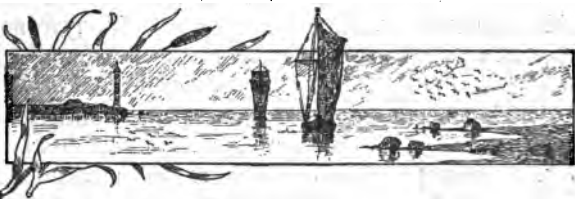
Юрьевецъ-П. извѣстенъ льно-прядильной фабрикой; кожевенное производство совсѣмъ пало. Противъ Юрьевца недавно открылся лѣсопильный заводъ въ обширныхъ размѣрахъ.

Пароходы по Унжѣ изъ Юрьевца отправляются 3 раза въ недѣлю; нѣкоторые пароходы, если позволяетъ состояніе воды на Унжѣ, доходятъ до с. Угоры. Вверхъ по Унжѣ до Макарьева пароходы совершаютъ рейсы въ продолженіе 10—11 час., внизъ 7—8 час.

(Сокольское, с.).

Пучежъ, посадъ, на прав. б. В., замѣчательнъ древними храмами съ иконами старой живописи.

Двѣ ярмарки *Тихвинская* и *Казанская*, которые бывають тутъ лѣтомъ, за послѣдніе 15 л. потеряли ярмарочный характеръ, правда, и теперь бываетъ съѣздъ торговцевъ, которые производить во время ярмарокъ сдѣлки, касающіяся продажи и покупки лѣса, почему Пучежъ, какъ лѣсная пристань, приобретаетъ видное значеніе; замѣчательнъ также производствомъ льна.

Нижегородская губернія.

Катунки, с., на прав. б. В.

Выдѣлка кожъ и клеваренное производство составляютъ занятія большинства жителей.

(Василево) въ послѣднее время все больше и больше приобретаетъ извѣстность какъ дачное мѣсто. Въ Василевѣ находится затонъ казенныхъ (вѣд. п. с.) пароходовъ.

Г

ородецъ, с., на лѣв. б. В.

Основаніе Городца, какъ города, относится къ концу XI стол. Нѣкоторые писатели считают кн. Георгія Всеволодовича основателемъ Городца, что не можетъ

быть справедливо, такъ какъ Г. В—ъ послѣ несчастной битвы, происходившей въ окрестностяхъ Юрьева, съ братомъ Константиномъ въ 1216 г., удалился изгнанникомъ изъ Владиміра въ Городецъ, извѣстный въ то время подъ именемъ *Радилова*, гдѣ проживалъ около года. Но весьма основательно согласиться, что Городецъ былъ основанъ въ 1164 г. псковскимъ княземъ (тоже Георгіемъ Всеволодовичемъ), сыномъ Всеволода Ярославовича.

Городецкій *Теодоровскій* монастырь (мужской), древнѣйшій монастырь на Волгѣ, основанъ въ 1152 г. кн. Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. Во время разоренія монастыря Батыемъ чудотворная икона *Теодоровской Божіей Матери*, находящаяся въ монастырѣ, осталась невредимою и явилась въ Костромѣ в. кн. *Василію Ярославовичу*. Въ настоящее время въ монастырѣ хранится списокъ съ этой иконы. *Теодоровская обитель* замѣчательна еще тѣмъ, что тамъ подвизался великій русскій подвижникъ *Павель, Комельскій чудотворецъ*, впоследствии основавшій монастырь на р. *Обнорѣ, Вологодской губ., Грязновскаго у.*, гдѣ и скончался въ 1429 г.

Послѣ нашествія Батыя монастырь оставался разореннымъ болѣе чѣмъ четыре съ половиной столѣтія; въ 1700 г. монастырь былъ возобновленъ стараніемъ жителей Городца и церковнаго городецкаго старосты *Иліи Юдина*, по благословенію патриарха *Адріана*.

Въ 1765 г. монастырь много пострадалъ отъ пожара, но вскорѣ былъ возобновленъ, при участіи управителя городецкой волости *Афанасія Яковлева*. Въ этотъ періодъ времени монастырю оказывала помощь и Императрица *Екатерина II*, которая присутствовала тутъ 19 мая 1768 г. при освященіи возобновленнаго соборнаго храма *Теодоровской Божіей Матери*.

Въ настоящее время при монастырѣ существуетъ *Александро-Невское училище*, основанное въ 1867 г.

Замѣчательныя святыни, сохранившіяся въ Городцѣ: церковь *Св. Троицы*, гдѣ находится чудотворная икона *св. Антипы*, в. кн. *Александра Невскаго*, съ частью *св. мощей*, и др.; въ ц. *св. Михаила Архангела* погре-

бались городецкіе князья; здѣсь же погребенъ и в. кн. владимірейскій Андрей Александровичъ.

Въ Городцѣ умеръ св. Александръ Невскій 14 ноября 1263 г., возвращаясь изъ орды; въ Городецкомъ Феодоровскомъ монастырѣ предъ смертью онъ принялъ постриженіе и схиму подъ именемъ Алексѣя. Впослѣдствіи его мощи были перенесены въ г. Владиміръ, откуда чрезъ 462 г., по приказу Петра В., перенесены въ С.-Петербургъ.

* *

Преданіе говоритъ, что Городецъ—Малый Китежъ, названный такъ въ отличіе отъ Великаго Китежа, который стоитъ теперь на мѣстѣ Свѣтлаго Озера (Макарьевского уѣзда, близъ с. Владиміровки). Вѣрующіе люди рассказываютъ, что и теперь можно видѣть въ глубинѣ этого озера и церкви Божіи, и монастыри, и жилища, нѣкоторые будто бы явственно слышать звонъ колоколовъ... Какъ Великій Китежъ, такъ и Малый основаны, по сказанію, в. кн. Георгіемъ Всеволодовичемъ. Послѣ несчастной битвы съ Батыемъ, Георгій Всеволодовичъ скрылся съ остаткомъ войска въ стѣнахъ М. Китежа, но немного спустя Батый съ своими полчищами явился и тамъ, преслѣдуя в. князя. Въ одну темную ночь Георгій Всеволодовичъ тайно вышелъ изъ М. Китежа и направился въ В. Китежъ Батый взялъ М. Китежъ и сталъ пытать жителей, съ цѣлью узнать, куда скрылся в. князь. Никто Гришка Кутерьма не вынесъ пытокъ и открылъ Батыю мѣстопробываніе Георгія Всеволодовича. Батый разорилъ В. Китежъ и убилъ в. князя. Съ тѣхъ поръ В. Китежъ сталъ невидимъ и будетъ невидимъ, говоритъ заволжское преданіе, до пришествія Христова.

Вотъ, между прочимъ, какая существуетъ поэтическая легенда о смерти Георгія Всеволодовича.

* *

Городецъ славится по всей Волгѣ приготовленіемъ пряниковъ, производствомъ желѣзныхъ медныхъ вещей, выдѣлкой кожъ въ незначительномъ количествѣ. За послѣдніе годы тутъ стала развиваться слѣд. отрасль про-

мышленности: производство мебели, оригинальность которой заключается, какъ въ самой ея формѣ, такъ и въ внѣшней отдѣлкѣ; цвѣтъ мебели ярко-красный, съ вычурными бронзированными рисунками, сверху покрывается лакомъ; мебель въ такомъ видѣ сохраняется очень долго. Специально занимаются производствомъ этой мебели въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ. Городецъ населенъ раскольниками, въ жизни которыхъ хотя бы внѣшнюю скромность или отчужденность, свойственные раскольникамъ, едва-ли можно подмѣтить. Одна волжская пѣсня нескромно смѣется:

Въ Городцѣ—на горѣ

По три дѣвки на дворѣ....

Балахна, уѣздн. гор., на прав. б. В., съ 5 т. жит. Балахна—одна изъ древнихъ населенныхъ мѣстъ на Волгѣ. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописей, тутъ былъ очень древній городъ, населенный болгарами, у которыхъ существовала въ то время ярмарка.

Въ 1536 г., по приказанію Елены, матери Іоанна Грознаго, тутъ была построена крѣпость для защиты отъ набѣговъ татаръ; слѣды этой крѣпости, въ видѣ земляныхъ насыпей, сохранились и до настоящаго времени.

Въ концѣ прошлаго стол. въ Балахнѣ строились суда для азовскаго флота. Теперь въ незначительномъ количествѣ строятъ баржи. Женщины занимаются плетеніемъ кружевъ.

По своей внѣшности Балахна небольшой городокъ, раскинувшійся безъ симметріи, почему, вѣроятно, и сложилась поговорка: „Балахна стоитъ полы распахнѣ“.

Извѣстно, что характеръ многихъ городовъ, селъ и т. д., особенно тѣхъ, которые расположены на Волгѣ, выражается пѣснями, поговорками и т. п. Такъ, въ одной старинной пѣснѣ поется, что „Балахна то старая, горемычная самая, а Катунки новые—самые веселые“.

Версть 7 выше Нижняго, на прав. б. В., стоитъ с. *Сормово*, извѣстное своими заводами, гдѣ строятся машины для пароходовъ, вагоны и т. п. Эти заводы принадлежать Бенардаки (наслѣдникамъ).

Нижний-Н., съ 98 т. жит. на прав. б. Волги, при устьѣ Оки *).

Первое появленіе русскихъ среди народностей, населяющихъ мѣстность, которую занимаетъ теперь Нижегородская губернія, мы считаемъ началомъ исторической жизни описываемаго края.

Это появленіе относится ко 2-й половинѣ XII вѣка.

Въ то время край (названный новгородцами „Низовой Землей“) **), занимаемый Нижнимъ-Новгородомъ и губерніей, былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ, среди котораго ютились совершенно дикія народности финскаго племени. Между послѣдними видное мѣсто занимала мордва; родъ эрзня былъ самый сильный и многочисленный изъ нихъ; жили они преимущественно по теченію рѣкъ Волги, Оки, Кудмы, Пяны, Теши, Суры и Алатыря; главный городъ мордвы или вѣрнѣе—поселеніе называлось Эрземасть, теперь Арземасть, уѣздный городъ Нижегородской губерніи. Послѣдующая исторія, между прочимъ, представляетъ доказательства, что на мѣстѣ, гдѣ былъ впослѣдствіи основанъ Нижний-Новгородъ, было также мордовское поселеніе. Русскимъ пограничнымъ городомъ въ то время былъ Радиловъ, или Волжскій

*) Рагозинъ весьма основательно доказываетъ, что Нижний-Новгородъ на берегу Оки, а не Волги.

**) Новгородцы называли „Низовой Землей“ земли по нижнему теченію р. Волги, начиная отъ устья рѣки Мологи.

Городецъ (Городецъ, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи). Первымъ наступательнымъ и рѣшительнымъ движеніемъ русскихъ на землю мордовскую и болгарскую *) слѣдуетъ признать походъ 1171 г. князя Мстислава **).

Морозы и мятели мѣшали походу. „Бысть не любъ путь всемъ людемъ,—говоритъ лѣтописецъ,—зане непогоды есть зимѣ воевати Болгаръ и подуче не идяху“. Однако описываемый походъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу лѣтописецъ: „Бывшую же князю Мстиславлю на Городци, съ братама своими съ муромскимъ и рязанскимъ на усть Оки, и ждаша дружины 2 недѣли и не дождавшѣ вѣзавше съ переднею дружиною въ поганые (въ землю болгарскую) и взявше сѣль шесть и семей *города*“. Здѣсь подъ именемъ города слѣдуетъ разумѣть мордовское поселеніе, занимавшее приблизительно то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ Нижній-Новгородъ. Последнему успѣху Мстиславъ всецѣло обязанъ главному своему воеводѣ Борису Жидиславовичу.

Во всякомъ случаѣ походъ князя Мстислава можно считать тѣмъ знаменательнымъ историческимъ и первымъ шагомъ, который сдѣлали русскіе по направленію къ Азіи, начавъ съ устья рѣки Оки и окончивъ на границахъ съ Персіей и съ индійскими владѣніями Англіи.

Вторженіе въ 1219 году болгаръ, соединившихся съ мордвою, въ предѣлы русскихъ (разореніе Глядена, наст. В. Устюгъ) вызвало со стороны послѣднихъ новый походъ. Въ послѣднемъ участвовали князья муромскіе и другіе подъ главнымъ начальствомъ князя Святослава Всеволодовича.

Эта война кончилась полнымъ пораженіемъ мордвы и болгаръ; главный городъ послѣднихъ *Ошлюй* (верстъ 8 выше устья рѣки Камы, на правомъ берегу рѣки Волги) былъ разоренъ до основанія; масса плѣнныхъ и богатая добыча служили трофеями. Мордовская земля

*) Болгарское царство занимало пространство по теченію рѣки Волги, гдѣ теперь Казанская губернія (приблизительно).

**) Сынъ Андрея Боголюбскаго и правнукъ Владиміра Мономаха.

была присоединена къ русскимъ владѣніямъ. Волгары дорогой цѣной купили миръ у великаго князя Юрія Всеволодовича. Впослѣдствіи, именно въ 1229 году, мордовскій князь Пургась, напавъ на Нижній, разорилъ и сжегъ его окрестности. Это было послѣднее нападеніе мордвы на Нижній.

Честь основанія Нижняго-Новгорода принадлежитъ князю Георгію (Юрію) II Всеволодовичу, который—по „Нижегородскому Лѣтописцу“—„заложилъ градъ на устьѣ Оки рѣки, и нарече имя ему Новъ Градъ Нижній и церковь постави въ немъ соборную Архистратига Михаила древянную, а владѣли тою землею поганіи мордва“. Событіе это произошло въ 1221 году *).

„Кромѣ соображеній политическихъ (видовъ на мордовскую землю и охраненія своихъ собственныхъ предѣловъ отъ вторженія мордвы), въ выборѣ именно Дятловыхъ горъ съ ихъ окрестностями, мѣстомъ основанія Нижняго, руководили Георгіемъ Всеволодовичемъ, до нѣкоторой степени, быть можетъ, и чисто поэтическія побужденія: вспоминая дорогой русскому Кіевъ, в. кн. Георгій, догадывается преданіе, думалъ поставить у себя подъ рукою подобіе Кіева, съ своимъ печерскимъ монастыремъ“.

Съ Кіевомъ Нижній дѣйствительно имѣетъ большое сходство. Это сходство до того поразило Юрія Всеволодовича, что, думая о своемъ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, онъ и рѣчку, протекающую по одному изъ нижегородскихъ овраговъ и впадающую въ Волгу, прозвалъ Почайной **).

*) Годъ основанія Нижняго-Новгорода историки съ точностію не опредѣляютъ; одни доказываютъ, что онъ основанъ въ 1221 г., другіе—въ 1222, а нѣкоторые лѣтописи указываютъ на 1212 г.

**) Съ рѣчкой Почайной соединено также нѣсколько легендъ. Рассказываютъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ Почайна беретъ свое начало, лежитъ большой камень, на которомъ прежде было что-то написано, но теперь уже стерлось. Отъ этого-то камня зависитъ судьба Нижняго: настанетъ время, когда онъ двинется съ мѣста, изъ-подъ него выступитъ вода и затопитъ весь Нижній.... Надо налагать, что достанется тогда и далекимъ его окрестностямъ, если сообразить, что Нижній стоитъ на горѣ, высота которой доходитъ чуть не до 60 саженъ!.... Есть и другая легенда о Почайнѣ.

Съ XII в. начинается движеніе съ юго-востока новой народности—татаръ, дѣлыми полчищами хлынувшими на Русь, и съ этого же приблизительно времени начинается вѣковая борьба русскихъ съ татарами.

1238 г. 4 марта на берегахъ р. Сити (нынѣ Ярославская губ., мологскаго у.) произошла знаменитая въ исторіи сѣча между русскими и татарами. Русскіе, подавленные численностью, потерпѣли пораженіе. В. кн. Георгій Всеволодовичъ палъ смертью героя-мученика; его обезглавленный трупъ былъ отвезенъ въ Ростовъ ростовскимъ святителемъ Кирилломъ. Впослѣдствіи найдена была и голова князя-мученика. Во время перенесенія гробницы изъ Ростова во Владиміръ по повелѣнію Ярослава, заступившаго мѣсто великаго князя, совершилось „чудо преславное и удивленія достойное“: голова приросла къ своему мѣсту, не оставивъ никакого слѣда.

Четыреста лѣтъ спустя открылись мощи кн. Георгія Всеволодовича, которыя и до настоящаго времени почиваютъ во владимірскомъ соборѣ.

Нашествіе Батия послужило началомъ зависимости русскаго государства отъ татаръ (если можно было назвать именовъ государства безчисленные удѣлы, потерявшіе общность и единеніе). Золотая орда является центромъ, куда изъ русскихъ княжествъ направляются „дань“, всевозможные подарки и т. п. Нерѣдко русскіе князья, прежде чѣмъ вступить въ свои права, т. е. занять княжескій престолъ, испрашиваютъ у татарскихъ хановъ „ярлыки“.

„Жилъ св. Макарій въ Муромѣ и сталъ ему являться бѣсъ въ образѣ женщины. Сподвѣяжника Макарія, монахи, подумавъ мало, прогнали его отъ себя. Макарій сѣлъ на большой камень, лежавшій на берегу Оки, и поплылъ на немъ внизъ по рѣкѣ, подобно Антонію Римлянину. Доплывъ до Нижняго, онъ задумалъ пристать къ нему; случилось это противъ самаго устья Почайны. Не понравился почему-то Макарій нижегородскіе бабамъ, стиравшимъ здѣсь на ту пору бѣлье, и прогнали онъ его отъ Нижняго руготнею да вальками..... „Будь-же ты проклятъ!“ сказалъ Макарій про Нижній, и пусть эта рѣка въ свѣтопредставленіе станетъ большой и потопить тебя!“.... Съ этими словами Макарій поплылъ на своемъ камнѣ внизъ по Волгѣ, къ нынѣшнему городу Макарьеву“.

Дальнѣйшая исторія нижегородскаго княжества представляетъ почти непрерывную борьбу удѣльныхъ князей за обладаніе княжествомъ. Въ 1350 г. великій князь нижегородскій Константинъ Васильевичъ перенесъ свою столицу изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ, и съ этого времени нижегородское княжество является самостоятельнымъ великимъ княжествомъ. Однако эта самостоятельность существовала только 42 г. Въ 1392 году нижегородское великое княжество было присоединено къ Москвѣ. Последнимъ нижегородскимъ княземъ былъ Василій Дмитріевичъ.

Съ 1392 года на страницахъ исторіи Нижняго-Новгорода появляется длинный рядъ претендентовъ на нижегородское великокняжество; нѣкоторые изъ нихъ дѣлали попытки возвратити нижегородское княжество и сдѣлать его вновь самостоятельнымъ, но эти попытки не имѣли успѣха.

За этотъ долгій періодъ Нижній-Новгородъ неразъ подвергался татарскому разоренію. Особенно пострадалъ городъ въ 1378 году, при нашествіи татарскаго царевича Арапши.

Въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ замѣчается постепенно увеличивающійся ростъ могущества и власти московскаго княжества, при чемъ послѣднее усиленно стремится къ объединенію и къ сверженію всего того, что напоминало татарскую власть. Начинается усиленное движеніе русскихъ противъ новаго татарскаго царства—казанскаго, которое выросло на землѣ покореннаго имъ болгарскаго царства, при этомъ Нижній-Новгородъ является уже сборнымъ пунктомъ для соединенныхъ русскихъ войскъ. Въ началѣ XVI вѣка мы уже видимъ Казань въ роли русскаго данника. Въ 1505 году казанскій царь Махметъ-Аминь, задумавшій совершенно освободиться отъ московской зависимости, явился подъ стѣнами Нижняго-Новгорода съ огромной ратью, къ которой присоединились ногайцы. На этотъ разъ городъ былъ спасенъ, благодаря знаменитому воеводѣ Хобару Симскому и плѣнникамъ-литовцамъ, которые прекрасно умѣли владѣть пушками. Ударъ, направлен-

ный изъ пушки съ кремлевской стѣны Федей Литвичемъ, убилъ ногайскаго военачальника. Ногайцы отступили, что вызвало между послѣдними и татарами междоусобную рѣзню. Махметъ-Аминъ бѣжалъ.

Иоаннъ Грозный совершилъ противъ Казани три похода, при чемъ Нижній-Новгородъ встрѣчалъ царя съ особенной торжественностью послѣ покоренія имъ Казани въ 1552 году.

Послѣ кратковременнаго царствованія Феодора Ивановича и Бориса Годунова наступаетъ царствованіе Василя Шуйскаго и вмѣстѣ съ этимъ для русскаго государства—тяжелая пора всевозможныхъ невзгодъ и бѣдствій; когда-либо переживаемыхъ русскимъ народомъ. Польша уже готовила самозванца, наводняя Россію поляками, за которыми, какъ страшные призраки, слѣдовали іезуиты, окруженные ореоломъ ненавистнаго для русскаго чувства католичества. Вмѣстѣ съ поляками нахлынули разнаго рода иноземные проходимцы. Въ предѣлахъ Россіи къ нимъ присоединились шайки всевозможнаго русскаго сброда, между которымъ казаки играли первенствующую роль. Вся эта нечистота, по удаленіи Шуйскаго съ престола, наводнила Москву и вела себя тамъ какъ дома, позволяя всякія безчинства и насилия, оскорбляя дорогія русскому сердцу святыни. Нижній-Новгородъ оставался вѣрнымъ Шуйскому. Шайки, измѣнившія послѣднему и появившіяся ниже городскихъ предѣловъ, были разбиты воеводой Алябьевымъ. 10 іюля 1610 года совершилось сверженіе Шуйскаго; во главѣ государственнаго управленія стала боярская дума. Одно за другимъ слѣдуетъ появленіе самозванцевъ. Въ русской исторической жизни наступаетъ періодъ, извѣстный подъ именемъ „смутнаго времени“, или „междоцарствія“.

Въ эту тяжелую пору между другими защитниками православной вѣры и родной земли русской явились знаменитые нижегородцы—князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и нижегородскій гражданинъ, занимавшій должность земскаго старосты, по ремеслу говядарь, Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукій; въ то время онъ проживалъ въ своемъ домѣ, въ Благовѣщенской слободѣ

(весьма вѣроятно, хотя преданія указываютъ, что Мининъ жилъ на р. Почайнѣ и въ приходѣ п. Похвалы).

Въ это время бѣдствіе Россіи достигло крайнихъ предѣловъ. Поляки осаждали одинъ изъ русскихъ оплотовъ—Троицкую лавру. Св. обитель взывала о помощи, разсылала грамоты.

Въ октябрѣ 1611 г. получилъ грамоту Нижній-Н. Въ городѣ собрался совѣтъ, гдѣ Мининъ говорилъ: „св. Сергій явился мнѣ во снѣ и велѣлъ разбудить уснувшихъ“. Онъ горячо убѣждалъ согражданъ встать въ защиту православной вѣры и родной земли. Прочитайте грамоту архимандрита Діонисія въ соборѣ,—говорилъ Мининъ,—а тамъ пусть будетъ что Богу угодно“, и весь народъ, какъ одинъ человекъ, откликнулся на горячую рѣчь Минина; его слова „заложимъ женъ и дѣтей, продадимъ имущество“ сдѣлались достояніемъ исторіи. Мининъ первый подалъ примѣръ, какъ слѣдуетъ поступать въ пору отечественныхъ бѣдствій истинному гражданину, преданному интересамъ родной земли и любящему свое отечество. „На что намъ имѣнія, когда гибнетъ христіанская вѣра?...“

По совѣту того-же Минина былъ посланъ къ князю Пожарскому (онъ въ то время жилъ въ своемъ имѣніи Пурехѣ, Балахнинскаго у., Нижегородской губ.) архимандритъ, съ просьбой принять начальство надъ нижегородскимъ войскомъ, которое собиралось идти на помощь осажденнымъ. Князь, несмотря на свои раны, полученные въ недавнихъ бояхъ съ поляками, принялъ начальство.

Послѣдующія событія—пораженіе поляковъ подѣ стѣнами Троицкой лавры и изгнаніе ихъ изъ Россіи, сверженіе самозванцевъ и избраніе народомъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, объ этихъ событіяхъ мы уже говорили въ предыдущихъ историческихъ очеркахъ.

На избирательной грамотѣ значится подпись выборныхъ: протоіерея Преображенскаго собора Саввы, посадскаго Самойлы Богомолова, стрѣльцовъ Якова Ульянова и Ѳеодора Княжегорскаго съ братомъ, стрѣльцкаго сотника Степана, архимандрита Печерскаго мо-

настыря Θεодосія, князя Пожарскаго и др. Мининъ въслѣдствіи былъ награжденъ званіемъ думнаго дворянина и помѣстьемъ (с. Богородское, горбатовскаго уѣзда); онъ померъ въ 1616 году въ кремлѣ, въ своемъ домѣ, подаренномъ ему царемъ Михайломъ Θεодоровичемъ. *)

Водненіе безпокойныхъ элементовъ русскаго государства, возбужденное эпохой смутнаго времени, не могло скоро улечься; ногайцы и казаки имѣли намѣреніе разорить Нижній-Новгородъ. Но вторженіе ногайцевъ было неожиданно остановлено самимъ владѣтелемъ ногайской орды, рѣшившимъ, вмѣсто враждебныхъ замысловъ, послать въ Москву къ Государю пословъ „бить челомъ о винахъ своихъ“, а казаки были разбиты войскомъ князя Лыкова-Оболенака около Васильевой слободы.

Несчастная „развѣнчанная невѣста“ царя Михаила Θεодоровича, Марія Ивановна Клопова, скончалась въ Нижнемъ-Н. въ 1632 году; мѣсто вѣчнаго упокоенія ея неизвѣстно.

Въ 1636 г. Нижній-Новгородъ посѣтило голштинское посольство, имѣвшее цѣлью завязать торговыя сношенія съ Персіей. Среди этого посольства, въ качествѣ секретаря, былъ знаменитый Олеарій, оставившій описаніе Нижняго-Н. того времени.

Бунтъ Разина, начавшійся съ низовыхъ волжскихъ губерній, отразился и въ Нижегородской губерніи. „Явились эти воры и злоумышленники—повѣствуетъ „Нижегородскій Лѣтописецъ“—и въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Богородскомъ на лисенскомъ перевозѣ рѣки Оки и на вѣтчаковскомъ рѣки Кудьмы. Ими посланы были двое лазутчиковъ въ Нижній-Новгородъ для возмущенія жителей; но нижегородцы всѣхъ званій не поддались имъ,

*) Подробности, касающіяся всѣхъ историческихъ событій Нижняго-Н., его святыхъ, памятниковъ и т. п., будутъ помѣщены въ отдѣльномъ соч. (которое мы надѣемся издать въ недалекомъ будущемъ): „Прошлое и настоящее Нижняго-Н.“

а выдали ихъ нижегородскому воеводѣ Василю Яковлевичу Голохвастову, который ихъ повѣсилъ, а въ Богородское послалъ дворянъ, которые многихъ разинцевъ тамъ побили...“ Не то было въ Лысковѣ и Мурашкинѣ, гдѣ радушно встрѣтили разинскаго атамана, Осипова, назвавшагося царевичемъ Алексѣемъ. Осиповъ съ жителями Лыскова и Мурашкина осаждалъ Макарьевскій монастырь (противъ Лыскова), который и былъ взятъ приступомъ, при чемъ монастырь былъ ограбленъ. Арзамасскій воевода, князь Щерматовъ, отправился съ войскомъ къ Макарьеву монастырю и разбилъ разинцевъ; лысковскіе и мурашкинскіе измѣнники при этомъ были жестоко наказаны.

На московскомъ церковномъ соборѣ рѣшили поставить для Нижегородской области особаго митрополита, каковымъ былъ поставленъ въ 1672 г., нижегородецъ по рожденію, архимандритъ владимірскаго Рождественскаго монастыря Филаретъ, съ титуломъ митрополита нижегородскаго и алатырскаго. Въ составъ Нижегородской митрополіи вошли города Алатырь, Курмышъ и Ядринъ.

Петръ Великій во время пребыванія въ Нижнемъ-Н. особенно интересовался судостроеніемъ, и сдѣлалъ распоряженіе объ устройствѣ въ Нижнемъ особой верфи. Предъ гробницей Минина Императоръ поклонился до земли и произнесъ: „Вотъ истинный спаситель отечества“.

Екатерина II, предпринявъ путешествіе по Волгѣ, удостоила своимъ посѣщеніемъ и Нижній въ маѣ 1767 г. Встрѣча Государыни была самая торжественная. Въ бесѣдѣ съ губернаторомъ Екатерина интересовалась внутреннимъ состояніемъ Нижегородской губерніи, ярмаркой и соляной торговлей. Во время пребыванія Государыни въ Нижнемъ ей былъ представленъ извѣстный Кулибинъ, самоучка-механикъ, поднесшій Императрицѣ электрическую машину, телескопъ и микроскопъ, ящцеобразные часы и кантату.

Пугачевскій бунтъ произвелъ нѣкоторое броженіе въ Нижегородской губерніи. Нижегородскій епископъ Антоній распорядился, чтобы священники дѣлали поуче-

ни, разъясняющія обманъ пугачевцевъ. Трое пугачевцевъ, появившіеся около села Богородскаго, были пойманы крестьянами и отправлены въ Нижний. Губернаторъ Ступишинъ приказалъ повѣсить ихъ на баркахъ и пустить внизъ по Волгѣ.

Въ декабрѣ 1779 г. торжественно было отпраздновано въ Нижнемъ открытіе намѣстничества, которое въ 1800 г. было упразднено. Собственно губернскимъ городомъ Нижний-Новгородъ считается съ 1719 г., а съ 1718. до 1719 онъ былъ причисленъ къ казанской губ.

Въ памятный 1812 годъ въ Нижнемъ жили: Н. М. Карамзинъ, Бятышъ-Каменскій, В. Л. Пушкинъ, С. Н. Глинка и др. Карамзинъ, показывая на нижегородскій кремль, видный изъ его кабинета, говорилъ, что русскіе каковы были въ 1612 году, таковы же будутъ и въ 1812 г.

Святыни, историческіе памятники и др. достопримѣчательности города. Спасо-Преображенскій кафедральный соборъ (въ крѣпости), время основанія котораго относится къ 1225 г. Съ первыхъ годовъ своего существованія и до настоящихъ дней этотъ соборъ перестраивался 4 раза. Последний разъ соборъ былъ выстроенъ совершенно обновленный въ 1834 году. Несмотря, однако, на то, что кафедральный соборъ уже давно потерялъ свой древній видъ, онъ, безспорно, главная святыня „Низовской земли“, такъ какъ заключаетъ въ себѣ все то, что сохранилось на память потомству изъ его славной семисотлѣтней исторіи. Тутъ погребены вершителіи судебъ Нижегородскаго великаго княжества, нижегородскіе великіе князья и княгини, нижегородскіе іерархи; тутъ покоится прахъ великаго гражданина Козьмы Минина, этой истинной гордости древняго Нижняго-Новгорода; тутъ-же сохраняются и знамена, подъ которыми нѣкогда сражались нижегородцы, спасая первопрестольную Москву, а съ нею и всю русскую землю, раздираемую иноземными и внутренними врагами. Древняя святыня: Одыгитріи Божіей Матери (1380 г., списокъ, сдѣланный св. Діонисіемъ во время его пребыванія въ Царьградѣ). Св. Филиппа московскаго—чудотворная и

икона Спаса Нерукотвореннаго, принесенная изъ Суздаля княземъ Конст. Вас. въ 1352 г. Какъ на замѣчательную древность, хранящуюся въ каедральномъ соборѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе на евангеліе, писанное въ 1408 году. Евангеліе написано на пергаментѣ, въ два столбца и сверху покрыто зеленымъ бархатомъ. На верхней доскѣ его середина изображаетъ четырехъ евангелистовъ, фигуры которыхъ сребровызолоченны, рѣзныя; на задней доскѣ середина и угольники серебряные. Евангеліе до 1764 года принадлежало Нижегородской епархіи Амвросіеву Николаевскому Дудину монастырю *); но когда при учрежденіи штатовъ монастырь былъ упраздненъ и церковь его обращена въ приходскую села Подъяблоннаго (горбатовскаго уѣзда), то съ другими вещами монастырскими было взято въ Нижегородскій каедральный соборъ.

Въ Преображенскомъ соборѣ погребены (гробницы находятся по правую сторону усыпальницы); в. кн. суздальскій и нижегородскій Константинъ Васильевичъ Мудрый, скончавшійся 21 ноября 1355 г. **), великіе князья: Дмитрій (Ѳома, прозванный такъ въ отличіе отъ своего брата, тоже Дмитрія) Константиновичъ, принявшій передъ смертію схиму подъ именемъ Ѳеодора, Андрей и Борисъ Константиновичи, Василій Кирдяпа, Іоаннъ Дмитріевичъ Брюхатый, Іоаннъ Борисовичъ Тугой Лукъ, Семеонъ Іоанновичъ, в. кн. суздальскій Семеонъ Дмитріевичъ, в. кн. Анастасія Іоанновна и в. кн. Анна Грековна, первая супруга в. кн. Конст. Васильевича.

В. кн. Анастасія Ивановна, р. 1331 † 1377, была первой супругой в. кн. Андрея Константиновича; при-

*) Амвросіевъ Николаевскій Дудинъ монастырь находится въ 35 верстахъ отъ Нижняго, на берегу Оки; Дудинымъ называется потому, что находится по близости села Дуденева (см. „Лѣтоп.“ Гацискаго, стр 41). Монастырь этотъ былъ подчиненъ Троицкой Сергіевой лаврѣ, и потому можно думать, что препод. Сергій посѣщалъ Дудинъ монастырь въ бытность въ Нижнемъ.

**) „На дощечкахъ надъ гробницами виѣсто „Васильевичъ“ написано „Юрьевичъ“ и онъ названъ внукомъ не Андрея, а Александра Ярославовича Невскаго, почему происходили ошибки въ печати“ (Пам. ц. др. арх. Макарія).

няла иноческій санъ въ Печерскомъ м. отъ св. Діонисія подъ именемъ Вассы; предъ смертью приняла схиму подъ именемъ Θεодоры. Она была основательницей Зачатьевскаго монастыря (что стоялъ въ прошломъ столѣтїи близъ церкви Живоноснаго Источника), почитается святой, мѣстно-чтимой.

По лѣвую сторону усыпальницы, между грабницами нижегородскихъ іерарховъ, находится гробница Козьмы Захарьевича Минина и сына его Нефеда (Меоодія), жившихъ въ послѣднее время въ кремлѣ, въ домѣ, подаренномъ первому царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ.

Гробница была сдѣлана въ позднѣйшее время, именно въ 1797 г.

На гробницѣ (на дощечкѣ) Минина написано неизвѣстнымъ авторомъ стихотвореніе слѣдующаго содержания:

Избавитель Москвы, отечества любитель
И издыхающей Россіи оживитель,
Отчизны красота, поляковъ страхъ и месть
Россіи похвала и вѣчна слава, честь;
Се Миновичъ Козма здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Всякъ, истинный его Россѣ, да прахъ его лобзаетъ.

На трехъ металлическихъ доскахъ сохранилась слѣдующая надпись: „Господь силъ съ нами“, „Заступникъ нашъ“, „Богъ Іаковль“, а затѣмъ идетъ цѣлый рассказъ, описывающій событіе 1612 г. и историческую роль въ этомъ событіи Минина.

Въ Преображенскомъ соборѣ погребенъ также грузинскій каталикосъ Антоній II, сынъ грузинскаго царевича, послѣдній потомокъ грузинскаго царя.

Архангельскій соборъ, въ кремлѣ, небольшой, но весьма красивый, вполне сохранившій свой древне-византійскій стиль; изъ нижегородскихъ храмовъ это самый древній. Онъ былъ построенъ одновременно съ основаніемъ самаго города великимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ, сначала деревянный, въ 1221—22 году, а потомъ каменный, въ 1227 году.

„Древле Низовскою землею владѣли идолопоклонники мордва.—Благочестивый великій князь, нынѣ духомъ

Гробница Минина въ Каѳедральномъ соборѣ.

въ Бозѣ, а нетлѣннымъ тѣломъ своимъ во градѣ Владимірѣ почивающій, Георгій Всеволодовичъ Владимірскій, чтобы обезпечить княженія свои отъ набѣговъ сосѣдственныхъ Народовъ, заложилъ въ 1199 году при устьѣ р. Оки градъ, нарекъ имя ему Нов-градъ Нижній и поставилъ въ немъ первую церковь во имя Архистратига Михаила деревянную, а потомъ въ 1227 году каменную соборную“ *).

Далѣе въ томъ-же краткомъ историческомъ начертаніи объ Архангельскомъ соборѣ говорится, что „до 1310 года стояла церковь невредимо“, но когда царевичъ Арапша вмѣстѣ съ мордвою пожегъ Нижній, то разорилъ и церковь. „Великій князь Андрей Константиновичъ паки соорудилъ ее каменную“, въ 1359 году. До 1620 года она опять „стояла невредимо“, но въ этомъ году „отъ бывшихъ пожаровъ много утратила въ своемъ благолѣпіи“ и была перестроена, при чемъ верхъ ея былъ сдѣланъ шатромъ, въ 1631 г.

Пожаръ 1704 г., свирѣпствовавшій въ кремлѣ, а особенно такъ называемый „большой“ пожаръ 25 іюня 1715 г. настолько повредили зданіе собора, что служеніе въ немъ прекратилось на нѣсколько лѣтъ, и лишь въ 1732 г. нижегородскій вице-губернаторъ, бригадиръ Иванъ Михайловичъ Волинскій обновилъ его; иконостасъ, тогда устроенный, существуетъ и теперь.

Въ 1795 г. нижегородскій вице-губернаторъ, князь Василій Ивановичъ Долгорукій, считавшій себя потомкомъ князя Георгія, въ 17 степени, просилъ епископа нижегородскаго и арзамасскаго Павла позволить ему отдѣлать придѣлъ на свой счетъ, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ посвященъ какъ св. евангелисту Іоанну, такъ и св. князю Георгію, на что и получилъ согласіе. Въ томъ-же году 15 декабря придѣлъ былъ отдѣланъ и освященъ.

Въ Архангельскомъ соборѣ погребены: послѣдній в. кн. нижегородскій Василій Юрьевичъ, † 1449 г., в. кн. Іоаннъ, † 1417 г., кн. Василій (Васильевичъ),

*) Въ этой выпискѣ соблюдена орѳографія подлинника, находящаяся на стѣнѣ нижегородскаго Архангельскаго собора.

извѣстный въ исторіи подъ именемъ Гребенки-Шуйскаго, † 1477 г., в. кн. Іоаннъ Васильевичъ Горбатый, † 1458 г., в. кн. Петръ Александровичъ Горбатый—родной братъ Евдокіи Александровны, супруги Никиты Романовича Юрьева-Захарыина. в. кн. Ирина, иноки: Зосима, Іона, Зиновій, (в. князья); о послѣднихъ не сохранилось историческихъ описаній.

Сохранилось преданіе, что въ Архангельскомъ соборѣ погребена кн. Долгорукова.

*
* *

Противъ кремля, на самой обширной и красивой городской площади. Благовѣщенской, находится Благовѣщенскій соборъ, основанный въ XIV в. великимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ въ честь его ангела, почему прежде и назывался церковью Дмитрія Солунскаго. Въ 1621 г. церковь была деревянной; въ настоящемъ видѣ выстроена въ 1696 г. Воиновымъ.

Георгіевская церковь, на Набережной р. Волги, основана въ XIII в. Въ настоящемъ видѣ существуетъ съ 1702 г., построена средствами нижегородскаго купца Пушнина. Замѣчательная святыня—чудотворная икона Смоленской Божіей Матери, Одигитріи; къ молитвамъ этой святыни съ особеннымъ усердіемъ прибѣгали вѣрующіе въ послѣдніе несчастные годы, когда въ Н.-Н. свирѣпствовала эпидемія.

Рождественская, находящаяся на Нижнемъ Базарѣ, существовала въ XVI в., вновь сооружена въ 1719 году именитымъ солепромышленникомъ Строгановымъ.

Въ церкви хранятся и до настоящаго времени два образа Спасителя и Божіей Матери, написанные художникомъ Каравакомъ; эти иконы были писаны по заказу Петра Великаго. Когда работа была исполнена, то Строгановъ упросилъ художника уступить иконы ему, съ условіемъ, чтобы для царя былъ изготовленъ 2-й экземпляръ. Художникъ согласился. По возвращеніи изъ своего заграничнаго путешествія, Петръ Великій отправился въ персидскій походъ и проѣздомъ былъ въ Нижнемъ, гдѣ остановился въ домѣ Строганова. Посѣтивъ Строганов-

скую ц., царь узналъ образа.... Неизвѣстно, что затѣмъ произошло, только въ тотъ-же день царь переѣхалъ въ домъ Пушникава. Несомнѣнно остается тотъ фактъ, что послѣ описаннаго событія Строгановская церковь была по приказанію царя запечатана и открыта черезъ 5 лѣтъ съ разрѣшенія Императрицы Екатерины I.

Извѣстный П. И. Мельниковъ въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ говорить, что причина закрытія церкви заключалась не въ образахъ, а въ томъ, что въ церкви происходили хлыстовскія радѣнія.

Контрфорсъ этой церкви, въ видѣ террасы, устроенъ въ 1819 г. Послѣдній разъ храмъ возобновленъ въ 1836 г. на средства князя С. М. Голицына.

Церковь Женъ-Мироносицъ, весьма древняя, находится близъ Лыковой дамбы; выстроена въ 1649 г. (на мѣстѣ деревянной, сущ. въ XIII в.). Близъ этой церкви родились и провели первые годы юности свв. Евфимій Суздальскій и Макарій Желтоводскій, основавшій Макарьевскій монастырь на Волгѣ.

Ильинская церковь основана въ 1506 г., въ память избавленія отъ татарско-нагайскаго нашествія 1505 г., когда на этомъ мѣстѣ былъ убитъ нагайскій мурза выстрѣломъ, направленнымъ изъ кремля Федей Литвичемъ. Въ 1655—56 храмъ этотъ выстроенъ вновь священникомъ Степаномъ.

Церковь Николая Чудотворца—одинъ изъ древнихъ храмовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, построена въ 1371 г. в. кн. Дмитріемъ Константиновичемъ и почти черезъ сто лѣтъ возобновлена съ основанія. Эта церковь называлась „Никольской на Почайнѣ“, „въ торгу“, „на бичевѣ“. Въ 1521 г., въ день Вознесенія, эта церковь сгорѣла; на мѣстѣ сгорѣвшей въ 1656 г. выстроена каменная церковь.

*
* *

Въ Нижнемъ-Новгородѣ монастырей три; изъ нихъ Печерскій расположенъ на ю.-в. окрайнѣ города, на берегу, который уступами спускается къ Волгѣ; мѣстность, гдѣ расположенъ монастырь, очень живописна. Монастырь

этотъ былъ основанъ св. Діонисіемъ, въ 1330 г., когда Нижній-Новгородъ принадлежалъ князю Александру Васильевичу, старшему брату основателя Нижегородскаго княжества. Въ монастырѣ постриглись два знаменитыхъ нижегородца: Евфимій Суздальскій и св. Макарій, основатель макарьевскаго Желтоводскаго монастыря, а также патриархъ Никонъ (родился въ с. Вальдемановѣ, княгининскаго уѣзда, нижегородской губерніи) и великая кн. Анастасія Ивановна, принявшая иночество подъ именемъ Вассы.

Монастырь этотъ въ 1597 году подвергся разрушенію: гора, на которой стояла обитель, начала сползать къ берегу. Впослѣдствіи монастырь былъ перенесенъ на другое мѣсто, въ 1 в. отъ стараго, и возстановленъ по повелѣнію Феодора Іоанновича въ 1598 г. Въ настоящее время въ монастырѣ 7 каменныхъ переквей. Въ соборномъ храмѣ Вознесенія Господня находится святыня Печерскаго монастыря—икона Печерской Божіей Матери, принесенная св. Діонисіемъ изъ Кіево-Печерскаго храма. Во время войны русскихъ со шведами, при Петрѣ I, Печерскій монастырь одинъ изъ первыхъ откликнулся въ государственной нуждѣ: на свой счетъ выстроилъ корабль и послалъ на литье пушекъ колоколъ въ 300 п. Монастырская библіотека богата древними рукописями и книгами.

Другой древній нижегородскій монастырь—Благовѣщенскій, красиво раскинувшійся по Дятловымъ горамъ, спускающимся террасами къ р. Окѣ. Основаніе монастыря относится къ 1221 г. Спустя восемь лѣтъ онъ былъ разоренъ Пургасомъ, княземъ мордовскимъ. Св. Алексій, митрополитъ московскій, возвращаясь изъ орды, гдѣ онъ испѣлилъ слѣпую жену хана Дженибека Тайдулу, посѣтилъ Нижній, возобновилъ Благовѣщенскій монастырь и построилъ храмъ Благовѣщенія въ 1370 г.

Въ соборной церкви находится замѣчательная по своей древности икона Корсунской Божіей Матери, какъ видно изъ греческой надписи на ней, писанная въ 993 году; это единственная копія съ образа Богоматери, писанная евангелистомъ Лукой.

При въѣздѣ на Похвалинскій съѣздъ, по направленію отъ плашкоутнаго моста, противъ воротъ Благовѣщенскаго монастыря, стоитъ Алексѣевская часовня, основанная тѣмъ-же святителемъ Алексіемъ. Послѣдній совершалъ въ этомъ мѣстѣ свою скромную трапезу, запивая водой изъ того самаго источника, который мы и теперь видимъ въ часовнѣ. Въ 1725 году эта часовня была перестроена архимандритомъ Лаврентіемъ, о чемъ свидѣлствуетъ подпись, высѣченная на стѣнѣ часовни и сохранившаяся до настоящихъ дней. Въ 1847 г., по повелѣнію Государя Николая I, часовня была выстроена вновь, вмѣсто прежней ветхой, купцомъ Верениновымъ.

Женскій Крестовоздвиженскій монастырь находится на запад. крайнѣ города, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега Оки, спускающагося къ рѣкѣ крутыми уступами. Вотъ краткая исторія основанія Крестовоздвиженскаго монастыря. Зачаіевскій монастырь, находившійся прежде тамъ, гдѣ теперь Живоноснская церковь, и получившій начало около 1363 г., основанъ нижегородской в. кн. Анастасіей, женой в. кн. Андрея Константиновича. Затѣмъ, послѣ пожара, истребившаго этотъ монастырь, въ 1743 г., его причислили къ Происхожденскому монастырю *), находившемуся около Георгіевской башни, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Козьма Мининъ въ памятный 1611 годъ дѣлалъ воззваніе къ народу, и гдѣ архимандритъ Печерскаго монастыря совершалъ молебствіе, благословляя народъ и призывая нижегородцевъ къ возстанію противъ враговъ вѣры и отечества. 8 июня 1815 г. монастырь получилъ свое настоящее имя, и былъ переведенъ на мѣсто, гдѣ находится и понинѣ.

На кладбищѣ Крестовоздвиженскаго монастыря погребенъ человекъ, который извѣстенъ всему читающему люду,—писатель П. И. Мельниковъ (Печерскій).

* * *

Къ историческимъ памятникамъ прежде всего слѣдуетъ отнести старинный нижегородскій кремль, начало

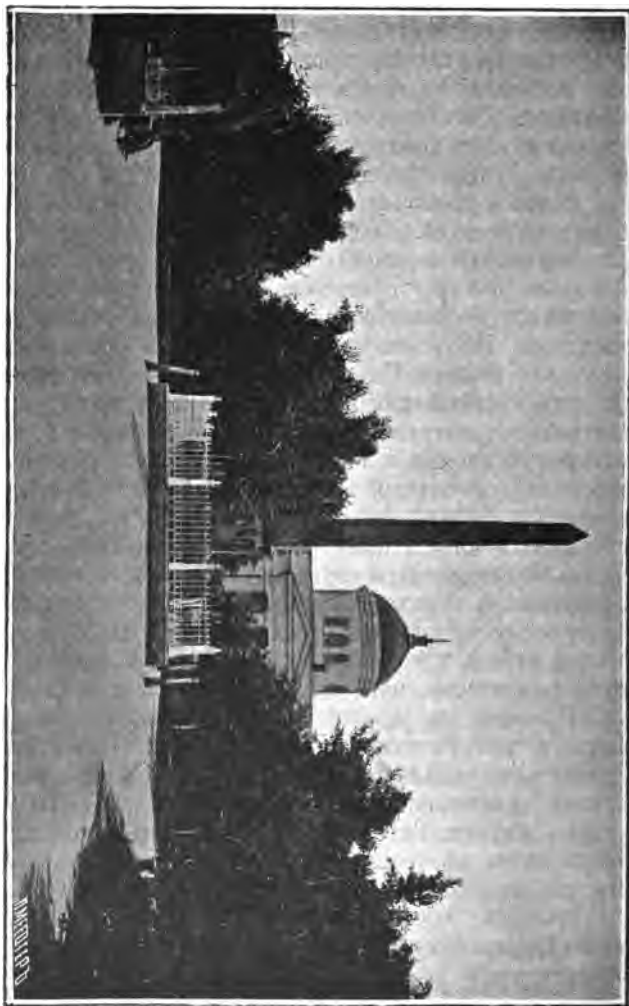
*) Остатки этого монастыря сломаны только въ 1834 г.

которому положилъ великій князь нижегородскій Борисъ Константиновичъ еще въ 1365 г., приказавъ копать рвы подъ крѣпостную стѣну. Затѣмъ къ постройкѣ собственно крѣпости приступилъ в. кн. Дмитрій Константиновичъ въ 1374 году. Однако постройка кремля ограничилась тогда возведеніемъ одной только башни, извѣстной подъ названіемъ „Дмитровской“, или „Дмитровскихъ воротъ“, выходящихъ на Благовѣщенскую площадь. Въ 1895 г. эта башня перестроена вновь, по плану и рисункамъ профессора Султанова, при чемъ башня приняла совершенно другой видъ. Къ дальнѣйшему сооруженію кремля было приступлено много лѣтъ спустя, когда Нижній-Новгородъ началъ терять свою самостоятельность. Великій князь московскій Василій Іоанновичъ въ 1509 году приказалъ выстроить еще одну башню—Тверскую *). Признавая Нижній-Новгородъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, великій князь приказалъ приступить уже къ капитальному сооруженію нижегородскаго кремля, что и было поручено имъ италіанскому архитектору Франческо, извѣстному въ нашей исторіи подъ именемъ Фрязина. Сооруженіе кремля Франческо окончилъ въ 1511 году. Деревянные стѣны были замѣнены каменными; кромѣ того были воздвигнуты тринадцать башенъ, изъ которыхъ въ настоящее время сохранилось только одиннадцать. Въ теченіе истекшихъ, со времени возведенія крѣпостной стѣны, трехъ слишкомъ столѣтій кремль, само собою разумѣется, могъ подъ вліяніемъ времени совершенно придти въ разрушеніе, если бы время отъ времени его не ремонтировали. Такъ, въ 1671 году, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, его поправляли въ виду приближенія къ Нижнему-Новгороду полчищъ Стеньки Разина. Затѣмъ ремонтъ кремля неоднократно производился въ теченіе какъ прошлаго, такъ и послѣдняго вѣка.

Высокій обелискъ-памятникъ Козьмѣ Минину и князю Пожарскому воздвигнутъ „благодарнымъ потом-

*) На основаніе такихъ источниковъ, какъ „Акты археолог. ком.“, работы по постройкѣ кремля начались въ 1500 г., когда была построена и Тверская башня.

Памятникъ гг. Понарскому и Минину.

ствомъ“ въ 1826 году. Памятникъ этотъ находится въ саду, извѣстномъ подь именемъ „Мининскаго“, или „Кадетскаго“, вѣроятно потому, что разбитъ рядомъ съ кадетскимъ корпусомъ. Въ этомъ саду въ 95 г. сооруженъ элеваторъ электрической ж. д.

Домикъ, извѣстный подь именемъ домика Петра Великаго, находится на Почаинской улицѣ. Въ этомъ домѣ Петръ Великій останавливался въ 1695 г., во время похода подь Азовъ. Въ настоящее время домъ этотъ отдѣланъ заново (не реставрированъ въ прежнемъ видѣ), и въ немъ помѣщается музей ученой архивной комиссіи, а во флигелѣ—рѣчное училище.

Около церкви св. Сергія находится домъ, принадлежавшій когда-то Пушкинову. Въ этомъ домѣ тоже останавливался Петръ Великій, въ 1722 году. Теперь тамъ живетъ причтъ Сергіевской церкви.

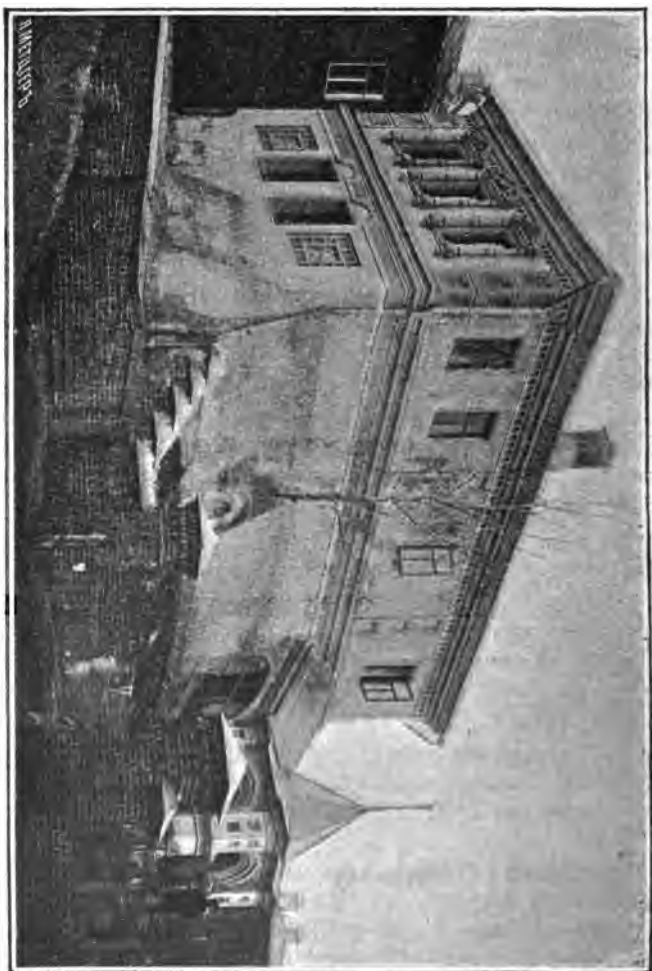
На Варваркѣ, въ домѣ, занимаемомъ теперь управленіемъ госуд. имуществъ, въ 1850 г. жилъ Т. Г. Шевченко.

На Тихоновской улицѣ, противъ Тихоновской церкви, стоитъ деревянный домъ, недавно отдѣланный заново. Въ этомъ домѣ жилъ историкъ Карамзинъ.

При поворотѣ съ В. Покровки на Лыкову дамбу, на лѣвой рукѣ, возвышается большой бѣлый каменный домъ г-жи Ахматовой. Этотъ домъ принадлежалъ извѣстному писателю Добролюбову; тутъ онъ жилъ во время своей юности.

Губернская типографія помѣщается въ кремлѣ, въ корпусѣ присутственныхъ мѣстъ. одна изъ древнѣйшихъ въ Россіи, въ 1891 г. праздновала столѣтнюю годовщину.

Кромѣ „Губернскихъ Вѣдомостей“ и „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ Нижнемъ-Новгородѣ издаются: „Волгарь“ ежедневно, „Нижегородская Почта“ только во время ярмарки, „Вѣстникъ пароходства и промышленности“ ежемѣсячно, „Нижегородскій Листокъ“ ежедневно.

Доминъ Петра Великаго (Петровский музей).

Музеи. Земскій естественно-историческій музей—на Тихоновской улицѣ. кустарно-промышленный музей на Б. Печергѣ.

* *

Изъ *благотворительныхъ учреждений* обращаетъ на себя вниманіе *вдовій домъ*, открытый въ концѣ 87 г., на средства извѣстнаго нижегородскаго купца Н. А. Бугрова.

Вдовій домъ выстроенъ на крайнѣ города, въ полѣ, на пути къ лагерямъ, противъ женскаго монастыря, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное зданіе, и его стоитъ осмотрѣть въ подробностяхъ; внутренней складъ жизни его обитателей, въ связи съ цѣлью и задачами этого зданія, представляетъ исключительный интересъ, подробностей котораго намъ не позволяютъ коснуться извѣстныя рамки настоящаго изданія.

*Два разсказа изъ прошлаго Нижняго-Новгорода *).*

Купецъ Осокинъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, былъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Нижнемъ, гдѣ жилъ на Панской улицѣ (около нынѣшнихъ паровозныхъ конторокъ), въ собственномъ большомъ домѣ. Семейство его состояло изъ жены и красавицы дочери, въ которой онъ души не чаялъ. По своимъ понятіямъ о счастіи своей плоти онъ частенько спроваживалъ орду засылаемыхъ къ нему повременамъ свахъ,

*) *Первый.* Въ 1875 г. 30 ноября на сценѣ казанскаго театра были поставлены драматическія сцены казанскаго писателя П. И. Феллонова „*Безъ вины виноватая*“. Спустя около года эти сцены были напечатаны въ казанскомъ сборникѣ „Первый Шагъ“. Дѣйствительное событіе, положенное въ основу соч. П. И. Ф.—ва, произошло въ концѣ прошлаго столѣтія въ Нижнемъ-Новгородѣ; героиней этого событія является купеческая дочь Осокина.

Второй. Легендарный разсказъ о „кумѣ“, откуда будто бы и

Вдовій домъ имени Бугрова.

расчитывая дожидаться свахи отъ такого-же богача, какъ онъ самъ. Но какъ часто бываетъ, что понятіе о счастьи, составляемое родителями, не сходится съ такими-же понятіями, составляемыми ихъ дѣтьми, такъ и на этотъ разъ дочь склонилась на любовь какого-то бѣдняги, богатаго вѣтъ, кромѣ казны. „Вѣчно-юная исторія“ разрослась въ тайныя свиданія молодыхъ людей, устраивавшіяся при помощи нянюшки молодой дѣвушки во время частыхъ выѣздовъ родителей въ гости и въ подгородное ихъ имѣніе. Однажды влюбленные заболтались долѣе обыкновеннаго, а старая няня, задремавши, прозѣвала пріѣздъ стариковъ-большаковъ. Дѣло было къ ночи. Дѣваться доброму молодцу было некуда: ходъ изъ свѣтелки молодой Осокиной былъ одинъ, а старикъ-отецъ имѣлъ обыкновеніе всегда заходить къ дочери, „благословить ее на сонъ грядущій“. Нянюшка придумала спрятать молодого человѣка подъ пуховикъ. Спрятали. Вошелъ Осокинъ и, ничего не замѣтивши, почему-то особенно долго проговорилъ съ дочерью. По уходѣ его, трепетавшія отъ страха дочь и воспитательница ея перевели свободно духъ и кинулись къ кровати.... Подъ пуховикомъ лежалъ трупъ: молодой человѣкъ задохся подъ нимъ. Старая няня, съ какою-то роковою послѣдовательностью идей, „нашлась“ и тутъ: она уговорила молодого батрака, жившаго у Осокина, стащить трупъ въ Волгу, за 20 рублей, сумму, по тогдашнему времени, особенно для голяка-батрака, весьма внушительную. Деньги эти нашлись у молодой Осокиной очень легко, потому что отецъ ее часто дарилъ большими кушами.... Затѣмъ случилось, то, что нерѣдко въ такихъ обстоятельствахъ случается,

получило свое названіе „Кунавино“, послужилъ темой извѣстной драмы Шпагинскаго „Чаротѣйка“.

Оба эти разсказа мы печатаемъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они записаны извѣстными нижегородскими писателями А. С. Гацискимъ и Н. И. Храмцовскимъ. Послѣдній, между прочимъ, объясняетъ, что слово „Кунавино“. вѣроятнѣе всего, произошло отъ слова „куна“, т. е. денежный знакъ, который брали въ видѣ пошлины со всѣхъ провозимыхъ по Окѣ и Волгѣ товаровъ, и что мѣстомъ сбора такой пошлины была мѣстность, занимаемая прежде Кунавиною (приблизительно тамъ, гдѣ теперь „Стрыка“).

и что извѣстно, на юридическомъ языкѣ подѣ названіемъ *шантажа*. Батракъ, которому никогда, можетъ быть, не снилось такое богатство, какъ 20 рублей, „закурилъ“. Прокутивши деньги, онъ попросилъ прибавки. Осокина не имѣла силы отказать. Батракъ еще пуще закутилъ и снова явился за деньгами, уже настойчиво ихъ требуя и грозя оглаской ночной тайны. Такъ продолжалось съ годъ. Осокина передавала своему мучителю не только всѣ свои деньги, но и всѣ свои перстни, жемчуга и другія драгоценности. Всего этого было мало увлекшемуся „самопомощью“ батраку. Онъ потребовалъ, чтобы Осокина воровала деньги у отца и, наконецъ, предложилъ ей себя взамѣнъ погибшаго милаго.... Осокина, боясь отца, суда, казни, публичнаго мірскаго позора, и тутъ не устояла.... Между тѣмъ старикъ Осокинъ, замѣтивъ разгульную жизнь своего батрака, прогналъ его изъ своего дома.

Случилось, что разгулявшійся батракъ вздумалъ угостить своихъ деревенскихъ земляковъ, пріѣхавшихъ въ городъ на базаръ. Вымучивъ денегъ у своей жертвы, онъ закатился съ своими земляками въ „Облупу“—кабакъ на выѣздѣ изъ города, не доходя нынѣшней Покровской дамбы, гдѣ тогда была застава, и гдѣ до послѣдняго времени ютился кабакъ подѣ тѣмъ-же названіемъ. Когда парень шибко раскутился и сталъ погремыхивать серебряными рублями, какъ мѣдными полushками, товарищи его начали надѣ нимъ подтрунивать: „Ужъ не самъ-ли ты цѣлковые мастеришь?“ осаждали они его. Крѣпко подвыпивши, онъ сталъ „куражиться“ и брякнулъ, что живетъ съ дочерью своего бывшаго хозяина. Земляки не вѣрили, и этимъ еще болѣе его подзадоривали: „Да, коли прикажу, бахвалился онъ, сама сюда приволочется и угощать насъ станетъ“. Земляки снова расхохотались, и взбѣшенный ловеласъ послалъ кабачнаго мальчика-подносчика къ Осокиной, съ своей рукавицей, которую та очень хорошо знала, какъ несомнѣннаго „предъявителя“. Осокина, дочь гордаго богача явилась въ кабакъ, смутивъ немало цѣловальника и всю пьяную компанію. „Угощай меня!... Цѣлуй меня!... Цѣ-

луй мою руку!... Цѣлуй ногу!... Угощай пріятелей!... Кланяйся всѣмъ въ ножки!... Пляши!... ломался послѣдовательно герой оргіи.

— Выпить сперва надо! отчаянно крикнула Осокина, когда дѣло дошло до пляски, и осушивъ, несморгнувъ, косушку, пустилась въ плясъ подъ веселую балалайку, на которой „наяривалъ“ мальчикъ-подносчикъ.

Понатѣшивши своей пляской компанію, Осокина подсѣла къ своему „милому“, обняла его и стала крѣпко цѣловать, подливая ему и его землякамъ шкаликъ за шкаликомъ вина. Къ полуночи она споила не только самого „заводчика“ и его пріятелей, но и цѣловальника съ мальчикомъ-подносчикомъ. Сама-же она была „ни въ одномъ глазѣ“, хотя тоже выпила не мало... Но она была пьяна накипѣвшей жаждой мщенія, злобной страстью доведенной до отчаянія жертвы. Когда всѣ свалились и захрапѣли, заиграли въ рукахъ Осокиной ножъ и пламя.... На зарево сбѣжался народъ, сталъ тушить пожаръ, охватившій кабакъ, не подозрѣвая, что въ огнѣ горятъ семь труповъ, уложенныхъ Осокиной... Все было-бы шито и крыто, но сама Осокина не имѣла силъ отойти отъ пылавшей „Облупы“: страданія отъ ужасной драмы подъ пуховикомъ, затѣмъ, униженіе и позоръ и, наконецъ, убійство послѣдней ночи окончательно надломили нервы молодого организма: она помѣшалась и все открыла собравшемуся міру.... Начался судъ, и кончился, разумѣется не скоро, приговоромъ къ кнуту и каторгѣ.... Но помѣшательство Осокиной было, вѣроятно, такъ называемое „ограниченное“; сидя въ острогѣ, въ ожиданіи исполненія приговора, замедлявшагося болѣзненнымъ ея состояніемъ, она повременамъ приходила въ себя. Посѣтивъ Нижній въ 1767 году и узнавъ вѣроятно отъ принимавшаго участіе въ судьбѣ Осокиной губернатора Аршеневскаго, печальную повѣсть ея, Императрица Екатерина II пожелала видѣть несчастную. Осокина была приведена къ ней, въ архіерейскій домъ, незадолго передъ тѣмъ (въ 1762 году) отстроенный, гдѣ Императрица останавливалась. Къ счастью Осокиной она на этотъ разъ была въ полномъ разсудкѣ. Императрица приказа-

да снять съ нея кандалы и выйти всѣмъ бывшимъ въ залѣ. Наединѣ, ободренная лаской Императрицы, Осокина откровенно рассказала всю подноготную о себѣ.... Человѣкъ въ Екатеринѣ Великой понялъ человѣка, женщина—женщину, и Осокина была освобождена отъ всякаго наказанія. По совѣту Императрицы она поступила въ Нижнемъ въ женскій Зачатіевскій монастырь, гдѣ, вѣроятно, и померла.

Встарину на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Кунавино, находился кабакъ, постоялый дворъ или что-то въ родѣ этого. Хозяйку пріюта, молодую, красивую, привѣтливую вдову, всѣ, посѣщавшіе ее, прозвали за ея ласки, расторопность и услужливость *кумой*. Всякій, кому лежала путь-дорога на окскій перевозъ, мимо ея заведенія, считалъ какъ-бы непремѣнной обязанностью выпить въ немъ зелена-вина и побалагурить съ ласковой вдовушкой. Слава о кумѣ скоро разнеслась и по городу, и за Оку стала все чаще навѣдываться городская молодежь—посадскіе и приказный людъ. Вдова встрѣчала гостей очень радушно: бывало, едва завидитъ лодки, какъ выходитъ встрѣчать нижегородскихъ ловеласовъ на берегъ, а тѣ еще издали кричатъ ей: „Кума!... Вина!...“ Говорили, что чарами да заговорами приманила „кума“ къ себѣ и честной народъ. Чарами она заставила пріѣхать къ себѣ и нижегородскаго воеводу. Побывавъ у кумы, князь (воевода—князь былъ) нашелъ, что ея водка вейновая слаще романей его погребовъ, а поцѣлуи вдовы слаще поцѣлуевъ его княгини. Вотъ онъ и сталъ частенько ѣздить за Оку, уже безъ дьяковъ и старостъ и всякаго чина, а съ однимъ только вѣрнымъ холопомъ. Узнала про то княгиня, и пошли слезы да упреки.

Но воевода не внималъ имъ и продолжалъ ѣздить за Оку.

Княгиня хотъ и говорила, что не себя-для журить

мужа, а потому, что боялась за судьбу сына; но это было ничто иное, какъ придиркой съ ея стороны; княгиня въ этомъ случаѣ хлопотала болѣе о себѣ, чѣмъ о сынѣ: она была женщина еще молодая,—лѣтъ тридцатидвухъ, трехъ, стало быть, страсти-то въ ней играли еще во всю прыть.

Скоро замѣтилъ и сынъ, что между родителями что-то дѣло не ладно. Присталъ онъ къ матери съ разспросами, о чемъ она кручинится, отчего не осушаетъ очей съ утра до вечера. Сначала княгиня не хотѣла открыть сыну причины своего горя, а потомъ призналась, что крушить ее змѣя-разлучница, чарами да присухами овладѣвшая княземъ.

Нужно замѣтить, что княжичъ попытался у матери этого признанья не въ день, не въ два, а можетъ, въ мѣсяцъ или болѣе, такъ что отецъ, вѣроятно вслѣдствіе упрековъ жены, сыскалъ ему невѣсту, тоже княжескаго рода, успѣлъ справить и рукобитье и сговоръ и все какъ быть должно; оставалось уже недолго до свадьбы. Конечно, княжичъ, по обычаю того времени, не видалъ ни разу своей суженой.

Узнавъ причину огорченія своей матери, княжичъ, горячо любившій ее, вскипѣлъ гнѣвомъ на кума и задумалъ дѣло недоброе: спроводить змѣю-разлучницу съ бѣлаго свѣта. Выбралъ онъ ночь темную, взялъ съ собой „кинжалъ турецкій, да пистолеты нѣмецкіе“, да двухъ вѣрныхъ холоповъ, ребятъ, какъ и самъ, молодыхъ, и тайкомъ отъ отца и матери отправился за Оку. Тайкомъ добрались ребята до жилья вдовы. Кума уже спала или, вѣрнѣе, притворилась спящей: она, по милости пріятелей своихъ, лукавыхъ, знала, что княжичъ ѣдетъ, что хочетъ убить ее, но не трусила.

Молодцамъ небольшого труда стоило сорвать двери съ петель у вдовиной избушки, и вотъ мигомъ они добрались и до кровати, гдѣ лежала кума. Казалось, жизнь ея уже висѣла на волоскѣ: кинжалъ княжича блестѣлъ уже у самой груди ея.

Въ это время княжичу вздумалось поглядѣть, какова кодунья, отнявшая его отца у матери. И велѣлъ

княжичъ зажечь огня. Какъ глянулъ онъ на куму, такъ и обмеръ: этакой красавицы онъ отродясь не видалъ. И холопы-то его, увидавъ куму, ротъ разинули.

Отнялъ княжичъ кинжалъ отъ груди кумы, отнялъ да и задумался. А тутъ еще одинъ изъ холоповъ, парень сорви-голова, любимецъ княжича, и отрѣзалъ, конечно, все по вражескому-же навожденію:

— Княже! Не даромъ князь-бояринъ полюбилъ водку вейновую этой бабенки. Не худо-бы и тебѣ, передъ смертью-то кумы, попробовать, сколь сладко ея угощеніе.

Княжичъ будто проснулся отъ сна, вложилъ кинжалъ въ ножны и повелительно махнулъ рукой холопамъ. Тѣ поспѣшно вышли изъ избы.

Около первыхъ пѣтуховъ княжичъ свистнулъ, холопы опять вошли въ избу. Тамъ княжичъ сидѣлъ рядомъ съ кумой, обнималъ и цѣловалъ ее, да распивалъ съ ней водку вейновую изъ той-же чары, изъ которой кума угощала прежде самого князя-боярина. Кума была уже разодѣта.

Съ этой поры и княжичъ сталъ частенько наѣзжать за Оку, разумѣется, рассчитывая такъ, чтобы не столкнуться тамъ съ государемъ-родителемъ.

Холопы молчали.

Княгиня какъ-то провѣдала, что колдунья и сына присушила къ себѣ. Тутъ богобоязливая боярыня забыла все, и страхъ Божій и судъ людской, и задумала сама извести куму. Вотъ стала она искать колдуновъ и колдуній, которые-бы въ чарахъ были сильнѣе змѣи-разлучницы, какъ всегда она звала куму. Искала долго и наконецъ нашла колдуна, старика столѣтняго, жившаго гдѣ-то на берегу Кудьмы. Тотъ и далъ ей зелье, такое лихое, что оно вотъ такъ кипмя и кипѣло въ скляницѣ. Переодѣлась княгиня старицей, взяла зелье съ собой и отправилась за Оку. Пришла она къ кумѣ, выпросилась у нея ночевать, рассказывала ей, что она черница суздальская, ходила-де на богомолье въ Іерусалимъ и Царь-Градъ. Кума не могла узнать ее, потому что столѣтній колдунъ запретилъ лукавымъ передавать кумѣ о намѣ-

реніи княгини. Колдунъ этотъ былъ наибольшимъ надъ всѣми лукавыми во всемъ краю. Княгиня и подлила, въ питье-ли, въ кушанье-ли, кумѣ зелья лихого. Лишь только проглотила кума отраву, почувствовала, что приходитъ ей конецъ и вмѣстѣ съ этимъ кончилось и очарованіе: она узнала княгиню, и узнала, что она и опоила ее.

— Ты извела меня, сказала умирающая, но лихо купила и себѣ: меня и тебя похоронять вмѣстѣ, а въ могилу не зароютъ.

Только-что проговорила кума эти слова, какъ дверь избы растворилась—явился, какъ снѣгъ на голову, самъ князь. Княгиня, которую воевода не узналъ-было, хотѣла бѣжать.

— Это твоя княгиня, сказала кума, она извела меня зельемъ лихимъ!... Съ этимъ словомъ кума умерла, испустивъ страшный крикъ.

Вскрикнулъ и князь, и прынулъ къ княгинѣ, какъ дикій звѣрь, ухвативъ ее за горло. Княгиня и вскрикнуть не успѣла.

Но тутъ опять отворилась дверь избы, въ которую вбѣжалъ княжичъ. Увидя, что отецъ душитъ мать, онъ кинулся отнимать ее. Началась борьба между отцомъ и сыномъ, и черезъ минуту послѣ того возлѣ трупъ кумы лежали мертвые княгиня и княжичъ: князь обоихъ убилъ своимъ мечомъ, и, не задумываясь, велѣлъ холопамъ, пріѣхавшимъ съ нимъ и княжичемъ, всѣ три трупъ бросить въ воду. Понесла Ока въ Волгу-матушку трупы матери, сына и кумы-колдуньи. Надъ первыми засвѣтились огоньки—будто радуга, надъ труномъ кумы загорѣлось яркое кровавое пламя—настоящій адскій огонь.

Ужаснулись холопы княжескіе, ужаснулся и самъ князь и, вскочивъ на коня, поскакалъ по берегу, слѣдомъ за трупами,—его влекла за ними какая-то невѣдомая сила.

Выплыли трупы на Волгу, но не понесла ихъ вода книзу, а пошли они вверхъ по теченію. На князя страхъ напалъ: хочетъ онъ сотворить молитву—языкъ не воротится, хочетъ перекреститься—рука не поднимается, хочетъ повернуть коня—конь не слушается, храпитъ, вздымается на дыбы и скачетъ все слѣдомъ за трупами.

Въ пятнадцати верстахъ отъ Нижняго, между нынѣшними селами Копосовомъ и Большимъ Козиномъ, трупы остановились; остановился и конь князя.

Тутъ огни, вспыхнувъ ярче, погасли, а трупы пошли ко дну.

„Женоубійца, сыноубійца—раздался невѣдомый голосъ—и твой часъ близокъ, и твое тѣло неотпѣтое потонетъ на этомъ-же мѣстѣ. И тебѣ не дадутъ покаяться въ грѣхахъ твоихъ, снимутъ съ тебя буйную голову съ безчестіемъ и поруганіемъ“.

Затѣмъ раздался страшный вой, визгъ, скрежетъ зубовъ, хохоть, среди котораго слышалось тихое пѣніе „Со святыми упокой“. Поднялась буря; заходили по Волгѣ сѣдые валы, гнулись и трещали деревья въ лѣсу, а иные вѣтеръ вырывалъ съ корнями. Засверкала молнія, загудѣлъ громъ. Князь упалъ безъ памяти съ коня. Холопы, которые въ страхѣ слѣдовали издали за княземъ, подняли его и привезли его домой безъ чувствъ.

Темная ночь покрыла страшное дѣло; страхъ смерти сковалъ языки холоповъ. Но исчезновеніе кумы, княгини и княжича не могло быть тайной. Въ народѣ пошли разные толки; конечно говорили втихомолку, боясь гнѣва воеводы. Толки эти дошли и до Москвы, а тамъ и до царя.

„Гдѣ твоя княгиня, гдѣ твой сынъ?“ спросилъ царь воеводу черезъ нарочно посланнаго гонца.

„Царь-государь, отвѣчалъ воевода, тоже черезъ гонца, княгиня обѣтъ на себя наложила, пошла пѣшкомъ молиться Богу по святымъ обителямъ, да и пропала безъ вѣсти. Сынъ-же, младъ человѣкъ, охотиться пошелъ на медвѣдя и сломалъ его звѣрь лютый“. Тѣмъ, казалось, дѣло и кончилось; царь будто повѣрилъ этой сказкѣ.

Князь-же, со времени убійства жены и сына, совершенно измѣнился. Разлюбилъ шумныя бесѣды, попойки и охоту. Дворъ воеводскій сталъ похожъ на монастырь: въ немъ безпрестанно толпились попы, чернецы, странники, юродивые, нищіе. То-и-дѣло пѣлись молебны да панихиды, шла трапеза для духовенства и нищей братіи и раздача милостыни. Самъ князь и днемъ и ночью

молился, то въ церкви архангела Михаила, то въ монастырѣ Воскресенскомъ, то въ домовой моленной. И постарѣлъ онъ и похудѣлъ.

Пришла зима. Въ одно воскресенье князь былъ у заутрени въ Архангельскомъ соборѣ и молился со слезами и воздыханіями, лежа распростертый на полу церкви, какъ вдругъ, съ крикомъ и шумомъ, подлетѣла къ паперти толпа всадниковъ. Всѣ, бывшіе въ церкви, не исключая и духовенства, обмерли отъ страха и хотѣли бѣжать; только князь не ворохнулся и лежалъ на полу, творя молитву. Всадники спѣшили и вошли въ церковь.

— Княже, сказалъ начальникъ всадниковъ, подойдя къ воеводѣ, посланъ есть нынѣ повелѣніемъ государя-царя и великаго князя.

Князь всталъ съ полу, взялъ булаву (знакъ своего достоинства и власти), которая стояла около него у стѣны церковной, и бросилъ ее на полъ, говоря:

— Несу вины моя и голову къ ногамъ государя-царя и великаго князя, а душу мою предаю въ руки Божіи.

Смиреніе и покорность воеводы, однако, не спасли его: „измѣнникъ и преступающій заповѣди Господни“ воевода былъ, какъ говорить преданіе, обезглавленъ.

Описаніе города. Весь городъ по своему географическому положенію можно раздѣлить на три части: 1) Верхній Базаръ (или, вѣрнѣе, „посадъ“), составляющій въ администр. отношеніи 1 и 2 часть. 2) Нижній Базаръ—Рождественская часть и 3) заокская часть, которая хотя официально называется Макарьевскою частью, но сохранила и до настоящаго времени свое прежнее названіе „Кунавино“. Верхній Базаръ, самая большая и лучшая часть города, занимая уголъ, образуемый теченіемъ Волги и Оки, расположенъ на возвышенной мѣстности, которая служитъ продолженіемъ историческихъ

Дятловыхъ горъ. Описаніе Верхняго Базара слѣдуетъ начать съ кремля, гдѣ сосредоточены, кромѣ описанныхъ выше святынь, главныя присутственныя мѣста: губернское правленіе, казенная палата, казначейство, губернское присутствіе и др., а затѣмъ, губернаторскій дворецъ, окруженный садомъ, который спускается внизъ по горѣ, гауптвахта, интендантскіе склады, военный госпиталь, зданіе военного собранія, губернская типо-литографія, пожарное депо, манежъ и др. Изъ учебныхъ заведеній въ крѣпости находится одинъ только Аракчеевскій кадетскій корпусъ.

Изъ крѣпости на Благовѣщенскую, главную площадь города ведутъ: 1) губернаторскій проѣздъ (или ворота), 2) проходъ, рядомъ съ Дмитріевскими воротами, съ асфальтовой дорогой, проложенной къ собору, 3) Дмитріевскія ворота и 4) проѣздъ, сдѣланный въ 1894 г. противъ стараго театра (ранѣе тутъ былъ проходъ), рядомъ Тверской башней.

На Благовѣщенской площади, кромѣ святынь, о которыхъ мы сказали выше, находятся: семинарія, гимназія, почта и дума.

Благовѣщенская площадь выходитъ одной стороною къ знаменитому „Откосу“, откуда открывается чудный видъ на Волгу и Заволжье, то именно Заволжье—семеновскій уѣздъ, гдѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ кипѣла своеобразная жизнь „раскольниковскаго гнѣзда“ съ его безчисленными скитами, что послужило извѣстному писателю П. И. Мельникову-Печерскому темой для его популярнаго разсказа „Въ Лѣсахъ“. Теперь въ этомъ гнѣздѣ иная жизнь, хотя остались тѣ же люди.... Самый городъ Семеновъ тѣмъ и замѣчателенъ, по выраженію татаръ, что „хорошъ горыдъ Сыменовъ, только дѣньга мягка“....

На описываемой площади недавно разбитъ небольшой скверъ, прилегающій къ крѣпостному бульвару, а затѣмъ разбиты также скверы вокругъ 2-хъ церквей. Съ Благовѣщенской площади идутъ радіусами слѣдующія улицы: Верхняя Волжская Набережная, Жуковская, Большая Печерка (эта у. не выходитъ на Благовѣщенскую

Губернаторскій дворець въ кремль.

площадь), Тихоновская, Варварская, Алексѣевская и Покровская.

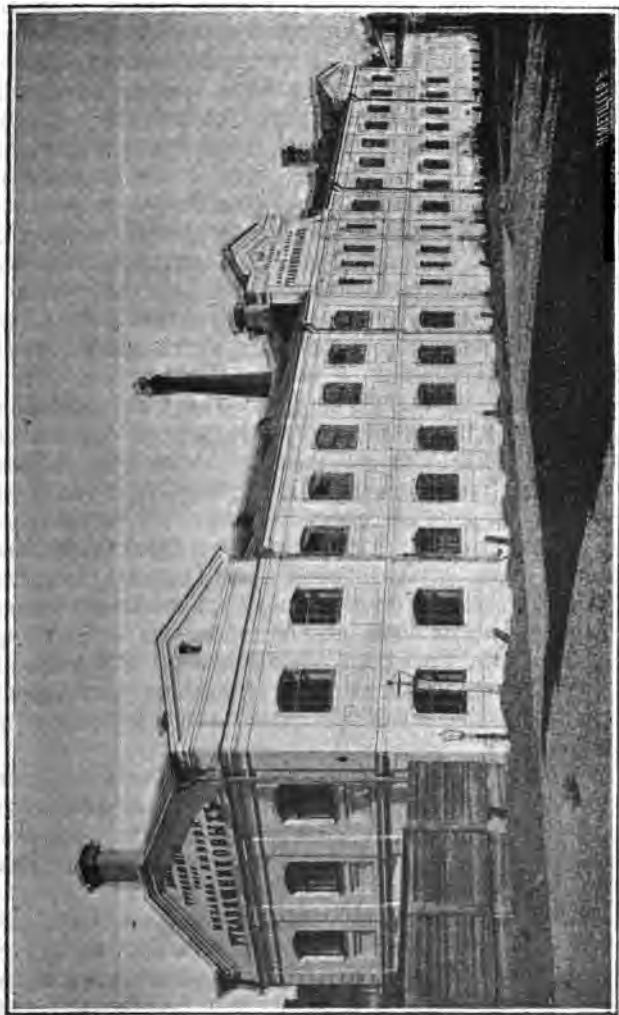
В. Набережная начинается отъ кремлевской Георгіевской башни, идетъ вдоль откоса на протяженіи около 1 1/2 в.; только глубокий оврагъ и крошечная слободка отдѣляютъ эту улицу отъ Печерскаго монастыря. На В. Набережной обращаютъ на себя вниманіе: грандіозный домъ Рукавишникова, Александровскій паркъ, спускающійся террасами къ Волгѣ *), и женскій институтъ, окруженный обширнымъ садомъ. Недавно почти вдоль всей Набережной сдѣланъ широкій асфальтовый тротуаръ съ чугунными перилами.

Большая Печерка идетъ параллельно Набережной и Жуковской, но начинается не съ Благовѣщенской площади, а нѣсколько далѣе, отъ площади, занимаемой архіерейскимъ домомъ, садомъ и т. д., а оканчивается у „казанской заставы“, которой теперь не существуетъ, при чемъ еще ближе подходитъ къ Печерскому монастырю, чѣмъ Набережная. Б. Печерка—прямая, широкая и опрятная. улица, гдѣ на каждомъ шагѣ попадаются такіе-же опрятные дома, нерѣдко изящные и красивые. Лѣтомъ эта улица вся тонетъ въ зелени садовъ. Вообще Б. Печерка можетъ назваться въ этомъ смыслѣ лучшей улицей верхней части города.

Въ началѣ Печерки стоитъ ремесленное училище, имени извѣстнаго механика-самоучки Кулибина, открытое 19 марта 1872 года.

Б. Покровка—главная городская улица, соответствующая Невскому въ Пб—гѣ. Тутъ сосредоточены: дворянскій банкъ, конторы, лучшіе магазины и мастерскія. Громадный домъ реального училища, новый театръ, зданіе окружнаго суда обращаютъ на себя вниманіе. Немного выше реального училища и до настоящаго времени стоитъ въ прежнемъ видѣ 2-хъ-этажный въ 3 окна домикъ, принадлежащій теперь Ермолаеву. Въ этомъ

*) Этотъ паркъ встарину былъ извѣстенъ подъ именемъ „англійскаго сада“. Художественная и, такъ сказать, поэтическая прелесть парка много проигрываетъ отъ сосѣдства больницы.

Домъ трудолюбія имени М. и Л. Рунавишниковыхъ.

домикъ долгое время жилъ извѣстный писатель П. И. Мельниковъ, умеръ на Петропавловской у., д. Потаповой. Большая Покровка выходитъ въ поле черезъ Ново-Базарную или, по старому, Арестантскую площадь, названную такимъ неблагозвучнымъ именемъ потому, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ тутъ были арестантскія роты, на мѣстѣ которыхъ теперь стоитъ 2-й тюр. корпусъ. При выходѣ на Арест. площадь, на лѣвой рукѣ начинается Звѣздинъ прудъ, въ послѣдніе годы почти совсѣмъ засыпанный. На Звѣздиномъ прудѣ, въ Студеной у. стоитъ городское училище имени извѣстнаго дѣятеля и писателя Нижегородскаго Поволжья А. С. Гапискаго, который жилъ и умеръ въ этомъ домѣ.

Съ Большой Покровки можно проѣхать на *Ильинку* чрезъ Лыкову дамбу (встарину на мѣстѣ дамбы стояла мостъ чрезъ р. Почайну) и Малую Покровку.

Ильинка — чисто купеческая улица, по внѣшности не представляетъ ничего особеннаго, много есть каменныхъ зданій, не отличающихся ни художественностью, ни вкусомъ. Продолженіемъ Ильинской у. служить Б. Ямская у., которая выходитъ къ женскому монастырю. Далѣе, по направленію къ Окѣ, идутъ незначительныя улицы. На горѣ, спускающейся уступами къ Окѣ, есть мѣстность, извѣстная подъ именемъ „Гребешка“; отсюда открывается чудный видъ на Оку, заокскую часть и верховье Волги. На Гребешкѣ обращаетъ на себя вниманіе домъ, принадлежащій извѣстному Поволжью Башкирову; этотъ домъ предназначался когда-то для генераль-губернатора.

Около недавно разрушенной Муравьевской башни скромно ютится бѣлый небольшой, 2-хъ-этажный домикъ, гдѣ жилъ и умеръ И. А. Жуковъ, основатель первой нижегородской газеты „Биржевой Листокъ“ (теперь „Волгарь“, редактируемый его сыномъ, С. И.).

Затѣмъ, ниже, по направленію къ устью Оки, также на горѣ, спускающейся террасами къ Окѣ, раскинутъ садъ, который и до настоящаго времени сохранилъ названіе „Смирновскаго“, хотя онъ и принадлежит директору финл. пар. фонъ-Гартману. Въ этомъ саду от-

крыты рестораны „Восточный Базаръ“ и №-а; изъ сада открывается очень живописный и оживленный видъ. Рядомъ съ рестораномъ находится элеваторъ; отсюда идетъ электрическая желѣзная дорога по Малой и Большой Покровкѣ въ крѣпость, гдѣ конечной станціей-служить кремлевскій элеваторъ. Далѣе, по тому-же направленію верхней части города, ближе къ устью Оки, рядомъ съ Успенской ц., на полугорѣ разбитъ общественный садикъ, который спускается не на самый берегъ Оки, а къ Блиновскому пассажи, что стоитъ на Рождественской улицѣ, на Нижнемъ Базарѣ. Этотъ садикъ вмѣстѣ съ Мининскимъ садикомъ, разбитымъ въ кремлѣ, могутъ служить „тихимъ убѣжищемъ“, гдѣ можно отдохнуть и полюбоваться живописными видами. Къ послѣднимъ нужно присоединить и липовую аллею, окружающую кремль и идущую съ откоса отъ Георгіевской башни; эта аллея тянется на протяженіи версты и оканчивается у Сѣверной башни спускомъ къ Ивановскимъ воротамъ. Вообще, къ слову сказать, на Волгѣ едва-ли есть другой городъ, который могъ бы конкурировать съ Нижнимъ-Новгородомъ по обилію зелени. Лѣтомъ городъ представляется положительно утопающимъ въ зелени, хотя въ тоже время Нижний-Новгородъ положительно страдаетъ отсутствіемъ общественныхъ садовъ; загородныхъ садовъ совсѣмъ нѣтъ.

Нижняя часть города, извѣстная подъ однимъ общимъ именемъ—„Нижняго Базара“, состоитъ главнымъ образомъ изъ улицы Нижней Волжской Набережной и Рождественской. Волжская Набережная, начинаясь у плашкоутнаго моста, идетъ по берегу рр. Оки и Волги и оканчивается близъ Курбатовскихъ фабрикъ.

На Нижней Набережной расположены всѣ пароходныя пристани; очень немногія изъ нихъ (пристанитѣхъ пароходовъ, которые совершаютъ рейсы по Окѣ) находятся на Окѣ,—правый берегъ. Улица, идущая вдоль этого берега, называется Набережной р. Оки. Эта улица служитъ какъ-бы продолженіемъ Нижней Волжской Набережной и, начинаясь у плашкоутнаго моста, идетъ вдоль р. Оки.

Рождественская улица, по которой проходит электр. ж. д., начинается близъ Ивановской крѣпостной башни (въ которой хранятся дѣла и библіотека ученой архив. комиссіи), гдѣ оканчивается такъ называемый Ивановскій съѣздъ, идетъ параллельно Волжской Набережной и оканчивается также у плашкоутнаго моста, на площади, извѣстной подъ именемъ Гремячей.

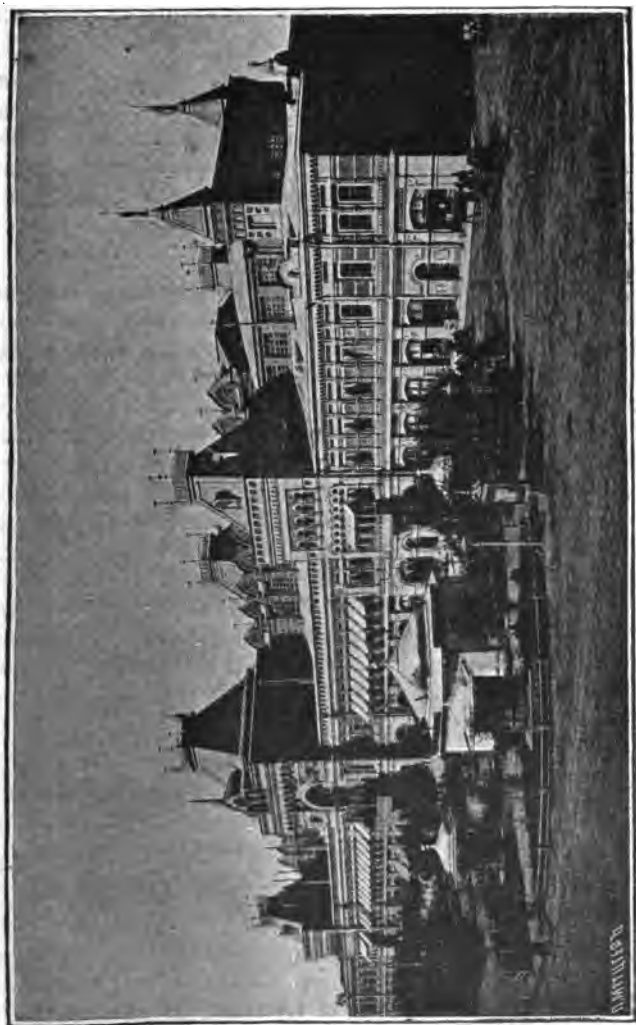
На Рождественской улицѣ сосредоточены почти всѣ функціи торговаго міра: главные магазины, склады, банки, банкирскія конторы, лучшія гостиницы, разные конторы страховыхъ и пароходныхъ обществъ и пр. Пассажъ въ домѣ Блинова—громаднѣйшее зданіе; тутъ, между прочимъ, помѣщаются, кромѣ всевозможныхъ магазиновъ,—центральная почтово-телеграфная ст., биржа и биржевая гостиница. Противъ пассажа разбитъ садикъ, съ большимъ фонтаномъ посрединѣ; мѣстность, занимаемая садикомъ, называется Софроновскою площадью. На этой площади сооружается зданіе биржи.

Нижняя часть города соединяется съ верхней пятью „съѣздами“: *Казанскій*—идетъ отъ сѣнной площади, *Георіевскій*—отъ Благовѣщенской площади, *Ивановскій*—изъ крѣпости, *Зеленскій*—отъ Благовѣщенской площади (отъ зданія театра), *Успенскій*—съ Ильинки и *Похвальныйскій*—съ М. Покровки.

Заокская часть, или, просто, *Кунавино* (заокская часть, наз. Макарьевской), имѣетъ видъ большого уѣзднаго города со множествомъ фабрикъ и заводовъ, между которыми обращаетъ на себя вниманіе громадное пятиэтажное зданіе паровой мельницы Башкирова.

Въ Кунавинѣ вокзалъ московско-нижегородской желѣзной дороги, не болѣе версты отъ окской перевозной пристани.

Громадную площадь (721 дес. 725 кв. саж. въ окружности), граничащую Кунавинымъ и лугами д. Гордѣвки, поселеніями сормовскаго завода и, наконецъ, угломъ, образуемымъ берегами рр. Волги и Оки, занимаетъ знаменитая макарьевская *ярмарка*, переведенная въ Нижний-Новгородъ въ 1817 г. Тутъ главнымъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе главный домъ, построенный

Главный армарочный домъ.

въ 1890 г., по плану архитектора Треймана. На ярмаркѣ закипаетъ жизнь въ концѣ мая или въ началѣ іюня, по спадѣ водъ, когда начинаются приготовленія къ ярмаркѣ, и совершенно затихаетъ съ закрытіемъ навигаціи.

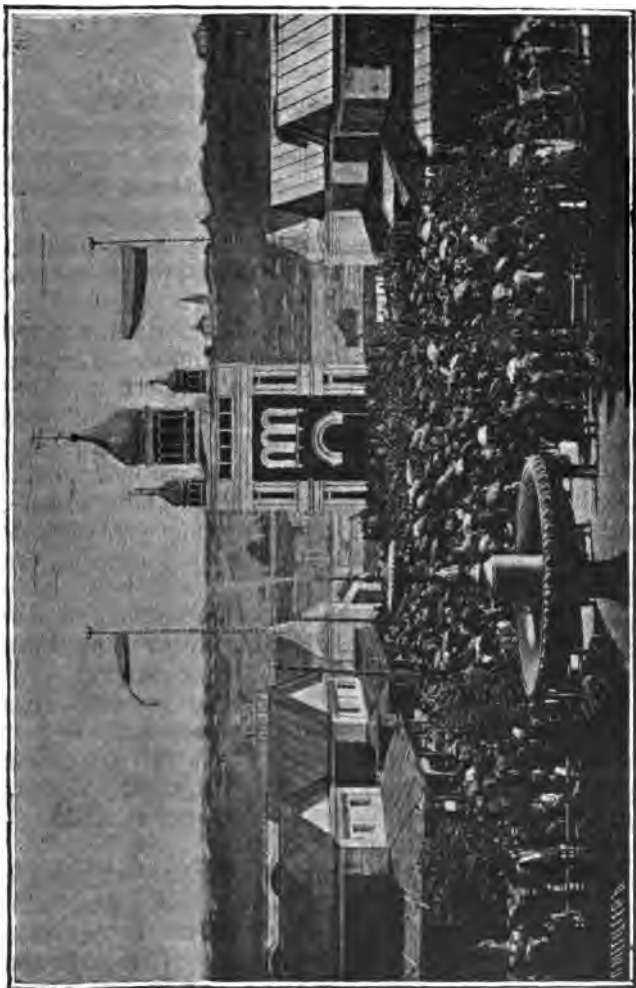
Сибирская пристань, занимающая побережье Волги, именно то побережье, которое начинается отъ угла, образуемаго правымъ берегомъ Волги и лѣвымъ берегомъ Оки („Стрѣлка“), и тянется вверхъ версты на двѣ съ половиной почти до сормовскаго завода, который какъ съ вокзаломъ московской ж. д., такъ и съ Сибирской пристанью соединенъ желѣзной дорогой.

Необходимо замѣтить, что въ Ниж.-Новгородѣ при наступленіи навигаціи съ пароходными конторками происходитъ не совсѣмъ обычная метаморфоза. Каждое пароходное общество и частные владѣтели (за малымъ исключеніемъ) имѣютъ по 2 пароходныхъ конторки; съ открытіемъ навигаціи одна конторка ставится на обыкновенномъ мѣстѣ — въ городѣ, на берегу р. Волги, тутъ она стоитъ и все время навигаціи, а другая — на лѣвомъ берегу р. Оки, версты $1\frac{1}{2}$ выше устья; тутъ пароходы, принявъ пассажировъ, слѣдующихъ съ вокзала ж. д., направляются каждый къ своей городской конторкѣ. Окскія конторки волжскихъ пароходовъ, по спадѣ водъ, переводятся на Сибирскую пристань (эту пристань, какъ и большую часть ярмарки, во время весенняго разлива затопляетъ водой), гдѣ онѣ стоятъ уже тутъ до закрытія навигаціи.

Въ настоящее время пароходы финляндскаго общества совершаютъ рейсы отъ т. наз. флачной часовни (на ярмаркѣ, на лѣв. б. Оки, $\frac{1}{4}$ ч. ѣзды отъ вокзала) и до Курбатовской фабрики, у Георгіевскаго сѣзда.

На этой линіи пароходство имѣетъ 5 пристаней: 2 на ярмарочной сторонѣ и 3 на городской.

Плашкоутный мостъ, которымъ соединенъ городъ съ Кунавинымъ (а слѣдов., съ ярмаркой и Сибирской пристанью), наводится, когда р. Ока окончательно войдетъ въ свои берега, т. е. въ концѣ мая или въ началѣ іюня,

Манарьевская часовня.

и разбирается при наступлении заморозковъ. Въ другое время навигаціи, т. е. весной и поздней осенью, переправа чрезъ Оку производится пароходами и лодками.

Лѣвая, луговая сторона Волги начиная, отъ с. Боръ, расположеннаго противъ Нижняго-Н., представляется покрытой лѣсомъ (преимущественно сосна), теперь замѣтно порѣдѣлымъ. Правый берегъ начинается живописной мѣстностью, гдѣ на уступахъ, представляющихъ собой какъ-бы продолженіе „Дятловыхъ“ горъ, раскинулись Печерскій монастырь, окруженный густой зеленью, и слобода Печеры. Въ слободѣ Печерахъ производится постройка баржей. Верстахъ въ 4 отъ Нижняго-Н. и версты 3 отъ Печеръ, на правой-же сторонѣ, стоитъ с. *Подновье*, которое славится соленьемъ огурцовъ, яблокъ и т. п.

Далѣе правый берегъ Волги до Лыскова не представляетъ ничего ни интереснаго, ни привлекательнаго: безлѣсный, кое-гдѣ встрѣчаются небольшія рощи и перелѣски; села и деревни попадаются рѣдко, помѣщичьихъ усадебъ или дачъ на этомъ пространствѣ почти совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ дачъ извѣстныхъ нижегородцевъ Башкирова и Курбатова.

Верстахъ въ 20 отъ Нижняго-Н., на правомъ берегу Волги, стоитъ с. *Безводное*, замѣчательное производствомъ якорныхъ цѣпей, морскихъ рыболовныхъ удъ и рыболовныхъ сѣтей. Изъ с. Безводнаго не мало можно встрѣтить на Волгѣ и ея притокахъ лоцмановъ, рулевыхъ и даже помощниковъ капитановъ (исключительно на буксирныхъ пароходахъ). Въ с. Безводномъ останавливаются такъ называемые „коммерческіе“ пароходы.

Работки, село, на пр. б. Волги.

Въ Работкахъ существуетъ церковь во имя Нерукотвореннаго образа Спаса, построенная генераломъ Шубинымъ, съ именемъ котораго связана печальная исторія изъ жизни конца 1-й пол. XVIII в. Шубинъ, лишенный языка, былъ сосланъ въ Сибирь, по возвращеніи откуда, ему былъ присланъ Императрицей Ели-

заветой Петровной образъ Нерукотвореннаго Спаса, который хранится въ церкви, и пожаловано имѣніе Работки и др.

Работки съ своими окрестностями служатъ въ послѣднее время излюбленнымъ мѣстомъ городскихъ дачниковъ.

Между Работками и г. Макарьевымъ, верстѣ 7 выше послѣдняго, съ лѣвой стороны въ Волгу впадаетъ р. Керженецъ, съ именемъ которой тѣсно связана исторія раскола въ нижегородской губерніи; она служила пунктомъ, гдѣ были сосредоточены знаменитые раскольническіе скиты.

„Каждая пядень земли имѣетъ здѣсь свое преданіе, каждая лѣсная пустынь въ вѣковѣчной тишинѣ своей хранитъ цѣлый міръ стародавнихъ быльи и преданій!... Атаманъ Ганька зарылъ добра въ Комаровѣ съ семи паръ лошадей; атаманъ Шмель оставилъ несметныя сокровища на озерѣ Телки; атаманъ Ушце на Фирсовой рамени стоялъ крѣпкимъ станомъ, построилъ чуть не каменные палаты, княжескія службы и дворы. Шлился у него паруса, строились лодки, ковались мечи и копыя. Тутъ что ни холмъ—то глады, что ни озеро—то потопленное сокровище, что лѣсъ—то невидимый притонъ „проклятыхъ душъ“. Жили по лѣсамъ керженскіе и другіе люди. Мастерство у нихъ было свое особенное. Вилась здѣсь своя звонкая монета, свои ассигнаціи печатались по глухимъ тайникамъ, посередѣ болотъ нескладныхъ, стояли келіи малыя, а въ тѣхъ кельяхъ „писакѣ“ жили. Работали они образа въ народъ, до-никоновскаго времени писали раскольничьи книги, расходившіяся отсюда по Великой и Малой и Бѣлой Руси, заходившія и въ бѣломорскія села и на рѣку Печору далекую, уходившія и въ предѣлы иркутскіе, вплоть до Камчатки, и въ горы Кавказскія, вплоть до Туречины невѣрной, гдѣ кончается русская земля и начинается широкое и невозбранное царство великой людской неправды. Когда казанская татарва разорила макарьевскую обитель, шелъ лѣвымъ берегомъ Керженца преподобный Макарій, оставившій по себѣ такую память, что и до сихъ поръ множество урочищъ здѣсь называютъ его именемъ.... Шелъ по непроходимымъ лѣсамъ, добрами сорными и гущами, часто недоступными и звѣрю дикому. Не хватило ему запасовъ, наступилъ голодъ—послалъ Господь лося. Хотѣли спутать и заколотъ его, да петровъ постъ былъ. Святитель запретилъ заколотъ животное и повелѣлъ отрѣзать у него ухо. Черезъ три дня, въ самый праздникъ апостоловъ Петра и Павла, отпущенный звѣрь самъ явился, и былъ „употребленъ въ пищу“.

Старинная народная пѣсня такъ говорить о р. Керженцѣ:
 Какъ повыше было села Лыскова,
 Какъ пониже было села Юркина,
 Протекала тутъ рѣка быстрая,
 Омутистая, зовутъ Керженецъ....

Кромѣ того р. Керженецъ замѣчательна по обилію лѣса, который сплавляется ежегодно изъ макарьевскаго и семеновскаго уѣздовъ.

*
* *

На лѣвомъ бер. Волги, противъ с. Лыскова, въ 28 в. отъ Работокъ приютился г. Макарьевъ, когда-то знаменитый своей ярмаркой (переведенной въ Нижній-Новгородъ въ 1817 г.). Теперь онъ имѣетъ видъ небольшой деревушки, среди которой возвышается большое зданіе мѣстнаго училища. Когда-то извѣстный Желтоводскій монастырь, окруженный крѣпостной стѣной, давно упраздненъ и почти на половину разрушенъ. Въ 1883 г. въ этомъ монастырѣ основана женская община, обращенная недавно въ монастырь. Теперь г. Макарьевъ потерялъ всякое значеніе; даже, какъ административный центръ своего уѣзда, онъ не имѣетъ значенія, такъ какъ всѣ присутственныя мѣста переведены въ с. Лысково. Съ навигаціи 92 г. пароходныя общества перевели свои конторки изъ с. Исадъ нѣсколько выше, противъ самаго Макарьева.

Лысково, по преданію основанное на мѣстѣ древняго города Сундовита, с. на правомъ берегу Волги, противъ Макарьева, съ 6 т. жителей, прежде владѣніе князей Грузинскихъ, теперь имѣніе наслѣдниковъ графини Толстой. Лысково играло роль операціоннаго базиса во время похода Іоанна Грознаго на Казань, и теперь еще можно видѣть на Лысой горѣ, рядомъ съ Лысковомъ, валы, оставшіеся памятникомъ грознаго царя. М. П., рассказывая о разныхъ поволжскихъ причудникахъ, говорить слѣдующее:

„Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ селѣ Лысковѣ нижегородской губерніи, въ своемъ имѣніи, проживалъ князь Е. А. Грузинскій, считавшій себя своего рода филантропомъ. Онъ вообразилъ, что посланъ, чтобъ покровительствовать всѣмъ бѣднымъ и угнетеннымъ, въ силу чего онъ принималъ къ себѣ съ большимъ радушіемъ

бѣлыхъ и несчастныхъ, а также укрывалъ у себя и бѣжавшихъ крѣпостныхъ, чѣмъ-нибудь недовольныхъ отъ его сосѣдей.

Число такихъ призрѣваемыхъ у этого богатаго князя возросло до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Лысково извѣстно было на сотни верстъ, какъ „страннопріимный пріютъ“, въ которомъ принимались съ большимъ разборомъ и съ удостовѣреніемъ въ томъ, что прибѣгавшій къ помощи былъ ни воръ, ни убійца, а только просто бродяга.

Князь Грузинскій, являясь такимъ своеобразнымъ защитникомъ и покровителемъ угнетенныхъ и сирыхъ, былъ въ тоже время грозой для уѣздныхъ властей.

На земскую полицію князь наводилъ какой-то ужасъ: у него были подъ домомъ подземелья и тайнственныя въ лѣсахъ становища. Князь былъ суровъ нравомъ, и судъ его надъ бѣглыми былъ болѣе чѣмъ жестокъ иной разъ. Князь И. М. Долгорукій говоритъ про этого князя, что этотъ человѣкъ—отважный буянь, онъ вмѣшивался въ дѣла каждого, судилъ и рѣдилъ по произволу и каждому доказывалъ вину его и правость коренными русскими аргументами, т. е. кулаками, кому глазъ выбьетъ, кому бороду выдеретъ,—такова юстиція его свѣтлости. Всѣ жители губерніи не смѣютъ на него жаловаться, все запугано пышнымъ его именемъ.

Селеніе его было наполнено бѣглыми, они у него торгуютъ, водворяются и никто ихъ пошевелить не смѣетъ. Правительство мѣстное все это знаетъ, но молчитъ, а то князь по своимъ связямъ надуетъ такія тучи, отъ которыхъ никто не спасется. Когда князь, наконецъ, былъ преданъ суду за притонодержательство бѣглыхъ, то онъ воскликнулъ съ удивленіемъ:

— Какъ суду? Суду за добрыя дѣла! Да я сколько хлѣба одного ежегодно издерживаю на такихъ гостей!...

Лысково, какъ извѣстно, славилось хлѣбной торговлей; тамъ однѣхъ мельницъ насчитывалось болѣе 200. Въ Лысково хлѣбъ направлялся изъ нижегородской, симбирской и, частью, пензенской и казанской губерній. Въ настоящее время хлѣбная торговля въ с. Лысковѣ за-

мѣтно падаетъ, и причину этого паденія объясняютъ дороговизной подводъ, наложеніемъ слишкомъ высокихъ цѣнъ на амбары, служащіе складами для хлѣба, и, наконецъ, открытіемъ винокуренныхъ заводовъ, отвлекающихъ массу хлѣба, и открытіемъ новыхъ путей (какъ напр., Сура).

С. Лысково имѣетъ видъ большого уѣзднаго города. Тамъ, кромѣ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, конторъ и т. п., есть магазины, гостиницы и т. п., нѣсколько заводовъ—винокуренные и пивоваренные.

Въ половодье буксирные пароходы подходятъ къ самому Лыскову, а конторки легкихъ пароходовъ стоятъ въ с. Исадахъ; послѣ спада водъ онѣ переводятся на прав. б. Волги противъ Макарева.

Исады, на правомъ берегу Волги, село, раскинутое на уступахъ Фаддеевыхъ горъ; мѣстность очень живописная; тутъ еще недавно сосредоточивались всѣ пароходныя пристани.

Бармино, село, на прав. б. Волги; тутъ останавливаются только пароходы Самолетской компаніи и Кашина; предметъ вывоза—яблоки.

Недалеко отъ Бармина, на лѣв. бер. Волги находится с. *Каменка*, замѣчательное какъ лѣсная пристань. Въ сельской церкви есть колоколъ, о которомъ существуютъ разные преданія; такъ напр., рассказываютъ, что какой-то разбойникъ, обратившійся на путь истинный, привезъ этотъ колоколъ въ монастырь, теперь не существующій; затѣмъ, когда монастырь былъ упраздненъ, колоколъ перевезли въ Каменку. На колоколѣ сохранилась слѣдующая надпись: „ave Maria Dei stella mater alma atque semper virgo felix celi porta.“ Подъ надписью стоитъ число „1003“.

Бармино, а затѣмъ далѣе Фокино и Василь-С. можно считать по обилію яблонныхъ садовъ яблочнымъ царствомъ. Эта же самая мѣстность встарину особенно славилась „разбойными“ подвигами.

*
* *

Василь-Сурскъ, при слияніи Суры съ Волгою, на правомъ берегу, уѣздн. городъ, съ 3 т. жит.; улицы его расположены по террасамъ горы. Въ Василь-Сурскѣ сохранился историческій путь—большой казанскій трактъ, представляющій собой березовыя аллеи, которыя тянутся на нѣсколько десятковъ верстъ. Вообще этотъ крошечный городъ, утопающій въ зелени, раскинулся среди живописной мѣстности, которая, впрочемъ, имѣетъ много предательскаго. Дѣло въ томъ, что террасы горъ, на которыхъ ютится городъ, изобилуетъ ключами, и, наконецъ, самое качество почвы таково, что верхній слой земли сползаетъ внизъ, вмѣстѣ съ живущими на ней. Другая бѣда подходитъ къ этому злополучному городу со стороны Волги и Суры, которыя во время разлива подходятъ къ самому городу; городской берегъ съ каждымъ годомъ обрывается, и теперь не существуетъ цѣлыхъ улицъ, на мѣстѣ которыхъ образовались русла Воложки и Суры.

Основаніе Василя относится къ 1523 г., при в. кн. московскомъ Василии Іоанновичѣ; основатель города—князь Андрей Горбатый, начальникъ конницы, посланной в. княземъ противъ Казани.

Устье Суры въ разстояніи отъ Василь-Сурска не болѣе версты. Сура впадаетъ собственно не въ Волгу, а въ Воложку, которая, начинаясь версты три выше В.-Сурска, впадаетъ въ Волгу у самаго города, образуя дугу съ правой стороны.

Сура также служила ареной, гдѣ совершала свои подвиги волжская вольница; устье Суры было настоящимъ разбойничьимъ гнѣздомъ, о которомъ сложилась слѣдующая пѣсня:

Разыгралась, разбушевалась Сура-рѣка;
Она устьищемъ пала въ Волгу-матушку.
На устьицѣ выросъ часть ракивовъ кустъ,
У кустика лежитъ бѣль-горючъ камень,
А у камешка сидятъ все разбойнички.... *)

*) „Историч. знач. русск. разб. пѣсня“. Аристовъ, стр. 101.

Сура капризная, какъ всѣ извилистыя рѣки, на каждомъ шагу перемѣняетъ свое направленіе; рѣка завалена карчами, которыя и служатъ главнымъ препятствіемъ къ развитію судоходства.

Сурская вода отличается своимъ голубоватымъ, отливомъ на волжской водѣ, что рѣзко бросается въ глаза въ тихую погоду; конечно, это явленіе можно наблюдать только у самого устья Суры.

Вправо отъ Василь-Сурска, на горѣ начинается лѣсъ и идетъ на большое пространство вдоль праваго берега Суры; тутъ-же у самого города и теперь сохранилась корабельная роща, насаженная, по преданію, Петромъ Великимъ.

Если кто желаетъ убѣдиться, что существуетъ „пятая стихія“, можетъ посмотрѣть въ г. Василь-Сурскѣ: а) на пароходныя конторки (за исключеніе Меркурьевской) и в) на дорогу, ведущую отъ конторокъ въ городъ. Говорятъ, что лучшія стерляди въ Россіи—сурскія.

*
* *

Верстахъ въ четырехъ отъ Василь-Сурска, на правомъ берегу Суры, среди живописной мѣстности стоитъ мужской Черемисскій монастырь (казанской губ.). Желаящіе проѣхать туда берутъ лошадей въ городѣ и ѣдутъ сухимъ путемъ до самого монастыря; очаровательная мѣстность, среди которой лежитъ путь къ монастырю, дѣлаетъ этотъ путь незамѣтнымъ.

—»«—

Начиная отъ Василь-Сурска, правый и лѣвый берега Волги, покрытые лѣсомъ и перелѣсками, деревнями и хуторами, скрывающимися въ зелени, представляютъ очень живописный видъ.

Верстахъ въ 25. отъ Василь-Сурска, на лѣвомъ берегу Волги, стоитъ с. Юрино, имѣніе В. П. Шереметева. Тамъ останавливаются только пароходы Кашина. Усадьба Шереметева представляется грандіознымъ дворцомъ съ башнями, балконами и т. п. Трудно опредѣлить, какая тутъ архитектура первенствуетъ, но, кажется, мы

не ошибемся, если скажемъ, что при близкомъ знакомствѣ съ внѣшностью этого зданія можно замѣтить всевозможныя школы.

Во всякомъ случаѣ, въ общемъ усадьба представляетъ величественный и красивый видъ съ большимъ сосновымъ паркомъ, окружающимъ ее. Въ домѣ сохранился прекрасно исполненный портретъ М. Д. Скобелева (братъ жены владѣльца).

Верстъ пять ниже с. Юрина съ лѣвой стороны въ Волгу впадаетъ Ветлуга. Протекая въ „лѣсномъ парствѣ“, она имѣетъ громадное значеніе, какъ сплавная рѣка. Ветлуга, между прочимъ, служитъ въ своемъ нижнемъ теченіи границей казанской и нижегородской губерній.

По Ветлугѣ, какъ мы сказали выше, отъ с. Воскресенскаго макарьевскаго у. до г. Козмодемьянска ходятъ маленькіе пароходы только до спада воды.

Не доѣзжая до Козмодемьянска 4 версты, при впадении въ Волгу р. М. Юнги стоитъ самая древняя въ козмодемьянскомъ уѣздѣ церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго образа. Церковь осталась единственнымъ памятникомъ монастыря, основаннаго на этомъ мѣстѣ въ 1627 г. Судя по нѣкоторымъ источникамъ въ этомъ монастырѣ нѣкоторое время жилъ Никонъ, впослѣдствіи Патріархъ.

Казанская губернія.

Козмодемьянскъ, направ. 6. Волги, съ 9000 жит., уѣздный городъ.

Основаніе Козмодемьянска относится къ 1582—84 гг., т. е. къ царствованію Іоанна Грознаго; это былъ вообще одинъ изъ русскихъ поволжскихъ охранныхъ пунктовъ и, въ частности, русскій оплотъ въ странѣ черемись.

Сохранилось преданіе, что одинъ черемись по имени Акпарсъ былъ особенно преданъ русскому царю Іоанну Грозному; Акпарсъ даже провелъ русское войско, когда оно шло къ Казани. Іоаннъ Грозный, бывши въ гостяхъ у Акпарса, подарилъ ему серебряный ковшикъ, который и теперь хранится въ церкви с. Еласы.

Козмодемьянскъ въ полномъ смыслѣ слова можетъ назваться лѣсной биржей, снабжающей лѣсомъ низовья Волги. Тутъ даже сохранились дубовые лѣса (казенные) и составляютъ очень цѣнную статью дохода; насажденіе лѣсовъ въ этомъ краѣ началось съ Петра В., въ то время онъ умѣлъ хранить государство отъ лѣсного хищенія. Большая часть лѣса идетъ съ Ветлуги. Когда наступаетъ время сплава лѣса, берегъ, гдѣ стоитъ Козмодемьянскъ, на протяженіи 4—5 верстъ представляется установленнымъ плотами, готовыми тронуться въ путь. Этотъ періодъ времени совпадаетъ съ лѣсной ярмаркой, продолжающейся съ 5 до 18 іюня.

На Козмодемьянской пристани продаются палки, производство мѣстныхъ кустарей, получившія широкую извѣстность.

У с. Ильинокъ, ниже Козмодемьянска, на террасѣ высокой горы поставленъ каменный обелискъ въ память посѣщенія этого мѣста покойнымъ наслѣдникомъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

* * *

Чебоксары, уѣздн. г., на прав. б. В., съ 5 т. жит. Чебоксары считаются *чувашской столицей*, хотя сами чуваша мало того что не занимаютъ въ городѣ какого-либо почетнаго или привилегированнаго положенія, но ихъ тамъ совсѣмъ не замѣтно, за исключеніемъ базарныхъ дней. Годъ основанія Чебоксаръ (городъ будто-бы получилъ названіе отъ какого-то чувашскаго князя Чебака-Сара), или, вѣрнѣе, превращеніе прежней деревни въ городъ, совпадаетъ съ годомъ взятія Казани (собственно въ городъ Ч. былъ переименованъ въ 1854 г.). Го-

родъ обращаетъ на себя вниманіе обиліемъ церквей (числомъ 14); нѣкоторыя изъ нихъ грозятъ разрушеніемъ. Колокольная церковь Михаила Архангела своимъ наклоннымъ положеніемъ напоминаетъ башню въ Пизѣ. Въ троицкомъ монастырѣ, находящемся въ городѣ и основанномъ, по преданію, въ царствованіе Іоанна Грознаго, находится образъ Николая Чудотворца, особенно почитаемый мѣстными народностями. Клятва предъ этимъ образомъ нерѣдко разрѣшаетъ споры и гражданскіе процессы.

Верстахъ въ 10 отъ „столицы чувашъ“, близъ большой дороги, находится мѣсто, гдѣ нѣкоторые изъ чувашъ совершаютъ и до настоящаго времени языческія жертвоприношенія, которыя обыкновенно заключаются въ пряникахъ и водкѣ; какъ то, такъ и другое чуваша оставляютъ въ ямахъ, и, конечно, какъ тѣмъ, такъ и другимъ русскіе не брезгаютъ, мародерствуя въ мѣстахъ, гдѣ чуваша совершаютъ свои религіозные обряды. Вообще, какъ черемисы, такъ и чуваша сохранили немало языческихъ обрядовъ. Недавно еще среди этихъ народностей существовалъ обычай: чтобы сдѣлать величайшее зло человѣку (отмстить) вѣшали на воротахъ своихъ враговъ.

Извѣстно, что на Волгѣ всѣхъ татаръ, если не знаютъ собственнаго имени, зовутъ „княземъ“. Точно также, обращаясь къ чувашу, зовутъ его „Василіемъ Ивановичемъ“. Происхожденіе послѣдняго объясняютъ тѣмъ, что извѣстный архіепископъ Веніаминъ (Пуцекъ-Григоровичъ) при крещеніи чувашъ, которые принимали крещеніе массами, давалъ всѣмъ имя Василія, а восприемникомъ былъ діаконъ Иванъ. Отсюда и пошли безчисленные „Василіи Ивановичи“.

Предупреждаемъ тѣхъ, кого броситъ судьба въ эту столицу, что, при наймѣ лошадей куда-либо въ сторону отъ города, тутъ, какъ нигдѣ болѣе, происходитъ особенный видъ эксплуатаціи, жертвами которой являются исключительно ѣдущіе и извозчики-чуваша: какой-нибудь кулакъ является на конторку самъ лично или посылаетъ своего агента и заключаетъ условія съ пассажиромъ на поставку лошадей до извѣстнаго пункта; послѣдній, ничего не подозревая, соглашается и платитъ двойную цѣ-

ну, положить, 5 р., между тѣмъ, тотъ-же кулакъ напимаетъ чужаина за 3 р. Лучше всего напимать изводчика непосредственно.

*
* *

Сундырь (Маринскій посадъ), на прав. б. Волги, бывшая вотчина митрополитовъ крутицкихъ; мельница и паровой винокуренный заводъ.

Козловна, слобода, на прав. бер. Волги, замѣчательна какъ хлѣбная пристань. Козловку также называютъ *яичной пристанью*, такъ какъ она служитъ центромъ, куда свозятся изъ окружающихъ селъ и деревень яйца. Въ Козловкѣ сосредоточено нѣсколько паровыхъ заводовъ.

Въ 30 в. выше Казани, на прав. б. Волги стоитъ уѣздный городъ Свияжскъ, кромѣ того въ Свияжскѣ находится еще нѣсколько монастырей, изъ которыхъ замѣчательнъ Богородскій, гдѣ почиваютъ мощи его основателя, св. Германа, извѣстнаго просвѣтителя казанскаго края; въ этотъ монастырь, судя по нѣкоторымъ сохранившимся въ немъ рукописямъ, ссылались преступники.

Обыкновенно волжскіе пароходы тамъ не останавливаются по случаю мелководья.

Сообщеніе между Свияжскомъ и Казанью поддерживается пароходомъ, который ходитъ туда и обратно три раза въ день.

Около 7 в. отъ Свияжска находится с. Вязовья, гдѣ большая часть волжскихъ пароходовъ останавливается; сюда проходитъ казанско-рязанская желѣзная дорога; около Вязовыхъ построены временный вокзалъ ж. д. „станція Свияжскъ“. На противоположной сторонѣ Волги со ст. Зеленый Долъ идетъ продолженіе этой дороги до Казани.

КАЗАНЬ, съ 131 т. жит., на лѣвомъ б. Волги.

„Пала Казань — и вся Волга стала рѣкою
Московского Государства; завоеваніе Астра-
хани было скорымъ неминуемымъ слѣд-
ствиемъ завоеванія Казани“.

Казань—городъ на костяхъ стоитъ,
Казанка—рѣчка кровава течеть
Мелки ключики—горючи слезы,
По лугамъ—лугамъ все волосы,
По крутымъ горамъ все головы,
Молодецкія,—все стрѣлецкія....

Народная пѣсня.

Историческій очеркъ. На мѣстѣ исчезнувшаго Бол-
гарскаго царства, слѣды котораго остались и теперь въ
образѣ полуразрушенныхъ зданій (въ спасскомъ уѣздѣ,
казанской губ., близъ с. Успенскаго), возникло новое
царство—татарское, столица котораго называлась Ка-
занью, первоначально основанною на томъ мѣстѣ, гдѣ
теперь стоитъ заштатный г. казанской губ. Арскъ, т. е.
въ 45 в. отъ настоящей Казани. Существуетъ преданіе,
что старая Казань была основана не татарами, а болгар-
рами, которые разбѣжались послѣ того, какъ ихъ царство
было разрушено хлынувшими съ юго-востока полчища-
ми монголовъ.

Изъ всѣхъ легендъ *), связанныхъ съ названіями

*) Съ основаніемъ Казани связано немало легендарныхъ преда-
ній, которыя можно подраздѣлять на два отдѣла: на преданія, имѣющія
чисто русскій характеръ, и на преданія, имѣющія характеръ народности,
къ которой принадлежать аборигены Казани, т. е. татары.

разныхъ мѣстностей, занимаемыхъ теперь городомъ, болѣе вѣроятны или, вѣрнѣе, популярны тѣ, которыя относятся собственно до „Казани“ и Зелантовой горы, гдѣ теперь стоитъ Успенскій Зелантовъ монастырь.

Такъ напримѣръ, мѣстность, занимаемая Зелантовымъ монастыремъ, какъ находящаяся въ лѣсной и болотистой долинѣ р. Казанки, служила гнѣздомъ змѣй (Джелантау—змѣиная гора; „джеланъ“—по-татарски змѣй, а „тау“ гора). Преданіе говоритъ, что въ этой мѣстности жило какое-то страшное чудовище, нѣчто въ родѣ змѣя, который назывался Зелантъ, впоследствии убитый волшебниками; это преданіе и послужило поводомъ того обстоятельства, что гербъ Казанской губ. изображаетъ легендарнаго змѣя.

Древняя Казань, по-татарски—Иски-Казань, какъ мы сказали выше, первоначально была основана на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ запштат. г. Арскъ, въ 1298 г.; послѣдній расположенъ въ котловинѣ, почему, вѣроятно, и самый городъ называется „котломъ“ (казань—по-татарски котель).

Судя по такимъ компетентнымъ источникамъ, какъ „Древн. города и болгаро-татарскіе памятники“ профессора Шпилевскаго, древняя Казань была разрушена Русскими; послѣ этого событія одинъ изъ татарскихъ хановъ Улу-Махметъ основалъ новую Казань на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь стоитъ городъ. Это событіе произошло въ 1402 г. М. Пинегинъ въ статьѣ „Казань въ ея прошломъ и настоящемъ“ говоритъ, что основаніе Казани ставится въ связь съ нашествіемъ на Булгарію Тамерлана или Тимуръ-Акшака. Въ преданіи, записанномъ у Георги, какъ цитируетъ авторъ *), говорится, что старая Казань существовала, какъ столица возобновленнаго на развалинахъ Булгаріи татарскаго царства, всего только 104 года. Иски-Казань (старая или древняя Казань) находится въ 43 верстахъ отъ современной Казани. Съ основанія новой Казани до по-

*) Изъ сочиненія „Bemerkung eines Reisenden in Russischeu Reich“, 1773—74.

коренія ея Русскими въ 1552 г. прошло 158 лѣтъ. Такимъ образомъ, по вычисленіямъ, основаннымъ на этихъ данныхъ и приводимымъ г. Пинегинымъ, основаніе старой Казани должно быть отнесено къ 1290 году, а новой—къ 1394 году. Впрочемъ, авторъ не рѣшается съ положительностью утверждать, что Казань основана въ одинъ изъ этихъ годовъ; для окончательнаго рѣшенія вопроса о времени основанія описываемаго города, по словамъ автора, нѣтъ положительныхъ данныхъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ болгары-казанцы упоминаются еще подъ 1164 г. Можно предполагать, что казанцами названы болгары отъ имени рѣки, на которой они жили. Но авторъ предполагаетъ, что одно изъ селеній по этой рѣкѣ тогда уже носило названіе Казани. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой мысли является указаніе на то, что Казань существовала еще раньше нашествія на Булгарію Менгу-Тимура (нападавшего на нее въ концѣ XIII в.). Авторъ приводитъ извѣстіе, что князь можайскій и ярославскій Ѳеодоръ Ростиславовичъ Чермный, женившійся на дочери ордынскаго хана, взялъ въ приданое 36 городовъ, въ числѣ которыхъ была и Казань. Неизвѣстны только годъ этого событія и имя хана. Можно полагать, говорить авторъ, что ханомъ тогда былъ Ногай, женатый на дочери византійскаго императора Михаила Палеолога; Ногай умеръ въ 1293 году. Извѣстный ориенталистъ В. В. Григорьевъ доказываетъ, что за Ѳеодоромъ была дочь Менгу-Тимура, предшественника Ногая. И такъ, можно прийти къ заключенію, что селеніе Казань существовало уже въ концѣ XII вѣка, а его возникновеніе теряется въ древности. Разореніе Булгаръ Менгу-Тимуромъ могло лишь увеличить населеніе Казани и вызвать возведеніе укрѣпленій вокругъ незащищеннаго до сихъ поръ поселенія; только въ этомъ смыслѣ можно говорить о возникновеніи города въ концѣ XII в. Слово „казанъ“ значитъ котель. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что относительно происхожденія этого названія сдѣлано немало различныхъ догадокъ. Болѣе вѣроятно то предположеніе, что *Казань* обозначала сперва рѣку, въ которой много котловинъ или омутъ, а потомъ отъ рѣки

получило названіе и главное селеніе на ней. Старая Казань была разорена Русскими въ 1499 г. Въ этомъ году Русскіе, по выраженію лѣтописца, „взяли Булгары Великіе, градъ Жюгатинъ и градъ Казань и Кременчукъ и всю землю ихъ повоевали и много побили бесерманъ и татаръ, а землю татарскую плѣнили“.

Какъ стратегическій пунктъ, Казань имѣла очень серьезное значеніе: во-первыхъ, она замыкала входъ въ низовье Волги и въ устье Камы, а во-вторыхъ, какъ крѣпость, она могла считаться неприступной, такъ какъ была окружена водой, непроходимыми болотами и топями, а въ то-же время самая крѣпость стояла на возвышенности.

Съ года основанія новой Казани и по 1552 г. (годъ взятія Казани Іоанномъ Грознымъ), т. е., когда рухнуло царство, считавшееся сильнѣйшимъ изъ всѣхъ царствъ, основанныхъ монголами, прошло полтораста лѣтъ. Этотъ сравнительно длинный періодъ ознаменованъ упорной и тяжелой борьбой русскихъ съ татарами.

Особенной энергіей въ борьбѣ съ татарами отличался Іоаннъ III, совершившій нѣсколько походовъ противъ татаръ; тогда Русь, хотя относительно, но пользовалась спокойствіемъ, ибо этотъ князь умѣлъ показать свою силу и держать татаръ въ страхѣ, хотя ему и не удалось окончательно свергнуть татарскую зависимость.

Татары во время своихъ опустошительныхъ набѣговъ выбирали извѣстное направленіе—Нижній-Новгородъ, а иногда доходили и до Москвы. Такъ, при Василии IV Москва, оставшаяся беззащитной, была разорена Махметомъ-Гиреемъ (1521 г.), который явился сюда съ крымскими татарами, отличающимися особенной ненавистью къ русскимъ. Въ это-же время Махметъ-Гирей опладѣлъ Казанью, управлять которой оставилъ своего брата Саипа. Однако спустя два года, именно въ 1523 г., в. кн. Василій IV послалъ противъ Казани войско, но безъ успѣха; второй походъ противъ Казани былъ лѣтомъ 1524 г., подъ начальствомъ кн. Бѣльскаго, который заключилъ миръ съ казанцами, но этотъ миръ далеко не соответствовалъ русскимъ интересамъ.

Извѣстно, что послѣдній актъ вѣковой борьбы русскихъ съ татарами наступилъ 2 октября 1552 г.—2 октября былъ послѣдній приступъ русскихъ войскъ, обложившихъ Казань подъ личнымъ начальствомъ Іоанна Грознаго (это былъ третій его походъ противъ Казани), который безуспѣшно осаждалъ городъ въ продолженіе 2-хъ мѣсяцевъ (съ 13 августа). Къ приступу было все приготовлено: подведены мины съ „зельемъ“, войска были раздѣлены на отряды подъ начальствомъ кн. Воротынскаго, Шемякина, Шереметева, Троекурова, Плещеева, князей Курбскаго и Хилкова; каждый отрядъ заранѣе зналъ направление и цѣль, словомъ, кругъ своихъ дѣйствій. Чуть начала занимать заря, послышался какъ-бы отдаленный громъ; немного погодя послышался еще сильнѣйшій громъ,—то были взорваны мины, съ которыми взлетѣла на воздухъ часть городской стѣны. Іоаннъ Грозный въ это время слушалъ обѣдню. Русскія войска, бросившись на приступъ, скоро ворвались въ городъ; началась рѣдкая въ лѣтописяхъ рѣзня. Былъ моментъ, когда въ русскомъ войскѣ произошло замѣшательство, когда оно, достигнувъ пункта, гдѣ сосредоточивалась городская торговля, предалось грабежу, чѣмъ татары и воспользовались. Появленіе царя съ своимъ знаменемъ и съ подкрѣпленіемъ спасло дѣло. Татары отступали; ихъ царь Едигеръ *) заперся въ крѣпость; но когда сѣча подходила къ концу, послѣдній былъ выданъ русскимъ. Къ вечеру уже не осталось никого изъ защитниковъ; большая часть была убита, часть утонула въ р. Казанкѣ, нѣкоторые бѣжали, а часть была взята въ плѣнъ вмѣстѣ съ царемъ Едигеромъ. Нужно замѣтить, что плѣнные исключительно состояли изъ женщинъ и дѣтей, цифра которыхъ достигала до 60 т. **).

*) Едигеръ былъ присланъ изъ Астрахани; въ 1549 г. былъ провозглашенъ казанскимъ царемъ 2-хлѣтній Утимишъ-Гирей, рожденный отъ Сумбеки.

**) Последнее обстоятельство, т. е. громадная цифра оставшихся сиротъ, какъ говорить, послужило предметомъ русской поговорки, въ которой фигурируетъ „казанская сирота“.

Съ этого знаменательнаго дня, когда, по словамъ историковъ, совершилось „мировое событіе“, страшное татарское царство стерлось съ лица Европы... Исчезла „луна“ и вмѣсто нея заблесталъ крестъ.... Казань стала русскимъ городомъ, которому суждено было служить центромъ просвѣщенія и фабрично-промышленной дѣятельности Волжско-Камскаго края.

Роль важнаго историческаго событія въ дальнѣйшей политической жизни Казани и вообще мѣстнаго края играло нашествіе Пугачева. Въ 1774 г. 21 іюля городъ былъ окруженъ шайками Пугачева; защитники города послѣ отчаянныхъ схватокъ заперлись въ крѣпости. Отъ окончательной гибели городъ спасло приближеніе отряда Михельсона. Большая часть города (двѣ трети), три монастыря и пять церквей сдѣлались жертвами огня и разбойническаго разоренія. Изъ защитниковъ города энергическое сопротивленіе шайкамъ Пугачева оказалъ отрядъ гимназистовъ подъ начальствомъ директора Ф. Каница.

Среди былинъ мы встрѣчаемъ слѣдующую былинну о взятіи Казани І. Грознымъ:

Охъ, вы гости, званные,
Гости званные, не чванные,
Я-ли васъ, гостей, накликаю,
Расскажу вамъ вѣсть великую,
Быль, да правду—не неабысти—
Про погромъ Казани—крѣпости!
Ужъ какъ славный царь Васильевичъ,
Собиравъ большую силушку
Ровно тридцать лѣтъ, три мѣсяца,
А набравши, поисправился,
На Казань войной отправился...
До Казани не дохаживалъ,
Станъ во полюшкѣ налаживалъ,
Подъ Булатъ-рѣку подкапывалъ,
Онъ прорылся до Казань-рѣки.
Отслужили путь молебствіе,
Что молебствіе соборное,
О побѣдѣ помолилися,
Возгласили многолѣтіе!
Въ тѣ-ль подкопы молодецкіе
Бочки съ порохомъ закатывалъ,

Съ лютымъ, чернымъ зельемъ-порохомъ,
А на бочкахъ ставилъ свѣченку,
Ставилъ свѣчку воска яраго!
А татарочки по стѣночкѣ
Ходятъ, бродятъ, насмѣхаются:
—А не взять тебѣ великую
Крѣпость славную казанскую,
Ужъ ни во сто лѣтъ, ни въ тысячу!
Воспалелось сердце царское,
Взоры на землю потупились!
—А подать-ка мнѣ пушкарниковъ,
Пушкарей, да зажигателей!
А скажите мнѣ, пушкарники,
Расскажите, зажигатели,
Почему подкопы темные
До сихъ поръ стоятъ, не тронуты?
Аль не ладно дѣло сдѣлано,
Аль подкопы неудачливы,
Али порохъ, злое зелье,
Кладенъ былъ плохого качества?..
А ужъ я-то васъ, пушкарники,

Святыни, историческіе памятники и др. достопримѣ-
чательности города. Церкви, часовни и т. п. составляютъ
большинство историческихъ памятниковъ въ Казани; съ
ними связаны всѣ важныя историческія событія съ того
момента, когда пало татарское царство и Казань сдѣ-
лалась русскимъ городомъ, связаны, наконецъ, имена
историческихъ людей и ихъ дѣянія.

Казанскій женскій монастырь.

Монастырь расположенъ рядомъ съ кремлемъ, осно-
ванъ въ 1579 г.

Св. чудотворная икона Казанской Божіей Матери
особенно чтится не только казанцами, но вообще всѣмъ
православнымъ людомъ.

„Во смутное время междуправленія *казанская икона*
получила всероссійское значеніе. Рать, отправленная изъ
Казани на выручку Москвы, находившейся во власти
поляковъ, взяла съ собою списокъ съ чудотворной ико-

А ужъ я васъ, зажигатели,
За великія провинности
Царскимъ гнѣвомъ всѣхъ пожалую!
Привадувались пушкарники,
Да одинъ пушкарикъ выбрался:
— Не вели казнить, царь-батюшка,
Дай тебѣ словечко вымолвить!
На вѣтру свѣча затеплится,
Скоро, быстро разгорается,
А въ глухомъ мѣстечкѣ тѣтется,
Не горить, не разгорается!
Не успѣлъ онъ слово вымолвить,
Догорѣла свѣчка яркая,
Всполохнулся порохъ-зеле,
Развѣталъ стѣну казанскую,
Побросалъ въ рѣку татаршечекъ!
И повелъ Иванъ Васильевичъ
Рать-дружинушку великую
Черезъ проломъ стѣны на улицу,
На ту площадь на Казанскую...
А горитъ Казань великая,
Татарва бѣжитъ поганая,
Плачутъ нынѣ татарочки

Долю злую проклинаячи!
Выходила тутъ съ повинною
Знать великая казанская
Передъ очи, очи ясныя
Іоанна свѣтъ Васильича,
Принесила тутъ подарочки,
До земли Ивану кланялась,
Просить слезно, просить милости
Не казнить ихъ, супротивниковъ,
А подъ руку подъ великую
Взять съ дѣтми ихъ съ домочадцами,
А на мѣсто Едигерево
Къ нимъ поставить воеводушку.
Привозрадовался батюшка,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Одарилъ своихъ пушкариковъ
По полсотенки бумажниками,
А тому-ли онъ молодчику,
Молодому зажигальщику,
Далъ пятьсотъ рублей серебряныхъ
Ужъ за то-ли слово смѣлое,
За его за правду добрую!

ны Казанской Богородицы. Икона эта скоро приобрѣла особенное уваженіе среди всего русскаго войска; ея чудесной помощи приписывали спасеніе Москвы.

Послѣ изгнанія поляковъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ соорудилъ въ Москвѣ во имя чудотворной иконы Казанскій соборъ, и установилъ тамъ празднованіе въ честь этой иконы два раза въ году (8-го іюля, день ея обрѣтенія, и 22 октября, день освобожденія Москвы).

Затѣмъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда у него 21 окт. 1649 г., во время всенощной (наканунѣ праздника Каз. Богор.), родился наслѣдникъ престола Дмитрій Алексѣевичъ, празднованіе 22 окт. установлено было для *всей Россіи*. При Петрѣ В. чудотворная икона перенесена изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ впослѣдствіи сооруженъ былъ Казанскій кафедральный соборъ, въ которомъ эта икона и по настоящее время находится.

Существуетъ преданіе, что чудотворная икона была найдена послѣ большого пожара 1579 г. 10-лѣтн. дѣвужкой, видѣвшей Божию Матерь во снѣ, Матреной, которая была первой инокиней монастыря, построеннаго на томъ мѣстѣ, гдѣ была обрѣтена икона, оказавшаяся точнымъ снимкомъ съ образа, привезеннаго изъ Іерусалима въ Константинополь греческой царицей Евдокіей.

На иконахъ Казанской Божіей Матери и Спасителя надѣты руками Императрицы Екатерины II (она посѣтила Казань въ 1767 г.) золотые вѣнцы съ бриллиантовыми коронами.

Храмъ и монастырь нѣсколько разъ перестраивались, и послѣдній разъ, именно въ 1804 г., выстроены каменный храмъ, который существуетъ и теперь.

* *
*

Храмъ Благовѣщенія (теперь кафедральный соборъ) былъ основанъ Іоанномъ Грознымъ, который самъ поставилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ находится алтарь; въ этомъ храмѣ почиваютъ въ ракъ мощи св. Гурія.

Памятью посѣщенія Казани Петромъ Великимъ служить церковь свв. Петра и Павла (Петропавловскій

соборъ), построенная въ 1726 г. Михляевымъ, оказавшимъ Петру В. немалую услугу, пожертвовавъ громадную сумму денегъ и драгоценностей, въ которыхъ послѣдній очень нуждался, замышляя войну. Въ этой церкви хранится лжица, подаренная ему Императоромъ, съ надписью „Peter Magnus“.

*
*
*

Успенскій монастырь, называемый *Зелантовымъ*, былъ заложенъ Иоанномъ Грознымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены тѣла павшихъ при осадѣ Казани; черезъ 7 лѣтъ монастырь былъ переведенъ на возвышенное мѣсто, такъ какъ на мѣстѣ прежняго существованія его затопливало водой. Соборный монастырскій храмъ во имя Успенія П. Б. построенъ въ 1625 г. Образъ Смоленской Божіей Матери, хранящійся въ храмѣ, есть тотъ образъ, который І. Грозный бралъ съ собою во время своихъ походовъ. На томъ-же мѣстѣ, гдѣ прежде существовалъ Зелантовъ монастырь, теперь стоятъ памятникъ и часовня во имя Нерукотвореннаго Образа, воздвигнутые въ 1823 г.; внизу часовни находится склепъ съ гробницей, гдѣ лежатъ кости убитыхъ при осадѣ Казани; въ этой-же часовнѣ можно видѣть портретъ Иоанна Грознаго, исполненный масляными красками. Часовня находится саж. въ 150 отъ дамбы, соединяющей городъ съ Адмиралтейской слободой. Тутъ ежегодно совершается молебствіе 2 октября.

*
*
*

Спасо-Преображенскій монастырь основанъ въ 1556 г. св. Варсоноіемъ.

Свв. Гурій и Варсоноій пользуются особеннымъ почитаніемъ казанцевъ и считаются патронами города; мощи св. Варсоноія хранятся въ монастырскомъ храмѣ, а св. Гурія—въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Св. Гурій, какъ извѣстно, былъ истиннымъ поборникомъ просвѣщенія въ казанскомъ краѣ.

Въ 1555 г. въ Казани учреждена новая архіерейская кафедра, на которую былъ назначенъ св. Гурій, а

помощникомъ—пѣшиношскій игуменъ, вполѣдствіи св. Варсоноіи. Послѣ смерти Гурія (1563 г.) Спасскимъ монастыремъ управлялъ Варсоноій до назначенія на кафедру епископа въ Тверь, откуда онъ перешелъ на покой въ Спасскій монастырь. Черезъ 10 лѣтъ онъ умеръ, принявъ передъ смертью схиму, и былъ погребенъ передъ алтаремъ Спасо-Преображенскаго храма. Въ 1694 г. монастырь сгорѣлъ вмѣстѣ съ святыней—ракой, гдѣ почивали мощи св. Варсоноія; остатки мощей хранятся въ ковчегѣ.

Въ Спасскомъ монастырѣ церковь во имя Николая Чудотворца Ратнаго—самое древнее зданіе въ Казани. Ко времени постройки послѣдняго относится и постройка древней части кремлевской юго-восточной стѣны, Спасскихъ и Тайницкихъ воротъ (1558).

Соборная церковь во имя Преображенія Господня прежде была деревянной; каменная окончена въ 1601 г. Въ правомъ алтарѣ находятся самые древніе образы свв. Гурія и Варсоноія. Самый цѣнный памятникъ прошлаго Спасскаго монастыря рукописный уставъ св. Варсоноія.

Въ Казанскомъ монастырѣ рядомъ съ храмомъ Кипріяна и Устиніи, древнимъ, историческимъ храмомъ, построеннымъ въ день взятія Казани по повелѣнію царя, почитается извѣстный въ исторіи смутнаго времени казанскій митрополитъ Ефремъ, который убѣдилъ царицу-инокиню Марѳу отпустить на царство сына, на котораго возложилъ царскій вѣнецъ.

Седмѣзерная пустынь.

Одинъ разъ въ годъ, именно 26 іюня, въ Казань стекаются массы богомольцевъ поклониться образу Смоленской Божіей Матери, приносимому ежегодно изъ Седмѣзерной пустыни, находящейся въ 22 в. отъ Казани. Икона Божіей Матери, считается чудотворной и глабоко почитается вѣрующими.

Основаніе Седмюзерной пустыни (монастыря) относится къ 1615—1620 гг. Пустынь возникла среди непроходимыхъ лѣсовъ и топей, что совершенно гармонировало съ жизнью подвижника Евфимія, основателя монастыря. Этотъ пустынный оставилъ въ даръ монастырю икону Смоленской Божіей Матери, которая почитается чудотворной. Въ 1654 г. Россію постигло ужасное бѣдствіе: истинный бичъ народа—моровая язва (чума), которая коснулась своимъ вѣяніемъ приволжскаго края и Казани. Салтыковъ, бывшій въ то время воеводой казанскимъ, по просьбѣ народа, приказалъ принести икону Смоленской Божіей Матери въ Казань. Митрополитъ Лаврентій установилъ, чтобы икону, въ память избавленія города отъ гибели, приносили въ Казань ежегодно.

* * *

Крѣпость относится къ древнимъ постройкамъ города Казани, оставаясь и до настоящаго времени въ своемъ прежнемъ видѣ; только сдѣланы на стѣнахъ незначительныя исправленія слѣдовъ, происшедшихъ отъ пушечныхъ ядеръ при нашествіи Пугачева. Нѣсколько поодаль отъ главныхъ воротъ стоитъ *Спасская* башня, обращенная въ сторону Воскресенской улицы. На лицевой сторонѣ этой башни красуется образъ Спаса Нерукотвореннаго, сохранившійся невредимымъ послѣ пожаровъ, бывшихъ по сосѣдству въ 1815—42 гг. Этотъ образъ—точный снимокъ со знамени, сопровождавшаго царя при штурмѣ Казани.

На Спасской башнѣ виситъ набатный колоколъ.

До взятія Казани русскими, крѣпость была деревянная; послѣдніе остатки ея были уничтожены въ 1729 г. по приказанію казанскаго губернатора Волынскаго; деревянная крѣпость была значительно больше настоящей, каменной, начатой постройкою четыре года спустя послѣ взятія Казани.

Въ кремль обращаетъ на себя вниманіе *дворецъ*, построенный на мѣстѣ дворца татарскихъ хановъ.

Открытый 30 августа 95 г. здѣсь памятникъ Царю-

Освободителю изображаетъ на высококомъ пьедесталѣ фигуру Императора во весь ростъ. Лицо Императора обращено къ зданію городской Думы, правая рука его ла-

донью прижимаетъ область сердца; лѣвая—покоится на императорскихъ прерогативахъ—скипетръ и коронѣ. Государь одѣтъ въ генеральскій мундиръ, голова его

ничѣмъ не покрыта, на плечи накинута царская мантия. Фигура Императора имѣетъ въ вышину 4 арш. 9 верш. Пьедесталъ, служащій подножіемъ, по 4 сторонамъ своимъ заключаетъ четыре мраморныя доски съ надписями, на лицевой сторонѣ: „Александру II, Царю-Освободителю“, на противоположной и боковыхъ означены годъ, мѣсяцъ и день открытія, а также—при комъ и на какія средства сооруженъ памятникъ. Мраморныя доски опоясаны вѣнками и сверху коронами. По угламъ нижняго поста-мента расположены четыре фигуры крылатыхъ зилантовъ, или драконовъ,—казанскіе гербы. Зиланты держатъ въ зубахъ по вѣнку—это вѣнки „Славы“. Вѣнки соединяются между собой гирляндами. Фундаментъ опирается на землю двумя уступами. Весь памятникъ имѣетъ высоту до 10 аршинъ. Авторъ проекта памятника—академикъ В. О. Шервудъ.

*
* *

Недалеко около мельницы Романова, въ Адмиралтейской слободѣ, въ такъ называемомъ Галерномъ дворцѣ, находится галера „Тверь“, въ которой Екатерина II совершала путешествіе по Волгѣ, и ботикъ, въ которомъ переправлялся Императоръ Павелъ I черезъ Волгу въ 1799 г.

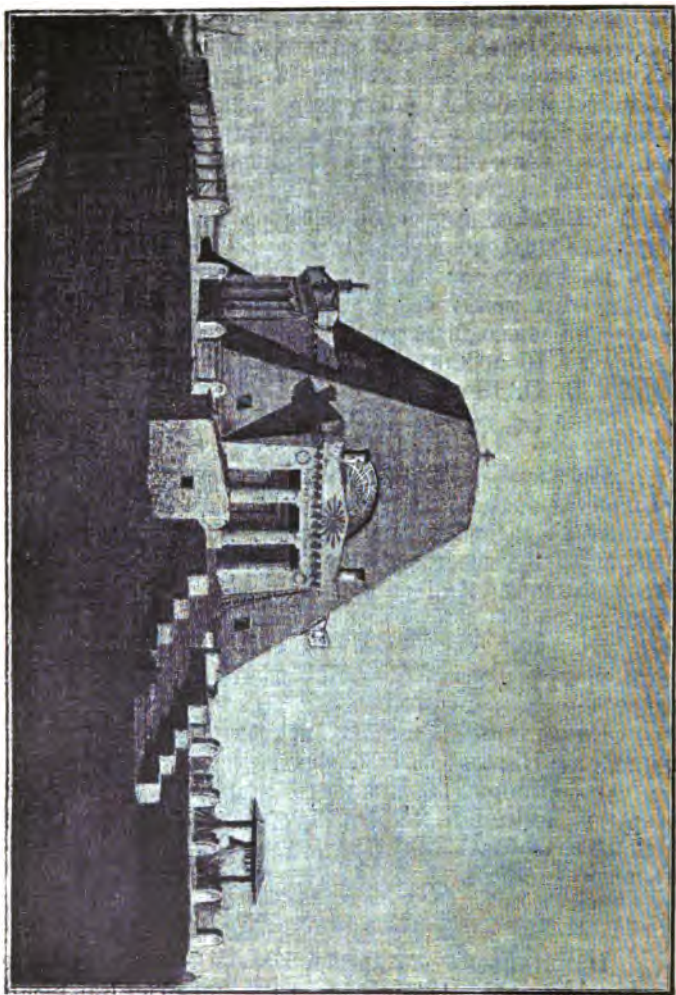
Въ домѣ, гдѣ Петръ Великій проѣздомъ 30 мая 1722 г. праздновалъ 50-лѣтіе своего рожденія, еще недавно помѣщался трактиръ.

Памятникъ Державину находится въ саду его-же имени, на Николаевской площади.

1 сентября 96 г. передъ зданіемъ университета открытъ памятникъ знаменитому казанскому гражданину Ник. Ив. Лобачевскому (род. 22 октября 1793 г. † 12 февраля 1856 г.).

*
* *

Памятникомъ татарской Казани можетъ служить башня *Сумбеки*, „Сююмбеки“, какъ пишетъ Карамзинъ на основаніи лѣтописцевъ (въ крѣпости, высота ея немного менѣе 35 саж.), богъ-вѣсть какими судьбами уцѣ-

Памятникъ по убитымъ при взятіи Казани.

лѣвшая во время осады города. Несомнѣнно, что нижніе этажи Сумбекиной башни древней постройки, а верхніе—носятъ слѣды исправленія позднѣйшаго времени. Съ именемъ этой башни, построенной будто-бы царицей Сумбекой, связано много разсказовъ, преданій и легендъ, въ большинствѣ случаевъ явившихся продуктомъ восточно-татарской фантазіи; всѣ эти легенды, впрочемъ, сводятся къ одному: несчастной судьбѣ казанской царицы Сумбеки, которой выпало на долю быть свидѣтельницей печальнаго финала татарскаго царства *).

Поэтическія сказанія говорятъ о томъ, какъ много любила и какъ много страдала эта юная татарская красавица....

Немногочисленные историческіе источники эпохи покоренія Казани свидѣтельствуютъ, что Сумбека, дочь ногайскаго князя Юсуфа, дѣйствительно была дѣвушкой необыкновенной красоты; противъ желанія 13 л. ее выдали за мужъ за казанскаго царя 15-лѣтняго Эпалея, который вскорѣ былъ свергнутъ и убитъ ханомъ Сафа-Гиреемъ. Послѣдній (пьяница и развратникъ) сдѣлалъ Сумбеку насильно своей женой. Для несчастной царицы начинается рядъ терзаній, которыя продолжаются 13 лѣтъ, пока она была замужемъ за Сафа-Гиреемъ. Послѣ смерти послѣдняго остались двое сыновей, изъ которыхъ старшему Утомышъ-Гирею, новому казанскому царю, было около 2-хъ лѣтъ. Правительницей казанскаго царства дѣлается его мать. Въ это время Сумбека страстно полюбила одного изъ приближенныхъ вельможъ, Кощака, который сталъ во главѣ крымской партіи и замышлялъ, женившись на Сумбекѣ, сдѣлаться казанскимъ царемъ и разгромить Москву. Однако надежды Кощака не осуществились. Недовольные въ лицѣ казанскихъ татаръ подняли бунтъ противъ Кощака и его крымской партіи (заклятые враги Россіи), при чемъ самъ Кошакъ былъ схваченъ и отправленъ въ Москву, гдѣ и былъ казненъ. Не трудно

*) Подробности, касающіяся жизни царицы Сумбеки, послѣднихъ дней, проведенныхъ ею въ Казани, отъѣзда въ Москву и т. д., описаны въ исторіи Карамзина, т. VIII.

представить, какія страданія переносила въ это время Сумбека и какія чувства питала къ Москвѣ, отнявшей у нея любимаго человѣка, ради котораго она готова была пожертвовать всѣмъ царствомъ. Вскорѣ на казанскій престолъ вступаетъ ханъ Шигъ-Алей, посланный Іоанномъ Грознымъ и преданный Москвѣ. Шигъ-Алею было поручено отослать Сумбеку въ Москву.

Воевода князь Серебряный-Оболенскій, по словамъ казанскаго лѣтописца, „вшедъ въ Казань съ 3000 вооруженныхъ и 1000 огненныхъ стрѣльцовъ, ятъ царицу и со царевичемъ, яко смиренную нѣкую птицу въ палатѣхъ ея“.

„Вшедъ же къ ней воевода съ казанскими вельможами одѣянъ въ золотую одежду и ста предъ нею съемши золотой шлыкъ и рече ей слово тихо и честно: поймана еси вольная царица великимъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ! Той отъемлетъ царство твое и передастъ тя въ руцѣ великому и благочестивому царю Ивану Васильевичу!“

„И влѣзши царица въ мечеть, и раздра верхнія ризы своя, и паде у гроба царева, власы свои терзающе и лице свое деруща“.

Самъ воевода, смотря на эту картину, рыдалъ. Весь городъ провожалъ свою прежнюю царицу. Передъ тѣмъ какъ сѣсть на лодку, она низко поклонилась народу, который падалъ на землю съ горькимъ рыданіемъ...

До покоренія Казани русскими башня Сумбеки служила минаретомъ ханской мечети.

*
* *

Казань издавна была центральнымъ пунктомъ торгово-промышленнаго движенія Волжско-Камскаго края и посредникомъ, съ одной стороны между Россіей, а съ другой—между Уральскимъ краемъ и Сибирью для которой Кама служила воротами. Но помимо торгово-промышленнаго значенія, Казань служить центральнымъ пунктомъ, гдѣ сосредоточивались всѣ высшія учебныя заведенія Волжско-Камскаго края. Въ этомъ-же смыслѣ ея роль распространялась и на Сибирь, откуда стекалась

молодежь для поступленія въ высшія учебныя заведенія, до того времени, когда въ Сибири былъ открытъ университетъ.

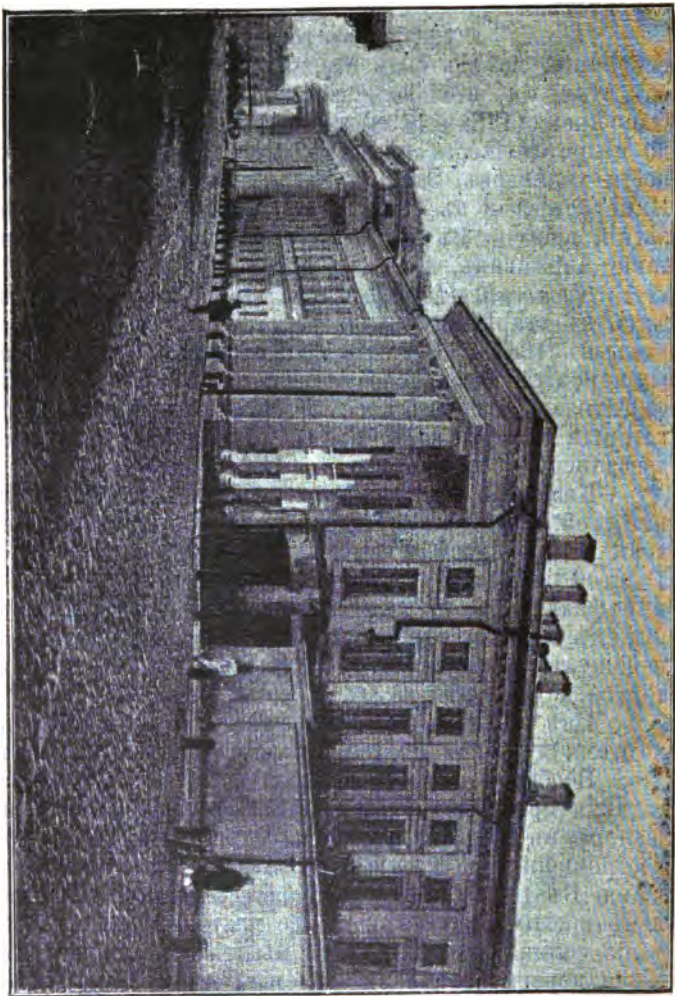
Первая гимназія въ городѣ—по времени своего основанія, можетъ быть названа *первой* на Волгѣ. Указъ объ открытіи этой гимназіи послѣдовалъ въ 1758 г. Одно время (1788—1798) гимназія была закрыта, частью—по недостаточности средствъ, а частью—по недостаточности учениковъ. Этой гимназіи присвоено именоваться Императорской въ 1868 г., когда она праздновала столѣтній юбилей. Въ ней, между прочимъ получили воспитаніе Державинъ, Аксаковъ и др.

Казанскій Императорскій университетъ принадлежитъ къ старѣйшимъ университетамъ Россіи, онъ основанъ въ 1804 г. Библиотека и обсерваторія казанскаго университета считаются богатѣйшими въ Россіи; послѣдняя обогатилась цѣннымъ даромъ Вас. Павл. Энгельгардта, который пожертвовалъ въ 97 году университету свою дрезденскую обсерваторію.

Казанскій университетъ воспиталъ немало знаменитостей; Лобачевскій, писатели: Боборыкинъ, Мельниковъ и др.—питомцы казанскаго университета; гр. Л. Н. Толстой поступилъ въ казанскій университетъ (на восточный факультетъ) въ 1844 г., а затѣмъ, „не будучи допущенъ, за малоуспѣшность, къ переводнымъ испытаніямъ, перешелъ на юридическій факультетъ, со 2-го курса котораго и уволился“.

Изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Казани находятся: духовная академія и ветеринарный институтъ.

Вообще Казань исполнила великую миссію—разсадника просвѣщенія Камско-Волжскаго края. Первый пионеръ въ этомъ направленіи былъ архіепископъ Гурій, построившій еще въ 1557 г. два монастыря съ училищами. Въ 1723 г. была основана *семинарія* подъ именемъ школы, а въ 1732 г. уже получила прочное основаніе семинаріи. Въ 1797 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ семинарія переименована въ академію, затѣмъ долгое время была закрыта за отсутствіемъ учениковъ, и только въ 1842 г. въ ней открываются регулярныя лекціи. Въ

Назанскій Императорскій университетъ.

этой академіи хранится замѣчательная библіотека, перевезенная изъ Соловецкаго монастыря.

*
* *

Университетская типографія считается одной изъ древнихъ на Волгѣ, основана въ 1808 г. По своему богатству шрифтовъ восточныхъ языковъ, она стоитъ первой въ Россіи. Вообще за время управленія г. Соловьевымъ эта типографія пользуется прекрасной репутаціей.

*
* *

Казанскій музей, официально открытый 5 апрѣля 1895 г., по своему внутреннему содержанію, одинъ изъ богатѣйшихъ музеевъ въ Россіи.

Музей помѣщается въ богатѣйшемъ зданіи пассажа, приобрѣтеннаго на средства, пожертвованныя вдовой Г. Л. Геинсъ, въ количествѣ $\frac{1}{2}$ мил. р. Богатѣйшій отдѣлъ, заключающій въ себѣ до 40 т. предметовъ, принадлежалъ А. О. Лихачеву, извѣстному коллекціонеру, который покупалъ предметы древности въ Россіи, Европѣ и въ Азіи. Всѣ эти коллекціи купилъ у наслѣдниковъ А. О. Лихачева братъ покойнаго, вице-адмиралъ И. О. Лихачевъ, и принесъ въ даръ казанскому музею. Теперь этотъ отдѣлъ, прекрасно организованный, извѣстенъ подъ именемъ Лихачевского. Второй, также довольно обширный отдѣлъ составленъ изъ экспонатовъ, фигурировавшихъ на научно-промышленной выставкѣ въ Казани, въ память которой собственно и основанъ музей,—отдѣлъ учебный и т. д.

Музей занимаетъ часть гостиного двора, выходящую къ Спасскимъ воротамъ кремля, на Воскресенской улицѣ.

*
* *

На куртинѣ (городское кладбище) среди множества эпитафій, сдѣланныхъ карандашемъ на памятникѣ извѣст-

наго артиста Андреева-Бурлака (у. 10 мая 88 г.), обращает на себя вниманіе слѣдующая надпись, помѣченная 13 мая 96 г.:

Всѣми забытый, всѣми покинутый,
Спишь ты въ могилѣ сырой,
Лишь въ кущѣ зеленой, широко раскинутой,
Гимны поетъ соловей....

Противъ Казани, на самомъ берегу Волги, раскинулось с. Услонѣ, основаніе котораго относятъ къ первымъ годамъ, слѣдующимъ послѣ взятія Казани; въ документахъ 1594 г. упоминается объ Услонѣ. Въ этомъ селѣ есть могила, памятникомъ надъ которой служитъ простой камень съ слѣдующей надписью: „Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д....“

Въ этой могилѣ нашла вѣчный покой княгиня Дарья Михайловна Меньшикова, умершая на пути въ Сибирь, куда она ѣхала въ ссылку за мужемъ.

Лѣтъ 30 тому назадъ надъ могилой поставленъ новый памятникъ.

*
* *

Въ Казани издаются слѣдующія газеты: „Губ. Вѣдомости“, „Волжскій Вѣстникъ“ и „Казанскій Телеграфъ“, „Православный Собесѣдникъ“ и „Епархіальный Вѣдомости“ издаются дух. академіей.

*
* *

Изъ *музеевъ* обращаетъ на себя вниманіе анатомическій музей при университетѣ. Въ этомъ музеѣ хранятся, между прочимъ, скелеты разбойниковъ Чайкина и Быкова (умершихъ подъ ударами плетей), которые когда-то служили грозой для мѣстнаго края и съ именемъ которыхъ связано немало легендарныхъ разсказовъ.

*
* *

Цифра, достигаемая результатами заводско-фабричной промышленности города, говоритъ, что Казань въ этомъ отношеніи можетъ считаться далеко не первымъ на Волгѣ городомъ.

Изъ кустарныхъ промысловъ обращаетъ вниманіе иконописаніе (кустари-иконописцы проживаютъ въ Суконной слободѣ, прилегающей къ оз. „Кабань“).

Производство экипажей, которымъ когда-то славилась Казань, теперь значительно упало. Вотъ какъ объясняютъ причину упадка. Прежде, при крѣпостномъ правѣ, большими потребителями экипажного производства являлись помѣщики. По уничтоженіи крѣпостного права вмѣсто помѣщика сталъ „кулакъ“, который, купивъ простую телѣжку, ѣздитъ на ней весь свой вѣкъ.

Казань можетъ назваться царствомъ мыла, какъ Астрахань—рыбнымъ царствомъ. На всѣхъ пристаняхъ можно встрѣтить массу татаръ, продающихъ мыло, туфли и шелковые платки. Производствомъ юфти Казань славится и до настоящаго времени.

Важной отраслью торговли въ Казани считается торговля яицами, которыя отправляются въ Москву, Петербургъ и за границу, именно, въ Англію. Начиная съ половины апрѣля и до 1-го и рѣдко до 5-го октября, на устьѣ рѣки Казанки можно встрѣтить отъ 25 до 100 подводъ съ яицами, привозимыми изъ различныхъ сторонъ Поволжья большею частью татарами и черемисами. Въ Казани существуетъ заводъ для сушки яицъ, въ каковомъ видѣ они отправляются за границу.

*
* *

Въ городѣ бываетъ такъ называемая *весенняя ярмарка*, продолжающаяся съ 1 мая по 1 іюня, обороты которой простираются до 1/2 мил. руб.

Адмиралтейство въ Казани.

Въ XVII вѣкѣ Казань получила значеніе крупнаго центра русскаго судостроенія не только рѣчного, но и морскаго, а въ началѣ XVIII столѣтія въ Казани уже производилось правильное судостроеніе для Балтійскаго и Азовскаго морей. Здѣсь въ большомъ количествѣ заготавливались дѣса и другіе кораблестроительные и судовые матеріалы и припасы для потребностей вновь со-

здавагося Великимъ Преобразователемъ Россіи военнаго флота. Въ 1710 году была отправлена изъ Казани въ Балтійское море выстроенная здѣсь эскадра изъ пяти кораблей („Орелъ“, „Солнце“, „Полумѣсяцъ“, „Сѣверная Звѣзда“ и „Городъ Казань“), а вслѣдъ затѣмъ ушли отсюда восемь судовъ, выстроенныхъ для азовскаго флота. Сохранилось и имя лица, бывшаго сподвижникомъ Петра въ дѣлѣ казанскаго судостроенія; это былъ Никита Алферовичъ Кудрявцевъ—„главнозавѣдующій корабельными лѣсами“ всего Поволжья и одинъ изъ выдающихся казанскихъ дѣятелей первой четверти XVIII вѣка.

Въ 1718 году возникло „Казанское адмиралтейство“, въ теченіе 112-ти лѣтъ своего существованія поставившее для каспійскаго флота до 400 судовъ разныхъ ранговъ и наименованій.

Учрежденіе въ Казани адмиралтейства послѣдовало въ силу Высочайшаго указа, состоявшагося въ 1718 году на имя управлявшаго въ то время казанскою губерніею, за отсутствіемъ губернатора Салтыкова, вице-губернатора Н. А. Кудрявцева. На него еще до 1718 года были возложены Петромъ Великимъ всѣ заботы по устройству новаго адмиралтейства. Мѣсто для адмиралтейства было выбрано на пустынномъ въ то время берегу рѣки Казанки, на пахенной землѣ Зелантова Успенскаго монастыря и села Бежбалды. Мѣсто, занимавшееся старымъ казанскимъ адмиралтействомъ, соотвѣтствуетъ району нынѣшнихъ весеннихъ пристаней, находящихся выше ихъ и ближе къ Зелантову монастырю военныхъ складовъ (нынѣшніе каменные склады—остатки зданій бывшаго адмиралтейства), крупчатнаго завода Журавлевыхъ и вагоннаго депо товарищества конно-желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь, на протяженіи 4510 кв. сажень, были расположены всѣ зданія и учрежденія новаго казанскаго адмиралтейства, а затѣмъ было приступлено къ сооруженію здѣсь слободки, которая впослѣдствіи разрослась въ большую слободу, удерживающую и до настоящаго времени историческое наименованіе „Адмиралтейской“.

Въ 1722 году каспійскій флотъ достигъ уже весьма почтенныхъ размѣровъ: въ этомъ году, предпринимая

персидскій походъ, Петръ Великій переправилъ изъ Астрахани къ устьямъ р. Терека 22000 чел. войска на флотилии, состоявшей изъ 8-ми военныхъ судовъ (шнявъ, гукоръ, ботовъ и др.), 79-ти-ластовыхъ судовъ (эверсовъ, шхоутовъ, галіотовъ и др.) и 200 „островскихъ“ лодокъ, построенныхъ по образцу шведскихъ. Этою флотиліею командовалъ генераль-адмиралъ графъ Ѳ. М. Апраксинъ, которымъ на каспійскихъ именно волнахъ впервые въ исторіи русскаго флота поднятъ былъ 18-го іюля 1722 г. генераль-адмиралскій флагъ на кораблѣ казанской постройки „Принцесса Анна“, находившемся подъ командою лейтенанта Соймонова.

Описаніе города. Городъ Казань расположенъ болѣею своею частью на низкомъ мѣстѣ, только крѣпость, Воскресенская и нѣсколько др. улицъ, ближайшихъ къ Арскому полю, стоятъ относительно на возвышенномъ мѣстѣ. Канавой *Булакомъ* (когда-то была рѣчка) и озеромъ *Кабаномъ*, которое служить какъ-бы продолженіемъ Булака, Казань дѣлится на двѣ части; лѣвая—большая и лучшая часть города, правая—меньшая, населена татарами; русское населеніе составляетъ въ этой части меньшинство и принадлежитъ къ сравнительно небогату классу. Эта часть города при сѣздѣ съ дамбы, которой соединяется городъ съ Адмиралтейской слободой, начинается *Мокрой ул.*, которая, вмѣстѣ съ прилегающей къ ней мѣстностью, считается въ городѣ самой худшей въ санитарномъ отношеніи.

Озеро Кабанъ имѣетъ длину около 3 верстъ, а ширину отъ 15 до 200 саж., за исключеніемъ, такъ сказать, верховья озера, заключающагося въ чертѣ самаго города; берега его довольно живописны и застроены множествомъ дачъ; на берегахъ Кабана—ботаническій садъ, архіерейская дача, заводъ Крестовникова (производство стеариновыхъ свѣчъ), юнкерскіе лѣтніе бараки, а въ концѣ Кабана находятся и кумысныя заведенія. Кабанъ служитъ однимъ изъ любимыхъ мѣстъ, куда публика, исключительно средній и бѣдный классы, стремится, совершая свои скромныя загородныя прогулки, подышать чистымъ воздухомъ. Теперь по Кабану ходитъ крошечный пароходъ, но большинство предпочитаетъ ѣздить на лодкахъ.

Кабанъ отдѣляется отъ Булака искусственнымъ затворомъ. Затѣмъ, не доходя саж. 100 до ложбины, затопляемой весеннимъ разливомъ Казанки и Волги, Булакъ отдѣляется отъ послѣдней какъ бы земляной дамбой. Во время таянія снѣга, весенняго разлива или сильныхъ дождей Булакъ наполняется водою; лѣтомъ онъ почти совсѣмъ пересыхаетъ и служитъ источникомъ зловонія, такъ какъ въ него спускаютъ изъ банъ нечистоты. Какъ ни хорошо сдѣланъ затворъ, отдѣляющій Булакъ отъ Кабана, но содержимое перваго просачивается въ озеро, на которомъ, нужно замѣтить, сосредоточены купальни, мойки, тутъ же купаютъ и лошадей, и еще недавно отсюда городъ бралъ воду для питья.

Лучшая *) и большая часть города, заключенная съ одной стороны между Булакомъ и Кабаномъ, а съ другой—Казанкой, имѣетъ впереди себя крѣпость. Отъ крѣпостной Спасской башни идетъ прямо Воскресенская улица, считающаяся въ Казани лучшей.

На Воскресенской улицѣ: дума, суд. палата, окружный судъ, лучшіе магазины, гостиницы и Александровскій пассажъ, открытый 5 ноября 1883 г. и названный именемъ владѣтеля, казанскаго милліонера Александрова, видъ котораго много проигрываетъ оттого, что лучшая его сторона по внѣшности обращена въ переулокъ. Воскресенская улица оканчивается грандіозными зданіями: съ правой стороны университетомъ, а съ лѣвой—клиникой, выходящей одной стороной на Николаевскую площадь, продолженіемъ которой служить театральная площадь; эти площади отдѣляются другъ отъ друга Державинскимъ садомъ, посреди котораго возвышается памятникъ Державину. На театральной площади—театръ, къ которому съ противоположной стороны прилегаетъ другой, маленькій садикъ, разведенный на бывшемъ болотѣ, и зданіе дворянскаго собранія. Рядомъ съ Николаевской площадью находится *Черное озеро*, теперь совсѣмъ засыпанное. Черное озеро служитъ обычнымъ мѣстомъ гулянья.

Проломная улица идетъ параллельно Воскресенской; на этой улицѣ сосредоточено главное торговое движеніе. На мѣстѣ Проломной улицы проходила стѣна, въ которой

*) Очень естественно, что и въ этой „лучшей“ части города встрѣчаются мѣстности, напоминающія уѣздные города средней руки или совсѣмъ захудалые, напр., Суконная слобода, Академическая слободка и др.

сдѣланъ былъ проломъ при штурмѣ Казани въ 1552 г., оттого въ позднѣйшее время и самая улица получила названіе Проломной. На этой улицѣ, гдѣ воздвигнута церковь Богоявленія, стояли ворота татарской Казани и назывались проломными, почему и самая церковь называлась у „проломныхъ воротъ“.

Какъ по красотѣ зданій, такъ и по внѣшней чистотѣ, обращаетъ на себя вниманіе *Грузинская улица*. Начинаясь отъ Николаевской площади, она выходитъ на *Арское поле*, замѣчательное тѣмъ, что тутъ не разъ происходили битвы русскихъ съ татарами. На Арскомъ полѣ находятся Родіоновскій женскій институтъ, а далѣе—большое зданіе военнаго госпиталя и духовная академія. Немного не доходя до госпиталя, встрѣтится оврагъ, чрезъ который идетъ дорога по каменной дамбѣ. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ этой дамбы еще недавно были замѣтны остатки разрушеннаго моста, гдѣ встрѣтились извѣстные „временщики“ Биронъ и Остерманъ. Биронъ ѣхалъ въ Сибирь въ ссылку, а Остерманъ, сосланный въ Сибирь по приискамъ Бирона, возвращался оттуда.

Мѣстность, извѣстная подъ именемъ *Русской и Нѣмецкой Швейцаріи* начинается за Арскимъ полемъ, противъ дух. академіи и идетъ по направленію къ берегу р. Казанки. Русская и Нѣмецкая Швейцаріи представляютъ замѣчательно живописный видъ. Теперь туда идетъ изъ центра города конка.

Наконецъ, далѣе, за окраиной города, на возвышенномъ берегу р. Казанки, среди живописной мѣстности возвышается громадный домъ душевно-больныхъ.

Третью часть Казани, по направленію къ Волгѣ, составляетъ Адмиралтейская слобода, отстоящая отъ Казани на 2 версты. Слобода соединяется съ городомъ каменной дамбой. Во время весенняго разлива городъ представляется окруженнымъ водою съ трехъ сторонъ, а Адмиралтейская слобода—островомъ (если не считать дамбу перешейкомъ).

Адмиралтейская слобода имѣетъ видъ большого уѣзднаго города; только присутствіе громадныхъ фабрикъ, какъ напримѣръ, мукомольной мельницы Романова, ко-

жевенной фабрики Алафузова и др. дѣлаетъ ее похожею на солидный промышленный городъ. Кстати замѣтимъ, что фабрика Алафузова—одна изъ старинныхъ фабрикъ, прежде принадлежавшая казнѣ и устроенная по приказанію Петра Великаго.

Изъ Адмиралтейской слободы идетъ прямой путь (версты 4) къ Зедантову и Кизицкому монастырямъ, въ с. Кизицы, служащему дачнымъ мѣстомъ для небогатаго класса, и въ Пороховую слободу, гдѣ находится казенный пороховой заводъ.

Наконецъ, четвертая часть города, при условіяхъ дѣленія города по географическому положенію,—называемая *Устьемъ*, расположена въ 9 в. отъ центра города, на самомъ берегу Волги, гдѣ сосредоточены конторки всѣхъ пароходовъ. Устье представляетъ небольшое поселеніе, состоящее изъ длиннаго ряда деревянныхъ построекъ, исключительно, давокъ, гостиницъ и т. п., обитаемыхъ только во время навигаціи; весною это поселеніе затапливается водой. Постройки Устья въ большинствѣ случаевъ воздвигаются послѣ спада весенней воды и разбираются съ закрытіемъ навигаціи. На Устьѣ съ началомъ навигаціи открывается почтово-телеграфное отдѣленіе.

Конно-железная дорога идетъ отъ Устья чрезъ Адмиралтейскую слободу и дамбу въ городъ, гдѣ проходитъ по Проломной улицѣ; дорога открываетъ свои дѣйствія въ 6 ч. утра и оканчивается въ 9 ч. вечера. Конечно, всякій кто особенно дорожить временемъ, всегда предпочтетъ конно-железную дорогу извозчику, несмотря на то, что ѣзда въ экипажахъ стоитъ вътрое дороже.

Нужно замѣтить, что едва-ли существуетъ еще такая безобразная пристань на Волгѣ, какъ въ Казани. Берегъ, ничѣмъ не защищаемый, размывается водой и *каждый* годъ обрушивается; самая пристань, смотря по сезону, покрыта невылазной грязью или невылазной пылью.

Въ общемъ, внѣшній видъ Казани говоритъ далеко не въ пользу города. Одинъ изъ волжскихъ литера-

торовъ сравнилъ Казань въ этомъ отношеніи съ „чиновникомъ, оставленнымъ за штатомъ“. И дѣйствительно, по внѣшности городъ имѣетъ совсѣмъ не презентабельный видъ; чистотой и опрятностью онъ далеко не можетъ похвалиться, хотя справедливость требуетъ сказать, что внѣшній видъ города сравнительно съ прежними годами замѣтно улучшился.

Нечего говорить о томъ, что Казань находится далеко не въ приглядныхъ санитарныхъ условіяхъ, на что имѣетъ влияние, кромѣ ея нечистоплотности, и самое географическое положеніе, а также и присутствіе такихъ прелестей, какъ Булакъ.

*
* *

Говоря о казанскихъ садахъ (общественныхъ), нельзя не отдать кому слѣдуетъ полной справедливости, что, во-первыхъ, этихъ садовъ довольно много: 3 сада на Николаевской площади, садъ на Лядской улицѣ, садъ, по старому названію, Износкова, на Старо-Горшечной улицѣ, гдѣ помѣщаются лѣтній театръ и клубъ; и, во-вторыхъ, всѣ эти сады содержатся совершенно прилично: тамъ вы не встрѣтите трактирно-ярмарочныхъ сценъ и картинъ, тамъ можно отдохнуть и подышать чистымъ, (сравнительно) воздухомъ, безъ опасеній нарваться на какой-нибудь скандалъ или безобразно-пьяную сцену и т. п. Правда, бываютъ исключенія и тутъ, но эти исключенія очень рѣдки.

Вокзалъ желѣз. дор. построенъ въ Ямской улицѣ.

Противъ Устья, на противоположномъ берегу Волги раскинулось на террасахъ село Услонъ, какъ дачная мѣстность. Села Теньки, Лобышка и др. славятся своими яблоневыми садами.

Дюгородскъ, село, на правомъ берегу Волги. Во время весенняго разлива тутъ можно наблюдать величественную картину: Волга и устье Камы (верстъ около

6 ниже Богородска) представляют цѣлое море воды: противоположные берега едва замѣтны или ихъ совсѣмъ не видно.

Около Богородска расположено с. Антоновское, знаменитое своими яблоками.

Спасскій затонъ, на лѣвомъ берегу Волги. Пристань представляет нѣсколько конторокъ, стоящихъ у пустыннаго берега. съ котораго начинаются дуга. Налѣво, въ верстѣ отъ конторокъ, гдѣ громадная коса образуетъ естественную гавань, начинается большое поселеніе, похожее на уѣздный городъ. Какъ самый затонъ, такъ и все поселеніе съ механическими фабриками принадлежатъ пароходному обществу „Кавказъ и Меркурій“. Въ Спасскомъ затонѣ дѣлались корпуса всѣхъ большихъ париходовъ американскаго типа.

Уѣздный городъ Спасскъ, именемъ котораго называется затонъ, находится въ 12 верстахъ отъ пристани.

Б у л г а р ы.

Въ 21 в. ниже Спасскаго затона, въ луговой сторонѣ, верстѣ 8 отъ берега Волги находится *Булмары* (с. Успенское), бывшее столицей Булгарскаго царства, существовавшаго между X и XIII вѣк. Булгары—могила, гдѣ погребено древнее величіе Булгаринъ. Это историческое мѣсто, между прочимъ, посѣтили Петръ Великій, Екатерина II и др., при чемъ первый очень заботился о реставраціи и сохраненіи древнихъ булгарскихъ памятниковъ. Теперь на мѣстѣ прежнихъ Булгаръ остались однѣ развалины, единственные памятники когда-то могущественнаго Булгарскаго царства, игравшаго нѣсколько вѣковъ тому назадъ видную роль въ исторіи народовъ. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ недавно реставрированы, хотя эта реставрація, какъ говорятъ авторитетные люди, вышла не особенно удачною, погрѣшивъ противъ истины. Последнее обстоятельство можно, напримѣръ, отнести къ такъ называемой *Черной палатѣ*.

Нужно замѣтить, что существуетъ не мало преданій чисто восточнаго характера, связанныхъ съ булгар-

скими руинами. Точно также существует и преданіе, касающееся „Черной палаты“, сохранившейся лучше другихъ. По разсказу г. Кафтанникова, записавшаго преданіе съ татарской рукописи въ 1832 г. Булгары подверглись нападенію извѣстнаго Тамерлана. Булгарскій царь Абдуллахъ-ханъ съ женами и дѣтьми заперся въ такъ называемой Судейской палатѣ. Тамерланъ приказалъ сжечь всю семью царя, что и было исполнено; но какимъ-то чудеснымъ образомъ одна изъ дочерей царя была спасена. Отсюда и самая палата была названа Черной (закопченной дымомъ). Но насколько правдоподобно это преданіе, можно судить изъ разсказовъ крестьянъ с. Успенскаго. Они говорятъ, что нѣсколько десятилетій тому назадъ, не позднѣе конца прошлаго столѣтія, въ палатѣ, которую теперь называютъ Черною, русскими была устроена коптильня (для копченія окороковъ), чѣмъ и объясняются отверстія, сдѣланныя на верху Черной палаты. Намъ кажется, что подобный разсказъ, объясняющій, почему именно палата называется Черной, правдоподобіе перваго, тѣмъ болѣе, что крайне сомнительно, чтобы комоть, послужившая мотивомъ названія Черной, могла сохраниться нѣсколько вѣковъ. Впрочемъ, тотъ-же Кафтанниковъ объясняетъ происхожденіе этого названія и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ зданіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь былъ давнымъ-давно пожаръ.

Черная палата послѣ реставраціи представляется совершенно бѣлою. Погрѣшность съ истиной въ реставраціи можно отнести и къ такъ называемому Малому Минарету.

Существуетъ не мало описаній древнихъ Булгаръ, очерковъ и т. п. Лучшими изъ нихъ въ научномъ отношеніи признаются, какъ мы сказали выше, трудъ казанскаго профессора Шпилевскаго „Древніе города и др. болгарско-татарскіе памятники Казанской губ.“ и статьи, помѣщенные въ „Извѣст. общества арх., исторіи и эти.“, изд. И. каз. университета.

Въ настоящее время около развалинъ пріютилось небольшое бѣдное село Успенское, съ такой-же бѣдной

церковью. Село исключительно населено русскими. Рѣдко здѣсь покажется туристъ съ ученой цѣлью или ради простой любознательности; татаръ сюда прѣзжаетъ не мало, даже изъ далекихъ краевъ; они ѣдутъ сюда съ единственной цѣлью—поклониться древнимъ святынямъ: подъ *Малымъ Минаретомъ*, по преданіямъ, погребено нѣсколько св. татарскихъ мужей.

Слѣды рва, окружающаго „столицу“, остались и до настоящаго времени; ровъ тянется верстъ на 10. Точно также сохранились и слѣды башни (разрушенной въ 1841 г.), извѣстной подъ именемъ Большого Минарета. Въ 1892 г. производились вновь раскопки въ с. Булгарахъ подъ наблюденіемъ компетентныхъ людей. Въ этомъ году было раскопано то небольшое пространство, имѣющее форму четырехъугольника, на которомъ до 1841 года стоялъ минаретъ, недавно рухнувшій. Раскопки обнаружили слѣдующее: на глубинѣ не больше 1 аршина, подъ насыпью землей и щебнемъ открытъ залитый цементомъ полъ на всей четырехъугольной площадкѣ, около 200 кв. саж.; стѣны и колоны какихъ-то жилыхъ помѣщеній. Жители села Булгаръ были сильно разочарованы, когда раскопки не обнаружили таинственныхъ ходовъ съ золотомъ и иными драгоценностями. Въ селѣ можно слышать рассказы о какихъ-то чудесныхъ татаркахъ, обѣщавшихъ смѣльчакамъ чуть не кучи золота, если, не взирая на разныя препятствія, они проникнуть вглубь четырехъугольника и опустятся въ подземные ходы.

Въ состоявшемся въ концѣ 93. по словамъ „В. В.“, въ Казани засѣданіи общества археологій, исторіи и этнографіи П. А. Пономаревъ сдѣлалъ сообщеніе о *результатахъ раскопокъ*, произведенныхъ имъ минувшимъ лѣтомъ въ селѣ *Успенскомъ-Булгарахъ*. Докладчикъ раскопалъ семь кургановъ, изъ которыхъ одинъ представлялъ весьма любопытныя данныя. Подъ насыпью этого кургана найдено кострище, состоящее изъ множества углей и пережженныхъ мелкихъ костей, между которыми попались и человѣческіе зубы. Кроме того на кострищѣ найдены: мѣдная бляха, глиняный сосудъ съ плоскимъ

дномъ, поясной наборъ изъ мѣдныхъ пластинокъ и большой желѣзный мечъ съ широкимъ, изогнутымъ клинкомъ. Вообще, раскопка кургана дала довольно ясную картину погребенія съ трупосожженіемъ и опредѣленнымъ расположеніемъ вещей погребеннаго. Кромѣ того было изслѣдовано урочище, извѣстное подъ названіемъ „Царицыной могилы“. По преданію, сохранившемуся среди мѣстныхъ жителей, на этотъ бугоръ ханъ болгарскій ѣздилъ каждый день завтракать, и такъ полюбилось ему это мѣсто, что онъ тутъ и дочь свою схоронилъ, оттого и зовутъ это мѣсто „Царицыной могилой“. Обслѣдование показало, однако, что это урочище не могила, а небольшой „городокъ“, расположенный на выступѣ „Верхняго бора“ и „Глубокаго оврага“.

Въ началѣ 94 г. въ Казани происходило засѣданіе казанскаго общества археологій, исторіи и этнографіи. Въ этомъ засѣданіи, между прочимъ, было сдѣлано сообщеніе П. А. Пономарева, который коснулся интереснаго вопроса: объ открытіи слѣдовъ древняго города Суvara въ казанской губерніи.

До сихъ поръ существовали хотя краткія, но вѣдныя опредѣленные указанія на то, что въ Булгарскомъ царствѣ, находившемся въ предѣлахъ Камско-Волжскаго края, существовалъ значительный городъ Суваръ. Объ этомъ городѣ говоритъ, между прочимъ, арабскій писатель Эль Бальхи, жившій въ 10 вѣкѣ. Кромѣ того на существованіе этого города указываютъ три болгарскія монеты, открытыя знаменитымъ оріенталистомъ Френемъ и связанныя съ именемъ города Суvara. Но болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній не сохранилось объ этомъ городѣ. Неизвѣстно даже мѣсто, гдѣ онъ находился. Но рѣшеніе послѣдняго вопроса, какъ говоритъ г. Пономаревъ, пришло совершенно неожиданно. Членъ казанскаго общества археологій г. Гайнитдинъ Ахмеровъ узналъ, что инородцы чистойольскаго, ланшевскаго, спасскаго и мамадышкаго уѣздовъ называютъ село Кузнечиху, находящееся на р. Уткѣ въ спасскомъ уѣздѣ, именемъ древняго Суvara—„Иски Суваръ“ (т. е. древній Суваръ). Послѣдовавшая затѣмъ поездка г. Ахмерова на мѣста

древняго Сузара, предпринятая на средства общества, дала вполне благоприятный результатъ. Близъ села Кузнечихи и дер. Даниловки осмотрѣно было обширное городище и собрана путемъ покупки значительная коллекція болгарскихъ бытовыхъ памятниковъ. Судя по словамъ и коллекціи Ахмерова, городище это въ археологическомъ отношеніи было очень содержательно.

Въ 1897 г. Казань и Булгары посѣтилъ профессоръ софійскаго (въ Болгаріи) университета И. Д. Шишмановъ. Послѣдній устанавливаетъ фактъ, что болгары, двинувшіеся съ Волги на западъ черезъ южную Русь въ Увѣкъ,—родичи современной Болгаріи.

Желающіе проѣхать въ Булгары обыкновенно нанимаютъ лошадей въ Спасскомъ затокѣ, а въ полую воду можно проѣхать туда на лодкѣ.

Тетюши, на правомъ берегу Волги, уѣздный городъ, съ 4 т. жителей. Городъ этотъ былъ извѣстенъ въ XVI столѣтіи подъ именемъ „Тетюшской Засѣки“, т. е. укрѣпленія—рвовъ, валовъ и т. п., гдѣ находились наблюдательные посты.

Въ 6½ в. ниже Тетюшъ, у самаго берега Волги, пріютилась небольшая деревянная часовенка. Мѣстность эта называется „Старыми Тетюшами“,—основанными, по преданію, татарскимъ ханомъ Тетюшемъ,--или „Богородицкимъ Рынкомъ“ *). Въ концѣ XVI и въ началѣ XVIII ст., какъ говоритъ преданіе, на этомъ мѣстѣ стоялъ монастырь, уничтоженный волжской вольницей. Въ концѣ XVIII в. на мѣстѣ часовни была обрѣтена чудотворная икона Божіей Матери, находящаяся въ тетюшскомъ соборѣ.

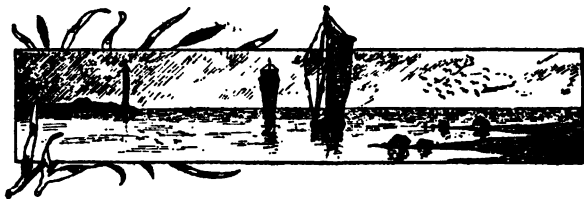
Легенда говоритъ, что на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ часовня, часто приходила молиться и плакать о своей далекой родинѣ жена болгарскаго царя, по происхожденію русская, дочь князя или какого-то знатнаго боярина; она томила въ нѣсколько лѣтъ въ плѣну и умерла

*) „Рынками“ на Волгѣ называются мысы.

въ неволѣ. Поэтическая легенда добавляетъ, что юная страдальца и до сихъ поръ возвращается на землю, являясь въ лунныя ночи свѣтлымъ призракомъ, едва уловимымъ для глазъ; и тогда можно даже слышать тихіе, меланхолическіе звуки, похожіе на рыданія.

Близъ г. Тетюшъ, на землѣ с Воскресенскаго на- ходятся пещеры, гдѣ обращаютъ на себя вниманіе два озера, одно—никогда не замерзающее, а другое—всегда покрытое льдомъ.

Недалеко около Тетюшъ сохранились дубовыя рощи, по преданію насаженныя Петромъ Великимъ.

С И М Б И Р С К Ъ, съ 41 т. жит., на пр. б. Волги.

Историческій очеркъ. Мало найдется въ Россіи городовъ, настолько бѣдныхъ историческимъ прошлымъ, какъ Симбирскъ. Причина этого явленія будетъ понятна, если мы скажемъ, что Симбирскъ принадлежитъ къ самымъ юнымъ русскимъ городамъ, возникшимъ на берегахъ Волги.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ, была татарская деревушка, называвшаяся Симбирь. Основаніе Симбирска, какъ города, относится къ царствованію Алексѣя Михайловича, въ 1648 г.

Осада города Стенькой Разинымъ (1670 г.) можетъ служить выдающимся событіемъ въ исторической жизни Симбирска. Вѣйска, выступившія изъ Казани на помощь симбирцамъ подъ предводительствомъ Барятинскаго, сначала отступали, а чрезъ нѣсколько дней, съ помощью подкрѣпленій, на берегу р. Свѣи разбили разинцевъ, которые послѣ того бросились внизъ по Волгѣ. Описанная побѣда празднуется ежегодно 21 мая. Затѣмъ въ

1671 г. Симбирскъ подверглся нападенію Федьки Шелудяка. Когда къ городу подступилъ съ своими проходимцами Пугачевъ, на предложеніе со стороны послѣдняго сдаться симбирцы категорически отказали ему въ выдачѣ ключей. Несмотря на угрозы и т. п., Симбирскъ остался вѣрнымъ государынѣ, за что Императрица Екатерина Великая пожаловала гербъ (на синемъ фонѣ бѣлый столбъ, на верху котораго золотая корона).

Въ 1708 г. изъ Симбирска былъ образованъ провинціальный городъ и приписанъ къ казанской губерніи.

Въ 1780 г. Симбирскъ переименованъ въ намѣстничество, а въ 1798 г. преобразованъ въ губ. городъ.

Выдающимся событіемъ послѣднихъ годовъ былъ пожаръ (1863 г.), истребившій почти весь городъ.

Святыни, историческіе памятники и др. достопримѣчательности города. Каедральный соборъ основанъ въ 1812 г. и въ 1844 г. названъ Николаевскимъ. Изъ церковныхъ предметовъ, замѣчательныхъ по историческимъ воспоминаніямъ, обращаетъ на себя вниманіе напрестольный крестъ съ св. мощами. Съ этимъ крестомъ обходили войско во время осады города Разинымъ; на ковчегъ и теперь видѣнъ слѣдъ отъ пули.

Троицкій соборъ основанъ въ 1812 году, въ память войны съ французами.

Въ Вознесенскомъ соборѣ находится образъ св. Германа съ мощами. Этимъ образомъ въ 1677 г. казанскій митрополитъ Маркеллъ благословилъ Симбирскъ.

Самые древніе храмы въ городѣ: Успенская церковь (единовѣрческая), существовавшая въ Успенскомъ монастырѣ (нынѣ упраздненномъ) при основаніи города, и церковь Ильи Пророка, основанная въ 1725 г.

Спасскій монастырь (женскій) находится въ центрѣ города. Въ монастырскомъ храмѣ хранятся чудотворныя иконы: Нерукотвореннаго Спаса и Иверской Божіей Матери. Храмы, находящіеся въ этомъ монастырѣ: во имя святого Алексѣя, основанъ въ 1799 г., и во имя Спаса Нерукотвореннаго, основанъ въ 1691 г.

Въ центрѣ города, на площади воздвигнутъ исторіку Карамзину памятникъ по своей идеѣ очень неудач-

ный; самая площадь названа именемъ этого историка. Памятникъ воздвигнутъ по повелѣнію Императора Николая I.

Въ городѣ существуетъ одна такъ называемая Карамзинская библіотека, открытая 18 апрѣля 1848 г. Эта библіотека, пользующаяся пособіями отъ Высочайшихъ Особъ, отъ министерства народнаго просвѣщенія и отъ городского общества, имѣетъ собственный капиталъ; книжное богатство ея заключается въ 30000 том.

Карамзинымъ, какъ извѣстно, оставленъ капиталъ, который въ настоящее время, достигнувъ солидной цифры 290 т. р., находится въ распоряженіи земства.

Въ Симбирскѣ, кромѣ Карамзина, провели свои молодые годы Языковъ, Гончаровъ, Дмитріевъ и Минаевъ, умершій здѣсь въ 1888 г.

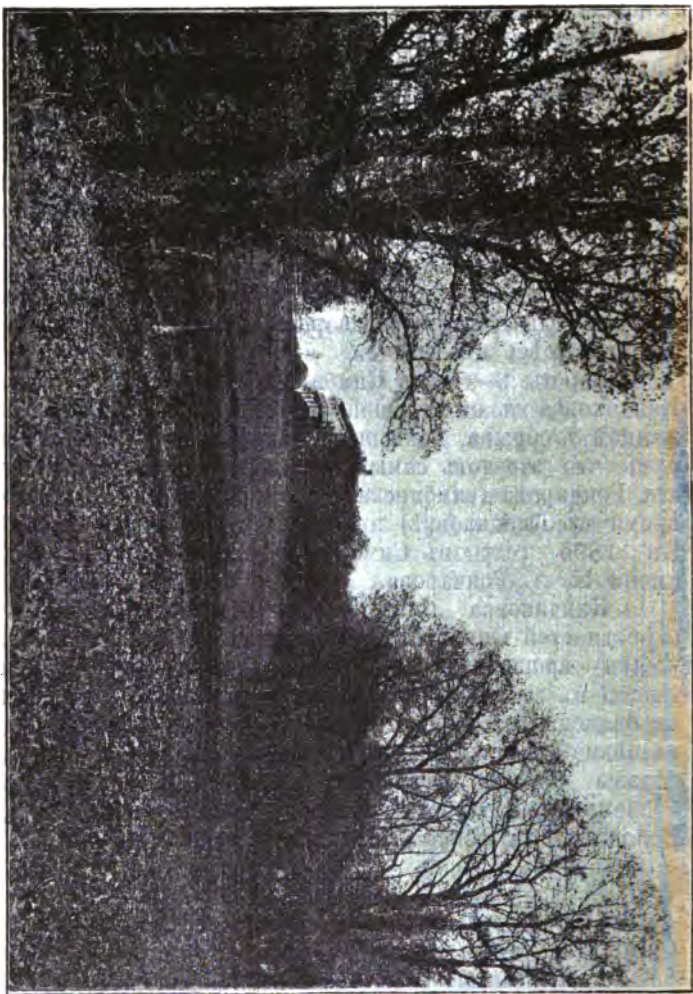
Версты 3—4 отъ Симбирска находится деревушка Киндяковка съ опустѣвшей барской усадьбой, расположенной у обрыва, нависшаго надъ самой Волгой. Говорятъ, что это тотъ самый обрывъ, который послужилъ для Гончарова (симбирскаго уроженца, жившаго долгое время въ Киндяковкѣ) темой для его романа „Обрывъ“. Въ 1895 году въ Симбирскѣ открылась библіотека имени И. А. Гончарова.

Киндяковка лѣтомъ—одна изъ очаровательныхъ окрестностей Симбирска. Смотришь на эти поэтическіе уголки—крошечную деревушку, которая совсѣмъ спряталась въ зелени деревьевъ, на старинный барскій домъ, съ балкона котораго открывается очаровательный видъ на Волгу, и невольно воскресаютъ въ памяти забытые образы героевъ и героинь „Обрыва“: и симпатичная „бабенка“ и Вѣра, разбившая свои идеалы, и Маркъ Волоховъ, сидящій на заборѣ, предлагающій Вѣрѣ яблоко....

* * *

„Въ верстѣ отъ большого московскаго тракта изъ Симбирска въ г. Карсунъ, на берегу р. Уреня живописно расположилось с. Языково, родина извѣстнаго поэта Языкова. Нѣкогда жалованная вотчина служилымъ предкамъ этого рода, она входила въ составъ тѣхъ „ди-

Деревня Киндяновна (въ 3-хъ верстахъ отъ Симбирска).

кихъ полей“, которыя послѣдовательно колонизовались русскими ратными людьми. До сихъ поръ здѣсь хорошо сохранилась земляная „черта“, ограждавшая безопасность владѣній Московскаго государства отъ Воронежа до верховьевъ Камы, руссія названія поселеній и особенности древняго женскаго наряда. Но не этими остатками старины интересно с. Языково, а тѣми воспоминаніями, которыя его связываютъ съ бывшимъ владѣльцемъ-поэтомъ и посѣтившимъ его въ 1833 г. его знаменитымъ современникомъ и другомъ, А. С. Пушкинымъ.

Сохранившійся въ малоизмѣненномъ видѣ барскій деревянный домъ красиво господствуетъ надъ окружающею мѣстностью и съ террасы его открывается обширный видъ на сосѣднія поля и перелѣски. Въѣздомъ Языковскій домъ напоминаетъ довольно общій его времени основанія типъ построекъ начала нынѣшняго столѣтія. Въ два этажа, онъ построенъ отцомъ поэта, Михаиломъ Петровичемъ, въ формѣ покоя съ корридорами и 2 просторными флигелями для службъ и пріѣзда гостей. Со стороны сада фасадъ украшенъ 4 колоннами дорическаго стиля и каменною лѣстницею. Дворъ обнесенъ рѣшеткою съ каменными столбами и, параллельно постройкамъ, обсаженъ вязами, образующими внутри тѣнистую площадку. Внутреннее расположеніе комнатъ и частью сохранившаяся обстановка гармонируетъ еще съ общимъ характеромъ зданія и тѣми воспоминаніями, которыя онъ хранитъ въ своихъ стѣнахъ. Изъ прихожей посѣтитель входитъ въ довольно обширный залъ и направо изъ сосѣдней комнаты дверь ведетъ въ комнату, гдѣ останавливался Пушкинъ „Здѣсь ночевалъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“, пояснилъ намъ сопровождавшій по дому, за отсутствіемъ хозяина, молодой сынъ его управляющаго. Опредѣленіе это было, повидимому, правильно и подтверждено тутъ же моимъ спутникомъ по поѣздкѣ—Н. Ф. Бѣляковымъ. Г. Бѣляковъ, неоднократно бывавшій въ домѣ своего дяди, В. П. Языкова, прежняго его владѣльца, всегда слышалъ, что за этой комнатою сохранялось названіе „Пушкинской“. Комната эта средней величины съ однимъ большимъ окномъ,

въ садъ, обставлена мебелью краснаго дерева, домашней работы, черною деревянною кроватью и въ углу типичнымъ для того времени украшеніемъ камина въ формѣ усѣченной колонны. Единственное измѣненіе внесено въ этотъ священный уголокъ—это обращеніе камина въ обыкновенную печь. По сохранившемуся въ домѣ и семьѣ Языковыхъ преданію извѣстно, что Александръ Сергѣевичъ, не заставъ въ первый разъ Н. М. дома, на память вырѣзалъ ему на одномъ изъ стеколъ окна своей комнаты алмазнымъ перстнемъ свое имя. Къ сожалѣнію, стекло разбилось, и этотъ рѣдкій автографъ навсегда потерянъ. Говорятъ также, что на каминѣ долго сохранялось много интересныхъ надписей и эпиграммъ, которыя теперь всѣ забылены. Изъ письма, писаннаго Пушкинымъ къ своей женѣ изъ Языкова 12 сентября 1833 г., мы знаемъ, что, проѣзжая въ Оренбургъ, онъ нарочно заѣхалъ къ Языкову и, не заставъ его дома, переночевалъ и обратно вернулся въ Симбирскъ. За хозяина гостя принималъ старшій братъ поэта, Петръ Михайловичъ, котораго Пушкинъ называетъ человѣкомъ чрезвычайно замѣчательнымъ и собирается его полюбить, какъ Плетнева и Нащокина. Въ концѣ того же мѣсяца Александръ Сергѣевичъ, собравъ на мѣстѣ матеріалъ для своей „исторіи Пугачевского бунта“, возвращался тѣмъ же путемъ въ свое нижегородское имѣніе, лукояновскаго уѣзда, въ с. Болдино и вторично заѣхалъ въ Языково. На этотъ разъ, какъ онъ сообщаетъ въ письмѣ къ Натальѣ Николаевнѣ, онъ засталъ „всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело“ и, переночевавъ, уѣхалъ къ себѣ въ деревню“.

* *

По роду своей производительности симбирская губернія имѣетъ чисто земледѣльческій характеръ, а самый городъ въ фабрично-промышленномъ отношеніи можетъ считаться самымъ послѣднимъ городомъ на Волгѣ.

Главная ярмарка въ Симбирскѣ—Сборная, продолжается первую недѣлю великаго поста. Обороты ярмарки простираются до 15 мил. руб.

Описаніе города. Симбирскъ расположенъ на горѣ, спускающейся къ Волгѣ террасами, которыя покрыты густой зеленью садовъ. Съ „Вѣнца“, симбирскаго „откоса“, возвышающагося надъ уровнемъ на 70 саж., открывается прелестный видъ на Волгу и Заволжье. Вообще Симбирскъ, по своему мѣстоположенію, принадлежитъ къ красивѣйшимъ мѣстностямъ Поволжья.

Сѣвернѣе города на 5 в. находится „Вѣтряная гора“, высшая точка, господствующая надъ окрестностями. Отсюда открывается одинъ изъ очаровательныхъ волжскихъ видовъ.

Симбирску много дали эпитетовъ, въ родѣ: „спящій городъ“, „сонное царство“, „помѣщичье гнѣздо“ и т. д. Нужно замѣтить, что эти эпитеты не съ достаточной вѣрностью характеризуютъ городъ, такъ напримѣръ, „помѣщичье гнѣздо“—скорѣе относится къ губерніи, но не къ самому городу, гдѣ контингентъ помѣщиковъ можетъ выразиться цифрой 5—7% всего населенія, остальное населеніе состоитъ изъ чиновничества, купечества и мѣщанства. Такимъ образомъ, если-бы пришлось характеризовать этотъ городъ именемъ того класса, который составляетъ большинство населенія, то его приличнѣе всего назвать „мѣщанскимъ“.

Съ достовѣрностью намъ неизвѣстно, какъ „спитъ“ Симбирскъ, но что онъ въ самомъ дѣлѣ представляется соннымъ, даже болѣе—безжизненнымъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Начать съ того, что въ Симбирскѣ нѣтъ газеты, а слѣдовательно, нѣтъ того оживляющаго фактора, который можетъ вносить въ общественную жизнь живую струю. Въ этомъ случаѣ Симбирскъ представляетъ поражающее исключеніе. Но этого мало. Вслѣдствіе какихъ-то, трудно объяснимыхъ причинъ, о Симбирскѣ такъ мало появляется корреспонденцій, или какихъ-бы то ни было печатныхъ свѣдѣній, что подумаешь: этотъ приволжскій городъ, находящійся чуть-ли не въ центрѣ Россійскаго государства, стоитъ гдѣ-нибудь на далекой окраинѣ Россіи. Изрѣдка кто-нибудь изъ пишущей братіи, проѣхавъ мимо Симбирска, и хотя не задвигая въ него занежность, что нибудь

въ родѣ того, что „намъ удалось видѣть одну изъ красивѣйшихъ мѣстностей всего Поволжья, мѣстность, на которой раскинулся Симбирскъ.... Самый городъ спитъ непробуднымъ сномъ“.... Внѣшній видъ города напоминаетъ скорѣе большой уѣздный городъ; только самый центръ, украшенный лучшими зданіями, гдѣ расположены гимназія, садикъ, гдѣ стоитъ памятникъ Карамзину, имѣетъ характеръ губернскаго города.

Но, въ общемъ, Симбирскъ изобилуетъ живописными мѣстами.

Театръ въ городѣ плохонькій Рядомъ съ театромъ помѣщается гостиница, которая почему-то считается лучшей въ городѣ. Какъ гостиница, такъ и театръ принадлежатъ Булычеву.

Берегъ, гдѣ пристають пароходы, представляетъ мѣстность, изрытую ручейками, овражками и ямами. Во время дождей тамъ нельзя ни пройти ни проѣхать.

На берегу нѣтъ ни магазиновъ ни лавокъ; все это сосредоточено на верху, куда нужно подниматься по дурному шоссе (Петропавловскій спускъ), которое тянется версты на три.

(Шиловка).

Сенгилей, у. гор., на прав. б. Волги, съ 4200 жит., возведенъ на степень уѣзднаго города въ 1780 г. Близъ города сохраняются остатки земляныхъ окоповъ, изъ которыхъ самый большой у с. Глаура, называется Хола-Вуртъ-Кереметь.

(Хрящевка).

Новодѣвичье, на прав. б. Волги, довольно большое село симбирской губ., ведетъ торговлю лѣсомъ и яицами (которыхъ отправляется отсюда до 1 мил. шт.); довольно обширная хлѣбная торговля.

Жегулевскія горы.

Недалеко отъ села Усолья, гдѣ Волга дѣлаетъ поворотъ вправо, образуя *Самарскую луку*, возвышается бугоръ, извѣстный подъ именемъ Караульнаго бугра. Отсюда именно начинаются знаменитыя *Жегулевскія горы*.

Откуда происходитъ слово „Жегули“, неизвѣстно, хотя и существуетъ легендарное объясненіе, что въ прежнее время Жегули были притономъ разбойниковъ, которые мало того что грабили проезжающихъ, но „жгли“ несчастныя жертвы.

Теперь большая часть мѣстности, занимаемой Жегулями, принадлежитъ гр. Орлову-Давыдову, унаслѣдовавшему отъ предковъ Орловыхъ, которымъ подарила это имѣніе Екатерина II.

Жегули—это художественная слава Волги. „Истинный волгарь преклоняется предъ Жегулями, какъ индусъ предъ Гималаями“. На протяженіи 4 т. в., т. е. всей Волги, нѣтъ красивѣе и живописнѣе мѣстности, какъ Жегулевскія горы.

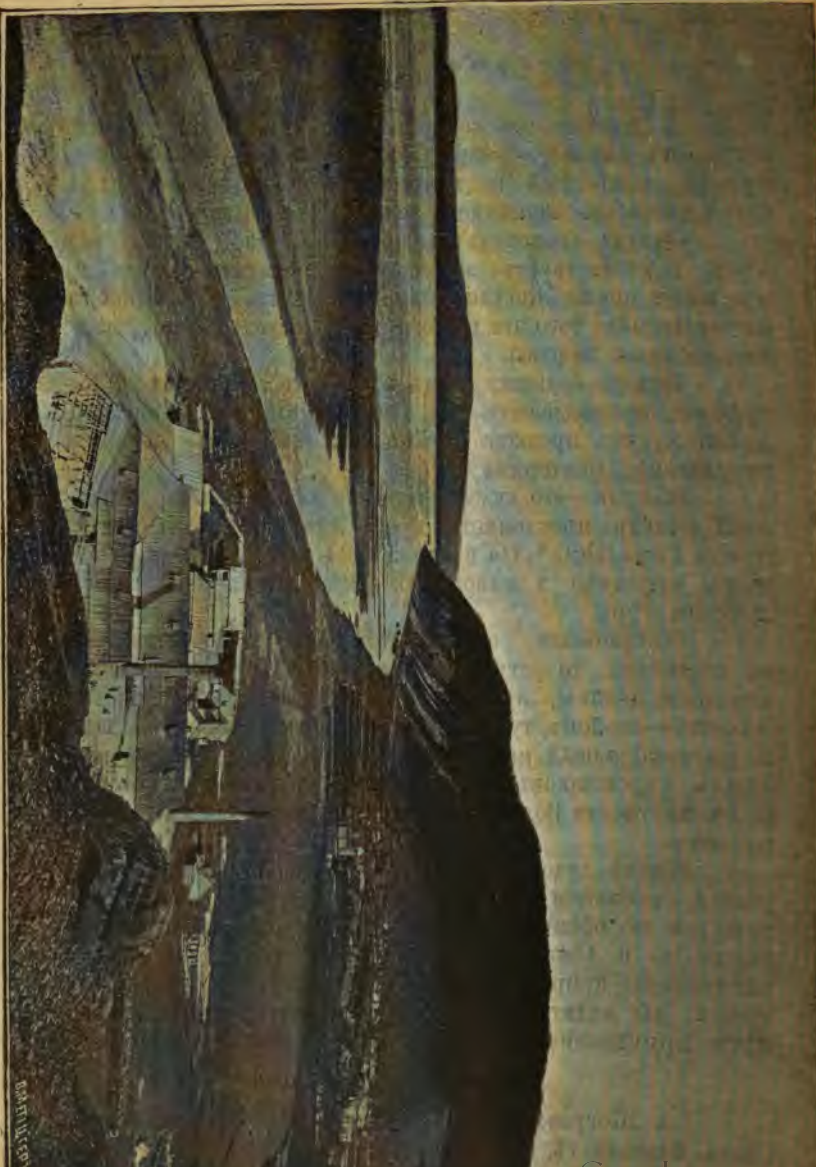
Жегулевскія горы представляются то террасами, то оврагами, то уступами, покрытыми густой зеленью; зеленныя долины, лужайки, холмы, пещеры, покрыты мхомъ,—словомъ, тутъ художникъ можетъ найти богатый и разнообразный матеріалъ, хотя къ стыду нашихъ русскихъ художниковъ нужно сказать, что Жегули вообще и въ частности Волга менѣе всего служили для нихъ матеріаломъ.

Кромѣ художественной прелести, Жегулевскія горы рѣзко бросаются въ глаза своей оригинальностью: онѣ тянутся по обѣимъ сторонамъ Волги на пространствѣ около 90 в. Смотря на Жегулевскія горы, вы видите настоящую природу безъ всякихъ искусственныхъ прикрасъ, вы видите естественную красоту; тамъ ничего нѣтъ приглаженного, подчищенного, искусственного.

*
* *

Въ Жегуляхъ „вольница“ искала себѣ пристанища. Сюда бѣжали тѣ, кому тѣсно и тяжело жилось на „ро-

Жигулевскія горы—Ширяевъ бугоръ.

димыхъ поляхъ“; кто искалъ воли, простора; кто жаждалъ отдохнуть и найти покой отъ гнета страдальческой жизни; кто, наконецъ, грабежъ и убійство обратилъ въ профессію, возвелъ въ идеалъ молодечества. Тутъ о каждомъ курганѣ, каждомъ камнѣ, каждой пещерѣ сохранилось то или другое преданіе, связанное съ подвигами „удальцовъ-разбойниковъ“. Тутъ еще какъ будто слышатся знаменательныя слова „сарынь на кичку“, слова, отъ которыхъ приходилъ въ ужасъ всякій проѣзжающій въ Жегулевскихъ горахъ, горячо молился всѣмъ святымъ, давалъ обѣты, кланялся бурлакамъ, чтобы его не выдали. А затѣмъ слѣдовали стоны, мольба, проклятія; разбойники бросали свои жертвы въ Волгу, которая принимала въ своихъ холодныхъ объятіяхъ одинаково и бѣднаго и богатаго, и праваго и виноватаго. Да, страшное это было словцо „сарынь на кичку“, являющееся въ устахъ разбойника какимъ-то побѣднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ условнымъ кликомъ, особенно, если оно произносилось неожиданно. Но прошли годы, безвозвратно канули въ Лету эти времена, и только легенды и пѣсни, что хранить народъ въ своей памяти, расскажутъ о былыхъ подвигахъ волжской вольницы, ютившейся въ Жегуляхъ.

Между лѣсными породами, покрывающими горы, первое мѣсто занимаетъ дубъ и липа, рѣже сосна, кленъ и др.

Жегулевскія горы состоятъ изъ горнаго известняка, сѣру находятъ въ большомъ количествѣ. Не мало туда шло въ прежнее время разныхъ искателей счастья, въ надеждѣ найти золото; но пока находятъ только одинъ калчеданъ, который краснорѣчиво доказываетъ, что не все то золото, что блеститъ.

Кромѣ обширныхъ лѣсовъ, асфальта и гудрона, служащихъ предметомъ довольно широкой эксплуатаціи, въ Жегулевскихъ горахъ въ громадномъ количествѣ выламывается и обжигается известь. Почти по всѣмъ склонамъ Жегулевскихъ горъ, на протяженіи болѣе ста верстъ, отъ с. Новодѣвичья внизъ по Волгѣ, часто встрѣчаются либо ломки камня, который по большей части выходитъ

къ берегу въ видѣ обнаженій, или же громадныя печи, устроенныя изъ того же камня, для его обжиганія. Добываніемъ и обжиганіемъ извести занимаются мѣстные крестьяне, особенно изъ села Жегулихи, находящагося противъ гор. Ставрополя.

Асфальтовое дѣло, получившее въ этомъ краѣ довольно широкое развитіе и дающее значительныя выгоды, породило не мало мелкихъ заводчиковъ, которые, въ виду грядущихъ барышей, затрачивали послѣдніе гроши на устройство заводовъ и начинали производство асфальта. Но они не разсчитали одного: для сбыта фабриката мелкими партіями въ районъ производства трудно найти рынки, которые уже крѣпко захвачены крупными заводчиками. Они пытались отправлять асфальтъ въ Москву, но тамъ этихъ новоявленныхъ заводчиковъ моментально придавили асфальтовые тузы, и бѣдняки не выручали даже своихъ денегъ. Тогда имъ оставалось поставлять свои фабрикаты крупнымъ заводчикамъ, а тутъ ужъ, конечно, и думать было нечего о хорошемъ доходѣ. Въ итогъ такого положенія дѣла мелкіе заводчики разорялись и закрывали свои заводы въ силу печальной необходимости—безденежья и невозможности конкурировать съ крупными производителями асфальта. Послѣднимъ закрылся асфальтовый заводъ П. М. Куперина, потерявшего на предпріятіи около 10000 руб., именно, благодаря тому, что былъ задавленъ на рынкахъ.

*
* *

Начиная отъ Караульнаго бугра, по берегамъ Волги идетъ рядъ утесовъ и кургановъ, имѣющихъ каждый свое названіе и свои легенды, связанныя въ большинствѣ случаевъ съ подвигами героев понизовой вольницы. Такъ напримѣръ, противъ устья р. Усы возвышается мысъ, называемый „Молодецкимъ Камнемъ“. Далѣе, недалеко около с. Морквашъ, раскинутого на прав. берегу въ живописной котловинѣ, возвышается *Движій курганъ*, а затѣмъ неподалеку—„*Два брата*“ и „*Лысая гора*“, одна изъ высокихъ точекъ въ Жегуляхъ.

О Дѣвичьемъ курганѣ преданіе говорить:

Между Усольемъ и Царевымъ курганомъ въ Волгу впадаетъ Усарѣка, протекающая по сызранскому и сенигаейскому уѣздамъ, на прострѣанствѣ ста десяти верстъ. Во время оно на самомъ устьѣ этой рѣки росъ высокій дубъ, подъ корнемъ котораго таилась дверь въ чудное подземелье, гдѣ жило двѣнадцать сестеръ удалыхъ, выходившихъ на крутые яры поволжскіе воевать татарву невѣрную. Двѣнадцать годовъ жили тутъ эти богатырши, и не было имъ витязя подлѣ силу, не было добра молодца имъ на утѣху. Что ни придутъ удалыцы, всѣхъ въ ратоборствѣ великою силою своею, какъ колюсь въ полѣ, валить о земь молодыя дѣвушки, пока не пришесть изъ свято-русской земли калика переходжій, ростомъ малъ, бороною сѣдъ, ногами кривъ. Засмѣяли калику переходжаго удалыя дѣвки, даже бороться съ нимъ не хотѣли. Только младшая самая схватилась съ старикомъ, и опоминуться не успѣла какъ тотъ ее бережно положилъ на шелковую мураву. За нею другая вышла, постарше, а за другою третья. Такъ и всѣ онѣ до единой. Но еще пущее диво сдѣлалъ калика переходжій послѣ честнаго ивра подлѣ дубомъ вѣковымъ въ чудномъ подземельѣ. Вошли съ нимъ туда сестры дѣвками, а на утро бабами всѣ до одной вышли.

— Гой ты, еси, калика переходжа, много-ли васъ на Руси богатырей такихъ? спрашиваютъ старика сестры.

— Что я за богатырь, сами видите: и сѣдъ, и малъ, и ногами кривъ. Самый послѣдній я изъ послѣднихъ на свято-русской землѣ, самый немощный изъ придорожныхъ старцевъ.

И затуманились богатырши, видно почували, что придется сюда изъ Руси сила великая и всю ихъ землю подлѣ себя возьметъ.

Сохранилось преданіе, что на одномъ изъ камней Лысой горы Петръ Великій сдѣлалъ надпись, отъ которой теперъ, конечно, не осталось никакихъ слѣдовъ.

У села Переволоки рр. Волга и Уса близко подходятъ другъ къ другу; на этомъ именно мѣстѣ „вольница“ переволакивала свои легкія лодки на р. Усу, изъ которой, пользуясь близостью, снова спускалась въ Волгу; такимъ образомъ этотъ путь—Самарская лука, или, вѣрнѣе, самая Волга на протяженіи болѣе 100 в.,—обходилъ, хотя при такомъ движеніи Самара оставалась, конечно, въ сторонѣ.

Самарская губернія.

Ставрополь, уѣздный городъ, на лѣв. бер. Волги, съ 5 т. жит.; къ Ставрополю пристають пароходы только во время половодья, а въ обыкновенное время навигаціи—городъ отъ пристани верстъ на 5.

„Быль у калмыковъ ханъ Аюта-Тайджи, который въ теченіе своего 55-лѣтняго управленія (1670—1724), много разъ то присягалъ Россіи и посылалъ своихъ калмыковъ въ разные походы съ русскими, то безпощадно грабилъ и разорялъ поволжскія селенія и поддерживалъ бунтующихъ башкировъ и казаковъ Одинъ изъ внуковъ Аюты, заискивая у русскихъ, принялъ крещеніе. Его назвали княземъ Петромъ Тайшинымъ и дали ему іеромонаха съ учениками заиконоспасской школы. Однако этотъ новоявленный князь „о подчиненныхъ своихъ крещенымъ калмыкамъ не точію старанія не имѣлъ, но и малыхъ ихъ дѣтей крестить отвращалъ“ и, наконецъ, обратился къ русскому правительству съ просьбой отдавать ему всѣхъ крещеныхъ калмыковъ и позволить ему „въ способномъ мѣстѣ построить городъ“. Пока сочинялись разные проекты о переселеніи крещеныхъ калмыковъ изъ степей „въ способное мѣсто“ князь Тайшинъ умеръ, а управлявшій тогда оренбургскимъ краемъ Татищевъ съ одобренія правительства выстроилъ въ 1738 г. на волжскомъ протоцѣ, именуемомъ *Кунью Воложкою*, крѣпость, которую повелѣно было назвать *Ставрополь*, т. е. городъ св. креста. Сюда и переѣхала княгиня вдова Анна Тайшина и съ нею 700 кибитокъ крещеныхъ калмыковъ, изъ которыхъ 400 было до того убогихъ, что Татищеву пришлось хлопотать о доставленіи имъ фуража. Впослѣдствіи въ Ставрополь были переведены еще калмыки, числившіеся въ яицкомъ казачьемъ войскѣ, и образовано особое калмыцкое войско, расформированное въ 1843 г.“. Въ настоящее время Ставрополь—захудалый городокъ, занимающійся, между прочимъ, отпускомъ хлѣба въ незначительныхъ размѣрахъ.

Раскопки древняго кладбища

при селѣ Кайбулъ.

Въ 1851 году, въ двухъ верстахъ отъ с. Кайбулъ, самарской губ., ставропольскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Волги, рыбаки нашли древнюю золотую цѣпь, изящной работы, съ бляхой и двумя надиѣсками. Цѣпь была представлена Императору Николаю Павловичу пріобрѣтшимъ ее у

рыбаковъ московскимъ купцомъ Д. Пискаревымъ. Наградивъ послѣдняго деньгами и золотыми часами, Государь приказалъ самую цѣпь хранить въ Московской оружейной палатѣ, гдѣ она, подъ названіемъ „Болгарской гривны“, заняла одно изъ первыхъ мѣстъ между прочими рѣдкостями. Въ описи оружейной палаты эта цѣпь на мѣстѣ 115, подъ № 489, занесена такъ: „Декабря 31 (1851 г.) Гривна золотая, состоящая изъ четырехгранной, витой, въ видѣ жугута, цѣпи, украшенной крупными и мелкими бурами, въ видѣ гороховъ. По ободу блахи сквозной узоръ (флагганная работа), каковой находится также и съ обѣихъ сторонъ ея въ видѣ полумѣсяца; половина одного ушка (которыми блаха привѣшивалась къ цѣпи), отломлена. Вѣсу въ ней съ цѣпью 1 фунтъ 10 золотниковъ“. Нашедшіе ее рыбаки впоследствии доставили къ ней одну изъ привѣсокъ (другая утрачена), занесенную въ той же описи на листѣ 183 такъ: „1853 г. апр. 7. Золотая вещьца, въ видѣ привѣска отъ древней золотой гривны, найденной близъ Кайбула, самарской губ., поднесена Государю Императору крестьяниномъ Алексѣемъ Комаровымъ“.

Эта находка свидѣтельствовала о богатствѣ и важности мѣста, находящагося недалеко отъ древняго „Симбирскаго городища“. По свидѣтельству сохранившейся татарской лѣтописи, древній Симбирскъ, основанный однимъ знатымъ болгарскимъ княземъ, отъ котораго онъ и получилъ свое имя, былъ въ отдаленныя времена важнымъ торговымъ городомъ волжскихъ болгаръ, главнымъ въ особой области этого царства, названнаго по нему „Симбирскимъ“. Не меньшую, кажется, давность имѣютъ за собою и селенія, до сихъ поръ существующія въ той же мѣстности, о которыхъ упоминается въ приведенной лѣтописи.

На основаніи этихъ указаній членъ-корреспондентъ Императорскаго московскаго археологическаго общества В. Н. Полявановъ предпринялъ 25-го іюня текущего года въ сопровожденіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ археологическую экскурсію въ эту мѣстность для раскопокъ одного древняго кладбища, намѣченнаго имъ, совмѣстно съ начальникомъ губерніи.

Гора, гдѣ нѣкогда стояло Симбирское городище, видна, по словамъ „Сам. Губ. Вѣд.“, изъ селеній „Крестоваго городища“ и Кайбула; здѣсь и до настоящаго времени замѣтны слѣды бывшаго жилья давно минувшихъ дней; эта гора тянется параллельно рѣкѣ Волги, окаймляя обширную пойму и, несомнѣнно, указываетъ на то, что русло Волги въ отдаленныя времена пролегалo у подножья этой горы. Въ одной верстѣ отъ берега Волги и въ двухъ верстахъ за с. Кайбулъ, на скатѣ этой горы, который, подвергаясь дѣйствию дождей и вѣтра, терялъ постепенно свой верхній слой, обнаружались въ новѣйшее время человѣческіе черепа; нѣкоторые изъ послѣднихъ потоками дождевой воды были вымыты и отнесены къ подножью горы, что и заставило археологовъ начать изслѣдованіе именно съ этого мѣста.

Раскопки 28 могилъ кладбища показали одинъ общій характеръ погребенія и общую всѣмъ могиламъ давность.

Общій взглядъ на эти раскопки наводитъ на предположеніе, что могилы принадлежать къ очень отдаленной эпохѣ и что кладбище это принадлежало какому-либо инородцамъ, не-христіанамъ. На первое указываетъ полное отсутствіе волосъ на головахъ и бородѣ; второе же предположеніе очевидно по отсут-

ствію крестовъ или образковъ въ могилахъ. Если даже допустить, что при погребеніи были надѣты кресты или образа на покойника не металличе-скіе, а деревянные, то самое положеніе рукъ похороненныхъ не соотвѣтствуетъ обычаямъ древняго христіанскаго погребенія. Непараллельное на-правленіе костяковъ между собой указываетъ на обычай древнихъ временъ хоронить головой къ закату солнца, а потому въ разные времена года направле-ніе должно было измѣниться сообразно точкѣ заката. Видя одинъ общій характеръ погребенія всѣхъ вскрытыхъ 28-ми могилахъ, изслѣдователи оста-вили дальнѣйшія раскопки этого обширнаго кладбища, а вскрытыя ими могилы были нанесены схематически на планъ, и вновь зарыты землей. Затѣмъ, произведенъ осмотръ того берега, гдѣ въ послѣдніе 2—3 года мѣ-стными крестьянами было найдено нѣсколько древнихъ вещей; однако, на этотъ разъ не встрѣтилось ничего, что бы заставило остановиться на себя вниманіе археологовъ. Изъ предметовъ, приобретенныхъ В. Н. Поливановымъ у мѣстныхъ крестьянъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія: ножъ, въ фор-мѣ меча, сильно проржавленный, и металлическій нагрудный крестъ, по нѣкоторымъ признакамъ относящійся къ XV столѣтію. Крестъ—равносто-ронній, съ изображеніемъ святыхъ; уцѣлѣла надпись „Татіана“; на оборо-тной сторонѣ—углубленіе. Такіе кресты носили на груди въ XV вѣкѣ.

Около 50 в. ниже Ставрополя, на луговой сторонѣ, южнѣе д. Царевщины возвышается курганъ, носящій названіе *Царевъ-Кургана*. Съ этимъ именемъ связано много легендарныхъ разсказовъ. Очень распространен-ный разсказъ, заимствованный изъ мордовскихъ пѣсенъ, заключается въ томъ, что будто-бы царь Іоаннъ Гроз-ный имѣлъ столько войска, что во время похода, когда онъ остановился въ Жегулевскихъ горахъ, желая какъ-то узнать о численности, велѣлъ каждому воину сыпать въ извѣстное мѣсто по горсти земли, и вотъ отъ этихъ горстей образовался цѣлый курганъ.

Далѣе, т. е. ближе къ Самарѣ, Волга суживается; самое узкое мѣсто съ высокими берегами называется *Самарскими воротами*, которыя образуютъ съ лѣвой сто-роны *Соколиную*, а съ правой—*Стрѣнную горы*.

Около С. есть не мало кумысныхъ заведеній и дачъ.

САМАРА съ 91 т. жит. на лѣв. б. Волги.

Историческій очеркъ. „Самарская страна“ становится извѣстной въ XIII в.

Періодъ первыхъ вѣковъ, а затѣмъ послѣдующій періодъ, когда мѣстность, занимаемая нынѣ Самарской губерніей, считалась достояніемъ разныхъ кочевниковъ,—представляетъ исторіи очень скудный матеріаль. Извѣстно, что въ началѣ XI и въ послѣдующемъ столѣтіяхъ эта мѣстность переходила изъ рукъ въ руки тѣхъ же дикихъ кочевниковъ, для которыхъ право на владѣніе землей заключалось только въ правѣ сильного. Въ XIII вѣкѣ уже существовала такъ называемая „Золотая орда“, главная ставка которой находилась на одномъ изъ рукавовъ Волги—Ахтубѣ (на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ г. Царевъ, астраханской губ.). Ханы этой орды распространяли свою власть и на землю, занимаемую самарской губ.

Исторія передаетъ слѣдующій рассказъ, связанный съ мѣстностью, гдѣ теперь стоитъ Самара, или, какъ она прежде называлась, „Ногайская страна“, каковое имя она получила уже въ позднѣйшее время.

Святой митрополитъ Алексій немало принесть услугъ вообще Московскому княжеству и въ частности русскому духовенству, являясь передъ татарскими ханами ходатаемъ и защитникомъ русскихъ интересовъ.

Испѣливъ лишившуюся зрѣнія ханскую жену Тайдулу, св. митрополитъ Алексій пользовался уваженіемъ и почетомъ даже среди дикихъ кочевниковъ.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ (вѣроятно, между 1360 и 1370 годами) въ ханскую ставку, на томъ мѣстѣ,

гдѣ теперь стоитъ Самара, св. митрополитъ Алексій встрѣтилъ пустынника и предсказалъ, что тутъ вырастетъ большой городъ, который будетъ имѣть блестящую будущность.

Св. Алексій особенно почитается самарцами и считается патрономъ города.

Затѣмъ о Самарѣ, или вѣрнѣе, первоначально о „Самарскомъ устьѣ“, упоминается въ грамотахъ царя Θεодора Іоанновича, обращенныхъ на имя воеводы князя Засѣкина (въ 1586 г.) и др. воеводъ. Въ этихъ грамотахъ царь поручалъ воеводамъ постройку въ степяхъ новыхъ городовъ, а на Волгѣ—Самары. Извѣстно, что на воеводъ въ то время возлагалась и дипломатическая миссія, одна изъ задачъ которой заключалась въ увѣреніи татарскихъ хановъ, что постройка новыхъ городовъ вызывается желаніемъ русскаго царя, съ одной стороны, защитить самихъ хановъ съ ихъ народомъ отъ набѣговъ „воровъ казаковъ“, а съ другой—охранять своихъ торговыхъ людей, которымъ въ то время не было, какъ говорится, ни прохода, ни проѣзда отъ разбойниковъ.

Однако намѣренія русскаго царя были слишкомъ прозрачны, и татарскіе ханы, хотя и видѣли, что постройка Самары и др. городовъ есть посягательство на ихъ свободу и распространеніе русской власти въ ихъ владѣніяхъ, тѣмъ не менѣе не протестовали, если нельзя было назвать такъ протеста одного изъ ногайскихъ князей—Уруса, протеста, выразившагося, впрочемъ, только въ посланіяхъ къ русскому царю, который не особенно обращалъ вниманіе на эти посланія и очень энергично совѣтовалъ Урусу „оставить свою старую дурость“.

Такимъ образомъ въ 1586 г. была заложена крѣпостца—„острогъ“. Самара, которая ранѣе существовала около 30 в. выше настоящаго устья р. Самары. Съ этого именно года и начинается исторія Самары. Въ 1588 г. о „Самарскомъ городѣ“ упоминается въ официальныхъ грамотахъ, а въ началѣ XVII столѣтія Самара числится въ спискѣ другихъ русскихъ городовъ.

Первые годы своего существованія юный городъ не разъ былъ осаждаемъ дикими кочевниками въ образѣ

ногайцевъ, калмыковъ и др., но каждый разъ побѣда оставалась за русскими. Затѣмъ немало невзгодъ перенесъ городъ отъ нападений волжской „вольницы“ въ лицѣ разныхъ разбойниковъ, какъ напр., Стеньки Разина, который вырѣзалъ городъ въ 1670 г., отъ Шелудяка, отъ Пугачева и др. Всѣмъ этимъ разбойникамъ Самара сдавалась безъ бою, да оно и понятно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что городъ не имѣлъ почти никакихъ средствъ къ борьбѣ съ массами разбойниковъ, что видѣло и само правительство, очень снисходительно отнесясь къ виновникамъ постыдной сдачи. Какъ ничтожны были силы осажденныхъ, можно судить изъ того, что, напримѣръ, во время осады Самары Пугачевымъ, городъ имѣлъ регулярнаго войска 3 офицера и 100 солдатъ. Наконецъ, къ довершенію бѣдствій, постигшихъ Самару, слѣдуетъ отнести и опустошительный пожаръ, истребившій городъ въ 1703 г.

Немного позднѣе, именно въ 1719 г., Самара, считавшаяся городомъ казанской губ., причислена къ астраханской губ. Около 12 лѣтъ спустя, отъ р. Самары по направленію къ Волгѣ было построено нѣсколько крѣпостей, носившихъ названіе „Самарской линіи“, которая оканчивалась на устьѣ р. Самары крѣпостцой „Верхней“, стоявшей на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Самара. Въ 1770-хъ годахъ Самара, потерявъ значеніе города, была причислена къ сызранскому уѣзду и въ 1780 г. дѣлается снова уѣзднымъ городомъ симбирской губ. Наконецъ, въ 1851 г. 1 января послѣдовало открытіе самарской губ.

Святини. Храмъ во имя Казанской Божіей Матери (старый соборъ); постройка храма относится къ 1730—35 гг.; въ этомъ храмѣ находится древнее евангеліе, напечатанное въ Москвѣ въ 1657 г.

Въ 1643 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ въ Самару набатный колоколъ, который и до настоящаго времени существуетъ на колокольнѣ.

Однимъ изъ древнихъ храмовъ въ Самарѣ считается Спасо-Преображенская церковь, построенная въ

1685 г., въ ней двѣ древнія чудотворныя иконы—Смоленской Божіей Матери и Спаса Нерукотвореннаго образа.

*
* *

Недавно въ Самарѣ сооружены: новый соборъ, обращающій вниманіе красивой архитектурой, „какъ памятникъ проявленія къ отечеству милости Божіей спасеніемъ Императора Александра II отъ грозившей ему смертной опасности 4 апрѣля 1866 г.“ При закладкѣ храма положены были камни въ Бозѣ почившими монархами Александромъ II и Александромъ III и вел. кн. Владиміромъ Александровичемъ. Памятникъ „Александру II Царю-Освободителю 1888 г.“ возвышается среди сквера; на Алексѣевской площади по разнымъ сторонамъ памятника значатся надписи историческихъ событій, слѣдовавшихъ въ періодъ царствованія Александра II.

*
* *

Въ Самарѣ существуетъ „залъ Александра II-го“, представляющій нѣчто въ родѣ смѣшаннаго музея.

Издается въ Самарѣ „Самарская Газета“.

Самара, какъ губ. городъ, росла необыкновенно быстро, не смотря на разныя бѣдствія въ образѣ опустошительныхъ пожаровъ и голода. Торгово-промышленная дѣятельность Самары достигла, сравнительно, большихъ размѣровъ; этотъ городъ въ настоящее время занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ на ряду торгово-промышленныхъ пунктовъ Поволжья. Положеніе Самары на Волгѣ, а также проведеніе оренбургской желѣзн. д. были ближайшей причиной необыкновенно быстрого роста города. Присутствіе уфимской ж. д., вѣроятно, также будетъ имѣть вліяніе на промышленную дѣятельность Самары.

Главный предметъ отпускнуой торговли самарской губ.—хлѣбъ, во всѣхъ его видахъ.

Торговые обороты *Воздвиженской* ярмарки, которая продолжается съ 14 по 24 сентября, простираются до 50 т. р.

Рѣка Самарка, близъ города, играетъ своимъ преимуществомъ видную роль въ торгово-промышленной дѣятельности губерніи. Дѣло въ томъ, что р. Самарка вскрывается ранѣ Волги, почему суда, нагруженные въ Самаркѣ, по вскрытіи Волги, выходятъ первыми и, конечно, одни изъ первыхъ достигаютъ своего назначенія.

Описаніе города. Въ настоящее время Самара имѣетъ видъ довольно большого европейскаго города. По внѣшности Самара довольно чистенькій городокъ, хотя одно зло, заключающееся въ классической пыли, немало отравляетъ существованіе. Затѣмъ грязная, занавоженная набережная остается въ такомъ видѣ, въ какомъ она была, вѣроятно, и при основаніи города. Но въ общемъ Самара, какъ сравнительно юный городъ, носить на себѣ отпечатокъ этой юности: въ немъ все еще свѣжо, не затаскано. Окруженный степью, богатой растительностью и Волгой, Самара, кромѣ красоты мѣстности, пользуется прекраснымъ климатомъ. Нужно замѣтить, что желающему осмотрѣть Самару сдѣлать это легко, такъ какъ центръ города въ 5-м. вѣзды отъ пристани. Особенно живописный видъ представляетъ берегъ Волги выше Самары; этотъ берегъ весь усаженъ дачами, окруженными рощами и садами, между которыми красуется среди парка и цвѣтниковъ громадная вилла,—это дача и кумысное заведеніе Анаева; близко къ центру самаго города на берегу Волги раскинулся Струковскій садъ, въ которомъ помѣщаются лѣтній театръ и клубъ. Главная торговая площадь города—Алексѣевская, гдѣ сгруппированы губернаторскій домъ, зданіе окружнаго суда, лучшіе магазины и т. д.

По своей внѣшности обращаютъ на себя вниманіе грандіозное 7-ми-этажное зданіе паровой мельницы бр. Башкировыхъ и недавно выстроенный элеваторъ, могущій вмѣстить 300 т. пуд. зерна.

Кумысные и лечебныя заведенія.

Самара безспорно служила колыбелью „кумыса“. Создавшій Самарѣ, если не славу, то обширную популярность, кумысь, какъ лечебное средство, несомнѣнно играетъ громадную роль въ дѣлѣ помощи страждущему человечеству.

Кумысь былъ извѣстенъ кочевымъ народамъ съ незапамятныхъ временъ.

Батый въ знакъ особой чести, угощалъ кумысомъ русскихъ удѣльныхъ князей, пріѣзжавшихъ къ нему на поклонъ. Какъ извѣстно Галицкій князь Данило Романовичъ не отдавалъ своего города Батыю, и, только уступая силѣ, явился въ Золотую орду, умоливъ грознаго завоевателя.

— Данило, зачѣмъ такъ долго не являлся? спросилъ его Батый. Пьешь ли кобылье молоко, наше питье?

— До сихъ поръ не пилъ, но, если велишь, буду пить,—отвѣчалъ князь.

— Ты ужъ нашъ, татаринъ,—продолжалъ Батый,—пей наше питье—кумысь.

Князь выпилъ и пошелъ отдать почтеніе главной жонѣ хана. Довольный этимъ, Батый послалъ ему вина *).

Угощеніе въ Золотой ордѣ кумысомъ русскіе князья считали большою для себя непріятностью, и тогдашній лѣтописецъ восклицаетъ по этому поводу: „О злѣе зла честь татарская!“

Кумысныя заведенія представляютъ исключительное явленіе въ области курортовъ въ Россіи; какъ лечебные пункты, они самые распространенные и популярныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ въ большинствѣ случаевъ самый неблагоустроенный видъ изъ всѣхъ курортовъ, существующихъ въ Россіи.

Извѣстно, что ни одинъ докторъ, рекомендуя кумысное леченіе, не даетъ опредѣленныхъ указаній относительно того, куда и какъ направиться больному.

*) Исторія Россіи Соловьева, т. III, стр. 217.

— Поѣзжайте, а тамъ увидите.

Вотъ что обыкновенно говорятъ доктора, и всѣ ихъ указанія ограничиваются степными губерніями: самарской, уфимской и оренбургской.

Что же мы можемъ сказать объ этихъ курортахъ?

Прежде всего мы считаемъ долгомъ отказаться отъ *рекомендаціи* тѣхъ или другихъ кумысо-лечебныхъ заведеній, такъ какъ послѣднія, какъ курорты, неудовлетворяютъ самымъ необходимымъ санитарно-гигіеническимъ условіямъ, съ ужасающей обстановкой и т. д., что не даетъ права не познакомить читателей, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ характеромъ и достоинствами нѣкоторыхъ изъ этихъ заведеній.

Кумысо-лечебные пункты въ названныхъ выше степныхъ губерніяхъ можно подраздѣлить вообще на спеціальныя кумысо-лечебныя заведенія и многочисленныя кумысные пункты, разбросанные по обширной степи, гдѣ больные ютятся въ кибиткахъ. Первые, въ большинствѣ случаевъ, сосредоточены около Самары, обставлены извѣстными удобствами (весьма относительными) и, въ исключительныхъ случаяхъ, комфортомъ. При этомъ главное неудобство, присущее всѣмъ заведеніямъ, — номерная система, что тяжело вліяетъ на нервнобольныхъ, какими, въ большинствѣ случаевъ, являются кумысники.

Нечего говорить о томъ, что жизнь въ степи, въ кибиткѣ, или въ деревнѣ несравненно дешевле, чѣмъ въ патентованныхъ заведеніяхъ, особенно тѣхъ, которыя претендуютъ на комфортъ, да и кумысъ въ этихъ заведеніяхъ, за рѣдкими исключеніями, хуже, чѣмъ въ глубинѣ степей, обладающихъ хорошимъ кормомъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ кумысъ получается не изъ первыхъ рукъ.

Лично отъ себя мы позволимъ сдѣлать одну рекомендацію: какъ можно меньше вѣрить кумыснымъ рекламамъ.

Старѣйшее кумысное заведеніе *д-ра Постникова*, въ 6 в. отъ Самары и *Анаева*, въ 3 в. Эти заведенія считаются аристократическими, и, можетъ быть, поэтому

на нихъ сыплется немало нареканій. Мы только можемъ прибавить, что—нареканій совершенно справедливыхъ. Во всякомъ случаѣ, желающему ближе познакомиться съ этими заведеніями не представляется никакого труда.

Заведеніе *Чернышева* (отъ Самары по той-же дорогѣ, которая ведетъ въ заведеніе д-ра Посникова) когда-то пользовалось прекрасной репутаціей, но въ послѣдніе годы запущено и содержится неряшливо. Вновь открытое кумысное заведеніе (около версты отъ послѣдняго) *Среднева*. Это заведеніе выглядитъ опрятно (можетъ быть потому, что оно ново), кумысь прекрасный, хотя это достоинство далеко непостоянно и безусловно зависитъ отъ качества корма.

Лучшее время для леченія кумысомъ—весна и начало лѣта, когда степь покрыта сочной травой; въ это время кумысь особенно вкусенъ и, вѣроятно, болѣе полезенъ, чѣмъ въ другое время.

Хорошей репутаціей пользуется такъ называемый „Военный кумысь“ (Барбашина Поляна въ 15 в. отъ Самары, на берегу Волги). Хотя тамъ и нѣтъ особеннаго комфорта, но удобства, живописная мѣстность, дешевизна и прекраснаго качества кумысь искупаютъ этотъ недостатокъ.

Близъ Самары существуетъ еще нѣсколько кумысо-лечебныхъ или, вѣрнѣе, кумысныхъ заведеній, но о нихъ едва-ли стоитъ и говорить; исключеніемъ въ этомъ случаѣ могутъ служить только тѣ кумысо-лечебныя заведенія, которыя открыты въ послѣднихъ годахъ.

Два слова о „кузьмичевской травѣ“.

Секретъ лѣченія извѣстнаго знахаря самарскаго крестьянина Кузьмича, такъ долго эксплуатировавшаго страждущее человѣчество, сталъ извѣстенъ едва-ли не всему міру. Такимъ образомъ слава его, какъ лекаря, померла навсегда, и отъ этой славы остались только „кузьмичевская трава“ и сотни тысячъ, которыя успѣли нажить бѣдный крестьянинъ отъ своихъ пациентовъ за время своей лѣкарской практики. Теперь мы знаемъ, что Кузьмичъ лѣчилъ настоемъ травы, извѣст-

ной въ наукѣ подъ именемъ „ефедры“ (ephedra vulgaris.). Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что честь открытія, собственно, этой травы, принадлежитъ самарскому лѣсническому (и донинѣ здравствующему) В. П. Партанскому, который, кажется, первый и примѣнилъ на себѣ дѣйствіе ефедры. Еще и теперь находятся потребители, которые покупаютъ у самарскихъ рекламистовъ траву за 3 р. ф., когда она въ аптекахъ стоитъ 10 к.

Серіевскія минеральныя воды въ 120 в. отъ Самары; желающіе сократить или вѣрнѣе, проѣхать съ удобствомъ два десятка верстъ могутъ ѣхать по оренб. желѣзн. дорогѣ до первой станціи Смычляевки, а оттуда уже на С. м. в. на лошадяхъ.

Болѣзни, излѣчиваемыя водами: ревматизмъ, и соединенныя съ нимъ нервныя страданія, золотуха, геморрой, женскія болѣзни и болѣзни, происшедшія отъ ртути-альнаго лѣченія (ртути).

Содержаніе, сравнительно съ другими заведеніями такого рода, дешево; заведеніе представляетъ для жизни и лѣченія много удобствъ; тамъ только одно зло—сѣрный запахъ, который многіе не выносятъ, но за то больные, живущіе тамъ, гарантированы отъ эпидемическихъ болѣзней.

На С. м. в. можно получать и кумысъ.

Въ Самарской губерніи, недалеко отъ самаго города Самары, есть довольно большое озеро, называемое Голубымъ за необыкновенно чистый голубой цвѣтъ своей воды и обладающее такими рѣдкими свойствами, что о немъ стоитъ поговорить. Озеро это лежитъ на совершенно плоской равнинѣ и представляетъ правильный круглый бассейнъ, уровень воды въ которомъ почти на одной высотѣ съ берегами. Если заглянешъ въ глубину его, то просто поражаешься свѣжестью и прозрачностью воды, позволяющей видѣть всѣ внутренніе берега, спускающіеся внизъ ровными, правильными уступами, или террасами, приблизительно аршина по три или четыре въ ширину. Уступы эти, сокращаясь въ діаметрѣ по мѣрѣ углубленія внизъ, представляютъ такимъ образомъ видъ воронки, въ центрѣ которой находится небольшое темное пятно. Лучи солнца не проникаютъ въ глубину, и дно озера остается совершенно въ тѣни. Вода необыкновенно чиста, но содержитъ въ себѣ такъ много сѣры, что для употребленія положительно негодится; за то она обладаетъ особенной способностью не замерзать въ самые сильные морозы, а лѣтомъ, въ сильнѣйшія жары оставаться такой холодной, что если опустить въ нее руку,

то ее начинать ломить. Всего же замѣчательнѣе то, что вода въ озерѣ находится въ постоянномъ движеніи снизу, изъ центра воронки къ поверхности.

Откуда берется и куда исчезаетъ накапливающаяся такимъ образомъ излишняя вода, остается для всѣхъ полной загадкой. Если бросить на средину озера какой-нибудь предметъ, то онъ погружается въ воду очень медленно, такъ что его не теряешь изъ виду минутъ десять. Если кинуть монету, то она во все время погруженія будетъ держаться въ горизонтальномъ положеніи, слегка колеблясь и описывая правильную спираль до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается едва замѣтной точкой и не скроется въ центрѣ воронки; при бросаніи же букета цвѣтовъ картина получается необыкновенно красивая. По мѣрѣ погруженія въ глубину букетъ все уменьшается; но каждый его цвѣтокъ видѣнъ совершенно отчетливо, не измѣняя своего цвѣта, пока опять-таки не скроется на днѣ воронки. Въ былое время множество посѣтителей ѣздили ежегодно на берега этого озера, запасаая букетами цвѣтовъ, тарелками, всевозможными предметами и, право, можно только удивляться, куда дѣвались миллионы предметовъ сввергнутыхъ въ него въ теченіе цѣлаго столѣтія! По народнымъ преданіямъ, на днѣ его должны храниться громадныя богатства, потому что прежніе богачи-помѣщики бросали туда золотыя монеты цѣлыми пригоршнями. Нашеся даже такой чудакъ, который сунулъ въ озеро коляску, на которой пріѣхалъ, и долго любовался, какъ она, погружаясь въ глубину, все уменьшалась и, наконецъ, сдѣлалась не больше дѣтской игрушки.

Ниже Самары по берегамъ Волги идутъ двѣ губерніи: лѣвый берегъ, самарская, правый—симбирская губернія. Деревни: *Ермаково* и *Кольцово*, на правомъ берегу; названы такъ по имени Ермака (покорителя Сибири) и Кольца; послѣдній, о которомъ упоминается въ исторіи, былъ одинъ изъ извѣстныхъ волжскихъ атамановъ-разбойниковъ, а впослѣдствіи сподвижникъ Ермака.

Нужно замѣтить, что вообще все Поволжье, начиная отъ Нижняго и кончая Астраханью, и особенно мѣстности на правомъ берегу Волги отъ Симбирска, ниже Самары и до самаго Царицына, связаны съ памятью о волжскихъ разбойникахъ, легенды и рассказы о которыхъ и до сего времени живутъ въ народной памяти.

Верстѣ двадцать пять ниже Самары, на правомъ берегу Волги начинается возвышенность, извѣстная

подъ именемъ *Печерскихъ горъ*, которыя тянутся на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ до д. Костычи. Печерскія горы богаты чернымъ известнякомъ.

*
* *

Екатериновка, первая пароходная станція ниже Самары, на лѣв. б. Волги, замѣчательна какъ хлѣбная пристань.

*
* *

Александровскій мостъ.

Не доѣзжая до Сызрани 20 в., у с. *Новыя Костычи*, чрезъ Волгу проходить знаменитый желѣзный мостъ (оренбург. ж. д. по линіи: Самара, Рязань, Пенза), названный *Александровскимъ*, такъ какъ открытъ былъ въ день тезоименитства Государя Императора, 30 августа.

Вотъ въ краткихъ словахъ исторія этого моста.

Александровскій мостъ поистинѣ можетъ назваться чудомъ русскаго искусства: это сооруженіе одно изъ величайшихъ не только въ Европѣ, но въ цѣломъ мірѣ. Мостъ построенъ въ мѣстности, гдѣ ширина рѣки, при низкомъ горизонтѣ воды, 1 в. 50 с., а глубина около 6 саж. Длина моста 1 в. 197 саж.; онъ стоитъ на 14 устояхъ, при чемъ каждый пролетъ имѣетъ 52 саж. длины. Верхъ моста желѣзный, матеріалъ приготовлялся въ Бельгii, на каменные постройки шелъ известнякъ изъ Жегулевскихъ горъ, а гранитъ, которымъ облицованы ледорѣзы и проч.—изъ Финляндіи. Стоимость моста исчислена въ 7.022.698 р.

Первоначальное составленіе проекта моста принадлежало проф. Бѣлелюбскому, но въ послѣдствіи проектъ пришлось передѣлывать по слѣдующему поводу: весной передъ началомъ постройки прибылъ воды была такъ высока, что проектированный ледорѣзъ оказался непригоднымъ. Замѣтимъ кстати, что на томъ мѣстѣ, гдѣ сооруженъ мостъ, высота воды во время разлива Волги достигаетъ 14 саж.

Строителями этого моста были инженеры Михай-

ловскій и Березинъ. Какъ извѣстно, Струве, который заключилъ контрактъ съ правленіемъ желѣзной дороги на постройку моста и приступилъ уже къ работамъ, впоследствии отказался отъ этихъ работъ, мотивируя свой отказъ частью какими-то недоразумѣніями, а частью тѣмъ, что Струве лично для себя при той смѣтѣ, которая была составлена первоначально, ничего не видѣлъ кромѣ потерь; кромѣ того онъ въ это время занимался постройкой литейнаго моста въ Петербургѣ.

Мостъ былъ открытъ 30 августа 1880 г.

Всѣ легкіе пароходы, идущіе какъ вверхъ по Волгѣ, такъ и внизъ, проходятъ Костычи днемъ, поэтому путешествующимъ представляется полная возможность любоваться этой грандіозной постройкой; пароходы обязаны проходить подъ мостомъ тихимъ ходомъ.

Нѣкоторые пассажиры рассказываютъ, что они испытываютъ жуткое чувство, когда, подѣзжая на пароходѣ подъ арки моста, въ тоже время видятъ, какъ мчится надъ головой поѣздъ. Впрочемъ, любители сильныхъ ощущеній находятъ въ этомъ своего рода прелесть. (Костычи и Батраки).

Сызрань, уѣздный городъ Симбирской губ., съ 33 т. жит., стоитъ хотя и на *правой* сторонѣ Волги, но въ низменной мѣстности, которую во время весны затопляетъ; городъ тогда представляется весь окруженнымъ водой, за исключеніемъ западной стороны. Въ это время всѣ пароходы и суда подходятъ къ самому городу; по снадѣ же водъ пароходы останавливаются верстахъ въ четырехъ отъ города у острова, который называется *Раковымъ*; дорога, ведущая отъ мѣста стоянки конторокъ до города, далеко не можетъ назваться хорошей; не мало времени отнимаетъ у пассажировъ перѣздъ на паромъ черезъ Воложку.

Сызрань основана въ 1683 г. Мѣсто, занимаемое Сызранью и уѣздомъ, было встарину покрыто дремучимъ лѣсомъ и служило притономъ всевозможныхъ разбойническихъ шаекъ; карауловъ никакихъ не было, а между тѣмъ тутъ пролежала большая дорога на Уралъ. Мѣст-

ность, которая теперь занята собственно городомъ, изобиловала „мордовскими бортными ухажьями“, т. е. пчелниками.

Въ 1614 г. казанскій стрѣлецкій голова Андрей Пальчиковъ, по повелѣнію царя, поставилъ первый острогъ на устьѣ Усы, а Соковининъ, тоже стрѣлецкій голова, построилъ тутъ укрѣпленіе—цѣлый рядъ острожковъ, подъ защитой которыхъ начинается быстрая колонизація края.

Мѣстность, которую прежде окружала крѣпость и гдѣ теперь стоятъ три каменные церкви, старая башня и зданіе присутственныхъ мѣстъ, сохранила и до настоящаго времени названіе „Кремля“.

Сызрань считается одной изъ главныхъ хлѣбныхъ пристаней всего Поволжья.

Сызранское пшено, какъ извѣстно, славится въ Россіи.

Въ Сызрани въ продолженіе года бываетъ нѣсколько ярмарокъ, но всѣ онѣ по своимъ оборотамъ очень незначительны: самая большая—*Крещенская* (оборот. 172 т.); базарная торговля въ Сызрани превышаетъ ярмарки, простираясь болѣе, чѣмъ на одинъ миллионъ руб. въ годъ.

Экономическій ростъ города началъ замѣтно развиваться съ проведеніемъ желѣзной дороги, и, кажется, недалеко то будущее, когда этотъ городъ займетъ первое мѣсто въ губерніи, оставивъ позади (во всѣхъ отношеніяхъ) своего патрона—губ. городъ Симбирскъ. И теперь уже Сызрань въ промышленномъ отношеніи, и какъ пристань, стоитъ выше Симбирска.

По своему внѣшнему виду Сызрань съ прилегающими къ ней слободами: Ильинской, Покровской и Преображенской напоминаетъ, особенно центромъ и *Симбирской* улицей (около 2½ в. длины), губернский городъ, а окраинами—плохой, уѣздный. Вообще для Сызрани въ этомъ отношеніи недостаетъ очень многого.

Близъ с. Костычи, лежащаго на правомъ берегу Волги, верстахъ въ 18 отъ Сызрани, находится знаменитый Костычевскій гротъ.

Два слова объ асфальтовомъ дѣлѣ въ Сызрани.

Приволжскія мѣсторожденія асфальта у с. Костычи были открыты еще Палласомъ, во время его путешествія по Волгѣ. Въ 1873 г. симбирское земство поручило одному геологу-нѣмцу изслѣдовать, вообще, полезныя ископаемыя въ губерніи и, въ частности, асфальтовые залежи. Ученый нѣмецъ взглянулъ на свою миссію съ высоты своего ученаго величія и хотя нашелъ мѣсто рожденія асфальта, но отнесся къ нему съ полнымъ пренебреженіемъ, какъ къ „нестоющему разработки“. Но то, чего не сдѣлалъ ученый нѣмецъ, сдѣлалъ простой сельскій учитель, нѣкто Красновъ, тщательно обследовавшій мѣстность нахожденія асфальта.

Начало асфальтоваго дѣла принадлежитъ симбирскому помѣщику Воейкову. Дѣло это начиналось съ большими затрудненіями въ виду иностранной конкуренціи, а затѣмъ, постепенно развиваясь, дошло до того, что почти совсѣмъ вытѣснило иностранный асфальтъ.

Въ настоящее время главнымъ производителемъ асфальтоваго дѣла является товарищество сызранскаго асфальтоваго завода (основ. въ 1877 г.).

За послѣднее время асфальтовому дѣлу много вредитъ фальсификація.

„Мартышка“.

Г. Сызрань нѣкоторые почему-то считают „мартышечимъ гнѣздомъ“, хотя это названіе, какъ мы увидимъ ниже, относится къ каждой населенной мѣстности на Волгѣ, особенно такой мѣстности, гдѣ сосредоточивается хлѣбная торговля.

Въ вышедшей въ 1887 г. отдѣльной книгѣ путевыхъ очерковъ „На Волгѣ“ мы такъ описывали „мартышку“.

„Мартышка“—это новый типъ, воспитанный подъ влияніемъ Колупаевыхъ, Разуваевыхъ и К°. Оффиціальная профессія „мартышки“ заключается въ томъ, что онъ состоитъ „приказчикомъ“ у хлѣбнаго торговца; въ

словѣ *приказчикъ* и кроется весь секретъ. Оказывается, что это слово—очень растяжимое понятіе. Такъ напримеръ, въ хлѣбной торговлѣ (этого края) существуетъ цѣлая плутовская система, главными героями которой являются „приказчики-мартышки“.

Въ грубомъ эксплуатированіи и надувательствѣ исключительно мелкихъ хлѣбныхъ торговцевъ, какими въ большинствѣ случаевъ являются крестьяне, и кроются мартышечьи идеалы. Чѣмъ шире кругъ дѣятельности „мартышки“, чѣмъ онъ изобрѣтательнѣе въ своей служебной сферѣ, тѣмъ онъ, естественно, дороже цѣнится своимъ патрономъ. Торговцы, смотря по своимъ торговымъ операціямъ, держатъ цѣлыя своры „мартышекъ“; первые такимъ образомъ обдѣлываютъ свои дѣла, загребая жаръ чужими руками. Случится-что, есть ширма—„мартышка“. Денно и ночью, памятуя о 173 ст. улож. о наказ. нал. мир. суд. „мартышка“ старается изъ всѣхъ силъ легально мошенничать, но случается, что онъ попадается; тогда его положеніе самое плачевное. Отъ „мартышки“ отрекается первымъ его патронъ. „Знать—не знаю, вѣдать—не вѣдаю“, говоритъ онъ, чувствуя обаяніе 173 ст., и „мартышка“, кинутый на произволъ судьбы, одинъ на своихъ плечахъ выносить всѣ роковыя послѣдствія своей предательской профессіи, на стонѣ которой стоитъ знаменательная статья.

Начиная отъ Саратова и ниже по Волгѣ, „мартышка“ утрачиваетъ свое первоначальное значеніе: „мартышкой“ тамъ называютъ „водяныхъ“ воришекъ. Слово „водяной“ тутъ необходимо прибавить, ибо водяные „мартышки“ совершаютъ свои воровскіе подвиги исключительно на водѣ; они крадутъ съ пароходовъ, баржъ и др. судовъ, подѣвзая къ послѣднимъ на легкой лодкѣ, для чего выбираютъ, конечно, самыя темныя ночи.

Саратовская и Самарская губ.

(Спасское).

Хвалынскъ, уѣздный городъ, саратовской губер., на прав. б. Волги. Какъ уѣздный городъ—одинъ изъ большихъ въ Россіи, съ 24 т. жит.

Прежде городъ былъ селомъ и назывался Сосновымъ Островомъ, вѣроятно потому, что противъ него на Волгѣ лежалъ островъ, покрытый сосновымъ лѣсомъ. Село переименовано въ городъ по царскому указу 11 января 1780 г. Названіе Хвалынскъ онъ получилъ отъ народа „хвалисовъ“, жившихъ около Каспійскаго моря.

Хвалынскъ съ своими черемшанскими скитами, находящимися въ 4 вер. отъ города среди живописной мѣстности, можетъ назваться гнѣздомъ раскола.

Верстѣ 25 ниже Хвалынска, на пр. б. Волги, близъ с. Алексѣевского возвышается гора, извѣстная подъ именемъ „Лысой Горы“, съ именемъ которой связано нѣсколько разсказовъ легендарнаго характера.

За Хвалынскомъ, на правомъ берегу Волги возвышаются такъ называемыя Дѣвичьи горы, о которыхъ сохранилось слѣдующее преданіе. Когда-то въ старину тутъ жили дѣвушки-богатыри, занимающіяся разбоемъ и грабежемъ. Если дѣвушка дѣлалась матерью, то ее ждалъ короткій судъ, ее бросали въ Волгу вмѣстѣ съ ребенкомъ, какъ навсегда потерявшую богатырскую силу.

Алексѣевка, большое село, саратовской губ., раскинувшееся на лѣв. б. Волги, съ 8 т. жит.; близъ села находится затонъ, гдѣ зимуютъ Самолетскіе пароходы; тутъ-же находится и механическій заводъ, принадлежащій этому обществу.

Въ Алексѣевкѣ бываетъ на троицкой недѣлѣ ярмарка, обороты которой не превышаютъ 100 т. руб.

Баланово, на лѣв. б. Волги, одна изъ богатѣйшихъ хлѣбныхъ пристаней по всей Волгѣ.

Балаково—село самарской губ., николаевского у., съ 12 т. жит., стоитъ на лѣв. б. Волги. По своимъ обширнымъ торговымъ оборотамъ (главнымъ образомъ,

торговлѣ хлѣбомъ) эта пристань занимаетъ второе мѣсто послѣ Самары.

Троицкая ярмарка незначительна, привозится товару на 100000 руб.

Балаково на видъ представляется большимъ уѣзднымъ городомъ, хотя въ немъ, не смотря на солидное движеніе капиталовъ, не замѣчается никакого благоустройства.

Балаковская грязь дѣйствительно „невылазна“; бываетъ время, когда нѣсколько паръ воловъ тащатъ одинъ возъ.

Въ 50 в. отъ Балакова находится водо-лечебное заведеніе „Столыпино“.

Болезни, противъ которыхъ столыпинскія воды оказываютъ наилучшую пользу: хроническій ревматизмъ, золотуха во всѣхъ ея формахъ, застарѣлыя сифилитическія и меркуріальныя страданія, накожныя болѣзни, болѣзни костей и суставовъ, застой крови въ брюшныхъ органахъ, увеличенія печени и селезенки, геморрой, невралгія; параличи, хроническія женскія болѣзни, малокровіе и происходящія отъ него страданія.

Курсъ леченія продолжается обыкновенно 1½ мѣсяца.

Лечебныя средства: желѣзистые источники, соляная вода, минеральная грязь, маточный рассоль, степной кумысъ.

Плата за суточные номеръ въ Столыпинѣ отъ 50 к. и дороже.

Стоимость семейныхъ квартиръ за все лѣто—70 руб. (2 комнаты), 90 р. (3 комнаты) и 150 руб. (6 комнатъ). Для согрѣванія квартиръ въ холодные и ненастные дни приобрѣтены переносныя печи.

Дешевыя квартиры отдаются въ деревнѣ, лежащей рядомъ съ заведеніемъ.

Для предохраненія публики отъ произвола ямщиковъ, контора водъ обязала договоромъ балаковского ямщика Полеводина перевозить пробѣжающихъ на воды

за определенную плату: за тройку и крытый тарантасъ 7 руб. 50 коп., за пару 5 р.

Вольскъ, уѣздный городъ саратовской губ., на прав. б. Волги, съ 34 т. жит., окруженъ со всѣхъ сторонъ (за исключеніемъ той, которая прилегаетъ къ Волгѣ) меловыми горами, расположенъ среди живописной мѣстности, которая пользуется прекраснымъ здоровымъ воздухомъ.

*
* *

Съ именемъ Вольска (Волжска) связана, какъ рассказываетъ „В. В.“, драма извѣстнаго всей Россіи коммерсанта и вліятельнаго человѣка Злобина. То, что теперь называется Вольскомъ, встарину была слобода *Малыковка*, подаренная императоромъ Петромъ I знаменитому „Данилычу“, т. е. князю Меншикову. Съ паденіемъ „Данилыча“ слобода поступила въ дворцовое вѣдомство (въ 1780 г.) и считалась Рыбной Слободой.

Въ 1780 г. въ свое имѣніе Царевщину пріѣзжаетъ генераль-прокуроръ князь А. А. Вяземскій, къ которому изъ Малыковки является на поклонъ, съ волжскимъ осетромъ въ рукахъ и въ сопровожденіи жены Пелагеи и тестя Волковоинова, крестьянинъ Василій *Злобинъ*. Принявъ подарокъ, князь Вяземскій проситъ Злобина, объяснявшагося за всѣхъ, указать ему въ этой мѣстности наиболѣе богатые мѣста, такъ какъ царица обѣщала подарить ему любую землю въ этомъ краѣ. Злобинъ указываетъ на урочище Маянге, въ 29 вер. отъ Малыковки, обильное лугами и рыбными озерами. Князю, дѣйствительно, пришлось по вкусу эта мѣстность, и она была ему подарена. Новый владѣлецъ строить здѣсь винокуренный заводъ и надзоръ за нимъ поручаетъ Злобину. Затѣмъ попавшій въ милость крестьянинъ вызывается въ Петербургъ. Здѣсь кн. Вяземскій, обѣщая свою помощь и покровительство, уговариваетъ Злобина взять на себя откупа. Взявъ откупа, Злобинъ начинаетъ быстро богатѣть. Онъ беретъ, затѣмъ, на откупъ, вмѣстѣ

съ надворн. совѣтникомъ Чеглоковымъ, игральныя карты во всей Имперіи, и имя Злобина, какъ милліонера, начинаетъ гремѣть. Около 20 лѣтъ его ежегодный доходъ составлялъ 500 т. руб.; бывшій крестьянинъ сталъ вхожъ къ первымъ сановникамъ Имперіи, но дерзкій языкъ сослужилъ ему плохую службу; Злобинъ долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга и направился въ свой родной Вольскъ (уже городъ) Подъѣзжая къ прежней Малыковкѣ, Злобинъ вышелъ изъ экипажа и, упавъ на колѣни, воскликнулъ: „помоги мнѣ Господи, сдѣлать это мѣсто богатымъ и счастливымъ!“ Злобинъ, дѣйствительно, началъ строить здѣсь большіе каменные дома, остатки которыхъ сохранились донинѣ.

Въ 1813 г. Злобинъ, благодаря своему удивительно-му добродушію и недобросовѣстности его подчиненныхъ, разорился, и все нажитое имъ продано съ публичнаго торга, а въ 1818 г. онъ скончался. На развалинахъ его-то благосостоянія и возникли мѣстные капиталы, создавшіе торговлю и промышленность города, но въ послѣдствіи вывезенные въ другія мѣста (говорятъ, что фирма Сапожниковыхъ явилась именно на такихъ развалинахъ). Фамилія Сапожникова, жителя г. Вольска, также извѣстна всему Поволжью. Покровская церковь построена Сапожниковымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ казненъ его дѣдъ Пугачевымъ.

*
* *

Вольскъ при учрежденіи саратовскаго намѣстничества переименованъ въ уѣздный городъ.

Когда-то Вольскъ славился богатствомъ лѣса, но теперь отъ этого богатства остались только жалкія воспоминанія.

Приблизительно около версты отъ пароходныхъ конторокъ раскинутъ Сапожниковскій садъ, гдѣ помѣщается мѣстный клубъ.

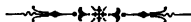
Вольскъ, какъ и Хвалыискъ, считается центромъ раскола; въ обоихъ уѣздахъ распространены всевозможныя секты. Тутъ есть австрійцы, бѣглопоповцы, спасовцы, левяки, средняки и др. Каждая секта имѣетъ свой молитвенный домъ, гдѣ совершаютъ богослуженія. Кромѣ общаго раззединія по вѣрѣ, вольцы страдаютъ отсутствіемъ единенія въ семействахъ, въ которыхъ весьма часто глава семейства держится одной секты, мать другой, дѣти ни той ни другой. Отъ этого происходитъ семейный

разладъ. Случаи разводовъ супруговъ, сведенныхъ по расколу, постоянны; разводы эти особенно тяжелы для дочерей православныхъ, которыя вступаютъ въ бракъ съ раскольниками по расчету. Не вытерпѣвъ порядковъ и обычаевъ раскольнической семьи, онѣ уходятъ обратно домой съ однимъ побоищемъ да незаконно-рожденными дѣтьми.

«За Вольскомъ нѣмецъ пошелъ....»

Народная поговорка.

Въ статьѣ „Нѣмцы на Волгѣ“ г. А. Велицынъ въ „Р. В.“ такъ рисуетъ картину нравовъ самарскихъ приволжскихъ колонистовъ.

А если вы хотите видѣть настоящихъ приволжскихъ колонистовъ, такъ пойдите, я вамъ ихъ покажу.

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, и затѣмъ мой спутникъ черезъ перила парходной террасы указалъ мнѣ въ третьемъ классѣ на безобразную картину.

Человѣкъ шесть полунынныхъ мужчинъ—въ нихъ я безъ труда узналъ колонистовъ—грязные и рваные, пили пиво и горлангли пѣсни; двѣ, три женщины въ изодранныхъ платьяхъ также участвовали въ попойкѣ. Въ сторонѣ, на кучѣ тряпья, лежало нѣсколько полунагихъ дѣтей.

— Вотъ вамъ настоящіе приволжскіе колонисты, съ горечью сказалъ мнѣ старикъ, — вотъ до чего они дошли!

— Но вѣдь это не болѣе, какъ исключеніе.

— Къ сожалѣнію нѣтъ! То, что видите здѣсь, вы увидите всюду въ колоніяхъ Поволжья. Я говорю о колоніяхъ самарскихъ Нѣмцы въ камышинскомъ уѣздѣ еще держатся, но эти—эти превратились въ настоящихъ звѣрей... А какъ недавно еще колоніи самарскія были богаты, и народъ былъ набоженъ, трудолюбивъ и порядоченъ. Въ какія-нибудь двадцать лѣтъ все пошло прахомъ!...

Мы вернулись на террасу, и здѣсь подъ мѣрный шумъ машины, грустно глядя въ густѣющую мглу темной лѣтней ночи, мой собесѣдникъ въ краткихъ словахъ рассказалъ мнѣ, какъ рухнуло бывшее богатство приволжскихъ колоній.

Пока существовала контора опекуства надъ колоніями, пока твердая и бдительная власть руководила и направляла каждымъ шагомъ колоніальной жизни, колоніи преуспѣвали. Перейдя съ самаго основанія отъ подворно-общиннаго землевладѣнія, и понемногу существующаго въ южныхъ колоніяхъ, къ землевладѣнію общинному, колоніи на Волгѣ тѣмъ не ме-

нѣе достигли высокой степени благосостоянія. Передѣловъ почти не было, капиталы общественные почти росли изъ-года-въ-годъ, порядокъ и благоустройство царили въ колоніяхъ.

Но затѣмъ, послѣ уничтоженія конторы опекунства, все рухнуло. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ-бы по инспекціи, продолжался прежній порядокъ вещей, но съ уничтоженіемъ твердой власти, близко стоявшей къ мѣстному населенію, въ массѣ колонистовъ стали пробуждаться до сихъ поръ дремавшіе въ нихъ дурные инстинкты той безшабашной голи, какою были ихъ предки при пріѣздѣ въ Россію. Начались ссоры и неурядицы; народъ началъ раздѣиваться; пошли растраты мірскихъ капиталовъ, передѣлы земли; обработка почвы ухудшилась; начались продажи скота, а потомъ, идя по наклонной плоскости, хозяйство колоній быстро пришло въ упадокъ. Наряду съ матеріальнымъ разореніемъ шелъ и упадокъ нравственности. Кирки и костелы (среди колонистовъ много католиковъ) опустѣли; пьянство и разгулъ приняли ужасающіе размѣры; ви съ ними пошли преступленія, преимущественно противъ нравственности....

Воскресенское, село, замѣчательно вишневыми садами.

Баронскъ (Екатериштадтъ), нѣмецкая колонія Самарской губ., на лѣв. б. Волги, съ 2500 жит. Баронскъ считается родоначальникомъ колоній, расположенныхъ на Волгѣ, Самарской губ. Эти колоніи (вверхъ по Волгѣ отъ Баронска)—Клейнъ-Обернонжъ, Гокельбергъ, Браугаузенъ, Сузенталь, Унтервальденъ, Лупернъ, Цугъ, Золотурнъ, Цюрихъ, Газель, Гларусъ и Шавгаузенъ.

Жители колоніи нѣмцы—лютеране, занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, огородничествомъ, разведеніемъ табачныхъ плантацій и частью торговлей.

Въ Баронскѣ поставленъ памятникъ Екатеринѣ II, которая, какъ извѣстно, своимъ указомъ 1765 г. приглашала иностранцевъ въ Россію, предложивъ послѣднимъ всевозможныя льготы. (Подробности объ этомъ событіи см. при описаніи Сарепты).

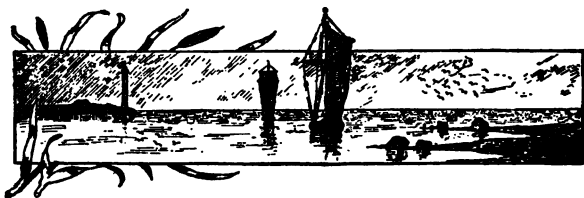
Баронскъ замѣчателенъ какъ хлѣбная пристань.

Всѣ названныя выше колоніи представляются зажиточными и цвѣтущими въ сравненіи съ русскими поселеніями. Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ экономическо-соціальныхъ и др. условіяхъ, въ традиціон-

номъ характерѣ русскаго и нѣмца, наконецъ, частью, и въ томъ обстоятельствѣ, что большая часть помѣщичьихъ имѣній, расположенныхъ по Волгѣ, самарской и саратовской губерній, перешли во владѣніе „кулаковъ“; какъ послѣдніе хозяйничаютъ, извѣстно всѣмъ.

Кстати, говоря объ этомъ краѣ, слѣдуетъ упомянуть о русскихъ раскольникахъ и татарахъ, экономическое положеніе которыхъ находится также въ удовлетворительномъ состояніи.

(Покровское).

САРАТОВЪ, съ 133 т. жит., на прав. б. Волги

Историческій очеркъ. Въ „спискахъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи“ (изд. цент. стат. ком. м. в. д.) между прочимъ говорится, что Саратовъ былъ основанъ татарами и что тогда эта была маленькая деревушка Сари-тау, что въ переводѣ значить — желтая гора, лежавшая при р. Саратовкѣ, на лѣвомъ берегу Волги, въ 10 вер. ниже того мѣста, гдѣ теперь стоитъ Саратовъ (или вѣрнѣе слобода Покровская).

Саратовскій край до 16-го столѣтія принадлежалъ татарамъ. Это доказывается историческими данными и памятниками, остающимися до настоящаго времени. Къ такимъ памятникамъ принадлежатъ курганы (искусственные холмы), гдѣ находятъ серебряную монету съ татарскими надписями, разную татарскую утварь и т. п. Нѣкоторыя рѣчки и села называются и теперь татарскими именами.

Кому принадлежалъ этотъ край до татаръ, неизвѣ-

стно, хотя нѣкоторые изслѣдователи старины очень логично говорятъ, что онъ принадлежалъ *какой-то* народности, теперь исчезнувшей со страницъ исторіи,

На томъ же мѣстѣ, т. е. на лѣвомъ берегу Волги, ниже настоящаго Саратова, была построена маленькая русская крѣпостца, которая, какъ и прочіе города, „остроги“, и т. п., возникающіе въ то время на Волгѣ, играла роль сторожевой станціи. Это событіе произошло въ 1591 г., въ царствованіе Θεодора Іоанновича; спустя 13 лѣтъ крѣпость эта была разрушена дикими кочевниками.

Хотя Саратовъ въ 1891 году и праздновалъ 300-лѣтіе своего существованія, но исторія далеко не установила съ точностію годъ его основанія

Не прошло и 16 лѣтъ со дня основанія Саратова, какъ его въ качествѣ уѣзднаго города причислили къ астраханской губерніи.

Окончательное присоединеніе Саратовскаго края къ русскимъ владѣніямъ послѣдовало въ царствованіе Іоанна Грознаго.

Приблизительно между 1605 и 1606 гг. Саратовъ, постоянно подвергавшійся нападеніямъ хищниковъ, былъ переведенъ на мѣсто нахожденія настоящаго Саратова.

Саратовъ съ первыхъ годовъ существованія и до того времени, когда въ силу указа Екатерины II былъ переименованъ въ губернію, перенесъ немало невзгодъ.

Перечислимъ главные изъ нихъ.

Съ переходомъ Саратова на правый берегъ, хищническіе набѣги татаръ, калмыковъ и т. п. не прекращались; къ послѣднимъ скоро присоединились и русскіе въ образѣ разбойниковъ, особенный наплывъ которыхъ относится къ царствованію Алексѣя Михайловича. То время было богато людьми, искавшими простора, воли и разгула, хотя все это покупалось цѣною крови мирныхъ жителей. Разбойническій контингентъ состоялъ изъ бѣглыхъ крестьянъ „холоповъ“, казаковъ и проч. „голытьбы“, которые жгли и грабили, наводя ужасъ на жителей всего Поволжья, начиная отъ Нижняго и кончая Астраханью.

Изъ разбойниковъ больше всѣхъ приобрѣли извѣстность Разинъ и Пугачевъ; память о нихъ и до настоящаго времени живетъ въ народныхъ разсказахъ, пѣсняхъ и сказкахъ описываемаго края.

Отъ нападенія этихъ разбойниковъ не избавился и Саратовъ. Разинъ вошелъ въ городъ хитростью. Подойдя къ городскимъ стѣнамъ, онъ просилъ пустить его помолиться свв. угодникамъ, обѣщаясь не сдѣлать никакого зла. Легковѣрные саратовцы впустили Разина, который, разграбивъ городъ, удалился.

Но больше всего Саратовъ пострадалъ отъ нашествія Пугачева.

Изъ Пензы Пугачевъ съ своими полчищами, состоящими изъ всякаго сброда, двинулся къ Саратову, который въ то время имѣлъ регулярнаго войска около 500 человекъ. Когда Пугачевъ былъ уже передъ стѣнами Саратова, начальство послѣдняго спорило, кому принять команду чадъ войскомъ. Въ этомъ спорѣ принимали участіе Державинъ (извѣстный поэтъ), въ чинѣ поручика гвардіи, полковникъ Бошнякъ, и Ладыженскій (статскій совѣтникъ). Между послѣдними былъ особенно горячій споръ по поводу того, какой выше чинъ—статскій совѣтникъ или полковникъ. Кончилось тѣмъ, что начальство надъ войскомъ принялъ Бошнякъ. Ладыженскій и Державинъ сочли за лучшее удалиться изъ города раньше, чѣмъ ворвался туда Пугачевъ. Около самаго города между правительственными войсками и шайками Пугачева произошла битва. Бошнякъ, подавленный, какъ говорится, массами, былъ разбитъ. Городъ былъ преданъ варварскому насилію разбойническихъ шаекъ.

Это событіе произошло въ 1774 г. 5 августа.

Разсказываютъ о геройскомъ подвигѣ, который проявила при этомъ одна юная дѣвушка, дочь саратовскаго коменданта Томаса Юнгера; она очень понравилась Пугачеву, который изъявилъ желаніе взять ее въ наложницы. „Лучше умереть, чѣмъ жить съ разбойникомъ“, сказала она, смѣло смотря въ глаза Пугачеву. Марія Юнгерь была отправлена Пугачевымъ въ Царицынъ, но на дорогѣ была спасена Бошнякомъ.

Кромѣ описанныхъ выше невзгодъ Саратовъ (въ то время саратовское воеводство) много терпѣлъ и отъ своихъ внутреннихъ беспорядковъ, которымъ много способствовали разные начальники (воеводы), отличающіеся несправедливостью, лихоимствомъ и такими безобразными подвигами, какъ напримѣръ, травленіе людей медвѣдями, какъ дѣлалъ это астраханскій воевода Хованскій (въ то время Саратовомъ управлялъ астраханскій воевода).

Въ 1780 г. послѣдовалъ указъ Екатерины II объ учрежденіи въ Саратовѣ губерніи (по др. источникамъ Саратовъ дѣлается губ. городомъ только въ 1797 г.).

Съ этого времени и начинается экономическій ростъ Саратова, который подвергался еще нѣсколько разъ ужаснымъ бѣдствіямъ, немало разоряющимъ его. Къ числу такихъ бѣдствій слѣдуетъ отнести чуму 1807 г. и др. эпидемическія болѣзни и пожары,

Народонаселеніе Саратовскаго края росло очень быстро. Одной изъ главныхъ причинъ этого роста могло служить то обстоятельство, что Саратовъ населялся частью, такъ сказать, искусственно, напримѣръ, въ 1828 г. въ Саратовъ были посланы 500 семействъ бывшихъ питомцевъ воспитательнаго дома, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовалось въ окрестностяхъ города 5 селъ; Михайловское, Маріинское, Константиновское, Николаевское и Александровское.

Святыни, историческіе памятники и др. достопримѣчательности города. Изъ древнихъ храмовъ, обращающихъ на себя вниманіе, замѣчательны: Казанская церковь, основаніе которой относятъ ко времени основанія города. Въ Казанской церкви хранится много древностей, какъ напримѣръ, евангеліе напечатанное въ концѣ XVII в.; при этой-же церкви былъ основанъ мужской монастырь, который въ послѣдствіи (въ 1822 г.) былъ переведенъ къ мѣстности, называемой Лысой Горой; Троицкій соборъ воздвигнутый въ центрѣ „старого“ города, прежде былъ деревянный, нѣсколько разъ горѣлъ, и къ 1697 г., по повелѣнію царей Петра и Іоанна,

былъ построенъ каменный; постройка его продолжалась нѣсколько лѣтъ. Въ этомъ соборѣ, обращенномъ теперь въ приходскую церковь, хранятся: чтимая святыня—образъ Нерукотвореннаго Спаса, древнія утварь и книги, какъ напримѣръ, евангеліе 1698 г., потиръ, пожертвованный астраханскимъ епископомъ Антоніемъ и др.

Въ храмѣ, построенномъ въ началѣ 60-хъ годовъ на мѣстѣ древней часовни, находится чтимая мѣстными жителями святыня—Животворящій Крестъ, найденный, по преданію, при основаніи Саратова.

Въ память войны 12 г. былъ заложенъ (въ 1815 г.) соборъ св. Александра Невскаго.

*
* *

Радищевскій музей.

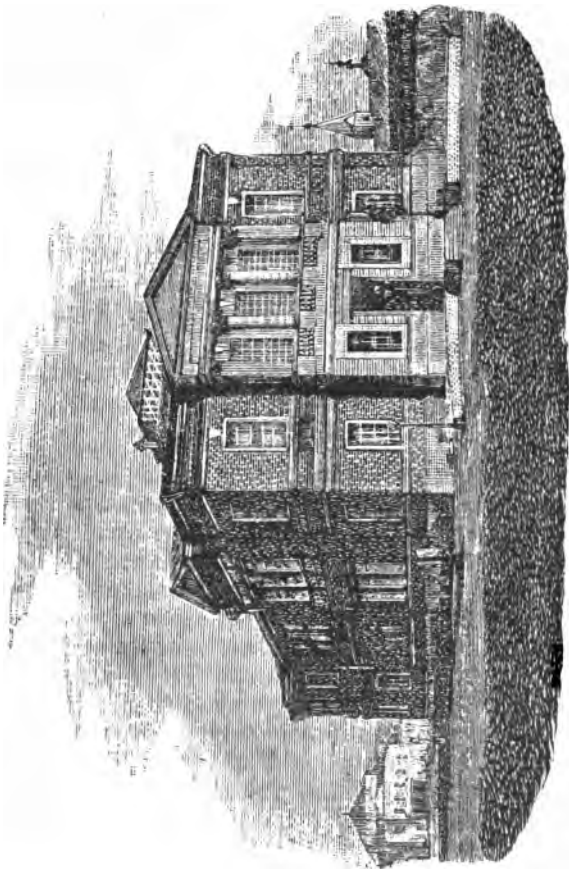
Радищевскій музей—выдающаяся достопримѣчательность Саратова. Музей устроенъ заботами и средствами города и профессора Боголюбова (Радищевъ былъ дѣдъ Боголюбова); открытъ 29 іюня 1885 г.

Между многими рѣдкостями музея обращаютъ на себя вниманіе два портрета Тургенева; тутъ же рядомъ находятся: маска, снятая съ лица покойнаго Тургенева, слѣпокъ съ руки, перо, наконецъ, небольшое кресло, принадлежавшее великому художнику; всѣ эти предметы пожертвованы Віардо.

Всѣхъ предметовъ въ настоящее время Радищевскій музей насчитываетъ до 4 т. Изъ нихъ многіе пожертвованы высочайшими особами, Императорской Академіи Художествъ, Эрмитажемъ, Боголюбовымъ, К. М. Радищевой и др. Въ музеѣ, между прочимъ, находится богатый поясъ Пугачева, который тотъ подарилъ мальчику, сыну священника въ с. Ровномъ, за то, что этотъ мальчикъ встрѣтилъ Пугачева со звономъ, хотя въ то-же время священника, уговаривающаго крестьянъ не пускать Пугачева, послѣдній велѣлъ повѣсить.

Кромѣ того основатель музея, профессоръ А. П. Боголюбовъ, прислалъ прекрасно исполненную бронзовую статую ангела въ 1/4 величественнаго роста рабо-

ты художника-скульптора г-жи Мартынь, вѣсъ статуи 10 пудовъ, и большое собраніе рисунковъ (59 экземпляровъ), въ числѣ которыхъ 39 акварелей. Затѣмъ,

Радищевскій музей въ г. Саратовѣ.

саратовецъ проф. А. Н. Пыпинъ пожертвовалъ гипсовую маску Т. Г. Шевченко и 12 автографовъ русскихъ писателей: Костомарова, Тургенева, Салтыкова, Некрасова, Помяловскаго, Кавелина, Даля, Дружинина, барона Н. А.

Корфа, Корша, Анненкова и Стоюнина. Пожертвованіе г. Пыпина передано въ музей писателемъ Д. Л. Мордовцевымъ. Наконецъ, В. Л. Нарышкинъ выслалъ портретъ старика-начетчика, работы покойнаго художника И. Н. Крамского. Радищевскій музей получилъ отъ А. В. Звенигородскаго весьма интересный и цѣнный даръ: изданное съ необыкновенной роскошью, изданіе соч. профессора Кондакова о византійскихъ эмаляхъ, замѣчательной колллекціей которыхъ владѣетъ жертвователь.

Изъ картинъ и этюдовъ художника Бронникова обращаетъ на себя вниманіе картина: „Больной у воротъ католической обители“.

* * *

Въ Саратовѣ издаются двѣ газеты: „Саратовскій Дневникъ“ и Саратовскій Листокъ“. Кромѣ того въ прошломъ году вышла третья газета,—спеціальный органъ колонистовъ-католиковъ.

Несмотря на всѣ бѣдствія и невзгоды, Саратовъ въ торгово-промышленномъ отношеніи развивался необыкновенно быстро; современное экономическое состояніе его характеризуется эпитетомъ „Волжской Столицы“. Дѣйствительно, по своимъ торговымъ оборотамъ, по численности жителей это одинъ изъ первыхъ городовъ на Волгѣ. Саратовъ называется житницей Россіи, благодаря своей черноземной почвѣ, которая въ состояніи была прокормить добрую половину всей Россіи. Впрочемъ, судя по послѣднимъ годамъ, въ которые замѣчается упадокъ земледѣлія, названіе „житницы“ не выдерживаетъ критики. Какъ на причины упадка въ этомъ смыслѣ, мы можемъ указать на безпопашное эксплуатированіе земли, лѣсоистребленіе, а слѣд. и засухи и т. п.

Главный предметъ саратовской торговли—хлѣбъ, во всѣхъ его видахъ, почему заводская и фабричная промышленность главнымъ образомъ была направлена на обработку продуктовъ сельскаго хозяйства. Скотоводство является главной отраслью промышленност

Производство сарпинковыхъ издѣлій ручного ткачества въ послѣднее время вытѣсняетъ фабричное производство.

Описаніе города. Главная улица въ Саратовѣ—Нѣмецкая; тутъ помѣщаются всѣ главные магазины. Главная площадь—Соборная; эта площадь окружена съ трехъ сторонъ бульваромъ, такъ называемымъ „Липки“.

Изъ обыкновенныхъ зданій, обращающихъ на себя вниманіе своей вышностью, можно указать на громадный мукомольный заводъ Рейнеке; онъ выстроенъ въ 7 этажей и расположенъ на берегу Волги, близъ такъ называемыхъ Триумфальныхъ воротъ; по сосѣдству съ заводомъ Рейнеке построено еще нѣсколько такихъ-же (мукомольныхъ) заводовъ. На Сергіевской улицѣ воздвигнутъ богато отдѣланный домъ Кокуева. Выстроенный вновь на товарной станціи, элеваторъ представляетъ грандіозное зданіе.

Санитарное состояніе старой части г. Саратова таково, что совсѣмъ ужъ не соотвѣтствуетъ названію самаго города—Волжской столицы.

*
* *

Злоба саратовскаго дня заключается въ слѣдующемъ: первое—обмелѣніе Волги или, другими словами сказать, то обстоятельство, что Саратовъ вдругъ очутился верстахъ въ 2-хъ отъ Волги: „кормилица“ сыграла плохую шутку съ своей столицей, измѣнивъ свое вѣковое теченіе.

Разсказывать подробности о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали это событіе, о всѣхъ „мѣрахъ“, „проектахъ“, наконецъ, о милліонахъ, потраченныхъ на углубленіе фарватера,—это значило-бы написать очень длинную и довольно скорбную, хотя и „обыкновенную“ исторію...

Открытіе университета также составляетъ злобу саратовскаго дня; слухъ объ этомъ открытіи ходитъ уже давно.

*
* *

Слобода Покровская, что раскинулась на нѣсколь-
ко верстъ противъ Саратова на лѣвомъ берегу Волги—
самарской губерніи, новоузенскаго уѣзда. Мѣстность,
занимаемая Покровской слободой, и Степь, прилегающая
къ ней, извѣстная подъ именемъ „Поганого поля“,
встарину служили мѣстомъ, гдѣ кочевали калмыки. Жи-
тели слободы издавна занимались перевозкой соли изъ
Эльтонскаго озера. Изъ истории описываемой слободы
XVIII ст. слѣдуетъ отмѣтить слѣдующій фактъ: во время
нашествія Пугачева слободской староста Кобзарь отка-
зался признать власть разбойника, за что и былъ по-
вѣшенъ.

Въ навигацію 95 г. въ Саратовъ доставленъ гран-
діозныхъ размѣровъ паровой стальной паромъ для пе-
ревозки желѣзнодорожн. поѣздовъ черезъ Волгу изъ
Саратова въ слободу Покровскую.

Легенда о Кудеярѣ.

Въ историческихъ сборникахъ о Саратовѣ и Саратовскомъ краѣ и
въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ было напечатано много статей о
Кудеярѣ и Кудеяровой горѣ, находящейся близъ села Лога, саратовскаго
уѣзда. Покойный Авдѣй Ивановичъ Соколовъ дѣлалъ специальную поѣз-
дку въ Логъ для изслѣдованія подземнаго жилища Кудеяра и боковой
галлерей, устроенной разбойникомъ. А. Н. Минхъ посвятилъ немало статей
описанію горы, ея загадочной галлерей и „закопченной отъ дыму трубы,
спускающейся къ центру горы“. Бывшій саратовскій губернаторъ А. И.
Косицъ предполагалъ произвести раскопку галлерей. Въ зданіяхъ Импера-
торскаго московскаго археологическаго общества встрѣчаются замѣтки,
повторяющія сообщенія А. И. Соколова и А. Н. Минха. По рассказамъ о
Кудеярѣ Н. И. Костомаровъ написалъ прекрасный романъ. Словомъ, о го-
рѣ Кудеяра и отчасти о немъ самомъ существуетъ уже цѣлая литература
въ видѣ значительнаго числа статей и замѣтокъ, разсѣянныхъ въ истори-
ческихъ сборникахъ, изданіяхъ ученыхъ обществъ и въ мѣстной печати.

Въ „С. Д.“ помѣщена интересная статья г. Краснодарскаго,
который лично изслѣдовалъ весь районъ жилища Кудеяра и записалъ ле-
генду о немъ.

Кудеяра, какъ Ермака и Стеньку Разина, народъ выводитъ съ До-
ну, но личность его представляетъ себѣ въ чертахъ нѣсколько отличныхъ
отъ двухъ героевъ Волги. Ермакъ и Стенька были носителями извѣстной
политической идеи.

Про Ермака народъ пѣлъ:

Атаманъ говорилъ донскимъ казакамъ,
А по имени Ермакъ Тимофеевичъ:
„Ой, вы, гой, еси, братцы, атаманы казачіе,
Не легка-то у насъ дума задумана,
И страшна-то у насъ шутка-зашучена....
А пойдемте мы, братцы, на царство Сибирское“.... и т. д.

Про Стеньку тоже осталась пѣсня:

Уродился у насъ, братцы, на тихомъ Дону,
Удалъ, воленъ добрый молодецъ,
Степанъ Разинъ, Тимофеевичъ, по прозванію.
Во казачій кругъ Степанушка хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думъ не думывалъ,
Ходилъ, гулялъ Степанушка въ царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою:
„Ой, ты, гой, еси, голь перекатная,
Что отъ вѣтру то, голь, шатаешься“ и т. д.

Съ личностью Кудеяра не связано никакой политической идеи, но народъ сложилъ про него лучшую изъ своихъ пѣсень, каждая строка которой полна глубокой поэтической прелести:

Не шуми ты, мати зеленая дубравушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати,
Что завтра мнѣ добру молодцу на судъ идти,
Передъ грознаго судью самого Царя.... и т. д.

Кудеяръ въ этой пѣснѣ является выразителемъ русскаго удалства, русскою силой, пролагавшей пути русскому человѣку къ „вольнымъ степямъ“, къ ширѣ и простору отнятыхъ у татарщины земель. По народнымъ рассказамъ, „лицомъ онъ былъ пригожъ“, „тѣломъ статенъ“, „умъ имѣлъ обширный“, „силу богатырскую“, „народу честно жаловалъ“, „во пиру былъ ласковъ, во имѣніи веселъ“, „къ краснымъ дѣвицамъ ластился, молодницамъ проходу не давалъ“. Бабы, по народнымъ сказаніямъ, и сгубили добраго молодца.

На логовскій горѣ Кудеяръ собралъ шайку подобныхъ себѣ молодецъ и съ нею разбивалъ царскія и купеческія суда на Волгѣ. Ходилъ онъ въ Казань и Астрахань, проникалъ и въ далекую Сибирь. Вотъ почему на Волгѣ почти столько же „кудьяровскихъ высей“, сколько „стенкиныхъ утесовъ“. Награбленные богатства хранились въ подземной кладовой внутри горы. Подземное помѣщеніе въ критическую минуту служило убѣжищемъ и для шайки. Днемъ шайка била, грабила, а вечеромъ предавалась разгулу и веселью.

Легенда о женитбѣ Кудеяра весьма поэтична. „Дѣйствовалъ“ онъ съ своею шайкой однажды на Окѣ у Нижняго-Новгорода. Много крови было пролито, много золота собралось въ его казнѣ. Напала вдругъ тоска на атамана и зашелъ онъ въ монастырь ко всенощной помолиться. Чѣмъ далѣе шла служба, тѣмъ легче становилось на душѣ разбойника. Упалъ онъ на колѣни предъ Владычицей и, горько рыдая, просилъ у Нея прощенія и далъ клятву больше не пачкать въ крови своихъ рукъ. Въ эту минуту духовенство обвинило нѣкогда сего прощающагося Кудеяра въ

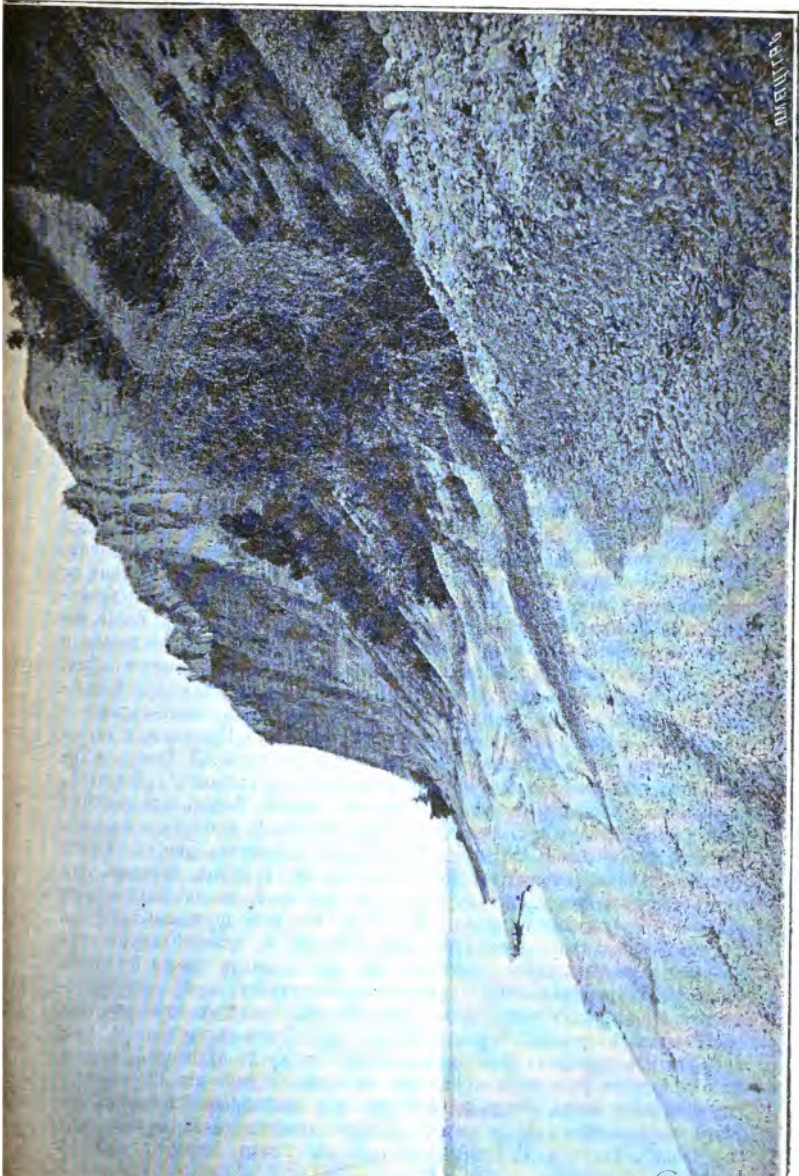
кой любовью взглянула ему въ лицо. Еще свѣтлѣе стало на душѣ атамана. Изъ церкви онъ вышелъ успокоенный, въ станъ не пошелъ, долго бродилъ по лѣсу и набрелъ на келью отшельника. Святому отцу онъ исповѣдался во всѣхъ грѣхахъ своихъ. Одинъ лишь грѣхъ утаилъ—грѣхъ любви къ дѣвушкамъ, отрেকшейся отъ міра и дѣла его. Каждую службу они встрѣчались въ церкви. Встрѣчи закончились тѣмъ, что Кудеяръ увезъ монахиню и женился на ней. Возвратившись въ станъ, Кудеяръ предложилъ разбойникамъ мирно разойтись.

Почти въ каждой изъ губерній по Окѣ и Волгѣ указываютъ мѣсто жилища Кудеяра. На Окѣ много кудеяровскихъ урочищъ. Большая дорога отъ Елатмы на Рязань до сихъ поръ называется кудеяровой дорогой. Въ Сибири много мѣстъ, которыя носятъ имя разбойника. Былъ-ли онъ живою личностью, или народная фантазія сконцентрировала въ немъ наиболѣе типичныя черты удалого молодца эпохи Грознаго, вопросъ до сихъ поръ не рѣшенный.

Еще недавно, въ 97 г., крестьяне орловской губ. мценскаго у., д. Гремучій Ключъ, Мѣшково и др. ходатайствовали о разрѣшеніи имъ разрыть колодець „Гремучій Ключъ“, гдѣ, по народному преданію, разбойникомъ Кудеяромъ назадъ лѣтъ съ 300 была утоплена его любовница-боярыня, а съ нею вмѣстѣ погибли, якобы, несмѣтныя богатства, состоящія изъ кучи жемчуговъ, зеренъ бурмицкихъ, золота и серебра.

Начиная отъ Саратова, правый берегъ Волги представляетъ очень живописный видъ; масса дачъ, деревень и хуторовъ, тонущихъ въ зелени, оживляютъ мѣстность. Но верстѣ 20 ниже Саратова правый берегъ рѣзко измѣняетъ свой характеръ: онъ уже имѣетъ видъ голыхъ утесовъ, которые носятъ общее названіе „столбичей“.

Столбичи.

Унecкское городище.

„Къ числу неизслѣдованныхъ памятниковъ старины, которыми такъ богато низовое Поволжье, принадлежитъ Унecкское городище, находящееся на крутомъ берегу Волги, въ 10 верстахъ ниже Саратова, у деревни Увекъ, при рѣчкѣ Увековкѣ. Прошлое Укека остается мало выясненнымъ. Источниками по исторіи этой мѣстности служатъ писатели Востока; на основаніи этихъ источниковъ отечественные изслѣдователи старины считаютъ Укекъ однимъ буртасскимъ, другіе — татарскимъ городомъ. На Унecкскомъ городищѣ произведена только одна небольшая раскопка въ 1878 году профессорами Кеслеромъ и Гримомъ, при чемъ была найдена, идущая по направлению къ Волгѣ, водопроводная жила, гончарныя трубы которой спаяны очень прочнымъ известковымъ цементомъ. Между тѣмъ, находимые здѣсь, въ значительномъ количествѣ, серебряныя и мѣдныя монеты, украшения, мѣдная и глиняная посуда, часто съ восточными орнаментами, остатки древняго кладбища со скелетами и могильными плитами и другіе предметы старины приводятъ къ предположенію, что когда-то Укекъ представлялъ крупный центръ древней жизни и что въ его развалинахъ хранятся слѣды древнѣйшихъ культуръ.

На цѣнное въ научномъ отношеніи значеніе раскопокъ Унecкскаго городища обратилъ вниманіе предсѣдатель саратовской ученой архивной комиссіи князь Л. Л. Голицынъ, который представилъ въ названную комиссію докладъ о неотложной необходимости раскопокъ Укека, и затѣмъ по порученію той-же комиссіи, составилъ, совмѣстно съ правителемъ дѣлъ комиссіи С. С. Красnodубровскимъ, подробный докладъ о древностяхъ Укека, собравъ и обработавъ въ немъ историческія свѣдѣнія объ этой мѣстности и о предметахъ древности, найденныхъ тамъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Въ настоящее время этотъ докладъ появился въ печати отдѣльною брошюрой. Авторами приведено въ немъ много интересныхъ предположеній и соображеній о древнѣйшихъ обитателяхъ саратовскаго Поволжья, о глубокой давности Укека и значенія его раскопокъ для науки. У Гомера и Гезіода есть уже указанія о „донтеляхъ кобылицъ“, „млекоѣдахъ“, „скиеахъ“, въ которыхъ историки видятъ кочевниковъ южной Россіи, населявшихъ степь между Дономъ и Волгою. Болѣе опредѣленные указанія о первыхъ обитателяхъ Поволжья даетъ исторія Геродота. Помѣстивъ „по ту сторону Танаида“ (на лѣвой сторонѣ Дона) савроматовъ, Геродотъ говоритъ, что „надъ ними“ живутъ „будины, народъ многолюдный, съ свѣтло-голубыми глазами и съ рыжими волосами. Въ землѣ ихъ есть деревянный городъ Гелонъ. Каждая сторона городской стѣны имѣетъ въ длину 30 стадій: стѣна высока, вся изъ дерева, а также изъ дерева дома и храмы будиновъ. Тамъ есть святилища эллинскихъ божествъ, съ кумирами, алтарями и храмами изъ дерева, а въ честь Діониса устраиваются тамъ каждыя два года празднества съ оргіями. Первоначально гелоны были тѣ-же эллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ и поселившіеся среди будиновъ.... Страна ихъ изобилуетъ разнородными лѣсами. Въ обширѣйшемъ изъ лѣсовъ находится большое озеро, окруженное болотами и тростникомъ. Въ озерѣ ловятся выдры, бобры и другія животныя; кожи ихъ употребляются на опушку кафтановъ“. Извѣстіе Геродота о мѣстахъ жительства будиновъ учеными

комментируется весьма различно. Одни помышляют будиновъ на Вислѣ, къ сѣверу до Балтійскаго моря, другіе—между Дономъ и Волгою, въ сѣверной части астраханской губерніи, въ саратовской и далѣе къ сѣверу до нынѣшней Перми. Последнее опредѣленіе ближе подходит къ тексту Геродота. Весьма вѣроятно, что Волга („Вредъ“), величайшая рѣка русскаго востока, дала имя и названіе „выдене“, которое Геродотъ передалъ черезъ *судины*, а по другому произношенію *будины*. Тѣхъ-же будиновъ Геродота авторы доклада о древностяхъ Улека видятъ въ позднѣйшихъ *аорсагахъ* Страбона, въ *бунарахъ* армянскаго писателя Моисея Хоренскаго и въ *буртасахъ* арабскихъ писателей. Такимъ образомъ, во времена Геродота низовое Поволжье было уже заселено, и жители его имѣли торговые сношенія съ классическимъ міромъ. Въ то время сѣверный берегъ Чернаго моря былъ покрытъ цѣлымъ рядомъ эллинскихъ городовъ и колоній, которые все вели торговлю съ варварскими народами, населявшими тогда пространства современной Россіи. У Геродота и другихъ писателей древности указаны даже пути, по которымъ производилась эта торговля; это были рѣки: Вугъ, Днѣстръ, Днѣпръ и Донъ. Предметами торговли служили: хлѣбъ, янтарь, пшеница, мѣха, соленая рыба, *золото*. Объ огромномъ наплывѣ золота въ греческія колоніи Таманскаго полуострова свидѣлствуютъ курганныя раскопки, которыя поражаютъ обиліемъ находимыхъ въ нихъ золотыхъ вещей. Авторы доклада не признаютъ исторіи о золотомъ рунѣ и аргонавтахъ достаточно прочнымъ основаніемъ для заключенія, что золото вывозилось въ Грецію только съ Кавказа, и приходятъ къ той мысли, что оно добывалось также и на Уралѣ и доставлялось черезъ Волгу на Донъ, а отсюда въ черноморскія колоніи эллиновъ. Волга, слѣдовательно, была извѣстна грекамъ, какъ торгово-промышленный путь изъ Азовскаго моря въ Волжско-Камскій край. На этомъ торгово-промышленномъ пути и могли жить тѣ выходцы изъ греческихъ городовъ, которыхъ Геродотъ называетъ гелонами. На Волгѣ же находился и городъ ихъ Гелонъ, и если онъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, былъ сожженъ Даріемъ Гистаспомъ во время его похода на скифовъ, то, во всякомъ случаѣ, отъ такого обширнаго города, имѣвшаго 25 верстъ въ окружности, осталось гдѣ-нибудь на берегу Волги такое-же обширное городище. На всемъ протяженіи Волги отъ Симбирска до Саратова есть только одно *обширное* городище Улекское. Изъ этихъ соображеній вытекаетъ предположеніе, что подъ татарскимъ Улекомъ хранятся остатки древняго греческаго города, лежавшаго на дорогѣ между богатствами Урала и ихъ потребителями и факторами по сбыту въ Аѳины крымскими греками-колонистами, а такимъ именно городомъ и былъ Гелонъ.

Съ упоминкомъ греческихъ черноморскихъ колоній прекратились и торговые связи съ ними Поволжья. Поэтому, въ первые вѣка по Р. Х., встрѣчается очень мало свѣдѣній о Поволжьи и рѣшительно никакихъ не только указаній, но даже и намековъ на Улекъ. Можно отиѣтитъ только два свидѣтельства о Волгѣ, относящіеся къ III вѣку по Р. Х.,—Ага-еамера и нубійскаго географа, изъ которыхъ видно, что Волга еще въ то время называлась *рускою* рѣкою: именно Агаеамеръ называетъ ее „Росъ“. Съ IX вѣка Поволжье снова входитъ въ исторію, и о немъ говорятъ арабскіе писатели. Последніе утверждаютъ, что Поволжскій край населенъ буртасами. Выше было упомянуто, что авторы доклада о древностяхъ Улека

видать въ буртасахъ арабскихъ писателей тѣхъ-же будиновъ Геродота, объясняя различіе названій этихъ народовъ филологическими и хронологическими причинами. Арабы указываютъ у буртасовъ два города: Буртась и Саванъ. Одинъ изъ этихъ городовъ, вѣроятно, былъ на мѣстѣ Укека. На укекскихъ могильныхъ памятникахъ оріенталисты находятъ слѣды погребенія до-татарскаго періода. Кости животныхъ, кирпичныя настилки или площадки надъ поверхностью укекскихъ могилъ, угли и зола напояинають о языческихъ кострахъ для сожженія жертвъ надъ могилами; кувшины, зарытые при могилахъ, являются признакомъ языческой тризны, а не магометанскихъ обычаевъ. Можно полагать, что на мѣстѣ Укека былъ древній буртасскій городъ, который впоследствии былъ взятъ татарами и названъ татарскимъ именемъ Укекъ.

Первое слово объ Укекѣ принадлежитъ извѣстному путешественнику, венецианцу Марко Поло. Въ 1263 году онъ отправился изъ Константинополя „ко двору сильнаго государя западныхъ татаръ, по имени Барка, имѣвшаго свое пребываніе въ Болгарѣ и Ассарѣ“. На возвратномъ пути Марко Поло прослѣдовалъ чрезъ городъ Укажъ, лежащій въ предѣлахъ государства западныхъ татаръ. Во времена владычества Золотой Орды, по картографическимъ даннымъ того времени, Укекъ лежалъ на углу дорогъ отъ Булгара въ Сарай и Астрахань и отъ Волги въ Византію. Судя по обилію и богатству найденныхъ на его развалинахъ вещей, это былъ одинъ изъ богатыхъ и цвѣтущихъ городовъ Золотой Орды. Существуютъ указанія на то, что онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ административнымъ центромъ Орды въ предѣлахъ вновь покоренныхъ татарами земель. О дальнѣйшей судьбѣ Укека нѣтъ никакихъ указаній. По нѣкоторымъ намекамъ арабскихъ писателей можно догадываться, что онъ былъ разрушенъ Тамерланомъ.

Укекъ упоминается также арабскимъ географомъ конца 13-го и начала 14-го вѣка Абульфедай, который, описывая тогдашнее Поволжье, говорить, между прочимъ, что „Укекъ есть пограничный городъ царя татарскаго“, находящійся „на западномъ берегу Итиля (Волги), между Булгаромъ (нынѣ с. Успенское, спас. у., каз. г.) и Сараемъ (г. Царевъ, астр. г.), на половинѣ пути между ними, въ разстояніи отъ того и другого почти на 15 дней пути“....

Арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута говоритъ объ Укекѣ въ своемъ дневникѣ подъ 1343 годомъ, какъ о городѣ „средней величины, но красивой постройки, съ обильными благами и сильной стужей“.

Значится этотъ городъ и на картѣ Франциско Пиццигани, составленной въ 1367 году.

Письменные свѣдѣнія о городищѣ Укека начинаются съ XVI столѣтія. Первое указаніе принадлежитъ англичанину Христофору Бурро, который въ 1579 году съ судами англійской торговой компаніи проѣзжалъ Опеакъ, лежащій на крымской сторонѣ Волги, подъ 51,3° широты, на половинѣ дороги отъ Казани до Астрахани, и видѣлъ тамъ часть развалинъ замка и нѣсколько гробницъ, повидимому, знатныхъ людей, такъ какъ на одной было изображеніе человѣка, сидящаго на конѣ и держащаго лукъ; на другой изъ камней замѣненъ былъ гербъ съ вырѣзанными, но уже стершимися буквами. Позднѣйшіе путешественники, посѣтившіе Укекъ, также наблюдали слѣды древняго города, или замка, съ валомъ и рвомъ, и остатки кладбища.

Изъ памятниковъ старины, найденныхъ въ разное время на Укекѣ и описанныхъ княземъ Л. Л. Голицынымъ и С. С. Краснодарскимъ, наиболѣе интересны слѣдующіе: гладко обтесанные плитняки, величиною до одного аршина, изъ которыхъ одни имѣютъ совершенно гладкую поверхность, другіе украшены продолговатыми, врѣзными сходящимися въ форѣ трехъугольниками и трапецій полосками, а также звѣздочками и кружечками; идолы, „божки“, — семь или восемь изъ нихъ каменные и одинъ серебряный, четверти въ двѣ вышиною, имѣетъ видъ женщины, сидящей въ креслѣ, со сложенными на животѣ руками и съ подобіемъ короны на головѣ; большой восьмиконечный крестъ старинной работы; старинная печать изъ какого-то темнаго камня, на которомъ славянскими буквами вырѣзаны слова: „Печать Михаила, Князя Черниговскаго“. Эта печать представлена IV-му археологическому съезду.

Тщательное изученіе Укекскаго городища подаетъ большія надежды на открытіе памятниковъ, если не до-татарскаго періода, то, во всякомъ случаѣ, татарской и древне-русской жизни.

Саратовская архивная ученая коммиссія намѣрена приступить къ цѣлому ряду раскопокъ въ губерніи, начавъ ихъ съ Укека, какъ древнѣйшаго центра саратовскаго Поволжья“ *).

Сосновка, на правомъ б. Волги, нѣмецкая колонія, камышинскаго у.

Ахматовка, на прав. б. Волги, село камышинскаго у.; тутъ существуетъ постоянная переправа черезъ Волгу.

Ровное, нѣмецкая колонія, на лѣвомъ берегу Волги, самарской губ.

Въ Ровномъ существуетъ такъ называемая *осенняя* ярмарка, обороты которой простираются до 100 т. руб. Ровное замѣчательно какъ хлѣбная пристань.

Золотое, на прав. б. Волги, саратовской губ., камышинскаго у. Золотое славится своими вишневыми и яблоневыми садами; въ продолженіи года тамъ бываютъ двѣ ярмарки—6 декабря и въ Духовъ день.

Банновка.

Щербаковка, на прав. б. Волги, село саратовской губ., камышинскаго у.

Во всѣхъ названныхъ выше колоніяхъ пароходы стоятъ очень недолго, 5—10 минутъ.

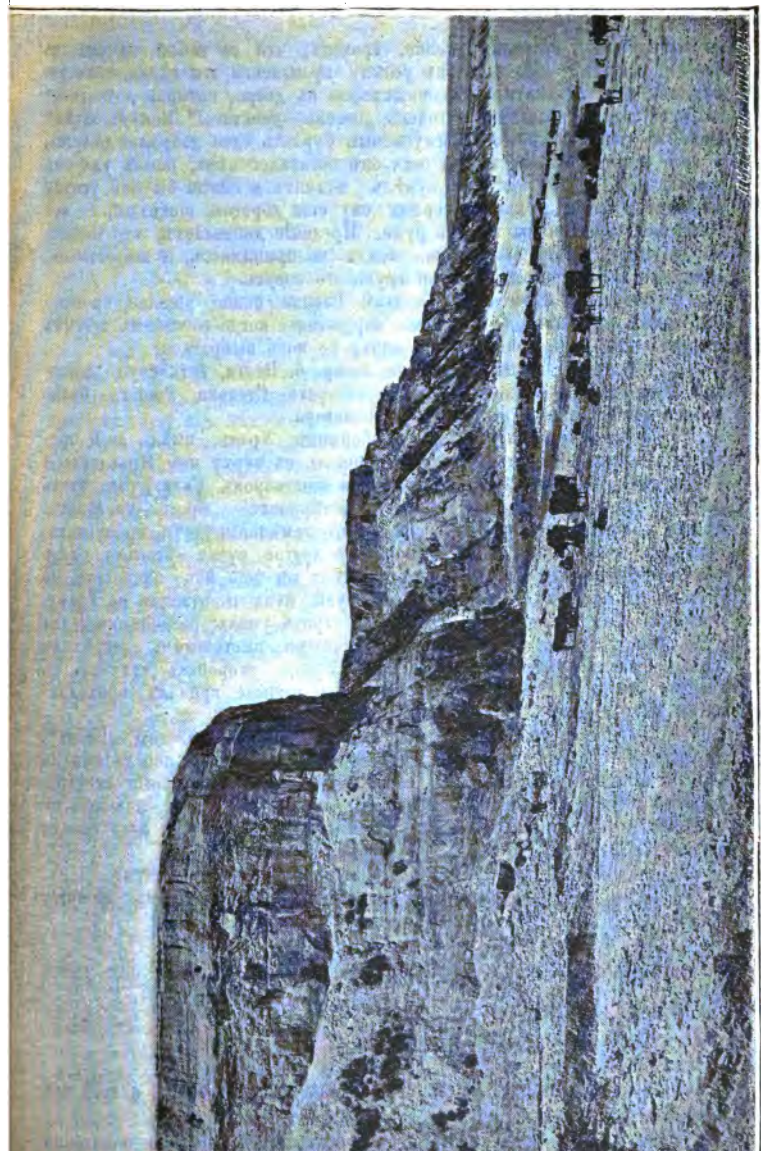
*) Между Саратовомъ и Укекомъ пароходы общ. Р. Уральской ж. д. совершаютъ правильные рейсы 4 раза въ день.

Легенды о Стеньке Разине.

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
 Породился удалъ добрый молодецъ,
 По имени Стенька Разинъ Тимофеевичъ;
 Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
 Онъ съ нами, казаками: думу не думывалъ;
 Ходилъ — гулялъ Степанушка во царемъ кабацъ;
 Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою!
 — Судари мои, братцы, голъ кабацкая!
 Пейдемъ, мы, братцы, въ сине море гулять,
 Разобьемъ, братцы, басурмански корабли;
 Возьмемъ мы казны, сколько надобно!“

Верстахъ въ 10 отъ Ванновки около д. Капотъ (внизъ по Волгѣ) съ парохода можно видѣть бугоръ Стеньки Разина. Этотъ бугоръ имѣетъ видъ высокаго утеса, спускающагося къ Волгѣ отвѣсной стѣной. Бугоръ Стеньки Разина ничѣмъ не отличается отъ другихъ бугровъ, которыми изобилуетъ правый берегъ Волги между Саратовомъ и Царицынымъ. Эти бугры извѣстны подъ однимъ общимъ названіемъ — шихановъ. Большая часть этихъ шихановъ связаны съ разсказами о разбойникахъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ Стенька Разинъ. Такъ, преданіе говоритъ, что на бугрѣ было жилище Разина, обитое бархатомъ и шелкомъ, а плѣнные содержались въ ямѣ. На самой высокой точкѣ бугра стояло кресло изъ слоновой кости, откуда Разинъ наблюдалъ за провѣжающими. Народныя легенды говорятъ, что на бугрѣ зарыты богатые клады, но взять ихъ никто не можетъ, потому что они заколдованы.

Очень давно, сохранилось преданіе, шло по Волгѣ судно; когда оно поровнялось съ бугромъ Стеньки Разина, то одинъ изъ бурлаковъ спросилъ товарищей: нѣтъ-ли желающихъ побывать съ нимъ на бугрѣ? Нашелся охотникъ. Соседши на берегъ, бурлакъ предупредилъ товарища: „что бы ты ни увидалъ и что бы ни услышалъ — молчи“. Взобравшись на бугоръ, они увидѣли отверстіе, въ родѣ погреба, съ дверью; отворивъ ее, они увидали хорошо убранный подземелье, похожее на комнату; въ углу висѣлъ образъ Спасителя въ золотомъ окладѣ, усыпаннымъ брилліантами и разноцвѣтными камнями; передъ образомъ теплилась лампада. Посреди комнаты стоялъ гробъ, окованный тремя желѣзными обручами, вдоль лежалъ огромный желѣзный молотъ и желѣзные пруты. Вдоль стѣнъ разставлено множество боченковъ, насыпанныхъ до верху золотомъ, серебромъ и драгоценными, самоцвѣтными камнями, а также цѣнная металлическая утварь. Бурлаки помолились иконѣ; вожатый схватилъ молотъ и разбилъ обручи на гробѣ, крышка поднялась, изъ гроба встала красная дѣвица ослѣпительной красоты и сказала: „что вамъ нужно, ребята? Денегъ, утвари, каменной самоцвѣтной? Верите, братцы, сколько душѣ угодно“. Въ отвѣтъ на это вожатый схватилъ пруты и началъ стегать красавицу. Безбожную Маринку, и сколько она его ни умоляла о пощадѣ, все было напрасно. Товарищи

Утесъ Стеньки Разина.

не вытерпѣлъ и сказалъ. „полно, братецъ, что съ тобой, съ ума тѣ, что-ли, сошелъ?“ Но едва онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ невидимая сила подхватила его и выкинула въ дверь, которая тотчасъ-же захлопнулась, и послышалась голосъ „восемь—девятого!“ Вслѣдъ затѣмъ дверь и отверстіе пропали. Испуганный бурлакъ едва добрался до судна; у него отнялся языкъ, и три года онъ оставался вѣтъ; послѣ уже онъ рассказывалъ, что если-бы сумѣлъ молчать и ежели-бы они успѣли завладѣть иконой, какъ говорилъ ему еще дорогою вожатый, то всѣ богатства перешли бы въ ихъ руки. Преданіе добавляетъ, что Стенька по сей-часъ живъ: его, вишь, земля не принимаетъ, и живетъ онъ, океанный, на островахъ, и жмѣт грудь его сосутъ.

Версты 3 ниже бугра Стеньки Разина видно ущелье, прозванное *тюрьмой*, или *Дурманомъ*, окруженное когда-то такимъ густымъ лѣсомъ, что, разъ попавъ туда, никто не могъ выбраться.

Версть 19 выше Камышина, на пр. б. Волги, есть гора, названная *Ураковой*, по имени Урака, у котораго Стенька Разинъ болѣе десяти лѣтъ служилъ въ качествѣ кашевара.

Здѣсь предтеча Стеньки, разбойникъ Уракъ, имѣлъ свой притонъ. Разинъ еще мальчикомъ пришелъ съ верху изъ Ярославля и 15-ти лѣтъ поступилъ въ шайку Урака кашеваромъ. Разъ Уракъ этотъ хотѣлъ задержать судно, а Стенька закричалъ: „брось—не стоитъ бѣдно!“—Уракъ, не ожидая послѣ такого замѣчанія удачи, пропустилъ судно, но погрозилъ Разину. Проходить другое судно—Стенька опять тоже. Возбѣшенный атаманъ встрѣтилъ въ него изъ пистолета, но Стенька не пошатнулся, вынулъ изъ груди пулю и, отдавая ее Ураку, сказалъ: „На, пригодится!“ Уракъ отъ страха упалъ; разбойники, вида чудо, разбѣжались, а Стенька незаряженнымъ пистолетомъ застрѣлил Урака и сталъ атаманомъ его шайки. Уракъ скрonenъ тутъ-же въ своемъ бугрѣ и, говорить, семь лѣтъ изъ могилы кричалъ проходившимъ мимо судамъ: „приворачивай!“

По одному преданію, приведенному, кажется, газетою „Волга“, шелъ какъ-то разъ мужикъ здѣсь по горному лѣсу и попалъ онъ къ болоту. Кишми кишать въ немъ змѣи лютыя, зеленныя да сѣрыя лягушки грудами сидятъ въ трясинѣ, шевелятся тамъ гады всякіе, и мнѣнь не прибрать имъ! Кинулся бѣднякъ бѣжать, самъ бѣжитъ, а ноги повади остаются. Дорвался до избы—на встрѣчу мужикъ.

— Не знаешь, какъ бы мнѣ изъ этого самаго лѣсу выйти?

— Знаю, да поздно. Заночуй у меня въ избѣ, а утромъ провожу на дорогу.

Вошли въ избу.

— Стелись да спать ложись, а меня не жди. Ко мнѣ еще гости придуть.

— Что за гости?

— Слыхалъ ты о Стенькѣ Разинѣ?

— Слыхалъ.

— Ну, такъ я Стенька и есть... Ты меня не бойся, я тебѣ за никакого не сдѣлаю.

Въ полночь подулъ вѣтеръ, расхлебывая дверь—и начало въ

эту дверь ползти все, что въ болотѣ есть. И змѣи, и ужи, и лягушки и гадина всякая. Приползли и ну этого старика хозяина сосать. Сидѣлъ онъ спервоначалу, а тамъ упалъ и стонать сталъ. Такъ до пѣтуковъ ѣло его болото, а съ пѣтухами вся эта нечисть прочь ушла. Стенька лежитъ, какъ мертвый, не ворохнется. Заснулъ и мужичокъ. Только взошло солнце—будить его Стенька. Лица на немъ нѣтъ.

— Умалали тебя сердечнаго?

— Это что! Допрежъ не то еще было. И рукою махнулъ. Пошли. Стенька и говорить дорогой.

— Скажи православнымъ, коль не по правдѣ жить будутъ, опять приду. И приду я неожиданно, негаданно.

Вывелъ его Стенька изъ лѣсу на дорогу и сгинулъ, точно и не бывало его вовсе.

На эту легенду еще два варианта есть. По одному: старушонка съ богомолья шла, и въ чудный, заколдованный лѣсъ попала. Стоять въ немъ мертвыя деревья да темнѣють поляны такіа громадныя, что чрезъ каждую изъ нихъ и въ день не перейдешь. Заночевала она здѣсь, да ночью стонъ по лѣсу пошелъ. Отъ стона этого мать сыра земля вскодебалась. Съ испугу старушонка-то прямо на стонъ пошла—на одну поляну и привело ее. Лежитъ на полянѣ мужикъ въ косую сажень, ясныя очи у него поклеваны, бѣла грудь непорота, всѣ бока ободраны; разметалъ онъ руки могучія, разбросалъ онъ ноги ходучія, и вопить, и стонеть въ истонный голосъ, и молить, и просить онъ милости. А сидитъ на немъ орелъ-птица, она поретъ, рветъ ему бѣлу грудь, точить кровь во сыру землю. Въ куски рветъ его тѣло, клуетъ ему въ очи, а очей давно и званья нѣтъ.

Въ концѣ-концовъ мученикъ оказался Стенькою Разнымъ, который опять-таки посылаетъ старушонку сказать народу православному, что коли не по правдѣ жить будутъ—такъ опять придетъ онъ, „какъ встарь ходилъ, а и будетъ тогда горше прежняго“. Въ другомъ разсказѣ: дѣвка по ягоду пошла, и зайдя она въ такое чернолѣсье, гдѣ свѣту Божьяго не видать. Ночью шумъ пошелъ по лѣсу: заговорили дремучій, да все разными голосами: дубъ аль береза большая—толстымъ голосомъ, орѣшникъ да калина—тонкимъ голосомъ, чапыжникъ, малинникъ—попискивать, сущнякъ да наряжникъ—поскрипывать. Запримечала тутъ дѣвка—и вдругъ слышитъ стонъ идти по лѣсу. Послѣ разныхъ приключеній, вышла она на поляну—и видитъ ту же картину, что и старушонка. Взмолилась дѣвка орлу, чтобъ оставилъ рвать тѣло бѣлое. Но отвѣчаетъ ей орелъ, что мучить онъ „по божьему велѣнію“.

— Не сама собою я орелъ-птица. По волюшкѣ, по охотушкѣ не была бы я орелъ-птицею, а была бы соловейкою, по охотушкѣ—голосистымъ, и т. д.

На другой день расклеванный орломъ мужикъ Стенькою Разнымъ оказался.

— Степанъ Тимофеевичъ,—спрашиваетъ дѣвка,—какъ же ты ночью—маешься, а днемъ и знаку нѣтъ?

— Такъ, говорить, Господь велѣлъ. Я опять приду на святую Русь, а приду опять на Волгу-матушку. Расплодился грѣхъ на святой Руси, правды нѣтъ нигдѣ, только кривда. Я приду не своею вольною волею,

а Божиимъ повелѣніемъ, православнымъ—въ наказаніе. Кто неправдой жилъ, пусть теперь померетъ; легче ему будетъ въ воду съ камнемъ кинуться“. *)

О покорителѣ Сибири Ермакѣ Тимофеевичѣ мы встрѣчаемъ былинну слѣдующаго содержанія:

На стѣнахъ-ли на саратовскихъ,
Ниже города Саратова,
Выше города Камышина,
Собирались люди вольные,
Казаки-ли безначальные,
Гребенскіе да яцкіе,
Съ атаманомъ Тимофеечемъ,
Съ эсауломъ-то Лаврентичемъ;
Стали думать думу крѣпкую,
Думу крѣпкую, еданую

Говорить имъ Тимофеевичъ:
„Какъ прочтется лѣто теплое,
Подойдетъ зима холодная,
Мы куда, казаки, денемся?
Шутка нами то занучена,
Шутка тяжкая, корыстная,
Какъ гуляли мы по морюшку,
Морю синему Хвалынскому,
Мы убили тамъ посланника
Отъ правителя персидскаго,
И его животь разграбили!
Какъ-то будемъ мы отвѣтствовать?
Жить на Волгѣ—воромъ выслывешь,
На Яикъ идти—далекій путь,
На Казань—тамъ Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
Съ силой сильною, великою!
Атаману быть повѣшену,
Казакамъ сидѣть за стѣнкою!...
Мы пойдѣмъ-ка на Усоліе,
Ко Григорію Григоричу.

*) Востомаровъ въ своей монографіи «Бытъя Стеньки Разина» передаетъ между прочимъ рассказъ о русскихъ матросахъ, бѣжавшихъ изъ персидскаго плѣна и встрѣтившихъ на берегахъ Каспійскаго моря Стеньку Разина уже древняго старца. «Знайте-же, я—Стенька Разинъ, сказалъ онъ имъ, мнѣ земля не пришла за грѣхи мои; за нихъ я пролиять, суждено мнѣ страшно мучиться... Какъ пройдетъ сто лѣтъ, а Русь грѣхи умножатся, да люди Бога станутъ забывать, и салыны свѣчи зажгутъ вмѣсто восковыхъ передъ образами, тогда я пойду опять по свѣту и стану бужевать пуще прежняго».

Кладоисснательство на Волгѣ.

Поволжскій край представлялъ самый удобный пріютъ для разбойниковъ, и потому здѣсь особенно много сохранилось различныхъ сказаній о кладахъ.

Волга представляла широкое раздолье для всѣхъ бѣглыхъ, недовольныхъ господствовавшими порядкомъ дѣлъ на Руси, а ея многоводные притоки Ока, Кама и Сура съ густыми и непроходимыми въ то время дѣсами, горы и глубокіе приволжскіе овраги какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали цѣлямъ разгульной вольницы. Здѣсь и до-сегодня сохраняется память о Ермакѣ Тимофеевичѣ въ названіи села Ермакова и объ его осаудѣ Кольцо въ наименованіи села Кольцова, находящихся на самарской лѣвѣ. Волга служила театромъ кровавыхъ дѣйствій Разина и Пугачева. Подъ вліяніемъ страшныхъ волненій сильно разигрывалась народная фантазія, и создавала множество удивительныхъ разсказовъ и преданій. Сохранилось нѣсколько любопытныхъ преданій о кладахъ въ симбирской губерніи, соединенныхъ съ именемъ Разина. Особенно любопытенъ разсказъ о шатранскомъ кладѣ. По преданію, въ селѣ Шатранахъ, бунскаго уѣзда, симбирской губерніи, лежатъ казны 40 пудовокъ (мѣръ) золота, 2 сундука жемчуга и 4 пуда мѣди, принадлежащихъ брату Стеньки Разина, Ивану; тотъ, кому достанется кладъ, мѣдныя деньги долженъ раздать нищей братіи.

Въ селѣ Подвалѣ сентилеевскаго уѣзда, симбирской губерніи, въ шестидесятыхъ годахъ проживала крестьянка Абрамова-Азовская, поимѣшавшаяся на кладоискательствѣ; нѣсколько лѣтъ она отыскивала „траву-разрушенику“, чтобы добыть кладъ, скрытый на дворѣ Филиппа Самсонова, крестьянина деревни Матюниной, въ сентилеевскомъ уѣздѣ. Абрамова разсказывала слѣдующее преданіе объ этомъ кладѣ: На дворѣ Филиппа Самсонова положенъ кладъ въ 104.000 000 рублей. Тамъ находится жестяная таблица, прибитая къ матицѣ изъ чернаго дуба. Въ выходѣ стоитъ столъ; на столѣ лежатъ евангеліская книга, тутъ-же стоитъ и блюдо, а на блюдѣ лежитъ камень-самосѣтъ въ полтора фунта. Въ углу выхода поставлены 42 ружья, вокругъ нихъ мѣдная шпонычка, или кольцо, блестящее какъ золото. Въ выходѣ же находится часовня, а въ ней стоитъ животворящій крестъ да тутъ-же Арсидима Божія Матерь и Никола Милостивый; передъ нихъ иконами горитъ большая неугасимая свѣча. Въ кладу положено двойное золото, серебро все крестовики, жемчугъ и мѣдныя деньги все съ конями. Около клада стоитъ „проставъ“ (чортъ) и ни кому не даетъ денегъ: внезапно трава найдется съ восхода, а казна туда пойдетъ,—есть подвалъ, туда и пойдетъ казна. Кто возьметъ этотъ кладъ, тому построить соборъ-церковь и поставить въ ней Животворящій крестъ, находящійся въ выходѣ, а икону Арсидимы Божіей Матери отнести въ Оловецкій монастырь, гдѣ она была раньше.

Крестьянка Абрамова истратила все свое состояніе на отысканіе заветной травы, но не могла найти ее, и умерла съ глубокимъ убѣжденіемъ въ существованіи этого клада. Замѣчательно, что о присутствіи иконы Божіей Матери въ кладахъ упоминается во многихъ преданіяхъ. Въ четырехъ верстахъ отъ села Труслейки, какъ гласитъ преданіе.

Разинъ положилъ на пчельникѣ подъ порогомъ въ избушкѣ кладъ и икону Божіей Матери. Кто отыщетъ эту икону, тотъ откроетъ и кладъ, а кто отанетъ рыть кладъ безъ этой иконы, тотъ тотчасъ-же уснетъ. Въ двухъ верстахъ отъ села Кувая, алатырскаго уѣзда, симбирской губерніи, показываютъ „Городокъ“, представляющій небольшой курганъ въ долинѣ между двухъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ; въ курганѣ зарытъ кладъ, надъ которымъ виситъ на золотой цѣпи икона Богородицы въ золотой ризѣ. Въ шатранскомъ кладѣ Стеньки Разина также стоитъ икона Божіей Матери, а передъ ней горитъ неугасимая лампада.

Въ селѣ Усольѣ, на Волгѣ, лѣтъ 50 или 60 тому назадъ велось даже свѣдѣнное дѣло изъ-за кладонскательства.

Въ ст. Е. Ф. Забурнуова („С. О.“ 1887 г.) встрѣчаемъ слѣдующій „сказъ о кладѣ Золотобугровскомъ“. Жители станицы увѣрены въ томъ, что въ курганѣ есть клады. Можно предположить, что поводомъ къ сказанію послужили времена татарщины и разинщины. Старожилы ст. Сѣраглазинской (курганъ „Золотой бугоръ“ около ст. Сѣраглазинской, астраханской губ., енотаевского уѣзда) рассказываютъ по этому поводу слѣдующее. „Дѣло было „не лѣту“, говорятъ они. Здѣсь жилъ въ то время унгеръ-офицеръ, заслуженный, начитанный. Разъ онъ и говоритъ намъ: А что, ребята, если бы, примѣрно, я зналъ, гдѣ кладъ, вы согласились бы идти со мной туда? А гдѣ-же ты знаешь кладъ и правда-ли это? спрашиваетъ его. Да вотъ, на Золотомъ бугрѣ, говоритъ; а что это вѣрно, такъ на то у меня есть книга. А гдѣ? Да вотъ, говоритъ. Книга эта была большая и написана старинными буквами. Посмотрѣли мы ее, поговорили и рѣшили на другой день идти. Наступилъ день. День былъ жаркій, солнце такъ и парило. Приходимъ на Золотой бугоръ. Унтеръ указалъ намъ мѣсто, гдѣ мы должны были сѣсть, и сказалъ, чтобы мы сидѣли смирно, не трусили, тѣмъ болѣе не брамлились, самъ-же взялъ книгу, развернулъ ее и сталъ читать. Прошелъ довольно много времени; мы все сидимъ и сидимъ, а онъ (унтеръ) читаетъ и громко, чтобы мы слышали (онъ былъ въ сторонѣ). Потомъ смотримъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы сидѣли, стала появляться яма, а затѣмъ послышался звукъ, какъ будто кто-то ударялъ молотомъ о желѣзо. Потомъ, смотримъ, везутъ возъ сѣна, за нимъ другой, третій и стали кричать: „вали его здѣсь, на насъ“. Намъ стало жутко, но мы сидимъ. Возы ноѣхали. Вскорѣ послѣ этого явились солдаты съ ружьями, одинъ изъ нихъ, какъ будто офицеръ, скомандовалъ: „коли ихъ“. Въ это самое время кто-то изъ насъ выругался чернымъ словомъ, и только что онъ выругался, какъ всѣхъ какъ бы и не бывало въ ямѣ. Кладъ пропалъ. Книга унтера была выхвачена и брошена вблизи болота, послѣ, на другой день, онъ нашелъ ее“.

Вотъ и еще сказаніе о кладѣ. Былъ здѣсь солдатъ, служившій на промыслѣ, который находился между станицей и бугромъ. Какъ-то солдатъ пришелъ въ станицу къ утрени въ Свѣтлое Христово Воскресенье. По окончаніи службы онъ пошелъ домой, но вмѣсто этого очутился на Золотомъ бугрѣ. Смотритъ — передъ нимъ пещера, въ ней огонь, лампада горитъ передъ иконой Божіей Матери. Парень, по увѣреніи старожилловъ, былъ свѣдѣль, а потому и вошелъ въ пещеру. Тамъ были

бочки съ золотомъ и виномъ. Онъ подошелъ къ той бочкѣ, въ которой было вино, взялъ серебряный ковшъ, зачерпнулъ вина и выпилъ. Его выбросило вонъ, у него остался только ковшъ“.

Какъ ни фантастичны подобные рассказы старожиловъ, но среди населенія упорно держится убѣжденіе, что въ Золотомъ бугрѣ хранится кладъ.

Близъ Волги, въ 25 в. выше Камышина, въ колоніи *Льсной Камышъ* и въ мѣстности, окружающей эту колонію, въ настоящее время достигло большого совершенства производство вѣялокъ.

Правый берегъ—саратовск., лѣв.—астрах. губ., при чемъ границей астраханской и самарской губ. служить р. Ерусланъ.

Камышинъ. на прав. б. Волги, съ 18 т. жит., у. городъ саратовской губ., считается однимъ изъ лучшихъ въ губерніи относительно качества почвы, хотя южная часть его, прилегающая къ царичинскому уѣзду, представляетъ выжженную солнцемъ степь.

Въ Камышинѣ замѣчательна икона св. великомученика Дмитрія въ Дмитріевской церкви, въ серебропозлащенной ризѣ, высокаго греческаго письма. Она, по преданію, принесена дмитріевцами съ родины, пропала изъ прежде населеннаго ими города и очутилась за рѣкою, въ настоящемъ мѣстѣ среди непроходимой топи и камыша. Князь Хованскій, которому объ этомъ донесли, „почелъ сіе особеннымъ знаменіемъ неба и велѣлъ городъ перенести на сіе мѣсто“. Но въ церкви объ этомъ никакого письменнаго сказанія нѣтъ. Стоитъ нынѣ за правымъ клиросомъ въ Дмитріевской церкви. Преданіе говоритъ, что въ давнее время напавшія на городъ татарскія орды были поражаемы необычайнымъ воиномъ и за дерзость наказаны слѣпотою. Они описывали его ростъ, волосы и лѣта, и когда имъ указали на икону великомученика Дмитрія въ изобра-

женномъ на ней, они признали во всемъ сходство съ тѣмъ воиномъ. Въ этой же церкви чествуется икона Божіей Матери греческаго письма, малаго размѣра, въ сребропозлащенной ризѣ, съ 1830 года: какъ скоро духовенство того города съ молебнымъ пѣніемъ обнесло сію икону около города, тотчасъ, по завѣренію нѣкоторыхъ гражданъ, прекратилась въ немъ эпидемическая болѣзнь—холера.

Около Камышина еще недавно существовали слѣды канала, которымъ Петръ Великій хотѣлъ соединить р. Волгу съ Дономъ (посредствомъ р. Камышинки, впадающей въ Волгу, и р. Иловли, впадающей въ Донъ). Уже начались работы по проведенію этого канала, но финалъ работъ былъ скорый и печальный. Инженеръ, который завѣдывалъ этими работами, проворовался, и, боясь отвѣтственности, рѣшился на самоубійство; способъ самоубійства представляется выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ: инженеръ, разогнавъ тройку лошадей, бросился вмѣстѣ съ лошадьми и экипажемъ съ обрыва въ Волгу.

Камышинъ, какъ городъ и какъ пристань, ничего особеннаго не представляетъ.

Противъ Камышина, на лѣвомъ берегу Волги раскинулось громаднѣйшее селеніе, слобода *Николаевская* астраханской губ., царевского у., съ 14500 жит.; тамъ не пристають пароходы вслѣдствіе мелей.

Близъ г. Камышина въ Волгу впадаетъ крошечная р. Камышинка, о которой въ старинной волжской пѣснѣ поется:

„Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина—
Протекала, пролегала мать-Камышинка рѣка;
Какъ съ собой она вела круты красны берега.
Круты красны берега и зеленые луга.
Она устьицемъ впадала въ Волгу-матушку.
А по славной было матушкѣ Камышинкѣ рѣкѣ
Какъплыли-то, выплывали все нарядные стружки,
Ужъ на тѣхъ-ли на стружкахъ удалые молодцы,
Удалые молодцы, воровскіе казаки“.

Версть 5—6 ниже Камышина, на пр. б. Волги стоит село Сестренки, о которомъ сохранилось слѣдующее преданіе.

Въ старые годы на мѣстѣ, гдѣ стоитъ село, былъ громадный, непроходимый лѣсъ. Въ этомъ лѣсу жили три сестры, удалившіяся отъ суетнаго міра. Послѣ разгрома Пугачевского войска одинъ отрядъ его забрелъ въ лѣса г. Дмитріевска (нынѣшняго Камышина) и напалъ на избушку, въ которой спасались сестры. Трое изъ пугачевцевъ остались съ ними жить, и такимъ манеромъ образовались три семьи, которыя и были родоначальниками жителей села Сестренокъ, получившаго названіе отъ слова „сестры“. Одинъ изъ основателей былъ плотникомъ, и отъ него произошла фамилія Плотниковыхъ; другой—монахъ—родоначальникъ фамиліи Монаховыхъ, третій дуракъ, отъ него пошли Дураковы. И до сихъ поръ около половины жителей Сестренокъ носятъ эти фамиліи.

Быковы Хутора, маленькая пристань, на лѣвомъ б. Волги (астраханской губ), славится своими арбузами, которые считаются лучшими въ Россіи.

Дубовка, на правомъ б. Волги, посадъ саратовской губ., съ 16000 жит.

Въ Дубовкѣ замѣчателенъ Успенскій соборъ, сооруженный въ 1796 году главнымъ начальникомъ казанскаго войска Андреемъ Персидскимъ; иконы греческой живописи: Господа Иисуса Христа и Успенія Божіей Матери. Въ этомъ же храмѣ хранятся два серебряныхъ ковша съ изображеніемъ на внутренней сторонѣ герба Россійской Имперіи, вѣсу—въ одномъ 1 ф. 29 зол., въ другомъ 1 ф. 14 зол. Надписи; на первомъ—„Божією милостію мы, Елисавета Первая, императрица и самодержица всероссійская и проч. и проч. и проч. Пожаловали мы симъ ковшомъ великаго войска старшину Андрея Макарова Персидскаго за его вѣрныя службы. Въ Санктпетербургѣ, лѣта 1760-го Сентября 13-го дня“. На второмъ: „Божією милостію мы. Елисавета Первая, императрица и самодержица всероссійская и проч. и проч. и проч. Пожаловали мы симъ ковшомъ Легкой станицы атамана Андрея Дементьева Кріулина за его вѣрныя службы. Въ Санктпетербургѣ лѣта 1760 года Сентября 13-го дня“. Ковши пожертвованы въ церковь: первый

въ 1809 г. поручик. Иваномъ Персидскимъ, а второй въ 1810 г. поручик. Кріулинымъ.

Въ Дубовкѣ обращаетъ на себя вниманіе домъ, гдѣ недолго жилъ Пугачевъ. „Домъ этотъ по наружному виду представляетъ видъ крѣпости; сдѣланъ онъ изъ дикаго, сѣраго камня, выломаннаго въ волжскихъ горахъ; имѣетъ лишь одинъ верхній этажъ, внизу же представляетъ высокій, выдающійся надъ землею фундаментъ, имѣетъ нѣсколько потайныхъ ходовъ и выходовъ и двое воротъ овальной формы, напоминающихъ крѣпостныя ворота. Самые камни, помимо плотнаго цемента, укрѣплены между собою особыми желѣзными связями, на одной изъ коихъ значится „1775“. Домъ выходитъ на Волгу, стоитъ на „юру“, мрачный, темный, съ задѣланными отверстиями для пушекъ. Повидимому,—что не отрицается и дубовчанами,—онъ служилъ оплотомъ противъ кочевниковъ-ногайцевъ, жившихъ по ту сторону Волги, гдѣ теперь находится с. Рахинка царевского уѣзда. Домъ нѣкогда принадлежалъ казаку Персидскому (получившему свою фамилію за участіе съ Петромъ Великимъ въ персидскомъ походѣ). Во время нашествія Пугачева, домовладѣлецъ спрятался въ одномъ изъ выходовъ, и Емельянъ былъ принятъ г-жею Персидской въ одной изъ теперь существующихъ комнатъ дома, за что Екатерина II выселила Персидскаго съ казаками въ астраханскую губ. (сообщ. Сидора Кудряшева, со словъ умершей его тетки). Домъ замѣчательно проченъ“.

Прежде Дубовка, какъ волжская пристань и какъ торгово-промышленный пунктъ, играла видную роль, которая измѣнилась къ худшему съ проведеніемъ волгодонской желѣзной дороги въ г. Царицынъ (въ 1862 г.). Последнее событіе нанесло Дубовкѣ такой экономическій ударъ, отъ котораго она, повидимому, или никогда не поправится, или же поправится при условіяхъ проведенія вѣтви, которая соединила бы Дубовку съ грязе-царицынской или иной желѣзной дорогой, связывающей последнюю съ внутренними губерніями. Такимъ образомъ экономическое паденіе когда-то знаменитаго поса-

да можно поставить въ прямую зависимость отъ того, что посадъ навсегда потерялъ путь сообщенія, соединяющій его съ Дономъ а слѣдовательно и съ портами Азовскаго моря. Между тѣмъ этотъ путь, имѣющій громадное значеніе, находился, такъ сказать, въ рукахъ Дубовки. Дѣло въ томъ, что до проведенія ж. д. отъ Калача (на Дону) до Царицына въ Дубовкѣ существовала конно-железная дорога, соединяющая Донъ съ Дубовкой, хотя этого *соединенія*, т. е. Волги съ Дономъ, въ строгомъ смыслѣ, не существовало; железная дорога не доходила версты двѣ до берега Волги и на такомъ-же разстояніи находилась отъ берега Дона. Очень естественно, что при такихъ условіяхъ большая часть грузоотправителей предпочитали отправлять свои товары первобытнымъ способомъ, на волахъ. Но какова бы ни была эта дорога, а для нея былъ приготовленъ путь, др. словами сказать, были сдѣланы приготовленія для паровой железной дороги, стоило лишь положить рельсы и приобрести подвижной составъ. Но дубовцы не захотѣли этого сдѣлать, а тѣмъ самымъ, конечно, нанесли себѣ такой экономическій ударъ, отъ котораго посадъ не можетъ поправиться и до настоящаго времени.

Главнымъ предметомъ производства, относящагося собственно до Дубовки, можно назвать хлѣбъ. Въ Дубовкѣ до 20 разныхъ мукомольныхъ мельницъ. Въ Дубовкѣ также занимаются тканьемъ ковровъ, которые по виду и качеству похожи на ковры, извѣстные подъ именемъ *сибирскихъ*; продажа цвѣтовъ (олеандра), которые можно видѣть во время навигаціи на всѣхъ пароходныхъ конторкахъ, составляетъ также отрасль промышленности.

Въ Дубовкѣ бываетъ разъ въ году такъ называемая Троицкая ярмарка, продолжающаяся съ 9 мая по 9 іюня. Обороты этой ярмарки съ каждымъ годомъ падаютъ.

Царицынъ, уѣздн. городъ саратовской губ., на правомъ берегу Волги, съ 56 т. жит.

Уголь—Лука, образуемая теченіемъ р. Дона и об-

ращенная къ востоку, такъ близко подходитъ къ р. Волгѣ противъ Царицына, что издавна служила историческимъ путемъ, „волокомъ“, по которому двигались народы, направляясь съ одного великаго воднаго пути на другой. На этой лукѣ, или, вѣрнѣе, колѣнѣ р. Дона, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ (и между прочимъ Карамзина), стоялъ извѣстный хозарскій городъ Бѣлая Вѣжа. Описываемымъ волокомъ пользовались и разные кочевники, и казаки, и понизовая вольница. Немного выше Царицына еще недавно сохранялись валы—прежнія укрѣпленія.

Основаніе Царицына, какъ и основаніе другихъ поволжскихъ городовъ, связано съ разными легендами; одна изъ нихъ, на примѣръ, говоритъ, что Царицыномъ этотъ городъ названъ по имени р. Царицы, на берегу которой любила гулять одна изъ женъ хана. Другая легенда говоритъ, что на берегу рѣчки, которая впослѣдствіи названа Царицей, была казнена одна изъ дочерей хана, которая, подъ вліяніемъ убѣжденій русскаго священника, лѣчившаго ее, проникнувшись ученіемъ Христа, приняла православіе и бѣжала въ Россію; царевну поймали на дорогѣ, и она окончила жизнь мученической смертью.

За достовѣрное здѣсь принимается слѣдующее народное преданіе: „Какъ рѣчка сія освящена страдальческою дочери царевой кровію за вѣру во Христа Господа, то, чтобы воскресить толь благодатное новой христіанской мученицы событіе въ присной памяти грядущихъ родовъ, освящается послѣ того рѣчка сія ежегодно, при торжественномъ изъ всѣхъ градскихъ церквей крестномъ ходѣ, въ свѣтлый Пятокъ Богородична праздника погруженіемъ въ ней Живоноснаго Креста Господня“.

Изъ всѣхъ преданій несомнѣнно то, что въ концѣ XI в. мѣстность, гдѣ теперь расположенъ Царицынъ, покрытая въ то время дремучими лѣсами, считалась владѣніемъ Золотой орды, главная ставка которой находилась отъ Царицына въ 50 верст. (г. Царевъ, астраханской губ., на Ахтубѣ), и что Царицынъ получилъ свое названіе, какъ и Саратовъ, отъ слова „сари-чинъ“, что

въ переводѣ значить „желтый песокъ“; такое происхожденіе названія города будетъ вѣроятнѣе всѣхъ легендъ.

Проходитъ нѣсколько вѣковъ въ борьбѣ русскихъ съ татарами, затѣмъ наступаетъ 1380 г., знаменательный въ русской исторіи, годъ, когда было свергнуто татарское иго. Проходитъ еще около двухсотъ лѣтъ, и наконецъ, рухнулъ подъ русскими ударами одинъ изъ величайшихъ монгольскихъ оплотовъ—Казань, которая была разрушена въ 1552 г. Вскорѣ послѣ этого русскія силы и вліяніе стали распространяться по всему Поволжью; по берегамъ Волги одинъ за другимъ начали возникать русскія поселенія, которыя имѣли характеръ крѣпостцы, словомъ, играли роль охранныхъ пунктовъ.

Въ это время, именно въ 1558 г., была выстроена крѣпостца, названная Царицынской; первоначально крѣпостца была построена верстъ 5 ниже Царицына, на лѣвомъ берегу Волги; мѣсто, гдѣ она стояла, было по многимъ причинамъ неудобно, а главное, вслѣдствіе низменной мѣстности, которую заливало водой. Года два спустя крѣпостца была переведена на то мѣсто, гдѣ и теперь стоитъ Царицынъ, т. е. на правый берегъ.

Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ Царицына находилась одна изъ ставокъ Золотой орды, а на мѣстѣ Покровской ц., гдѣ прежде существовалъ монастырь, построенной въ 1826 г. (каменной) стоялъ дворецъ Батия.

Въ 1780 г. Царицынъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ саратовской губ.

Къ памятникамъ старины только можно отнести палку и картузь Петра Великаго, которые хранятся въ Думѣ. Въ 1723 г. Петръ Великій, уѣзжая изъ Царицына, обратился къ народу съ слѣдующей исторической фразой: „Вотъ вамъ моя палка,—какъ я управлялся ею съ своими друзьями, такъ и вы обороняйтесь ею отъ враговъ вашихъ. Какъ никто не смѣетъ картузь сей снять съ головы моей, такъ никто не смѣетъ васъ изъ Царицына выводить“.

Въ Царицынѣ издается „Царицынскій Вѣстникъ“.

Въ городѣ бываетъ такъ называемая „сплавная“ ярмарка, обороты которой не превышаютъ 250 т. р.

Подъѣзжая къ Царицыну, вы видите обширный городъ съ глѣдымъ лѣсомъ мачтъ на берегу. Замѣтимъ, что отсюда идутъ три желѣзныя дороги. Торговая площадь (въ 5-мин. ѣзды отъ пароходныхъ конторокъ), гдѣ сосредоточены лучшія постройки, магазины, лавки, гостиницы и т. п., еще немного напоминаетъ губ. городъ, хотя въ этомъ „центрѣ“ не рѣдкость видѣть рядомъ съ громаднымъ зданіемъ лачугу, дни которой уже давно сочтены. Городъ не можетъ похвалиться чистоплотностью и по вѣншности своей напоминаетъ деревню; такое впечатлѣніе выносятъ большая часть посѣтившихъ городъ. О благоустройствѣ и какихъ-нибудь санитарно-гигиеническихъ мѣрахъ, вѣроятно, въ Царицынѣ съ его основанія не думали, за исключеніемъ развѣ тѣхъ дней, когда тутъ во время ветлянской чумы находилась квартира командующаго войсками и генералъ-губернатора Лорисъ-Меликова; тогда, дѣйствительно, Царицынъ серьезно занялся чистоплотностью.

Рѣкой Царицей городъ раздѣляется на двѣ части; дальняя часть „за Царицей“, сравнительно маленькая часть и худшая во всѣхъ отношеніяхъ; въ этой части находится вокзалъ волго-донской ж. д.

Въ той части города, которая начинается прямо отъ пристаней, т. е., лежащей по лѣвую сторону р. Царицы, въ 10—15 мин. ѣзды отъ пароходныхъ конторъ, находится вокзалъ грязе-царицынской ж. д. Этотъ вокзалъ между прочимъ иногда служить биржей, гдѣ вершаются разныя дѣла, имѣющія коммерческую подкладку. Противъ вокзала разбитъ единственный въ городѣ садъ, принадлежащій ж. д. Существованіе этого сада объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ: единственное условіе, при которомъ можетъ существовать въ Царицынѣ зеленъ,—ежедневная и обильная поливка, а гр.-ц. ж. д. имѣетъ свой водопроводъ.

Есть еще одинъ садъ на берегу р. Царицы, извѣстный подъ именемъ „Конкордіи“, гдѣ находятся лѣтній клубъ

и театр; этотъ садъ имѣетъ полтора десятка чахлыхъ деревьевъ.

*
* *

Въ Царицынѣ теперь три желѣзн. дор.; первая: Царицынъ—Грязи, вторая—Царицынъ—Калачъ (на Дону), третья—Царицынско-Тихорѣцкая (Владикавказская ж. д.).

Въ настоящее время линія послѣдней дороги доведена до ст. Елшанки, въ 4 в. отъ Царицына. Въ 1898 г. предполагено окончить линію, при чемъ для Тихорѣцкой и Грязе-Царицынской ж. д. вокзалъ будетъ одинъ—общій.

Въ настоящее время по берегу Волги проведена вѣтвь, соединяющая ст. Волжскую съ Соляной и магистральной линіями юго-восточныхъ ж. д.

*
* *

Приѣхавъ въ Царицынъ, стоитъ побывать въ *Нобелевскомъ городкѣ*. Послѣдній находится въ 2 верстахъ отъ пароходныхъ пристаней и отдѣляется отъ города оврагомъ, на которомъ лѣнятся разныя лачуги; эта мѣстность извѣстна подъ именемъ *Балканъ*.

Нобелевскій городокъ, занимая площадь приблизительно версты двѣ, окруженъ рвомъ и частью каменной стѣной со стороны, обращенной къ городу. Весь городокъ можно подраздѣлить по числу террасъ на три части: нижняя—пристань, соединенная съ берегомъ прочными сходами; рядомъ съ послѣдними находится паровая качка, которая выкачиваетъ изъ судовъ керосинъ до 50 т. п. въ сутки. На берегу, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ пристани, пройдя полотно желѣзной дороги, стоитъ складъ, откуда керосинъ переливается въ вагоны-цистерны, которые идутъ версть 5--6 до вокзала грязе-царицынской желѣзной дороги. Вагонъ нагружается впродолженіи 5—8 мин., и съ помощью механизма, заключеннаго подъ рельсами, на мѣстѣ опредѣляется съ точностью количество нагруженнаго керосина. Влѣво отъ склада возвышается каменный корпусъ—складъ судовыхъ и разн. хозяйственныхъ принадлежностей. По крутой лѣстницѣ

приходится подниматься на среднюю террасу; тамъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе большой 2-этаж. каменный домъ, окруженный высокими тополями, въ которомъ помѣщаются контора, квартиры главныхъ служащихъ, бібліотека для служащихъ и т. д. Поднимаясь еще выше, вы встрѣчаете чистенькіе небольшіе домики, гдѣ помѣщаются разные служащіе Нобеля; тутъ же рядомъ разбиты два сада; одинъ исключительно для гулянья, другой фруктовый. Первый изъ нихъ, съ фонтаномъ посрединѣ, среди мертвой пустыни, гдѣ земля трескается отъ палящихъ лучей солнца, является настоящимъ раемъ. Немного вправо находится механическая бондарка, производство которой за послѣднее время замѣтно пало вслѣдствіе передвиженія керосина наливомъ.

Саженьяхъ въ полтораста отъ конторы, отдѣленные валомъ и рвомъ, стоятъ желѣзныя цистерны, вмѣщающія въ себѣ до 2 мил. пуд. керосина. Посреди площади, гдѣ расположены цистерны, стоитъ громоотводъ. Каждую цистерну можно соединить съ желѣзной трубой, берущей свое начало отъ паровой качки. Изъ каждой цистерны, въ случаѣ пожара, можно въ 2—3 минуты выпустить керосинъ по подземнымъ каменнымъ трубамъ въ особо приспособленный резервуаръ. Вся мѣстность, занимаемая цистернами и складами, какъ и все нобелевское поселеніе, освѣщается электричествомъ.

* * *

Пароходы, идущіе внизъ, останавливаются въ Царицынѣ довольно долго, дожидаясь поѣзда гр.-ц. ж. д., такъ что можно успѣть, если кому вздумается, осмотрѣть въ подробностяхъ Нобелевскій городокъ.

Сарепта, нѣмецкая колонія саратовской губ., съ 6 т. жителей, на прав. б. Волги.

Въ своихъ путевыхъ очеркахъ „На Волгѣ“ мы такъ описываемъ прошлое и настоящее Сарепты:

Жители Сарепты принадлежатъ къ религіозной

сектъ (реформатской), извѣстной въ исторіи подъ именемъ евангелическаго братства, или *гернгутеровъ*.

Послѣдователи Гусса, спасаясь отъ религіозныхъ преслѣдованій, разбѣжались по разнымъ государствамъ, и часть бѣжавшихъ основала въ 1722 г. въ Саксоніи колонію Гернгутъ, откуда и сами послѣдователи Гусса получили названіе гернгутеровъ.

Когда гернгутерамъ сталъ извѣстенъ манифестъ Екатерины II-й, позволяющій иноземцамъ селиться въ предѣлахъ Россіи на льготныхъ условіяхъ, то они и явились на берегъ Волги, въ количествѣ 46 семействъ. Имъ отвели мѣсто при слияніи р. Сарпы съ Волгой и дали безвозмездно въ вѣчное владѣніе около четырехъ съ половиной тысячъ десятинъ удобной земли.

Такимъ образомъ была основана колонія, получившая названіе Сарепты. Это событіе произошло въ 1770 г.

За сто слишкомъ лѣтъ Сарепта перенесла не мало разныхъ бѣдствій и невзгодъ; шайки Пугачева (самъ Пугачевъ, какъ извѣстно, былъ разбитъ около Сарепты) разграбили юную колонію до основанія; не мало Сарепта терпѣла отъ дикихъ кочевниковъ, не разъ опустошительные пожары истребляли колонію.

Новое отечество гернгутеровъ было для нихъ истинно родной матерью. Каждый разъ, какъ только колонію постигало какое-нибудь несчастье, русское правительство приходило на помощь.

Всѣ невзгоды если и отражались на общинномъ хозяйствѣ и вообще на благосостояніи братьевъ, то они отражались временно; колонія быстро оправлялась отъ ударовъ и снова приходила въ цвѣтущее состояніе.

Религіозныя идеи и принципы братства, безукоризненная нравственность, корпоративный духъ, необыкновенная любовь къ труду,—все это ставило общину въ тѣ исключительныя условія, которыя, безспорно, имѣли громадное вліяніе на дѣло процвѣтанія колоніи.

Безукоризненная честность „брата“ составляла еще недавно его типичную черту, которая реально выражалась во всѣхъ сферахъ его жизни, не исключая и коммерческой; для него, напримѣръ, не существуетъ ни

векселей, ни расписокъ, ни другихъ бумажныхъ обязательствъ; у него было „слово“, и это слово, освѣщенное вѣковыми традиціями, служило крѣпче всякихъ векселей и др. измышлений, явившихся продуктомъ 19-го вѣка.

Самый складъ жизни гернгутеровъ, ихъ характеръ, обычаи, наконецъ, скромныя жизненныя задачи,—все это дѣлало ихъ непохожими на обыкновенныхъ нѣмцевъ. Но.... всесокрушающее время съ его вѣяніями явилось и въ этотъ мирный уголокъ на смѣну вѣковыхъ традицій...

Присматриваясь къ особенностямъ жизни „братьевъ“, вы прежде всего замѣчаете отсутствіе „общенія“, безъ котораго, пожалуй, немыслима никакая жизнь культурнаго человѣка. Тутъ нѣтъ того, что у насъ въ обществѣ принято называть „хожденіемъ другъ къ другу въ гости“ или иныхъ выраженій общечеловѣческихъ отношеній; каждая семья гернгутеровъ какъ будто живетъ изолированной жизнью, только святыя узы братства, связывающія ихъ другъ съ другомъ, дѣлають всѣхъ гернгутеровъ одной семьей.

Тутъ нѣтъ не только что пьянства, но вы могли прожить въ колоніи десятки лѣтъ и не увидѣть ни одного пьянаго. Для „брата“ не существовало никакихъ ни удовольствій, ни развлеченій, если не считать послѣдними собранія съ религіозной цѣлью или съ цѣлью послушать въ церкви сонаты Бетховена.

Въ колоніи абсолютно воспрещается жить евреямъ, которые такъ легко присосались къ русскому тѣлу. Тутъ не знаютъ, что такое нищенство. Бѣдность, связанная съ понятіемъ о нуждѣ, также немыслима, ибо въ нуждѣ братья помогаютъ другъ другу.

Тихая, трудовая, „особенная“ жизнь гернгутеровъ не можетъ, конечно, показаться русскому человѣку особенно симпатичною; послѣдній, какъ извѣстно, любитъ общеніе, просторъ и ширь, и на него въ большинствѣ случаевъ жизнь братьевъ производитъ подавляющее, гнетущее впечатлѣніе.

Когда-то цвѣтущее положеніе Сарепты за послѣдніе годы замѣтно упало.

Причины этого рокового для сарептянъ событія заключаются въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, переселенческое движеніе, начавшееся послѣ семидесятихъ годовъ, какъ и слѣдовало ожидать, не осталось безъ вліянія на экономическое положеніе колоніи: часть эмигрировавшихъ въ Америку возвратилась на родину обнищавшими.

Во-вторыхъ, тѣ отрасли промышленности, или, вѣрнѣе, сарептская специальность, какъ на примѣръ, производство сарпинки, бальзаму, горчицы, производство, которое прежде исключительно сосредоточивалось въ рукахъ колонистовъ-сарептянъ, теперь стало достояніемъ др. колоній и городовъ. Это обстоятельство прежде всего вызвало конкуренцію, а затѣмъ, паденіе цѣнъ на предметы производительности.

Въ-третьихъ, главная отрасль производства Сарепты горчица и горчичное масло мало-по-малу убивалась монополіей Глича, который, можно сказать безъ преувеличенія, захватилъ это производство въ одніи свои руки.

Гличъ сумѣлъ убить конкуренцію даже въ рукахъ своихъ братьевъ-сарептянъ. Нѣкто Кноблохъ вздумалъ поставить дѣло производства горчицы и горчичнаго масла на широкую ногу, для чего, затративъ громадныя деньги, построилъ заводъ. Но, благодаря „умѣлости“ Глича, все это дѣло провалилось, и недавно еще заводъ Кноблоха стоялъ пустой съ заколоченными окнами.

Вообще Гличъ представляется такимъ субъектомъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ олицетворять собою „брата-геригутера“. Этотъ сарептскій Крезъ, благодаря русскимъ, приобрѣлъ миллионное состояніе, и, какъ слышно, навсегда уѣхалъ за границу. Покидая свое братство—колонію, онъ не сдѣлалъ для нея ровно ничего путнаго.

Въ-четвертыхъ, за послѣдніе годы не мало нашлось братьевъ, которые не могли удовлетвориться скромной сферой своей дѣятельности; желаніе болѣе широкой дѣятельности, а частью и жажда наживы заставили ихъ

покинуть родное гнѣздо, съ которымъ они de facto порвали всякія связи.

Правда, монополія, конкуренція и разныя невзгоды заставляютъ иногда противъ желанія покидать родную колонію и искать работы въ другихъ мѣстахъ, но бываютъ случаи, что такіе колонисты, приобрьта себѣ небольшое состояніе, возвращаются снова на родину.

Теперь не рѣдкость видѣть въ колоніи, что отцы отдають своихъ дѣтей „на выучку“ въ Саратовъ и др. города. Молодежь, возвращаясь подъ родную кровлю, вноситъ струю иной жизни...

Въ послѣднее время жизнь общины подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній мало-по-малу теряетъ свой характеръ замкнутости; въ ней замѣтно является стремленіе къ общенію.

Въ заключеніе этого бѣлаго очерка колоніи Сарепты и жизни ея обитателей, мы все же должны сказать, что старыя традиціи общины гернгутеровъ не совсѣмъ еще пали, что духовныя звенья, связывающія ихъ другъ съ другомъ, еще существуютъ. И теперь еще „истинные“ сарептяне не скажутъ не только что своему, но и чужому „господинъ“, а непременно—„братъ“. Но такихъ сарептянъ стариковъ становится съ каждымъ годомъ меньше и меньше.

Колонія Сарепта долго служила центромъ промышленнаго движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ школой, откуда выходили прекрасные учителя-мастера.

Сарептская горчица получила извѣстность въ Россіи и даже въ западной Европѣ; сарептскій *бальзамъ* также славится; приготовленіе пряниковъ составляетъ въ колоніи цѣлую отрасль промышленности. Приготовленіе посуды изъ мѣстной глины и набиваніе чучелъ изъ птицъ составляетъ также предметы промысла.

По внѣшности Сарепта представляетъ одинъ изъ очаровательныхъ уголковъ Поволжья; опрятная, утопающая въ зелени, съ чистыми мощеными улицами, съ тротуарами, обсаженными тополями, съ бассейнами чистой,

какъ кристаллъ, воды, она представляется еще очаровательно рядомъ съ пустынной степью *).

Пароходы во время высокой воды пристають въ $\frac{1}{2}$ в. отъ Сарепты; но спадъ воды пристань отводится версты на двѣ отъ колоніи.

Ниже Сарепты правый берегъ Волги представляетъ печальную картину: населенныя мѣста удалены другъ отъ друга на большое пространство, лишены всякой растительности и представляются какими-то безжизненными, какъ безжизненна мѣстность, окружающая ихъ. Правый берегъ Волги—сожженная солнцемъ степь или пески, которые холмами тянутся на цѣлыя десятки верстъ. Лѣвый берегъ покрытъ на весьма ограниченномъ пространствѣ дубовымъ лѣсомъ и заливными лугами. Рѣдко промелькнетъ рыбацья ватага, представляющаяся оазисомъ среди пустыни, или кибитка кочевника, а затѣмъ снова пустынный берегъ, унылая степь и раскаленный воздухъ, горячее дыханіе котораго чувствуется даже и тогда, когда пароходъ идетъ на разстояніи версты и болѣе отъ берега. Картина однообразная и паразитально скучная **).

*) Во время послѣднихъ холерныхъ эпидемій въ Сарептѣ не было ни одного случая заболѣванія.

**) Общая площадь астрах. губ. = 20 кв. в. 533440 д., изъ нихъ 4072006 д. занято сыпучими песками, представляющими въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ холмы или, какъ называютъ ихъ Киргизы, — барханы, достигающіе высоты отъ 10 до 50 фут. Замѣчательно, что очагами песковъ являются поселенія и неизбѣжныя съ ними земляныя работы (всякое разрыхленіе почвы). Въ настоящее время правительство вступило въ борьбу съ этимъ зломъ; главнымъ орудіемъ оказалось травосѣяніе и лѣсонасажденіе; изъ лѣсныхъ породъ главнымъ образомъ насаждаютъ дубъ, а затѣмъ тополь, вязъ и др.

Астраханская губернія.

Каменный Яръ, небольшое село на правомъ берегу Волги.

При Екатеринѣ II Каменный Яръ назывался каменнымъ форпостомъ, гдѣ былъ расположенъ казацкій караулъ. Въ то время существовала такъ называемая „царицынская линія“, представляющая собой цѣлую цѣпь караульныхъ постовъ (состоящихъ изъ донскихъ казаковъ), тянувшихся на правомъ берегу Волги отъ Царицына до Чернаго Яра. Гмелинъ, посѣтившій эти форпосты, вотъ что говорить:

„Они употребляютъ къ тому, чтобы дорогу по Волгѣ между Царицынымъ и Чернымъ Яромъ отъ давно уже тамъ извѣстныхъ разбойниковъ, коихъ еще и нынѣ нѣсколько бываетъ, очищать.

На каждыхъ 25 или 30 верстахъ на западномъ берегу рѣки Волги находятся, порядочно небольшимъ редутомъ окруженные, караульни, и при оныхъ живутъ въ бѣдныхъ землянкахъ по 24 казака, кои состоятъ подъ смотрѣніемъ сотника. По прошествіи каждыхъ четырехъ мѣсяцевъ они смѣняются, и по году или около двухъ лѣтъ служатъ на линіи. Сии на форпостахъ находящіеся казаки отправляютъ также и почты: они должны провѣжающимъ съ порядочными подорожными давать подводы и на казенныхъ судахъ употребляемы быть въ греблю. Если хочешь бѣдную тварь въ свѣтъ представить, то должно на память привести донского казака, на линіи стоящаго“.

Здѣсь поступаютъ съ ними такъ, какъ едва-ли прилежный хозяинъ поступаетъ со своимъ скотомъ“.

Владиміровка, на лѣвомъ берегу Волги, большое село, съ 8 т. жит., замѣчательно какъ хлѣбная и соляная пристань. С. Владиміровка соединено желѣзной дорогой съ Баскунчакскимъ озеромъ, откуда добывается соль; желѣзная дорога идетъ на разстояніи 54 верстъ; состояніе этой дороги можетъ характеризовать то обстоятельство, что рядомъ съ желѣзнымъ путемъ многіе предпочитаютъ отправлять соль на волахъ (тутъ сохранился рѣдкій видъ чумачества).

За послѣдніе годы въ Баскунчакскомъ озерѣ среднимъ числомъ добывалось соли до 12 мил. пудовъ.

Нѣсколько верстъ ниже Владиміровки, на пустынномъ берегу Волги видѣнъ черный крестъ, рассказъ о которомъ встрѣчаемъ въ „С. Г. В.“.

Изнаывалъ пришлый людъ, разрабатывая соль на Баскунчакскомъ озерѣ. Тяжело приходилось рабочему люду: по днямъ стояли въ разбѣдающей тѣло рапѣ, болѣли въ сырыхъ землянкахъ, питались тухлятиной и нерѣдко умирали безъ помощи и заботъ. Многочисленные подрядчики и солепромышленники обсчитывали рабочихъ и зачастую безъ заработка, нищихъ, отпускали съ промысла. Но никто въ этомъ отношеніи не выдѣлялся такъ рѣзко, какъ солепромышленникъ Тимофей Андреевичъ Долгоусовъ: его боялись не только рабочіе, но и сотоварищи. „И что за звѣрь, говаривали они, когда его наймиты-приказчики съ нагайками гнали „несчастливыхъ“ на работу. Дѣйствительно, что творилось Долгоусовымъ—говорить и до сихъ поръ преданіе: въ землянкахъ его стопами рабочіе, болѣли и умирали, проклиная своего патрона. Сыпались на него жалобы, но онѣ почему-то рѣдко достигали цѣли и не всегда приносили утѣшеніе рабочимъ.... Между тѣмъ, достояніе Тимофея Андреевича росло и увеличивалось не по днямъ, а по часамъ: огромные амбары для соляныхъ грузовъ, суда, барки стояли около пристани; въ

сторонѣ отъ нея на высокомъ выступѣ видѣлся огромный домъ, окруженный высокимъ крѣпкимъ заборомъ и складочными постройками. Непривѣтливо, мрачно выглядывало жилище Долгоусова: рѣдко кто посѣщалъ его; рѣдко отворялась калитка небольшого двора; всѣ какъ будто обходили и сторонились отъ его дома. Замкнуто, сторонясь отъ товарищей, жилъ и самъ Долгоусовъ съ семьей, состоявшей изъ двухъ сыновей и жены, такой же странной и скупой по характеру женщины. Не ограничиваясь солянымъ промысломъ, Долгоусовъ имѣлъ и ватаги: здѣсь, около дома, сновали сотни лодокъ, перекидывались невода, а амбары огромнаго дома переполнены были разной рыбой. Хорошо жилось Долгоусову, богатство росло, но съ увеличеніемъ его, въ душѣ Тимофея Андреевича исчезло все человѣческое; рабочіе все также изнывали за работой, и ихъ проклятія нерѣдко проносились по поверхности могучей рѣки...

Въ 18.. году послѣ снѣжной и жестокой зимы, какой не помнили и старожилы, наступила ранняя весна. Изодня-въ-день Волга разливалась все шире и шире, охватывая огромный районъ и купая въ своихъ шумныхъ волнахъ рощи, поля и низкія мѣста. Рыболовы встрепенулись, ожили, и ихъ снасти на далекое пространство перерѣзали разливъ. Ожило, повеселѣло угрюмое лицо Тимофея Андреевича: въ глазахъ запылала страсть, надежда на добычу заиграда въ устахъ; онъ неустанно двигался, хлопоталъ, готовясь къ работѣ, къ ловлѣ рыбы.... Онъ рѣшительно не замѣчалъ, какъ къ его постройкамъ подступала вода, какъ иногда волны шумно постукивали въ заборы и амбары, грозя смыть его достояніе, его богатство. Наступило время отправляться за рыбой. Десятки лодокъ, наполненныхъ снастями, съ рабочими и хозяиномъ направлялись въ низовья разлившейся рѣки. Въ домѣ остались только жена, дѣти и женская прислуга. Съ ужасомъ поглядывала жена Тимофея Андреевича на разливъ, сердце какъ бы предчувствовало бѣду и еще до отъѣзда мужа она говорила ему объ опасности. — Нѣтъ, не дойдемъ, пустяки! отвѣчалъ спокойно Долгоусовъ, опираясь на свое знаніе и крѣпость построекъ.

Прошли три дня. Волга, до того спокойная, „заиграла“: бѣлые кружевные краешки волнъ перебѣгали и, ударяясь о постройки, кружились и вертелись, какъ шаловливыя дѣти. Къ ночи вѣтеръ усилился, волны поднимались все выше и выше; огромные косматые валы сильнѣе и сильнѣе били въ заборъ, стучали въ подвалъ и не на шутку безпокоили хозяйку. Грянулъ громъ, накинута тучка, вѣтеръ засвирѣлъ еще сильнѣе; волны уже заглядываютъ въ окна, стучатъ рамами, дребезжатъ стеклами, проливной дождь, перерѣзанный молніей, гулко бьетъ по крышѣ. Вотъ засверкало и обдало огнемъ залу, въ окнахъ выдѣлились какія-то бѣлыя чудовища и, потрясая косматыми, сѣдыми головами, съ оглушительнымъ ревомъ исчезаютъ въ непроницаемой темнотѣ... Вся семья въ ужасѣ на колѣняхъ предъ иконою просить о пощадѣ... Кругомъ какъ будто кто хохочетъ, реветъ и страшнымъ стономъ перекачивается по опустѣвшимъ комнатамъ огромнаго дома.... Крики, плачь, рыданія дѣтей, ихъ блѣдныя лица, мольбы о помощи—и помощи нѣтъ! Вдругъ что-то затрещало, въ окна ринулись страшныя чудовища.... Послѣдніе крики, послѣдніе стоны.... И въ гулкихъ ударахъ молніи, освѣтившей эту картину разрушенія, замолкли они, замерли.

Еще не въ затихшую бурю подплывалъ къ руинамъ хозяинъ дома. Ужасно поразило его несчастье, замертво вынесли его изъ лодки, долго не могли его привести въ чувство, и только крѣпкая натура выдержала, не подломилась подъ роковымъ ударомъ.... „Божье наказаніе!“ шептали его губы, когда онъ открылъ глаза. Постарѣлъ, осунулся Тимофей Андреевичъ и совершенно перемѣнился.

Распродавъ доставшееся достояніе, онъ оставилъ навсегда „ужасное мѣсто“, водрузивъ на немъ „черный крестъ“.

Гдѣ онъ?... Говорятъ, что Тимофея Андреевича встрѣчали на пристаняхъ, на ватагахъ, гдѣ онъ, подъ именемъ „отца Тимофея“, проповѣдуетъ слово Божіе, нерѣдко являясь примирителемъ между рабочими и ихъ хозяевами.

Черный Яр, уѣздный городъ, съ 6 т. жит., на правомъ берегу Волги. Черный Яръ основанъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ 1627 году. и назывался прежде „Черноярскимъ новымъ острогомъ“. Какъ и всѣ уѣздные города астраханской губерніи, Черный Яръ пустынный и лишенный зелени—съ вѣншней стороны, съ отпечаткомъ мертвящей скуки—съ внутренней.

Въ Черномъ Яру сохранились и до настоящаго времени остатки стариннаго укрѣпленія, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Мамаевского вала.

14 сентябрю здѣсь происходитъ весьма значительная по своимъ оборотамъ ярмарка, преимущественно, крупнымъ и мелкимъ скотомъ.

Немного ниже Чернаго Яра, на правомъ берегу Волги стоитъ станица *Ветлянка*, которая приобрѣла себѣ всемірную извѣстность исторіей съ чумой.

Никольское, небольшое село.

Енотаевскъ, уѣздн. городъ съ 2 т. жит., на правомъ берегу Волги. Основанъ въ 1741 г. какъ защита отъ набѣговъ кочевниковъ. Сыпучіе пески и выжженная солнцемъ голая степь представляютъ тоскливую картину не менѣе тоскливаго городка.

Первый русскій баснописецъ Пав. Ив. Хемницеръ родился въ Енотаевскѣ 5 января 1745 года.

Енотаевскій уѣздъ, также какъ и царевскій (на мѣстѣ гор. Царева была главная ставка Золотой орды), богатъ мѣстностями, на которыхъ производятся курганныя раскопки. Такъ, близъ с. Никольскаго, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега р. Волги находятся курганы, не имѣющіе собственныхъ названій. Около Сѣроглазинской ст. находится Золотой бугоръ, съ именемъ котораго связана извѣстная легенда (см. „Кладоискательство на Волгѣ“, стр. 271). Противъ Енотаевска, на берегу притока Волги—Ахтубы стоитъ с. Селитряное, образовавшееся изъ селитрянаго городка, основаннаго казной въ 1710 году на развалинахъ древняго Джигить-Аджи. Тутъ и до настоящаго времени сохранились полуразрушенная башня древняго ханскаго дворца, нѣсколько кургановъ, такъ называемый Маячный бугоръ, откуда, по народному преда-

нiю, шайка Разина слѣдила за проходившими судами, подземныя галлерей, выложенныя камнемъ (кирпичъ въ видѣ квадратной плитки; изъ такихъ кирпичей, вырытыхъ изъ земли, можно найти немало построекъ въ енотаевскомъ, черноморскомъ и царевскомъ уѣздахъ).

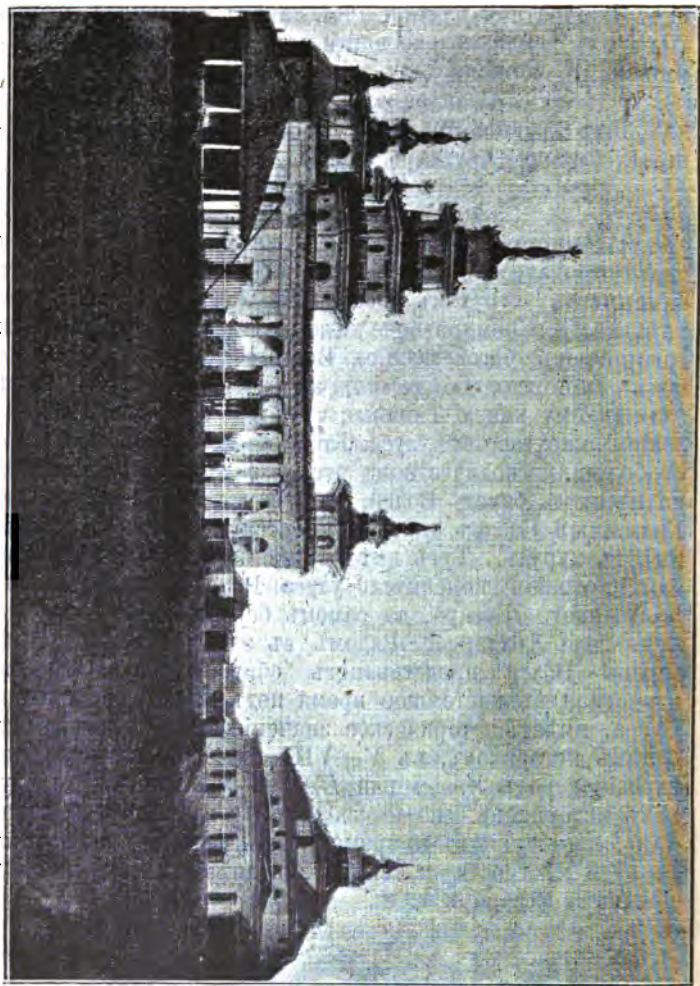
Около с. Селитрянаго и до настоящаго времени находятъ древнiе предметы: золотыя и серебряныя монеты, домашнюю утварь и т. п.

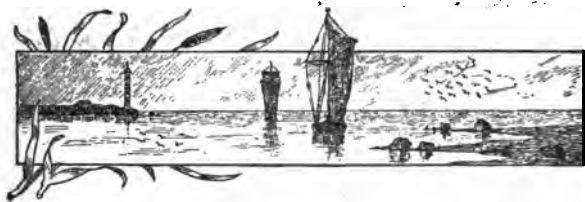
*
* *

Немного ниже Енотаевска, на лѣвомъ берегу Волги сгруппировалось нѣсколько сотъ калмыцкихъ кибитокъ съ каменнымъ хуруломъ посрединѣ (хуруль—зданiе, по внѣшности напоминающее китайскую пагоду, гдѣ калмыки совершаютъ богослуженiе). Все это поселенiе извѣстно подъ именемъ *Тюменевки*; это имѣнiе принадлежитъ калмыцкому князю Тюменю; тутъ-же находится Управленiе Хошоутовскаго улуса. Такое-же поселенiе, но только съ большимъ количествомъ русскихъ домиковъ, находится на правомъ берегу Волги, въ 4 верст. выше Астрахани. Калмыцкiй Базаръ, такъ называется это поселенiе, также имѣетъ хуруль. Тутъ имѣетъ мѣстопробыванiе русская администрацiя: попечитель улуса. Версты полторы выше Калмыцкаго Базара, на самомъ берегу Волги расположено село Хохлацкое. Рядомъ съ этимъ селомъ правый берегъ Волги представляетъ обрывъ; эта мѣстность, извѣстная въ настоящее время подъ именемъ Шаренаго Бугра, имѣетъ историческое значенiе: тутъ, по сказанiямъ однихъ историковъ, въ V—VIII вѣв. существовалъ хозарскiй городъ *Атель* или *Итиль*; по сказанiю же другихъ историковъ, на этомъ мѣстѣ существовала Астрахань, извѣстная въ то время подъ именемъ *Цитрахани*; въ этой мѣстности и теперь находятъ древнiя монеты предметы утвари и т. п.

Намьыцкый хурул.

АСТРАХАНЬ, съ 113 т. жит., на лѣв. б. Волги.

Историческій очеркъ. Теченіе рѣки Волги по направленію къ Каспійскому морю, послѣ другихъ городовъ Поволжья, такъ сказать, замыкаетъ еще одинъ важный городъ—Астрахань, отстоящій менѣе чѣмъ на 90 верстъ отъ Каспійскаго моря и составляющій такимъ образомъ послѣдній губернскій городъ волжскаго края. Выгодное географическое положеніе, на берегу судоходной рѣки, невдалекѣ отъ моря, издавна сдѣлало этотъ городъ однимъ изъ важныхъ торговыхъ портовъ не только Поволжья, но и всей Россіи, такъ какъ онъ служитъ какъ-бы посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Кавказомъ, Персією, восточными и юго-восточными окраинами Россіи, откуда ежегодно къ астраханскому порту привозится масса всевозможныхъ товаровъ (преимущественно, хлопокъ, мѣха, шелкъ, нефть и др.), и торговые обороты города вслѣдствіе этого достигаютъ громадныхъ размѣровъ. По своему положенію и значенію Астрахань справедливо можетъ быть названа пунктомъ, гдѣ сосредоточена торговля Россіи съ Востокомъ.

Прежде всего остановимся на прошломъ Астрахани, тѣмъ болѣе, что не каждому изъ волжскихъ городовъ выпало на долю пережить и видѣть то, что пережила и видѣла Астрахань, о которой исторія сохранила намъ не мало интересныхъ свѣдѣній.

Первоначальное возникновеніе поселеній на мѣстѣ нынѣшней Астрахани кроется въ глубокой древности. Нѣкоторые историки (Карамзинъ) предполагаютъ, что на мѣстѣ нынѣшней Астрахани находился еще въ концѣ

В.В.В.В.

Калмыцкая юрта.

XIII или въ началѣ XIV вѣка извѣстный въ исторіи городъ Атель или Итиль—столица древнихъ обитателей этого края—козарь; по мнѣнію же другихъ (напр., Бестужева-Рюмина) Итиль не былъ собственно на мѣстѣ Астрахани, а лишь находился невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи возникла Астрахань. О судьбѣ упомянутого Итиля извѣстно только то, что онъ такъ же, какъ и возникшій послѣ него (въ VI в.) при устьѣ Волги друг. городъ—Балангіарь, существовалъ не долго. Геродотъ, говоря о Скиахъ, населявшихъ современную астраханскую губернію, въ IV в. до Р. Х., указываетъ на существованіе въ нижнемъ теченіи Волги города или цѣлой мѣстности, называемой Оарою. Затѣмъ наступаетъ долгій періодъ, когда мѣстность, занимаемая астраханской губерніей, дѣлается исторической сценой, по которой, какъ въ калейдоскопѣ, двигаются разные дикіе кочевые народы, направляясь изъ глубины Азіи въ Европу, и затѣмъ дальнѣйшая исторія заселенія мѣстности, занятой потомъ Астраханью, если не считать важными въ данномъ случаѣ сказаній о существованіи въ астраханскихъ степяхъ *селитбз* хвалиссовъ (армянъ), крайне неточна и характерна.

Въ XIII в., когда около Каспійскаго моря сформировалась и владычествовала могучая въ началѣ Кипчакская, или Золотая орда, въ низовьяхъ Волги возникло нѣсколько татарскихъ городовъ и селеній и между ними Астрахань, называвшаяся тогда Цитраханью. Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ она упоминается и послѣ XV стол. у Константина, который говоритъ, что этотъ городъ принадлежалъ тремъ племенамъ татарскаго хана, былъ не очень великъ и расположенъ на берегу Волги; „домы построены земляные и огорожены нетвердыми стѣнами; прежде въ Цитрахани бывала славная ярмарка, на которую привозились товары, отправляемые изъ Венеціи чрезъ Тану (Азовъ)“, и пр. Думаютъ, однако, что эта Цитрахань, или древняя Астрахань, находилась верстъ 8 выше нынѣшней Астрахани, въ томъ мѣстѣ, которое извѣстно подъ названіемъ „Шаренаго Бутра“; на настоящее же мѣсто она перенесена уже послѣ. Не лишне,

безъ сомнѣнія, привести нѣкоторыя характеристичныя сказанія, объясняющія происхожденіе существующаго теперь названія города „Астрахань“. По одному изъ нихъ слово „Астрахань“ образовалось изъ „Хаджи-Тархань“, или „Адяшь-Тархань“, и вотъ какимъ образомъ: одинъ богатый, знатный и религіозный татаринъ, путешествовавшій на богомолье въ отдаленную Мекку, въ день своего благополучнаго возвращенія изъ опаснаго путешествія отпустилъ на свободу одного изъ своихъ рабовъ; это событіе совершилось въ то время, когда жители занимались обстройкой перенесеннаго ими на новое мѣсто города, и оно-то послужило поводомъ къ названію возникшаго города „Хаджи-Тархань“, что въ переводѣ значитъ: „мекскій богомолецъ, даровавшій свободу“. По другому, болѣе вѣроятному сказанію, слово „Астрахань“ образовалось изъ двухъ словъ: „Аштаръ и ханъ“, „Аштаръ“, по преданію, было имя одного изъ князей этого города, а „ханъ“ — нарицательное имя, прилагавшееся ко всѣмъ татарскимъ властелинамъ, въ смыслѣ нашего „царь“; такимъ образомъ имя этого астраханскаго князя было „Аштарханъ“, измѣнившееся впоследствии въ „Астрахань“.

Входя въ составъ Кипчакскаго царства, занимавшаго пространство отъ Урала до низовьевъ Дуная, Астрахань долгое время не имѣла политическаго значенія, оставаясь бойкимъ, богатымъ и торговымъ татарскимъ городомъ, какъ это видно изъ приведеннаго выше свидѣтельства Константина. Вѣроятно, это богатство ея, какъ полагаютъ, было причиною страшнаго опустошенія, нанесеннаго ей грознымъ Тамерланомъ въ концѣ XIV вѣка, отъ котораго она долго потомъ не могла оправиться. Когда кончилось могущество Золотой орды, когда резиденція расточительныхъ кипчакскихъ хановъ „Сарай“, построенный Батыемъ на одномъ изъ волжскихъ рукавовъ Ахтубы въ 270 верст. отъ Астрахани (на этомъ мѣстѣ теперь стоитъ Царевъ, уѣздный городъ астраханской губерніи), была разрушена союзникомъ Іоанна III (1462—1505) Менгли-Гиреемъ, тогда Астрахань начинаетъ постепенно возвышаться, занимаетъ видное мѣсто,

приобрѣтаетъ политическое значеніе и, наконецъ. дѣлается столицею возникшаго на развалинахъ Золотой орды Астраханскаго царства Отсюда-то главнымъ образомъ и начинается исторія Астрахани.

Какъ столица татарскаго царства, Астрахань по своему внутреннему устройству, характеру жителей, религіи и пр., естественно, представляла громадное сходство съ Казанью, столицею сильнаго и однороднаго съ ней царства Казанскаго. Въ политическомъ отношеніи Астраханское царство никогда не достигало такой силы и могущества, какимъ пользовалось нѣкогда Казанское; первое дѣло вообще слабо и безсильно. Это послѣднее обстоятельство неминуемо должно было отразиться и на дальнѣйшей судьбѣ Астрахани. Въ первой половинѣ XVI в. она служила приманкою для окружавшихъ ее сосѣдей крымскаго хана и ногайскихъ князей, къ которымъ она переходила изъ рукъ въ руки и которые безъ труда овладѣвали ею. Вмѣстѣ съ возникновеніемъ Астраханскаго царства оживляются сношенія съ Россією, которыя, кромѣ торговыхъ интересовъ, приняли политическій характеръ. Въ тоже время въ числѣ татарскихъ мурзъ и царевичей, выходившихъ въ XIV и XV стол. изъ Золотой орды и нанимавшихся на службу къ великому князю московскому, нерѣдко были и астраханскіе царевичи, благодаря которымъ поддерживалась и сохранялась связь Москвы съ Астраханью. Послѣдніе вступали иногда въ политическіе переговоры между собою, опасаясь усиленія крымскаго хана и Казани, которое невыгодно было не только для слабаго Астраханскаго царства, но отчасти и для Россіи. Однако въ Москвѣ не всегда довѣряли дружественнымъ заявленіямъ Астрахани, и послѣдняя дѣйствительно не разъ обманывала русское правительство, становясь иногда въ явные враждебныя отношенія къ нему. Въ 1551 г. астраханскій царь Ямгурчей, тревожимый, вѣроятно, сосѣдами, рѣшился отдаться московскому царю (Іоанну IV Грозному) и царствовать въ Астрахани на правахъ „русскаго присяжника“, подобно Шигъ-Алею, который въ это время управлялъ Казанскимъ царствомъ. Іоаннъ Грозный при-

нялъ это предложеніе, но Ямгурчей измѣнилъ своему слову и задержалъ русскаго посла, отправленнаго въ Астрахань для приведенія къ присягѣ царя и народа астраханскаго, и даже ограбилъ его. Но не долго пришлось Ямгурчею сохранить самостоятельность своего слабаго царства; не далѣе какъ черезъ два года ему пришлось жестоко поплатиться за свой коварный поступокъ. Сильное Казанское царство было уже завоевано, и Астрахани, естественно, грозила та же участь. Оскорбленный измѣною Ямгурчей, слыша постоянныя жалобы ногайскихъ мурзъ на притѣсненія своихъ хановъ, Іоаннъ Грозный рѣшился съ оружіемъ идти къ стѣнамъ астраханскимъ и, подобно Казани, присоединить ее къ русскимъ владѣніямъ. Не много нужно было военныхъ силъ для того, чтобы завоевать это царство: 30-ти-тысячное войско, выступившее въ 1554 г. подъ предводительствомъ бывшаго астраханскаго царевича Дербыша, Головина, Вяземскаго и др., было слишкомъ достаточно для того, чтобы Астраханское царство прекратило свое самостоятельное и независимое существованіе. Насколько слабо было Астраханское царство; можно видѣть изъ того, что у стѣнъ Астрахани не произошло ни одной серьезной битвы. Ямгурчей, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ, убѣжалъ, оставивъ городъ на произволъ судьбы. Покинутая своимъ царемъ, Астрахань безъ кровопролитія отворила ворота русскимъ, и послѣдніе свободно заняли городъ. Астраханскій престолъ, по желанію Іоанна Васильевича, былъ отданъ царевичу Дербышу, который присягнулъ вмѣстѣ съ жителями на вѣрность московскому престолу, обязавшись ежегодно платить 40 т. алтынъ и 3 т. рыбъ. Но Дербышъ не былъ вѣрнымъ московскимъ данникомъ. Вскорѣ онъ вступилъ въ дружескія сношенія съ крымскимъ ханомъ, который намѣревался сдѣлать нападенія на русскія владѣнія (въ 1555 г.), хотя открыто говорилъ о дружбѣ къ русскому правительству. Однако, ложныя завѣренія крымскаго хана не могли никого обмануть, и войско его (до 60000), вступившее было въ русскіе предѣлы, должно было безъ успѣха возвратиться назадъ. Въ то-же время для охраненія Астрахани по-

сланъ былъ на берега Волги довольно значительный отрядъ войска. Гордый и своевольный Дербышъ не пользовался уваженіемъ даже среди своихъ единоплеменниковъ. Въ 1556 году ногайскіе мурзы просили у московскаго царя защиты отъ притѣсненій Дербыша и извѣщали о тѣсной дружбѣ его съ крымскимъ ханомъ; въ то-же время ногайскій князь Измаиль въ посланной грамотѣ просилъ московскаго царя отправить въ Астрахань войско, изгнать Дербыша и, если нужно, поставить на его мѣсто царевича Кайбула. Донесенія оказались справедливыми; Дербышъ въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ дѣйствительно всталъ въ враждебное отношеніе къ Россіи и изгналъ изъ Астрахани русскихъ людей вмѣстѣ съ московскимъ посломъ. Немедленно посланъ былъ на помощь Измаилу отрядъ казаковъ, кромѣ войска, подъ начальствомъ атамана Ляпуна Филиппова, и Астрахань, снова оставленная своимъ царемъ, котораго вскорѣ достигли въ 20 в. отъ города, безъ труда занята была русскими.

Теперь съ этимъ городомъ было совершенно покончено. Съ этого времени вмѣсто татарскаго царевича для управленія городомъ стали назначаться русскіе воеводы, и Астрахань такимъ образомъ сдѣлалась „русскимъ“ городомъ. Въ то же время въ Астрахани была учреждена самостоятельная епархія, и въ 1589 году сюда прибылъ первый архіепископъ астраханскій Θεодосій.

Съ 1667 года, по грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, въ Астрахань стали назначаться митрополиты; первымъ митрополитомъ былъ извѣстный святитель Іосифъ, скончавшійся мученическою смертію при Стенькѣ Разинѣ. Митрополиты существовали до 1716 года, когда ихъ замѣнили епископы. Съ этихъ поръ Астрахань живетъ, такъ сказать, общею со всѣми русскими городами жизнью; ея исторія тѣсно связывается съ исторіей русскаго государства вообще.

Первое событіе, которое необходимо отмѣтить изъ жизни „русской“ Астрахани, относится къ 1605 г. Въ

этотъ годъ здѣсь вспыхнуло возмущеніе, подготовленное самозванцемъ Отрепьевымъ, склонившимъ на свою сторону астраханскую чернь. Архіепископъ Ѳеодосій старался кроткими увѣщаніями подѣйствовать на народъ, но его схватили и отвезли въ Москву, а возмущеніе приняло большіе размѣры. Послѣ смерти Лжедмитрія недовольные донскіе и терскіе казаки, выдавая какого-то бѣглеца Елагина за царевича Петра, напали на Астрахань и сильно разграбили ее (1605 г.). Въ слѣдующемъ (1606) году Астрахань вторично была разграблена ими, а въ 1607 году они же подняли бунтъ противъ Шуйскаго. Въ 1608 году близъ Астрахани появился Заруцкій съ Мариною Мнишекъ и потребовалъ отъ окольничаго Головина покорности и почетнаго приѣма Маринѣ. Головинъ, притворно согласившись на предложеніе, приказалъ умертвить посланныхъ Заруцкимъ людей (до 300 чел.) при первомъ появленіи ихъ въ городъ и едва не успѣлъ заманить для той-же цѣли самаго Заруцкаго. На вторичное требованіе Заруцкаго Головинъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ и даже пригрозилъ ему висѣлицею. Заруцкій спустился по Волгѣ внизъ и долгое время оставался въ 12 верстахъ отъ Астрахани. Когда воевода Заруцкаго Мамбеевъ двинулся къ Красному Яру съ цѣлью взять его, Головинъ, узнавъ о движеніи Мамбеева, нагналъ его и разсѣялъ мятежниковъ. Послѣ этого волненіе въ Астрахани прекратилось, торговля сдѣлалась оживленнѣе, городъ обстраивался и отдыхалъ послѣ тревожнаго времени...

Татары съ потерей Астрахани не теряли, должно быть, надежды возратить ее снова въ свои руки. Въ 1660 году съ значительными силами подступили они къ городу съ цѣлью захватить его. Жители удалились въ кремль и рѣшились защищаться. Успѣху астраханцевъ всего больше помогли осторожныя и разумныя мѣры стольника Прозоровскаго, который запретилъ прежде непріятельскаго приступа тратить заряды и нападать на непріятеля; но какъ только татары скучились у самыхъ стѣнъ кремля, съ городскихъ стѣнъ поднялась частая и

громкая пальба, заставившая осаждавших съ громаднымъ урономъ уйти отъ города *).

Прошло не болѣе 5 лѣтъ, какъ Астрахань должна была пережить новое, небывалое ни прежде, ни послѣ въ жизни ея событіе,—то былъ бунтъ Стеньки Разина. „Голутвенная“ вольница, недовольная правительствомъ и готовая подняться при первой возможности, въ лицѣ Стеньки Разина нашла себѣ лучшаго руководителя и рада была идти за нимъ на своихъ притѣснителей; ненавистныхъ ей московскихъ бояръ, и „добыть себѣ зипуновъ“. „И вотъ еще въ 1665 г. появились на Волгѣ разинцы и въ самое короткое время навели панику на окрестныхъ жителей своимъ „молодечествомъ“. Тутъ собрались всѣ, кому была „жизнь—копѣйка“; они не пропускали ни одного каравана судовъ, идущихъ по Волгѣ, захватывали ихъ и грабили, налетая неожиданно на своихъ легкихъ челнахъ. Вѣсть о Стенькѣ Разинѣ быстро разнеслась по всему русскому государству и подняла на ноги правительство. Начато было преслѣдованіе; въ это время Стенька Разинъ стоялъ близъ Камышина. Вѣсть о преслѣдованіи заставила его покинуть свою стоянку и броситься внизъ по Волгѣ, къ Каспійскому морю. Здѣсь ему пришла мысль склонить на свою сторону Астрахань, завладѣть ею, и для этой цѣли изъ Чернаго Яра посланы были къ Астрахани развѣдчики. Но на этотъ разъ Разинъ не имѣлъ успѣха и, простоявъ около 2-хъ лѣтъ близъ Астрахани, съ большею частью своихъ разбойниковъ скрылся. Въ 1667 г. возмущеніе Стеньки снова вспыхнуло и приняло грандіозные размѣры; въ это время на рѣкѣ Камышинкѣ были ограблены имъ астраханскія суда; отсюда мятежники бросились къ Царицыну, потомъ къ Черному Яру и, наконецъ, очутились въ 30 вер. отъ Астрахани. Астраханскій воевода Хилковъ выслалъ противъ нихъ стрѣльцовъ, но послѣдніе потерпѣли пораженіе отъ разинцевъ, которые перебрались на Яикъ и, подкрѣпленные новыми бѣглецами,

*) Въ память этого событія до 1700 года въ Астрахани совершался крестный ходъ вокругъ города.

поплыли Каспійскимъ моремъ къ берегамъ Персін, откуда возвратились съ награбленною добычею къ устью Волги. Астрахани снова угрожала опасность. Преслѣдованіе мятежниковъ поручено было астраханскому воеводѣ Прозоровскому и Львову; послѣдній нагналъ Разина у взморья и принудилъ его къ сдачѣ. Разинъ былъ приведенъ въ Астрахань, и участь его, казалось, была уже рѣшена. Но здѣсь, вѣроятно, нашлись лица, горячо сочувствовавшія ему, и при ихъ содѣйствіи ему удалось убѣжать. Въ 1670 году Разинъ снова явился на Дону и принялся за прежнее дѣло; снова начались грабежи по Волгѣ; Царицынъ и Черный Яръ были уже въ его рукахъ. Та же участь ждала и Астрахань. Для предупрежденія опасности противъ мятежниковъ были посланы изъ Астрахани казаки, но послѣдніе потерпѣли неудачу. Между тѣмъ въ самой Астрахани началось волненіе между стрѣльцами; недовольные задержкой жалованья и притѣсненіями, они возбуждали народъ къ возмущенію, и многіе, дѣйствительно, приняли ихъ сторону. Въ это время Разинъ все ближе и ближе подходилъ къ городу. Прозоровскій думалъ прекратить волненіе раздачею стрѣльцамъ монастырскихъ денегъ, но не достигъ цѣли; недовольство, видимо, было сильное: ни старанія Прозоровскаго, ни увѣщанія митрополита Іосифа, ни укрѣпленія городскихъ стѣнъ не могли спасти Астрахань. 19 іюня Разинъ приблизился къ городскимъ стѣнамъ, а 24-го городъ былъ уже въ его рукахъ; солдаты и пушкари не только не оказали никакого сопротивленія Разину, но сами помогали ему войти въ городъ. Отважнаго Прозоровскаго схватили у Вознесенскихъ воротъ и насквозь пронзили копьями. „Онъ (Разинъ), говоритъ Костомаровъ, взялъ Прозоровскаго подъ руку и повелъ на раскатъ. Они стояли рядомъ на верху; всѣ видѣли, какъ атаманъ сказалъ воеводѣ что-то на ухо, но князь вмѣсто отвѣта отрицательно покачалъ головой. Что говорилъ ему Стенька на ухо, это осталось тайной между ними. Тотчасъ послѣ того Стенька столкнулъ князя головою внизъ, стороною на зимній востокъ....“ „Всю ночь висѣли они, говоритъ тотъ-же писатель о сыновьяхъ вдо-

вы Прозоровскаго, княгини П. Ф.; оба носили одно имя—Борисъ; старшему было 16, младшему 8 лѣтъ. Утромъ прѣхалъ Стенька и приказалъ старшаго князя сбросить со стѣны, а малютку, отекашаго кровью, чуть живого еще приказалъ сѣчь розгами и возвратить матери“. Братъ Прозоровскаго былъ убитъ при дверяхъ соборной церкви. Ворвавшись въ самый кремль и соборъ, гдѣ многіе думали укрыться, разинцы дали полную волю себѣ въ грабежахъ и убійствѣ: граждане города, матери, дѣвицы и невинныя дѣти безъ разбора дѣлались жертвами разбоя. Полный разгулъ кровожадныхъ страстей господствовалъ здѣсь въ теченіе многихъ дней. Оставшіеся астраханскіе жители примкнули къ Разину и получили казацкое устройство. Вскорѣ Разинъ оставилъ Астрахань, отправившись добывать другіе города, и предоставилъ распоряжаться ею своимъ довѣреннымъ лицамъ во главѣ съ Шелудяковымъ. Въ исторіи господства въ Астрахани шайки Разина нельзя не упомянуть о печальной, трагической участи, постигшей въ это время лучшаго изъ астраханскихъ архипастырей, митрополита Іосифа. Недовольные его упреками и увѣщаніями, въ маѣ (11-го) 1671 г. нѣкоторые изъ разинцевъ явились въ соборъ къ митрополиту Іосифу съ требованіемъ идти къ нимъ для допроса. Въ полномъ облаченіи, сопровождаемый духовенствомъ, съ крестомъ въ рукахъ, пришелъ Іосифъ къ разинцамъ. „Зачѣмъ вы меня звали?“ спросилъ онъ.—„Ты переписываешься съ Терекомъ и Дономъ“,—отвѣчалъ ему Шелудяковъ. „Я не переписываюсь съ ними, —сказалъ Іосифъ,—а если-бы и имѣлъ какое-нибудь сношеніе, то лучше сообщаться съ ними, чѣмъ съ Крымомъ и Литвою.... Снова повторяю вамъ, мятожники, обратитесь къ Великому Государю и испросите у него прошенія въ вашемъ преступленіи“....—„Снимайте съ него одежду!“ закричала разъяренная толпа, и черезъ нѣсколько времени, связанный по рукамъ и ногамъ, Іосифъ былъ повѣшенъ надъ пылающимъ огнемъ. Но это была только пытка; злодѣи не ограничились ею и повели его на „раскатъ“, откуда при громкихъ крикахъ сбросили на землю. Въ описываемое время самъ

Разинъ уже былъ въ заключеніи въ Москвѣ и 11 іюня четвертованъ. Н. И. Костомаровъ такъ говоритъ объ обстоятельствахъ, сопровождающихъ смерть Іосифа: „упалъ онъ, великій Святитель, (сброшенный съ колокольни) на востокъ передъ раскатными дверми, къ собору правою щекою, и тою щекою сшибъ до крови, да изъ носа вышло руды съ половину горсти“. „Въ то время былъ великій стукъ, и страхъ, говоритъ одна рукопись, принадлежащая семинаріи, отчего и воры, будучи въ кругу, устрашились и замолчали на долгое время, съ треть часа стояли, повѣся головы и другъ съ другомъ ничего не говорили, яко изумленные“.

Такъ распоряжались въ Астрахани приверженцы Стеньки Разина до послѣднихъ чиселъ мая 1671 года; когда къ Астрахани подступилъ бояринъ Милославскій а начальство надъ городомъ поручено было князю Одоевскому. Выступившіе на судахъ противъ войска Милославскаго разинцы были отброшены, и Милославскій, прибывъ къ Астрахани, свободно расположился лагеремъ на берегу р. Волды. На его требованіе покорности мятежники вначалѣ не думали склоняться, и только пришедшій на помощь Милославскому черкесскій князь Хавъ-Булатъ и обѣщаніе милости и прощенія произвели желаемое дѣйствіе и принудили мятежниковъ къ сдачѣ. 27 ноября Астрахань отворила ворота Милославскому и его ратнымъ людямъ. Такъ пережила Астрахань это тяжелое время.... Но не одни только смуты и мятежи волновали и разоряли городъ; не разъ постигали его и страшныя физическія бѣдствія, отъ которыхъ совершенно негдѣ было искать защиты. Такъ, одновременно съ разинскимъ разореніемъ Астрахань постигло (въ 1668 г.) сильное землетрясеніе; подземные удары, сначала слабые, постепенно усиливались къ ужасу севѣрныхъ жителей, и, наконецъ, нѣсколькими сильными толчками было разрушено много городскихъ строеній.

Придерживаясь хронологическаго порядка, мы обратимъ теперь вниманіе на другія событія, имѣвшія мѣсто въ городѣ.

При астраханскомъ воеводѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, въ

1705 году, въ городѣ произошло возмущеніе стрѣльцовъ при дѣятельномъ участіи въ немъ архимандрита Вознесенскаго монастыря Рувима, недовольнаго отнятіемъ монастырскихъ имуществъ. Въ то время прибылъ въ Астрахань изъ Москвы Стенька Москвитянинъ и распустилъ слухъ, что царь хочетъ переимѣнить вѣру, раздѣлить государство и выдать всѣхъ русскихъ дѣвицъ за нѣмцевъ; слухи эти быстро разнеслись по городу и произвели сильное волненіе: испуганные астраханцы въ одинъ день повѣнчали 100 паръ. Грамота Петра Великаго, присланная въ 1706 году въ Астрахань, съ требованіемъ покорности, не достигла своей цѣли: стрѣльцы, подбитые Рувимомъ, перебили до 300 чел. въ городѣ и разграбили домъ митрополита Самсонія, который успѣлъ спастись отъ смерти бѣгствомъ сначала въ Іоанновскій монастырь, потомъ къ татарамъ и, наконецъ, въ калмыцкій аулъ. Отсюда онъ извѣстилъ государя о заговорѣ Рувима и стрѣльцовъ, и чрезъ нѣсколько времени въ Астрахань отправлено было войско подъ предводительствомъ Шереметева для подавленія возникшаго мятежа. Но мятежники не дремали; къ астраханцамъ примкнули черноморскіе и красноярскіе стрѣльцы и яицкіе казаки. Вскорѣ Шереметевъ былъ уже невдалекѣ отъ Астрахани (на Каржаномъ островѣ); здѣсь онъ имѣлъ неосторожность поддаться обману хитраго Рувима, завѣрившаго его въ покорности и спокойствіи города. Ничего не подозрѣвая, Шереметевъ повелъ переправу черезъ р. Болду; въ это время стрѣльцы подняли сильный огонь, отъ котораго погибло значительное число войска и едва успѣлъ спастись отъ опасности самъ Шереметевъ. По совѣту митрополита Самсонія, 25-го апрѣля Шереметевъ сдѣлалъ приступъ къ городу чрезъ Красный мостъ. Произошло нѣсколько стычекъ, въ которыхъ стрѣльцы хотя и не имѣли успѣха, но и не положили, однако, оружія. Впрочемъ, подъ Ямгурчевымъ, или Огурчевомъ (предмѣстье Астрахани) Шереметевъ принудилъ сдаться предводителя ихъ Журавлева. Но совершенно утихло возмущеніе только тогда, когда въ городъ пришелъ митрополитъ Самсоній и, приказавъ ударить въ колоколъ Успенскаго собора, вышелъ

къ народу въ полномъ облаченіи, съ посохомъ Іосифа въ рукахъ, и объявилъ отъ имени царя и Шереметева прощеніе мятежникамъ. Ворота города были отворены, главные зачинщики разысканы, но Рувимъ успѣлъ неизвѣстно куда скрыться. Вознесенскій монастырь былъ упраздненъ, такъ какъ „братія“ его была заподозрѣна въ участіи въ бунтѣ *).... Черезъ три года послѣ стрѣлецаго возмущенія въ Астрахани вспыхнулъ большой пожаръ, памятный для жителей уже потому только, что въ числѣ 600 погорѣвшихъ домовъ сильно пострадали важныя въ историческомъ отношеніи зданія Успенскаго собора и Троицкій монастырь **). Вообще же послѣ послѣдняго возмущенія Астрахань долгое время пользовалась спокойствіемъ; самый городъ и его народонаселеніе увеличивалось, торговля оживилась. Въ 1722 году Астрахань посѣтилъ Петръ I проѣздомъ во время извѣстнаго похода въ Персію и по возвращеніи оттуда.

Въ послѣдующей лѣтописи Астрахани нельзя не упомянуть еще объ одномъ, всѣмъ и каждому извѣстномъ событіи—*пугачевщинѣ*. Астрахань не видала у стѣнъ своихъ Пугачева, но жители были страшно перепуганы вѣстью о его приближеніи. Астраханскій губернаторъ того времени Бекетовъ, боясь нападенія Пугачева, намѣревался оставить Астрахань и, вѣроятно, исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы Пугачевъ не былъ вскорѣ схваченъ. Когда мятежъ былъ подавленъ, въ Астрахань свезли людей „духовнаго чина“, признанныхъ такъ или иначе участниками пугачевского бунта, предоставивъ ихъ въ распоряженіе архіепископа астраханскаго Мееодія, который объявилъ имъ прощеніе (1775 г.). Таковы наиболѣе выдающіяся событія въ жизни и исторіи этого замѣчательнаго города Волжско-Камскаго края.

Образованіе астраханской губерніи относится къ 1717 году; до этого времени она входила въ составъ

*) Послѣ усмиренія мятежа у его участниковъ были открыты громадныя запасы съѣстныхъ принадлежностей и военныхъ снарядовъ; такъ, было найдено до 20000 ружей и 583 боч. пороху.

*) Одинъ изъ древнихъ астраханскихъ монастырей, теперь не существующій.

казанской губерніи, окончательно же границы астраханской губерніи опредѣлены въ 1851 году, когда къ ней отошелъ царевскій уѣздъ

Святыни, историческіе памятники и др. достопримѣчательности города. Успенскій 2-хъ-этажный соборъ воздвигнутъ въ кремль, замѣчательнъ святынями, находящимися въ немъ, разными священными предметами, имѣющими историческое значеніе, богатой ризницей и, наконецъ, архитектурой (византійскій стиль). „Такого лѣпотнаго храма нѣтъ во всемъ моемъ государствѣ“—сказалъ Петръ Великій, когда первый разъ увидѣлъ астраханскій соборъ.

На мѣстѣ, гдѣ теперь находится соборъ, была сначала построена деревянная церковь, а затѣмъ каменная, разобранная въ 1698 году. Къ постройкѣ настоящаго собора было приступлено въ 1699 г. при митрополитѣ Самсоніи; постройка велась русскимъ мастеромъ Мякишевымъ и была окончена въ 1710 г. Соборъ построенъ въ 2 этажа, съ крытой вокругъ галлереей въ нижнемъ этажѣ; галлерей верхняго этажа открыта и представляетъ террасу.

Восьмیارусный иконостасъ имѣетъ не мало образовъ художественной работы; царскія врата—чистаго серебра; престолъ также окованъ серебромъ. Въ серебряныхъ сосудахъ, врызанныхъ въ большой крестъ, находящійся въ алтарѣ, хранятся мощи разныхъ святыхъ. Три богатыхъ евангелія стариннаго письма; одно изъ нихъ съ надписями, сдѣланными рукой Никона; одѣяніе митрополита Іосифа, въ которомъ онъ принялъ мученическую смерть во время нападенія на Астрахань Разина; на одѣяніи сохранились слѣды крови; тутъ-же хранятся и два посоха, принадлежащіе ему. Плащаница, сдѣланная въ 1466 году, была отобрана отъ Марины Мнишекъ; двѣ богатыя панагіи пожертвованы государыней Екатериной I-й и Александромъ Благословеннымъ. Ризница собора считается одной изъ богатѣйшихъ въ Россіи.

Церковь Владимірской Божіей Матери (въ нижнемъ этажѣ) служитъ усыпальницей астраханскихъ владыкъ; тутъ-же находятся гробницы митрополита Іосифа, строите-

ля храма митрополита Самсонія, архієпископа Θεодосія, имѣвшаго мужество открыто обличать Гришку Отрепьева, и др., а также гробницы грузинскихъ царей Вахтанга и Теймураза. Надъ гробницей митрополита Іосифа, котораго православный людъ почитаетъ какъ святаго мученика, постоянно служатся панихиды.

Троицкій соборъ и древнѣйшая въ городѣ церковь Рождества Богородицы замѣчательны образами древней живописи. Въ армянской церкви во имя свв. ап. Петра и Павла, основанной въ 1763 г., хранятся частица древа креста Спасителя и образъ снятія Спасителя со креста; этотъ образъ—прекрасный снимокъ съ картины Рафаэля.

Благовѣщенскій монастырь воздвигнутъ на мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ мужской Вознесенскій монастырь, упраздненный за то, что его настоятель Рувимъ вмѣстѣ съ братіей принималъ участіе въ стрѣльцкомъ бунтѣ.

Въ 4 верстахъ отъ города, на р. Луковкѣ существуетъ Покровскій монастырь, построенный тутъ въ 1710 году; прежде онъ стоялъ на берегу р. Болды. Возлѣ этого монастыря бываетъ народное гулянье 1-го октября.

Кремль построенъ въ 1582—89 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде деревянный частоколъ, сдѣланный воеводой Черемшановымъ. Но въ періодъ съ 1589 до 1692 г. кремль, нѣсколько разъ перестраиваясь, видоизмѣнялся, и только съ послѣдняго года онъ принялъ тотъ видъ, въ какомъ сохранился и до настоящаго времени.

Никольскія ворота въ кремль, по преданію, сохранились отъ временъ Іоанна Грознаго.

Изъ 8 башенъ въ настоящее время сохранились 4: Крымская, Житная, Архіерейская и Артиллерійская; первая возвышается въ 3 этажа, въ которыхъ находятся казематы; эта башня имѣетъ высоту 63 фута.

Портъ, основанный Петромъ Великимъ, изъ Астрахани переведенъ въ 1868 г. въ Баку; мѣстность, занимаемая портомъ, со всѣми механическими заводами и другими постройками отдана въ арендное содержаніе обществу „Кавказъ и Меркурій“. Въ порту (эта мѣстность и теперь называется портомъ) въ каменномъ домикѣ на-

ходятся два ботика, извѣстные подъ именемъ „монъ-плезира“—яхты и верейки (лодки), или „ботиковъ Петра Великаго“. Нѣкоторые приписываютъ постройку этихъ ботиковъ самому Петру Великому, хотя съ достовѣрностью извѣстно только то, что царь вмѣстѣ съ царицей Екатериной I ѣздили на этихъ ботикахъ осматривать окрестности Астрахани и что онѣ сдѣланы въ казанскомъ адмиралтействѣ. Самое зданіе, гдѣ хранятся ботики, многіе называютъ домикомъ Петра Великаго.

Въ настоящее время портъ совершенно потерялъ свой прежній привлекательный видъ. Прежде туда стремились полюбоваться прекрасными видами, подышать чистымъ воздухомъ, погулять среди тѣнистыхъ аллей, содержимыхъ съ полной опрятностью. Теперь все запущено, содержится крайне неряшливо, пруды покрылись тиной, по аллеямъ полусгнившихъ и заброшенныхъ деревьевъ нельзя пройти, не задыхаясь отъ пыли.

Въ губернскомъ правленіи хранятся слѣдующіе предметы, пожертвованные императрицей Екатериной II: ея портретъ, бронзовый ящикъ съ „учрежденіемъ для управленія губерніями“ и кресло.

Въ саду принадлежащемъ г. Сергѣеву, сохраняется дерево, посаженное руками Петра Великаго.

Опасность наводненія, постоянно грозившая городу своими печальными послѣдствіями, побудила астраханцевъ соединить Волгу съ ея протокомъ Кутумомъ посредствомъ канала. Сначала за это предпріятіе взялась казна, но окончено оно было нѣкимъ Варваціемъ (именемъ котораго и называется каналъ) на свой счетъ. Неизвѣстно, достигло-ли это сооруженіе желаемой цѣли, но теперь, нечищенный десятки лѣтъ, полный грязи и всевозможныхъ нечистотъ, каналъ распространяетъ вокругъ себя зловоніе и, вѣроятно, служитъ источникомъ разныхъ эпидемическихъ болѣзней *).

*) Въ 1894 г. извѣстный астраханецъ С. М. Ліанозовъ изъявилъ готовность пожертвовать на очистку канала и р. Кутума 300 т. руб.

*
* *

Въ Астрахани издаются слѣдующ. газеты: „Астраханскій Вѣстникъ“ и „Листокъ“.

*
* *

Кромѣ обыкновенныхъ учебныхъ заведеній, при-
сущихъ губ. городамъ, въ Астрахани существуютъ море-
ходные классы.

*
* *

„Петровское общество изслѣдователей астрахан-
скаго края“ недавно основало въ Астрахани музей для
храненія мѣстныхъ древностей и предметовъ этнографіи.

*
* *

Рыбные промыслы расположены въ разстояніи 7—
100 и болѣе верстъ отъ Астрахани. Въ самомъ городѣ
находятся рыбныя конторы извѣстныхъ рыбопромышлен-
никовъ Сапожникова, Базилевскаго и другихъ.

Въ связи съ рыболовствомъ находится *соляной*
промыселъ.

Въ 1897 г. сооружались три новыхъ лѣсопильныхъ
завода, производство которыхъ идетъ въ порты Каспій-
скаго моря и въ Персію.

Садоводство, огородничество и бахчеводство. Въ
городѣ Астрахани насчитывается до 50 виноградныхъ
садовъ, имѣющихъ болѣе 75 т. кустовъ и фруктовыхъ
деревьевъ. Всѣ эти сады находятся не въ чертѣ самаго
города, а въ окрестностяхъ. По количеству садовъ вы-
дѣляются слѣдующія мѣстности, находящіяся близъ Астра-
хани: с. Анютино съ 125 садами, с. Началово съ 112
садами и с. Трехъ-Протокское съ 40 садами; въ назван-
ныхъ мѣстностяхъ кромѣ фруктовыхъ деревьевъ суще-
ствуютъ и виноградники.

Виноградъ въ астраханской губерніи впервые по-
явился въ XVII вѣкѣ. Одинъ изъ крупныхъ сельскихъ

хозяевъ того времени, побывавъ въ южной Европѣ, сдѣлалъ попытку развести видѣнный имъ въ Европѣ виноградъ у себя, въ астраханскомъ имѣніи. Опыты посадки винограда оказались весьма успѣшными. Доставившій заграничныя лозы, землевладѣлецъ скоро умеръ, и хотя его родственники поддерживали нѣсколько десятинъ, засаженныхъ виноградомъ, но не прилагали стараній къ разсаживанію его по болѣе обширному пространству. Недалеко отъ этого имѣнія находилось помѣстье одного боярина, служившаго при дворѣ царя Алексѣя Михайловича. Онъ доложилъ Алексѣю Михайловичу о произрастаніи въ астраханской губерніи рѣдкаго растенія и показалъ ему образцы. Царь былъ обрадованъ тѣмъ, что въ астраханской губерніи не только произрастаетъ, но и созрѣваетъ виноградъ, и тотчасъ же приказалъ произвести опыты посадки винограда на казенныхъ земляхъ Астраханскаго края. Виноградъ былъ выписанъ изъ Персіи, и имъ было засажено двѣ десятины. Узнавъ, что виноградъ сталъ успѣшно разрастаться и давать осенью зрѣлые плоды, царь Алексѣй Михайловичъ издалъ указъ о томъ, чтобы каждый годъ на казенныхъ земляхъ производилась новая посадка персидскаго винограда. Особенныхъ успѣховъ достигло астраханское виноградарство въ пятидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, когда казенными садами завѣдывалъ полковникъ Поробичъ.

Съ 1787 года астраханское виноградарство находится въ рукахъ частныхъ предпринимателей. Въ настоящее время виноградники астраханской губерніи находятся въ упадкѣ. Теперь уже нѣтъ тамъ тѣхъ высокихъ сорторъ, какими сто лѣтъ назадъ славилась астраханская губернія.

Что касается до переработки винограда въ вино, то она началась въ астраханской губерніи въ половинѣ прошлаго столѣтія, и тогда находилась въ лучшемъ состояніи, чѣмъ теперь. Въ настоящее время немногіе занимаются винодѣліемъ, а изъ садоводовъ только двое, гг. Михайловъ и Зворыкинъ, выдѣлываютъ красное и бѣлое вино и то въ весьма ограниченномъ количествѣ. Вслѣдствіе этого астраханская губернія потребляетъ

второе болѣе вина привознаго изъ Москвы, чѣмъ изготвленнаго въ астраханской губерніи. За послѣдніе годы, впрочемъ, среди мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ замѣчено стремленіе къ разведенію садовъ. Цѣлыя плантаціи засаживаются виноградомъ, персиками, абрикосами, айвою, грушами, сливами, вишнями и яблонями. Для этого присадки плодовыхъ деревьевъ выписываются съ Кавказа, Крыма и изъ Персіи.

Астраханское общество садоводства и огородничества приступило въ 1895 году къ собиранію свѣдѣній о настоящемъ положеніи садоводства и огородничества въ губерніи, числѣ садовъ и огородовъ, количествѣ добываемыхъ продуктовъ и мѣрахъ къ улучшенію этихъ отраслей народнаго труда. Собранныя обществомъ данныя по настоящему предмету относятся къ 1892 и 1893 годамъ и касаются гор. Астрахани, ея окрестностей и тѣхъ волостей, въ которыхъ садоводство особенно развито. Оказывается, что въ Астрахани и окрестностяхъ находится 78 садовъ, занимающихъ въ общей сложности до 300 десятинъ; затѣмъ, въ началовской волости, въ 2-хъ селахъ, имѣется 540 садовъ на 1000 дес., царевской, въ 12 селахъ,—616 на 2000 дес., кучерганской, въ 2 селахъ,—6 на 20½ дес. и чаганской, въ разныхъ селахъ,—7 на 13 дес. Винодѣліемъ занимаются въ Астрахани и началовской волости 15 садовладѣльцевъ, получающихъ въ общей сложности до 40000 ведеръ вина ежегодно. Какъ количество садовъ, такъ и площадь виноградниковъ въ губерніи изъ-года-въ-годъ увеличиваются.

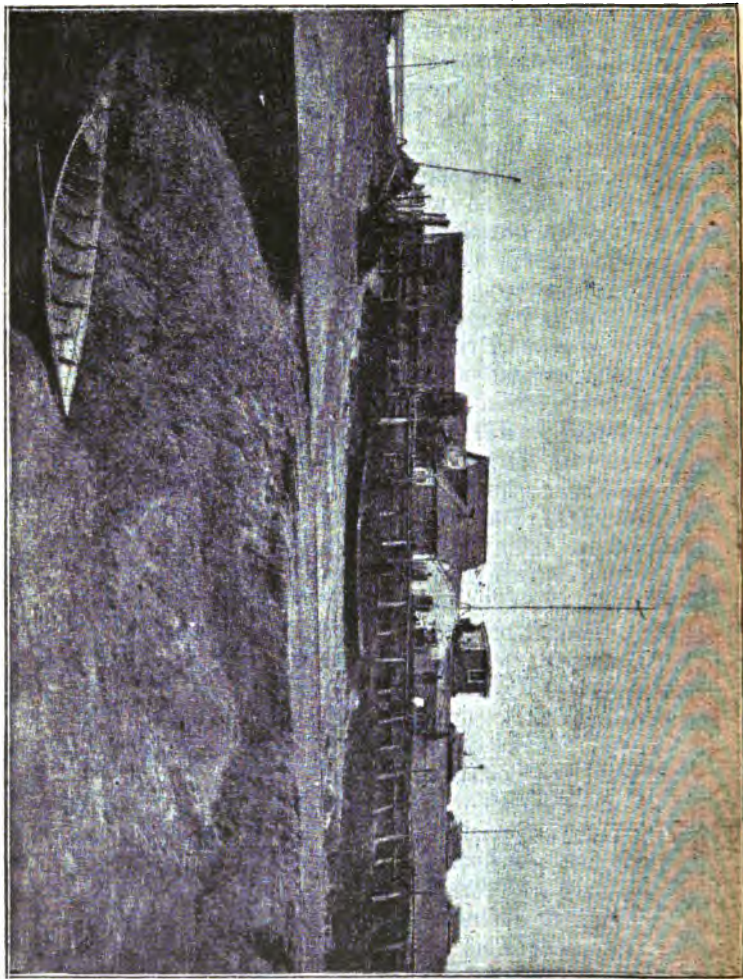
Въ періодъ послѣдняго года въ Астрахани частные предприниматели пытались возобновить оставленное и заброшенное занятіе *шелководствомъ*; попытки эти имѣли успѣхъ.

Въ Астрахани существуетъ общество садоводства и огородничества; дѣятельность этого общества выразилась, между прочимъ, въ открытіи школы садоводства и огородничества.

Описаніе города. Полюбуйтесь на Астрахань съ парохода, не доѣзжая версть 8—5 до пристани, и ни одинъ городъ, расположенный на Волгѣ, не произведетъ на васъ такого впечатлѣнія, какъ Астрахань. Городъ представляется какъ-бы окруженнымъ цѣлымъ моремъ воды. Лѣсъ мачтъ всевозможныхъ судовъ тянется на нѣсколько верстъ; вы замѣчаете только, гдѣ начинается этотъ лѣсъ, но конецъ его незамѣтно исчезаетъ въ легкой синевѣ, представляющей какъ бы туманомъ. Самый городъ вы еще не видите, онъ какъ будто закрытъ темноглубой пеленой; только главы грандіознаго собора ярко сверкаютъ на солнцѣ. Вашъ взоръ поражаетъ и водяной просторъ, и масса судовъ, и спующія по всѣмъ направленіямъ пароходы всевозможныхъ типовъ, начинающіе съ морскихъ гигантовъ и кончающіе такими крошками, передъ которыми обыкновенные волжскіе пароходы кажутся великанами. Но наконецъ вы приближаетесь къ пристани,—впечатлѣніе мѣняется. Городъ хотя вы видите, но вы замѣчаете также, что онъ наполовину закрытъ, только не „легкой пеленой синевы“, а цѣлыми тучами пыли. Наконецъ вы на пристани; вашъ слухъ поражаетъ говоръ едва ли не на всѣхъ азіатскихъ нарѣчіяхъ; вы видите передъ собою татаръ, персовъ, армянъ и т. д., а вступая въ улицу, встрѣчаете верблюдовъ, ословъ, собакъ стаями, пыль, захватывающую дыханіе непривычнаго челоуѣка, словомъ, все, что составляетъ характерные черты востока. Если-бы подъ первымъ впечатлѣніемъ васъ спросили, что за городъ, куда вы попали, то, безъ сомнѣнія, вы отвѣтили бы: „въ Азію“. Можетъ быть, дальнѣйшія впечатлѣнія, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ городомъ, съ его обстановкой и людьми, съ его общественной жизнью, дадутъ вамъ иной взглядъ, но мы позволяемъ сомнѣваться. Не даромъ говорятъ, что въ Астрахани даже интеллигентные люди съ теченіемъ времени могутъ дичать....

Вы берете возницу, въ лицѣ татарина или перса и рѣдко армянина, и направляетесь въ городъ. Если вы не знакомы съ городомъ, то не полагайтесь на вашего возницу; легко можетъ случиться, что онъ, вмѣсто „луч-

Рыбная фабрика близ Астрахани.

шей" гостиницы, привезетъ васъ въ „бану" гдѣ, по его словамъ, вы найдете тѣ *прелести*, которыя представляетъ „восточный человѣкъ" своими идеалами...

*
* *

Астрахань окружена цѣлой системой валовъ, дамбъ и другихъ т. п. сооружений противъ опасности, которая угрожаетъ ежегодно городу отъ разлива Волги; эти дамбы и валы занимаютъ линію въ 28 в.

Центральная и главная часть города окружена Волгой, р. Кутумомъ и Варваціевымъ каналомъ. Главная улица Московская дѣлитъ эту часть пополамъ. Московская улица начинается отъ крѣпости и оканчивается у садика, извѣстнаго подъ именемъ Полицейскаго, пересѣкая *Губернаторскую* площадь съ садикомъ того же имени. На Московской улицѣ и Губернаторской площади сосредоточены присутственныя мѣста, губернаторскій домъ, лучшіе магазины; на этой-же улицѣ находится такъ называемый *персидскій рядъ*, гдѣ исключительно торгуютъ персы сушеными фруктами. Всѣ магазины и лавки, за малымъ исключеніемъ, принадлежатъ армянамъ и персамъ.

Мѣстность, извѣстная подъ именемъ Косы, заключается между портомъ и р. Кутумомъ съ одной стороны, а съ другой—между крѣпостью и р. Волгой. Въ порту, или, вѣрнѣе, въ зданіяхъ, принадлежащихъ пароходному обществу „Кавказъ и Меркурій", помѣщается *таможня* съ товарнымъ пакгаузомъ.

Какъ въ центрѣ города, такъ и на окраинахъ, нѣтъ ни одного зданія, которое своею оригинальностью, изяществомъ или художественной архитектурой обращало бы на себя вниманіе; всѣ постройки имѣютъ шаблонный, а большинство—казарменный видъ. Улицы, какъ и самыя зданія, пыльны и грязны. Кусты деревьевъ, окружающихъ съ двухъ сторонъ крѣпость, а также Полицейскій и Губернаторскій садики представляются чахлыми, рѣдкими и сѣрыми отъ толстаго слоя пыли, покрывающей ихъ.

Изъ частей города, расположенныхъ внѣ проведенной нами черты, самая большая и населенная часть—*Селеніе*, состоящее исключительно изъ деревянныхъ, скученныхъ построекъ; Селеніе раскинулось между р. Кутумомъ и р. Болдой, гдѣ находятся лѣсныя пристани.

Внутри города въ настоящее время нѣтъ ни общественныхъ, ни частныхъ садовъ, если не считать такъ называемый Давыдовскій садъ; въ этомъ саду помѣщаются лѣтній клубъ и театръ, съ виду похожій на сарай; садъ самъ по себѣ крошечный, пыльный, съ самой жалкой растительностью. Отъ тѣхъ богатыхъ садовъ, которые лѣтъ 25 тому назадъ существовали по сосѣдству съ Марьиной рощей, не осталось и слѣдовъ, какъ не осталось никакихъ воспоминаній и отъ Марьиной рощи, служившей когда-то красой города. Все пространство, когда-то занимаемое этими садами и рощей, теперь застроено домами: „Нонѣ евто не въ примѣръ выгониѣ, чѣмъ сады“, говорятъ астраханцы. Изъ этого нужно заключить, что въ Астрахани въ самомъ дѣлѣ „внѣ копѣйки и трактира—никакихъ интересовъ“....

Большимъ мѣстомъ города всецѣло могутъ служить отсутствіе хорошихъ мостовыхъ, пыль, эта знаменитая „астраханская пыль“, имѣющая уже свои традиции, наконецъ, чисто восточная неряшливость и нечистоплотность, словомъ, все, что связано съ санитарно-гигиеническими условіями. Эта неряшливость, пыль и т. д., взятая вмѣстѣ съ жарой, доходящей до 40—45° и болѣе, дѣлаютъ воздухъ до того удушливымъ, что нерѣдко отравляется существованіе даже привычнаго человѣка. Въ этомъ направленіи, безспорно, много помогаетъ Варваціевъ каналъ *).

Въ чемъ выражается борьба съ этимъ зломъ и вообще санитарная дѣятельность, намъ неизвѣстно.

*) Къ астраханскимъ прелестямъ слѣдуетъ отнести и лихорадку, отличающуюся злокачественностью; особенно большой % даетъ въ періодъ августа.

Вступивъ на астраханскую почву, сразу чувствуется, что кровь обращается медленнѣе, сердце усиленно бьется; раскаленный воздухъ, пропитанный какимъ-то отвратительнымъ специфическимъ запахомъ, затрудняя дыханіе, давить грудь какъ тяжелый кошмаръ. Городская фizioномія тоже рѣзко измѣняется.

Армяне, персіяне, калмыки, татары и т. д. Кажется, что вы попали, если не вглубь Азіи, то на одну изъ ея окраинъ, граничащую съ Европой.

Двадцать минутъ ѣзды отъ паромныхъ пристаней до центра города

Губернаторская площадь и Московская улица считаются центромъ въ Астрахани; тутъ сосредоточены жизненные функціи города, начиная съ разныхъ правительственныхъ мѣстъ и учреждений и кончая главными магазинами и персидскими и армянскими лавками, гдѣ у каждой двери съ ранняго утра и до поздняго вечера вы можете видѣть какъ восточные люди орутъ во все горло,—это они, такъ сказать, въ минуты коммерческаго экстаза,—или ругаются или дремлютъ какъ коты, пригрѣтые на солнцѣ.

На Московской и другихъ центральныхъ улицахъ, идущихъ по направленію къ Губернаторской площади, можно наблюдать слѣды астраханскаго прогресса: во-первыхъ, мощенныя какимъ-то особеннымъ камнемъ улицы, а во-вторыхъ, что эти улицы поливаются раза 2—3 въ день. Но шагъ вы отступаете отъ центра, вы рискуете утонуть, смотря по сезону, или въ пыли или въ грязи. Въ отдаленныхъ улицахъ, конечно, не имѣютъ никакого понятія о поливкѣ.

За послѣдніе годы городъ далъ необыкновенный ростъ: прибавилась масса построекъ, большею частью деревянныхъ и скученныхъ, что особенно рѣзко бросается въ глаза въ той части города, которая называется Селеніемъ,—какая это грандіозная пища для огня!...

Тому, кто прежде зналъ Астрахань, также теперь рѣзко бросается въ глаза одно далеко нестрадное явле-

ніе—варварское истребленіе растительности въ чертѣ самаго города.

Громадная площадь, когда-то покрытая садами, гдѣ красовалась Марьино роцка, излюбленное мѣсто для гуляній,—теперь сплошь застроена домами.

— Невыгодно держать эти сады, говорятъ астраханцы: поливка очень дорого стоитъ, ну, а дома не въ примѣръ больше выгоды могутъ принести....

Ларчикъ, оказывается, гораздо проще отерывался, чѣмъ можно думать.

Два садика, на Губернаторской и Полицейской площадяхъ, неизвѣстно какими путями сохранились, хотя жалкій видъ растительности какъ будто говорить о томъ, что ихъ скоро постигнетъ та-же горькая участь, какая постигла въ Астрахани другіе сады...

Растительность сохранилась также въ мѣстности, которая принадлежит порту (переведенному въ Баку) и которую теперь арендуетъ пароходное общество „Кавказъ и Меркурій“.

Тутъ-же, утопая въ зелени, стоитъ домикъ Петра Великаго и музей, гдѣ хранятся разныя судовыя принадлежности прежнихъ временъ, и др. замѣчательные предметы—рюмка, изъ которой будто-бы когда-то пилъ Петръ Великій, и т. п.

Книжныхъ магазиновъ, артелей, газетныхъ павильоновъ и т. п. въ Астрахани совсѣмъ нѣтъ, если не считать книжную лавку г. Рослякова.

Видѣть въ Астрахани продавца газетъ—это такое же диковинное дѣло, какъ видѣть на сѣверѣ осла. Правда, Астрахань богата ослами; ихъ было очень много и прежде, но теперь они явились въ новой роли: возятъ ящики съ фруктовой водой.

Давыдовскій садъ почти единственный въ городѣ прикѣтъ, куда по вечерамъ собирается публика. Садъ небольшой; наружный видъ его напоминаетъ чахоточно умирающаго. Но что всего хуже—въ этомъ саду посѣтитель также обреченъ на глотаніе пыли, какъ и въ другихъ частяхъ города, хотя можетъ быть нѣсколько въ меньшей степени.

Въ саду, какъ и слѣдовало ожидать, существуетъ театръ, похожій на сарай, егерь-банъ, получившій право гражданства во всѣхъ азіатскихъ владѣніяхъ, и клубъ, гдѣ также винтятъ, какъ и во всѣхъ просвѣщенныхъ городахъ.

Какъ только вы сходите съ парохода и совершаете первые шаги на астраханской почвѣ, вы встрѣчаете едва-ли не всѣхъ представителей азіатскихъ національностей: персовъ, армянъ, киргизовъ, татаръ, калмыкъ и т. д., а затѣмъ, ословъ, верблюдовъ, арбы и т. п.,—словомъ, вы встрѣчаете все, что можете встрѣтить въ любомъ азіатскомъ городѣ.

Русскихъ элементовъ, кажется, такъ мало, что вы въ концѣ-концовъ, увидя русскаго, готовы броситься къ нему въ объятія съ чувствомъ, которое хорошо понятно человѣку, заброшенному въ чужіе далекіе края.

Послѣднее представленіе, пожалуй, покажется страннымъ, если принять во вниманіе то обстоятельство, что на самомъ дѣлѣ въ общемъ русскихъ въ Астрахани значительно больше, чѣмъ другихъ народностей, но русскіе, составляющіе многочисленный контингентъ, служатъ въ разныхъ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, и днемъ ихъ, конечно, не видно. Днемъ, куда вы не посмотрите: въ лавку, на улицу, на пристань, вездѣ—армянинъ, та-таринъ, персъ, калмыкъ и т. д.

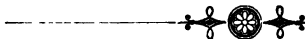
Евреевъ также не мало въ Астрахани, но тутъ у нихъ явились серьезные конкуренты въ лицѣ армянъ.

На югѣ существуетъ легенда, что еврей женился на гречанкѣ, и отъ этого брака произошелъ армянинъ. Насколько справедлива такая генеологія, неизвѣстно, хотя одно существованіе этой легенды проливаетъ довольно сильный свѣтъ на характеристику послѣднихъ. Но въ тоже время, въ силу одного чувства справедливости, я долженъ сказать, что, проводя параллель между этими двумя національностями, послѣдній непременно будетъ стоять ниже перваго; еврей ради гешефта сдѣлаетъ что вамъ угодно, даже откажется отъ отца и матери, армянинъ не пойдетъ на такіе компромиссы; еврей

можетъ переимѣнить религію сколько вамъ угодно разъ, армянинъ—никогда.

Всѣ перечисленныя національности, за исключеніемъ евреевъ, представляютъ очень солидную рабочую силу, которая является для русскаго серьезнымъ конкурентомъ, почему между русскимъ рабочимъ и рабочимъ другихъ національностей существуетъ постоянный антагонизмъ, выразившійся въ 1887 году въ формѣ столкновенія русскихъ рабочихъ съ персами. Было-бы ошибочно думать, что это столкновение вызвано простой вспышкой пьяныхъ рабочихъ или національной враждой. Ничего подобнаго тутъ нѣтъ. Нужно знать, что существованіе рабочаго въ Астрахани обставлено исключительными условіями: во-первыхъ, съ одной стороны—постоянный наплывъ рабочихъ, что объясняется очень дешевой жизнью (лѣтомъ рабочій можетъ жить на 6---7 коп.), съ другой—инородецъ ему не даетъ ходу, и русскій рабочій, несмотря на многія преимущества, какъ напр., физическую силу, выносливость и т. п., всегда уступить какому-нибудь персу, за которымъ въ сферѣ физическаго труда являются громадныя шансы въ образѣ климатическихъ условій.

Высшіе классы, или, вѣрнѣе, богатые,—въ строгомъ смыслѣ въ Астрахани нѣтъ „высшихъ“ классовъ,—напримѣръ, дворяне составляютъ $\frac{1}{2}\%$, богатые классы, несмотря на свою національную рознь, живутъ если не особенно дружно, то и безъ особенныхъ столкновеній.

Тинакское грязе-лечебное заведеніе.

Тинаки находятся въ разстояніи отъ Астрахани 8 в. Путь этотъ совершается на пароходѣ отъ Астрахани до с. Хохлацкаго (на прав. б. Волги), а затѣмъ до Тинакъ около 3 в. на лошадахъ, высылаемыхъ администраціей заведенія къ приходу и отходу парохода, который совершаетъ 3 рейса въ день.

Болезни, излѣчиваемыя грязями: ревматизмъ, сифилисъ, золотуха, нѣкоторыя хроническія и женскія болѣзни и невралгія.

Тинакское грязе-лечебное заведеніе находится подъ вѣдѣніемъ Приказа Общественнаго Призрѣнія.

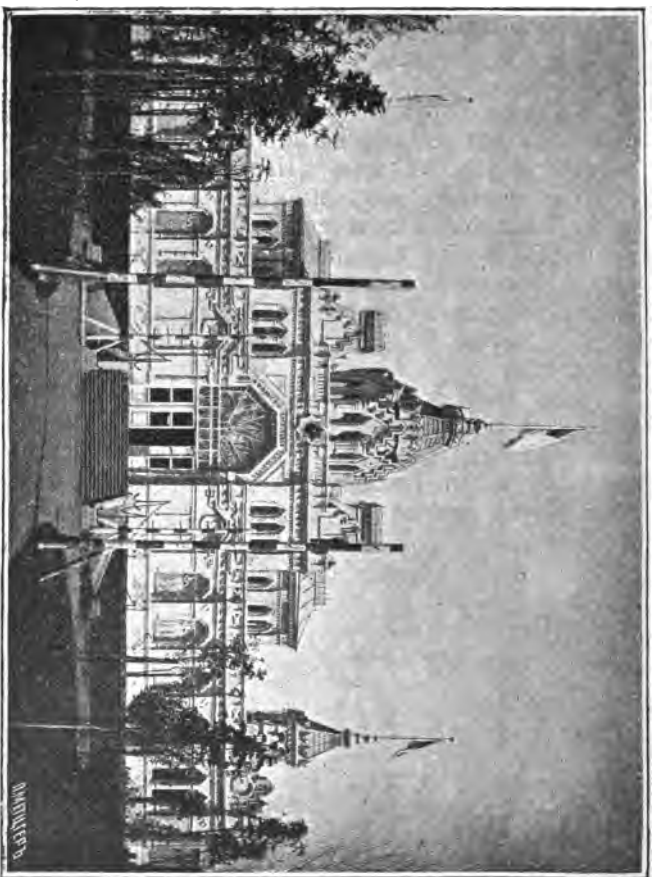
Тинаки окружены степью, всю флору которой составляетъ полынь; вообще степь представляетъ однообразный и унылый видъ. Невдалекѣ разбитъ садикъ. Воздухъ чистый и здоровый.

Больные помѣщаются въ деревянныхъ баракахъ, которыхъ иногда оказывается недостаточно; въ этомъ случаѣ больнымъ предлагаютъ калмыцкія кошечныя кибитки, которыя не только что не представляютъ никакихъ удобствъ, но и не безопасны въ гигиеническомъ отношеніи.

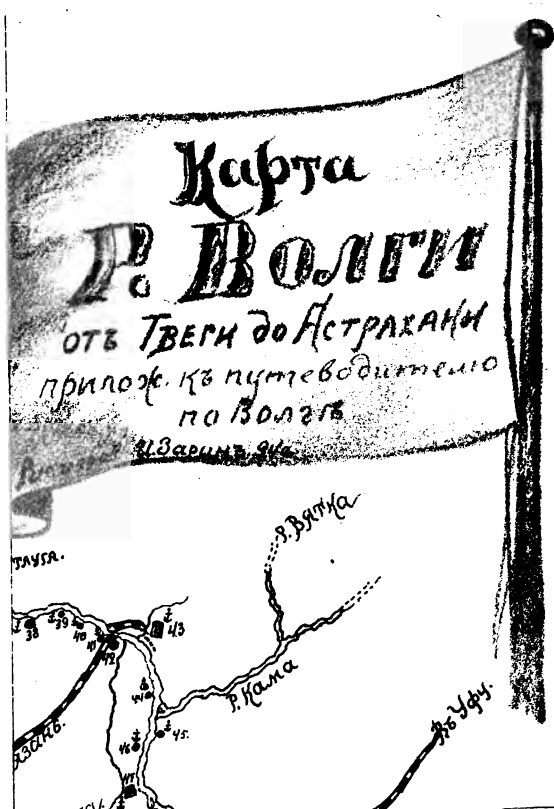
Во всякомъ случаѣ леченіе и жизнь въ Тинакахъ обходится не дешевле, чѣмъ на Кавказѣ, если не считать проѣзда, который, конечно, обойдется дешевле, чѣмъ, напр., въ Кисловодскъ, Желѣзноводскъ и т. д.

Курсъ леченія въ Тинакахъ продолжается отъ 3 до 4 недѣль.

**Павильонъ Волжско-Каспійскаго судоходства, Казанскаго округа путей сообщенія,
на Всероссійской выставкѣ 1896 года.**

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ

и

объявленія.

Т А Б Л И Ц А

ДЛЯ ИСЧИСЛЕНИЯ ПОВЕРСТНОЙ ПЛАТЫ

за проѣздъ пассажировъ по Россійскимъ жел. дорогамъ

(со включеніемъ государственнаго сбора).

Расстояніа въ верстахъ.	ПРОВОЗНАЯ ПЛАТА				Расстояніа въ верстахъ	ПРОВОЗНАЯ ПЛАТА				
	СЪ ПАССАЖИРА			Съ 10 ф. багажа.		СЪ ПАССАЖИРА			Съ 10 ф. багажа.	
	I кл.	II кл.	III кл.			I кл.	II кл.	III кл.		
	Р. К.	Р. К.	Р. К.			Р. К.	Р. К.	Р. К.		
25	— 90	— 54	— 36	1,44	отъ до	401 425	11 50	6 90	4 60	23,25
50	1 80	1 08	— 72	2,88	501 530	13 50	8 10	5 40	29,25	
75	2 70	1 62	1 08	4,31	1031 1070	21 50	12 90	8 60	53,25	
100	3 60	2 16	1 44	5,75	1511 1560	27 50	16 50	11 00	71,25	
150	5 40	3 24	2 16	8,63	2011 2060	32 50	19 50	13 00	86,25	
200	6 65	3 99	2 66	11,50	3011 3060	42 50	25 50	17 00	116,25	
250	7 78	4 67	3 11	14,38	4011 4060	52 50	31 50	21 00	146,25	
300	8 90	5 34	3 56	17,25						

СПИСОКЪ

почтово-телеграфныхъ станцій на пароходныхъ при-
станяхъ р. Волги.

Наименованіе станцій.	Время приѣмовъ.
Тверь	Съ пост. дѣйст. (днемъ и ночью).
Ендомоново	
Корчева	Ограниченное дѣйствіе.
Клиры	
Калезинъ	
Угличъ	
Мышкинъ	
Молога	

Наименованіе станцій.	Время пріемовъ.
Рыбинскъ	Съ пост. дѣйст. (днемъ и ночью).
Романовъ-Борисоглѣбскъ	} Ограниченное дѣйствіе.
Норская	
Ярославль	} Съ пост. дѣйст. (днемъ и ночью).
Кострома	
Красное	} Ограниченное дѣйствіе.
Плесъ	
Кинешма	Дневное дѣйствіе.
Юрьевецъ-Повольскій	} Ограниченное дѣйствіе.
Пучежъ-Посадъ	
Батунки	
Василево	
Городецъ	} Дневное дѣйствіе.
Балахна	
Нижній-Новгородъ	Съ пост. дѣйст. (днемъ и ночью).
Работки	} Ограниченное дѣйствіе.
Лысково	
Василь-Сурскъ	} Дневное дѣйствіе.
Козмодемьянскъ	
Чебоксары	} Ограниченное дѣйствіе.
Маринскій Посадъ	
Козловка	} Съ ограниченнымъ дѣйствіемъ.
Свіязскъ	
Верхній-Услонъ	} Съ пост. дѣйст. (днемъ и ночью).
Казань	
Вогородскъ	} Ограниченное дѣйствіе.
Балымеры	
Спасскъ	Дневное дѣйствіе.
Тетюши	Ограниченное дѣйствіе.
Симбирскъ	Съ пост. дѣйст. (днемъ и ночью).
Сенгилей	} Ограниченное дѣйствіе.
Новодѣвичье	
Ставрополь	
Самара	Съ пост. дѣйст. (днемъ и ночью).
Екатериновка	Ограниченное дѣйствіе.
Сызрань	Съ пост. дѣйст. (днемъ и ночью).
Хвалыинскъ	Дневное дѣйствіе.
Алексѣевка	Ограниченное дѣйствіе.
Балаково	Полнымъ дневн. дѣйст. до 12 ч. ночи.
Вельскъ	} Дневное дѣйствіе.
Екатеринштадтъ	
Саратовъ	Съ пост. дѣйст. (днемъ и ночью).
Ровное	} Дневное дѣйствіе.
Золотое	
Камышинъ	

Наименованіе станцій.	Время пріемовъ.
Быково	Ограниченное дѣйствіе.
Царицынъ	Съ пост. дѣйст. (днемъ и ночью).
Сарепта	Ограниченное дѣйствіе.
Владимировка	
Черный-Яръ	Дневное дѣйствіе.
Никольское	} Ограниченное дѣйствіе.
Енотаевскъ	
Съроглазинское	Ограниченное дѣйствіе.
Астрахань	Съ пост. дѣйст. (днемъ и ночью).

СПИСОКЪ

лучшихъ гостиницъ и номеровъ въ приволжскихъ городахъ.

№№	Наименованіе гостиницъ.	Мѣстонахожденіе гостиницъ.
Т в е р ь .		
1	„Центральная“	} На Трехсвятской улицѣ.
2	Андреевскаго	
3	„Венеція“	
4	„Лондонъ“	
У г л и ч ь .		
1	Гостиница Худякова . . .	На Казанской площади.
Р ы б и н с к ь .		
1	Номера Зимина	} На Крестовой улицѣ.
2	Гостиница съ номерами „Цен- тральная“ Жуковой . . .	
3	„Столбы“ Коноваловой . . .	} На Волжской набережной у пароходныхъ пристаней.
4	Гостиница съ номерами, быв- шая Рабинина	
Я р о с л а в ь .		
1	Гостиница Кокуева	На Театральной площади.
2	„Европа“	— Власьевской улицѣ.
3	„Росписная“	— Большой линіи.
4	„Царегородская“	— Воскресенской улицѣ.
5	Большая Ярославская . . .	Въ Масляномъ проломѣ.

№№	Наименованіе гостиницъ.	Мѣстонахожденіе гостиницъ.

К о с т р о м а .

1	Меблированныя комнаты „Старый Дворъ“	На Русиной улицѣ.
2	Гостиница „Кострома“ . . .	— Воскресенской площади.

Нижній-Новгородъ.

1	Гостиница „Россія“	На Благовѣщенской площади.
2	„Алексѣевская“ 2-хъсвѣтная	Уголъ Алексѣевской и Дворянской улицъ.
3	„Почтовая“	Въ Чернопрудскомъ переулкѣ.
4	„Петербургъ“ Ермолаева	На Нижнемъ Базарѣ.
5	Большая Нижегородская гостин. . . .	Противъ Меркурьевской прист.

К а з а н ь .

1	„Камско-Волжскіе“ номера	На Воскресенской улицѣ.
2	Михайлова	— Николаевской площади.
3	„Виржевая“	— Проломной улицѣ.

С и м б и р с к ѣ .

1	„Ново-Троицкіе“	Московская ул. д. Юргенсъ.
2	„Пассаждъ“	Уголъ Большой Саратовской и Дворцовой улицъ.
3	Карташева, („Языкоскія“)	Спасская ул., д. Карташева.

С а м а р а .

1	„Центральная“	На Дворянской ул. д. Субботиной, № 125.
2	„Россія“	На Панской ул. д. Афанасьева, № 27 и Дворянской ул. д. Христендена, № 103.
3	„Европейская“	На Алексѣевской площ. домъ Батулина, № 85.
4	Аннаева	На Алексѣевской площ. домъ Аржанова, № 80.

С ы з р а н ь .

1	Номера Красиљникова	} На Большой улицѣ.
2	Гостиница съ номер. Сысуева	

№№	Наименованіе гостиницъ.	Мѣстонахожденіе гостиницъ.
Х в а л ы н с к ѣ .		
1	Гостиница съ номерами Попова	Уголь Купеческой и Милліонной улицъ.
2	„ Вишнякова . . .	Уголь Московской и Милліонной улицъ.
3	„ Хрѣнова . . .	Уголь Купеческой и Винновской улицъ.
В о л ь с к ѣ .		
1	„Центральные“ номера Волковойнова	Уголь Московской и Камышинской ул, соб. домъ.
2	Номера для приѣзжающихъ Блинова	На Тверской ул. д. наслѣд. Попова (при почтовой станціи).
С а р а т о в ѣ .		
1	„Россія“	Уголь Нѣмецкой и Александровской улицъ.
2	Номера Сорокина	По Нѣмецкой улицѣ.
3	Таканаева	Уголь Царицынской и Никольской улицъ.
Посадъ Дубовна.		
1	Меблированныя комнаты . . .	На Московской ул., недалеко отъ берега р. Волги и пароходныхъ пристаней, въ д. Гуляевой и Кудрашева.
А с т р а х а н ѣ .		
1	„Россія“	1 уч. по Продольно-Волжской ул., въ д. Смирнова.
2	„Европейская“	
3	Мочалова	1 уч. домъ Федорова, по Никольской улицѣ.
4	Смирнова	1 уч. уголь Никольской ул., д. Смирнова.
5	„Русскій Ресторанъ“ . . .	2 уч. по Александровской ул., д. Демичева.
6	„Славянскій Базаръ“ . . .	3 уч. по Пароходной улицѣ, д. Обухова.

!

9

ld'

1

and

libra

o.

0.